

ОЛЬГА КАВЕЦКАЯ

В ПУСТЫНЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Ольга Кавецкая

В ПУСТЫНЕ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

история моей жизни

Тверь

2015

Кавецкая О.

В пустыне человеческой: история моей жизни. – Тверь, 2015. – 528 с.

Книга, которую читатель держит в руках, является автобиографией поэта, писателя, переводчика и историка Ольги Кавецкой (род. в 1987 г.). В ней рассказывается, как хрупкая девочка из не очень счастливой тверской семьи, учащаяся на отлично и обладающая примечательными способностями к шахматам, оказывается в вымирающем селе, где нет молодежи, а по ночам можно услышать в доме, как воют волки в ближнем лесу. Она поступает в школу соседней деревни, где оказывается одна против всех... В эти годы она занимается жестким самовоспитанием: выполняет сельскую работу по шестнадцать часов в день, посещает в одиночку кладбище, расположенное в стороне от жилья, одна катается на лыжах в сумерках вдоль леса, рискуя встретить волков... Благодаря мучительному одиночеству, она обнаруживает в себе склонность к литературе: пишет стихи, сочиняет прозу...

Вернувшись в восемнадцать лет в Тверь, она приступает к самообразованию: «Для того чтобы хорошо писать, надо многое знать». Самообразование длится шесть лет – изнурительным усилием работать, несмотря на телесную слабость и отсутствие должных условий. Итогом становится знание девяти языков, классической музыки, европейской и русской литературы, искусства, истории... В двадцать восемь лет она – автор одиннадцати книг, изданные из них хранятся в библиотеках России, Англии, Польши, Германии, США. Единственное, что оказалось неподвластно воле, – это обрести своего равного, своего духовного брата. Может быть, им станет читатель данной книги?.. В этой надежде она и создавалась.

ISBN 978-5-9905042-7-1

© О. Кавецкая, текст, иллюстрации, оформление, макет, 2015 г.

«И спичка серная меня б согреть могла».

Осип Мандельштам

Предисловие

Нет жизни без Бога, ибо Он – источник существования, но нет ее и без друга, ибо он – смысл существования. Нет для того, кто наделен способностью любить – этим величайшим и труднейшим из талантов.

Вся моя жизнь была одним безысходным устремлением к человеку. Все остальное – печали и немногие радости – проходило по поверхности, мало что оставляя и мало что забирая, тогда как желание дружбы – братства – присутствовало во мне, будто всеподчиняющий, всепоглощающий обертон.

Вся моя жизнь длилась, как зов «Брат мой!». Он не был услышан – в этой толпе обезличенных разъединенных частиц, влекомых блеском ложных божков. Одни поклоняются богатству, другие почитают славу, но кто ценит человеческие взаимоотношения, непреходящие понятия, прекрасное? Кто способен жить в духе? У кого он не заглушен жаждой обогащения и внешнего блистания? Может быть, такие личности – истинно живые – еще есть, подобно золотым крупинкам в простом песке, но сколько песка надо перебрать, чтобы найти их!

Я больше не надеюсь встретить своего друга при жизни. Поэтому я пишу эту книгу – из всех моих книг самую ненужную для большинства, ибо кто поймет ее – кто поймет простую человеческую боль в этом мире каменных баб, гордо возвышающихся в дикой степи своего всеуничтожающего равнодушия? Кто поймет других, так же прошедших по миру, как тени?

Только он все поймет – человек, способный любить. Я пишу для него одного, зная, что однажды оживу в его любящей теплоте. А остальные пусть проходят мимо.

Автор

2 января 2015 г.

Вступление: мои предки

Они гордо взирают со старых фотографий. Высокая девушка с вьющимися волосами, заплетенными в две косы, с музыкальными пальцами и благородной осанкой: моя прабабушка Елена Михайловна Мороз в 1916 году. Худощавый молодой человек с тонкими чертами лица и неуловимой усмешкой в уголках губ: мой прадед Николай Иванович Галахов в том же году. В следующем их мир закончился. Отголоски Великой войны уничтожили их сословие со всем его физическим и духовным благородством, высотой, культурой. Дворянство исчезло, и хлынуло всепоглощающее серое множество. Современная бездуховность происходит из того перелома.

Прабабушка была родом из Польши. Она присутствовала на мессах в старинной белом соборе, слушала музыку Михаля Огинского, беседовала с милыми мальчиками Кавецкими – Борисиком и Женейкой (возможно, ее родственниками) и время от времени была вынуждена уходить с матерью из дома из-за своего отца Михаила Игнатьевича, человека неистового нрава, и бродить по улочкам своего уютного городка Гродно. Как бы то ни было, отец ее, служивший полицейским, не был бессердечен: он имел медаль за спасение человека, и некоторые историки говорят в его пользу.

У прабабушки было два брата – Евгений и Валериан. Они работали инженерами на железной дороге в Сибири. Во время Первой Мировой войны их отец уехал в те дикие края к старшему сыну, Евгению. В 1920 году за ним последовали дочь и жена Варвара Николаевна.

То был мучительный отъезд. Их город был отколот от Польши, колокола замолчали, многие поляки уехали, на улицах царил дух запустения. Наверное, они понимали, что не вернутся. «Прощай, родина!»

После долгого утомительного путешествия по железной дороге женщины прибыли на одну из сибирских станций. Едва они сошли с поезда, как услышали разговор о некоем человеке, который поскользнулся на осенней гря-

Крайняя справа—прабабушка автора, Елена Михайловна Мѳроз.
Кобрин, ок. 1916 г.

Валериан и Елена Морозы, 1916 г.

Слева – Валериан Мороз, 1920 г., Дорогобуж Смоленской губ.

Брат прабабушки автора Евгений Мороз. 1910-е гг.

Евгений Мороз с женой

Евпраксия Никифоровна Кушикович,
прапрапрабабушка автора. Гродно, 1916 г.

В кресле – Евпраксия Никифоровна Кушикович. 1916 г. Гродно

Кавецкие Боря и Женя. 16 января 1918 г.

Также из семейного альбома. Вверху слева: неизвестная из Гродненской губернии, 1910-е. Рядом: справа – возможно Е.Н. Кушикович. Внизу слева: А. Кавецкая, 1916 г. Рядом: неизвестная из Гродненской губернии, 1910-е гг.

Варвара Николаевна Мороз,
прапрабабушка автора.

Степан Николаевич
Кушикович. 1926 г.
г. Осташков Тверской губ.

зи и погиб, ударившись виском о камень. Как оказалось, это был Михаил Игнатьевич. В его карманах нашли конфеты, приготовленные для дочери.

Год спустя мы находим Варвару Николаевну и Елену Михайловну в большом унылом доме в лесах Фировского района Тверской области. Это хутор Кремнице. Рядом с домом стоит конюшня. Вокруг – еловый лес, в котором зимними ночам раздается волчий вой, и зловеще каркают вороны. Прабабушка работает учительницей в селе Пухтина Гора, расположенном в трех километрах. В доме живет и ее дядя, Степан Николаевич Кушикович, мировой судья города Осташкова. О нем известно мало. Родился около 1867 года, в 1881-м окончил Виленское духовное училище, женат не был.

Через три года Елена Михайловна выходит замуж за Николая Ивановича Галахова, учителя физики и математики. Он был сыном уважаемого потомственного священника Ивана Михайловича Галахова из Пухтиной Горы. Иван Михайлович служил в красивой деревянной церкви Казанской Божией Матери. Покрашенная в розовый цвет, она, как отсвет рассвета, возвышалась на берегу узкой темной реки Цна. Эта церковь была возведена в селе Покровское в 1740 году, а в 1897-м перевезена при участии Ивана Михайловича в Пухтину Гору. У священника было три сына и две дочери; сыновья тоже получили духовное образование. Кроме того, одна из дочерей, Елена, слушала женские курсы при Тверской духовной семинарии. Иван Михайлович умер до 1918 года. Как вспоминала одна из его внучек, на его похоронах было много священнослужителей. Батюшку похоронили возле его церкви, под старой сосной. Погребение ничем не отмечено. Дальше к реке стоял дом его дочери Елены. В 1920-х годах рядом с Иваном Михайловичем был похоронен ее маленький сын Витя. Около 1924 года дом священника сожгли. На его месте был построен новый, в котором сначала жил сын Ивана Михайловича Сергей, а потом – семья моей бабушки. В 2004 году я раскапывала пожарище. Мне попались медные монеты, медные пуговицы с аббревиатурой «ТДС» («Тверская духовная семинария»), осколки фарфора, обу-

гленные зерна пшеницы и опаленные кусочки кружев.

Николай Иванович окончил в 1916 году Тверскую духовную семинарию. Там же получил образование его старший брат Михаил, окончивший семинарию на «отлично». Были у Михаила и определенные способности к музыке: он учился играть на скрипке. Учился, должно быть, настойчиво: Николай Иванович и в старости выключал радио, если там звучал этот инструмент.

В годы Гражданской войны оба служили в Белой Армии. Николай Иванович видел легендарного Александра Васильевича Колчака, потерял зубы, спасая своего командира. После войны Михаил был вынужден навсегда уехать в Америку, а Николай – молчать о своем белогвардейском прошлом, дабы его родные не пострадали от политических преследований, – как пострадала семья его сестры Елены. Елена Ивановна была замужем за священником Алексеем Александровичем Шмелёвым, сменившим Ивана Михайловича в Пухтиногорском храме. У них было пятеро детей (выживших). В 1930-х годах Алексей Александрович был сослан в Сибирь. Оттуда он писал жене: «Мы пилим двуручкой ели, которые и три человека не обхватят...» От непосильного труда Алексей Александрович заболел и вскоре умер. А Елена Ивановна до конца жизни, сорок пять лет, надеялась, что он вернется, и берегла его зимнюю рясу и шарф, пересыпая их табаком от моли...

Николай Иванович был образованным человеком, блестяще играл в шахматы, имел способность к рисованию, был прекрасным садоводом (в его саду были уникальные сорта яблок, выведенные им самим). «Он мог бы стать вторым Тимирязевым», – говорил его внук Виктор. Воистину, при иных обстоятельствах он мог бы стать выдающимся человеком. Новый режим подавил все.

С 1921-го по 1957 год Николай Иванович работал в сельских школах – преподавал физику и математику, одно время занимал должность директора (в д. Стан и Машугина Гора Фировского района Тверской области), с 1940-го до 1957 года был учителем начальных классов в Пухтиной Горе.

Прапрадед автора Галахов Иван Михайлович с женой Анной Петровной и детьми Мишей и Колей (на коленях). Около 1898 г.

Слева направо: Галаховы Елена, Николай (прадед автора),
Сергей, Михаил. Около 1907 г.

Стоят: Галаховы Михаил (слева) и Николай.
Тверская духовная семинария, до 1914 г.

Прадед автора Николай Иванович Галахов. 1910-е гг.

В Тверской Духовной семинарии. Михаил Иванович Галахов - второй слева,
Николай Иванович Галахов - сидит на пуфике. 1910-е гг.

Обе фотографии: Галахов Михаил
Иванович, брат прадеда автора.
1910-е гг., Тверь.

В шинели – Николай Иванович Галахов.
Возле дома И.М. Галахова, д. Пухтина Гора, ок. 1917 г.

Н.И. Галахов
с сестрой Александрой, ок. 1917

Н.И. Галахов, ок. 1917 г.

Галаховы. Слева-направо: Елена, Александра,
Анна Петровна. Позади – Сергей. Ок. 1917 г.

Н.И. Галахов стоит второй справа. Осень 1917 г.

В Белой Армии. Николай Иванович Галахов - второй слева,
Михаил Иванович Галахов - крайний справа.

Дом на хуторе Кремнице, перед ним – Боря Галахов. До 1936 г.

Фото слева: Варвара Николаевна Мороз с дочерью Еленой и внучкой Женей. Хутор Кремнице, ок. 1925 г. Справа – Женя.

Слева: Галаховы Женя и Боря с карелкой бабушкой Фёклой, у которой их семья жила на квартире в Пухтиной Горе в начале 1930-х гг., до приобретения в 1936-м году собственного дома.

Справа: Галаховы Боря и Женя, на скамейках для катания. 30 ноября 1931 г., хутор Кремнице.

Слева-направо: Галахова Анна Петровна (прапрабабушка автора), Женя Галахова (бабушка), Мороз Варвара Николаевна (прапрабабушка), б. Фёкла. На переднем плане – прабабушка автора Елена Михайловна с сыном Борей. д. Пухтина Гора, нач. 1930-х. Внизу – Анна Петровна Галахова, 1930-е гг.

Галахова (Мороз) Елена Михайловна.
д. Пухтина Гора, 1930-е гг.

Галахов Борис Николаевич, брат бабушки автора. Май 1941 г.

Слева: Галахова Евгения Николаевна, бабушка автора; Пухтина Гора, 1936 г. Справа: Е.М. Галахова с б. Фёклой; Пухтина Гора, 1930-е гг.

Николай Иванович Галахов с учениками, д. Пухтина Гора.

В учительской Пухтиногорской школы:
Елена Михайловна Галахова (сидит слева), Мария Алексеевна
Шмелёва (Васильева; сидит крайняя справа). Ок. 1950 г.

Школа в д. Пухтина Гора. Примерно 1960-е гг.

Прапрабабушка автора Галахова Анна Петровна. 1930-е гг.

Елена Михайловна также всю жизнь работала в школе (в Пухтиной Горе) – сначала учителем, потом директором. При ее участии было построено новое, просторное здание. Елена Михайловна имела медали, была удостоена величайшей награды того времени – Ордена Ленина, ее уважали односельчане. Но едва ли она могла забыть свой город, свой дом, оставленных друзей. И вряд ли случайно назвала своих детей именами тех двух мальчиков Кавецких.

Первый ребенок Елены Михайловны и Николая Ивановича родился на хуторе 19 октября 1924 года. То была моя бабушка Евгения. 5 июня 1926 г. на свет появился ее брат Борис.

Маленький Боря не знал войны. Однако непостижимый страх перед нею владел им. «Боюсь войны! Боюсь войны!» – твердил ребенок, укрываясь под столом. Его не понимали...

Он был умным, скромным мальчиком, с аккуратными чертами лица и темными задумчивыми глазами, чей образ отмечала слабая тень печали. Когда началась Великая Отечественная война, он учился в сельскохозяйственном техникуме в г. Бологое Тверской области. «Сын, что гремит вдаль? Это идут немцы?» – «Не беспокойся, мама, все хорошо. То всего лишь гроза...». В 1944 году Бориса призывали на фронт. 25 января 1945 года он погиб в жестоком бою под Кенигсбергом. Ему было восемнадцать лет.

Во время той войны моя бабушка участвовала в оборонных работах близ Селижарова (Тверская область): копала противотанковые рвы. «Было так жарко, что наши платяща высыхали за час после купания в реке...» Однажды в небе появились немецкие самолеты. Работавшие бросились врассыпную, ожидая бомбежки. Но вместо бомб с самолетов были сброшены листовки, на которых значилось по-русски: «Не бойтесь, мы вас не тронем». И, в самом деле, самолеты пролетели мимо.

Бабушка вспоминала, как в войну ее мать выменяла всю шкатулку своих драгоценностей на картошку. Каждому выдавалось две-три картофелины в день. Из украшений осталось только одно кольцо, золотое с алмазом, оказавшееся слишком маленьким для грубых крестьянских

рук.

Кольцо, бамбуковый столик с фарфоровой вставкой и серебряными украшениями, коричневая керамическая ваза, серебряные карманные часы 1843 года, венский стул, альбом в кожаном переплете с медной крышкой, на которой изображен трубящий ангел: вот и все, что осталось от дореволюционной жизни моих предков.

Елена Михайловна умерла 7 декабря 1972 года. Николай Иванович – в январе 1982-го.

Бабушка Евгения Николаевна еще в 1943 году, когда ей было семнадцать лет, стала работать в Пухтиногорской школе. В 1946 году она заочно окончила Лихославльское педагогическое училище и до 1986 года работала учительницей начальных классов в Пухтиной Горе. Имела награды. 20 ноября 1948 года вышла замуж за Ивана Федоровича Михайлова.

Иван Федорович родился 10 июля 1923 года. В декабре 1941-го он был призван на фронт и прошел всю войну, будучи командиром артустановки в составе 90 артиллерийского полка, 52 гвардейского минометного полка. Воевал на Дальнем Востоке, участвовал в боях на Халхин-Голе; демобилизован был 21 марта 1947 года. Своей жене и детям дедушка рассказывал о войне только забавные случаи. Например, однажды в Маньчжурии к нему пристал рикша (извозчик, перевозивший пассажиров в небольшой коляске, которую вез сам). Русским военным было воспрещено ездить на рикшах. Дедушка отказался знаками от его услуг, но тот продолжал настойчиво убеждая дедушку сесть в коляску. Отделаться от него не представлялось возможным, и дедушка согласился. Только проехал немного, как вдруг навстречу – командир. Что делать? Прыгать из повозки поздно. И находчивый дедушка отдал командиру честь.

Другая история связана с учениями. Военнослужащим было приказано пройти на лыжах определенное расстояние. Дедушка ходить на лыжах не умел. Надев их, он попробовал продвинуться по лыжне: неудобно идти. Как быть? Сотоварищи уже далеко... Тогда он, не тратя время

Обе фотографии: бабушка автора Евгения Николаевна Галахова (в зам. Михайлова). 1940-е гг.

В центре – прабабушка автора Елена Михайловна Галахова,
справа с краю – бабушка автора Евгения Николаевна. 1940-е.

Бабушка автора Евгения Николаевна Галахова (Михайлова)

Сидит – дедушка автора Иван Федорович Михайлов. Китай, г. Мугден, 28 января 1946 г.

Бабушка и дедушка автора,
Евгения Николаевна и Иван Федорович Михайловы.

Бабушка и дедушка автора, Евгения Николаевна и Иван Федорович Михайловы. 1979 г.

Дедушка автора, Иван Федорович Михайлов, (слева) с председателем к/х "Восход" .

Мама автора, Галина Иванов-
на Михайлова. Ок. 1970 г.

Дядя автора (брат ее мате-
ри) Виктор Иванович Ми-
хайлов.
Свердловск, 22 июня 1969г.

Мама автора, Галина Ивановна

НКО — СССР

5, октября 1945 г.

№ 28

С п р а в к а

Выдана сестре Михайлову Ивану Федоровичу

в том, что ему за отличные боевые действия в боях с японцами на Дальнем Востоке приказом Верховного Главнокомандующего Советского Союза товарища СТАЛИНА от 23 августа 1945 года № 372 ОБЪЯВЛЕНА БЛАГОДАРНОСТЬ.

Командир камп. 1-й Иван Федорович Михайлов
75 подполковник Михайлов Иван Федорович
Начальник штаба
К. Матор (капитан)

Справка об объявлении деду автора, Ивану Федоровичу Михайлову, личной благодарности от Сталина за боевые заслуги.

Слева-направо: Михайлов Алексей, двоюродный брат автора (сын В.И. Михайлова),
его мать Валентина Леонидовна и брат Юрий, мама автора, автор в шесть лет.
9 июня 1993 г., п. Фирово Тверской области.

на раздумья, снял лыжи, положил их на плечо и зашагал по лыжне. За этой прогулкой его и застал командир. «Михайлов, ты что лыжню портишь?» – «Виноват, товарищ командир, но я ходить на них не умею». – «А, так и быть, становись со мной». И дедушка благополучно простоял рядом с командиром все то время, пока остальные усердно пыхтели по лыжне!

Иван Федорович был награжден Орденом Отечественной войны II степени, медалями «За отвагу», «За победу над Японией», «За победу над Германией», имел личную благодарность от Сталина за отличные боевые действия в боях с японцами, участвовал в Параде Победы 1945 года. Всю жизнь дедушка много трудился. Работал в милиции, в лесничестве, одно время был трактористом... Он был честным и справедливым человеком. Однажды его сын, работавший на комбайне, подогнал технику к дому и предложил отцу отсыпать зерна, на что тот ответил: «Я не брал чужого, и ты не бери». Дедушка пользовался уважением, но были у него и недоброжелатели среди людей низких и завистливых. Один из них попытался ему досадить. Дедушка только махнул рукой: «Кто делает мне зло, тот до старости будет ползать». Как ни удивительно, но того человека позднее поразила болезнь, из-за которой он действительно мог только ползать.

В пожилом возрасте дедушку беспокоило высокое давление. За два дня до нового 1991 года он готовил дрова. Вернувшись домой, почувствовал себя плохо, лег у печи, лицом к ней, отказался от медицинской помощи и скончался тихо и мирно, как и жил.

У Евгении Николаевны и Ивана Федоровича была счастливая семья, сын и дочь. Сын, Виктор, унаследовал загородную внешность своей бабушки Елены Михайловны. Он был сильным, ответственным, настоящим человеком. Обладал редкой силой: мог повалить быка за рога. Окончил Сахаровскую академию в Твери. В 1971 году женился на миловидной девушке из простой семьи, она родила ему двух сыновей – Алексея (1972) и Юрия (1975). В феврале 1989 года Виктор был убит бандитами в окрестностях Пухтиной Горы.

Дочь Евгении Николаевны и Ивана Федоровича Галина – моя мама. Она училась в Пухтиногорской школе, а затем в Фировской, после окончила в Твери Культпросветучилище по специальности «Библиотечное дело» и некоторое время работала в Фировской детской библиотеке. Однако маму привлекала профессия юриста. Ее бабушка Елена Михайловна говорила ей на это: «Сидишь в библиотеке – и сиди!» Было несомненно, что Елена Михайловна знала о трудностях, сопряженных с работой юриста, но откуда – это выяснила только я через сорок один год после смерти прабабушки. В то небезопасное время она не рассказывала историю своей семьи даже самым близким. Они не знали, что отец Елены Михайловны был полицейским (она говорила, что учителем гимназии), а некоторые из Кавецких работали в прокуратуре (один был прокурором, другой – следователем по важнейшим делам).

Как бы то ни было, мама в 1982 году окончила с красным дипломом Харьковский юридический институт и до моего рождения работала следователем.

В 1986 году она вышла замуж за Виктора Семеновича Никифорова, инженера-строителя, – вспыльчивого, своенвольного, неискреннего человека. Его отца отравили односельчане, мать умерла от воспаления легких в годы Великой Отечественной войны, и он был воспитан в детском доме, вместе с восемью братьями и сестрами. Он вспоминал, как в войну, когда он еще жил дома, мимо соседнего села, расположенного в трех километрах, проходила немецкая колонна. На въезде в село была заложена мина, и на ней подорвался начальник штаба. Немцы в ярости согноли всех жителей – триста человек – в гумно и подожгли его. «А если бы мина была у нашей деревни?..»

В 1986 году он был сорокасемилетним вдовцом с двумя взрослыми сыновьями. Его жена умерла от рака в 1979 году. Один из сыновей, А., покинул его вследствие ссоры и жил отдельно, с собственной семьей. Второй сын – В., ленивый пухлый юноша семнадцати лет – был неотделим от него.

ЧАСТЬ I: 1987-1997

Первые воспоминания

13 апреля 1987 года, в 4.20., в Твери родилась я. Самое первое воспоминание – я лежу в коляске, «капюшон» ее поднят, висит занавеска от комаров, я – на спине под легким одеяльцем, голова повернута влево. Чувство уюта и защищенности, усиливаемое «осознанием» (как сказать про такого ребенка?) враждебного мира за пределами коляски. Судя по занавеске от комаров, это было лето, а поскольку я еще лежала в коляске, мне было не более года. Следовательно, это лето 1987 года, и мне – два-четыре месяца!

Другое воспоминание: я в квартире, лежу на спине в детской кроватке. День, в комнату проникает солнце. Я с интересом перебираю цветные лоскутки. Слева от меня стоит большая кукла, прислоненная к бортику кроватки: мама позаботилась, чтобы я не боялась, пока она стирает в ванной. Кукла смотрит на меня в упор неподвижными зелеными глазами, и мне страшно...

Помню, как мама подносила меня к стене, и я с восторгом «бегала» по ней. Тогда я еще не умела ходить. Запомнилось, как я пошла (года в два с половиной?): в квартире, из комнаты в кухню к маме, держась за стену, с ликующим чувством достижения.

В три года: мама фотографирует меня. Я, понимая, что происходит, театрально прижимаю руку к груди: позирую.

Также в три года: отец стоит перед сервантом, лицом к нему. Я – сзади, с большой булавкой. Запомнив, как мне делали уколы (и зная, что это больно!), я с радостью втыкаю ему булавку в мягкое место. Его резкий разворот и оглушительная оплеуха, от которой я разревелась.

В четыре года: лежу с бабушкой на кровати. Долго ерзаю, а потом спрашиваю стеснительно: «Бабушка, а когда ты спрячешься?» – «Куда?» – «Ну, под подушку...» – я зарываюсь лицом в свою мягкую пуховую подушку. Мама,

идя в кухню, на ходу объясняет с улыбкой: «Это она спрашивает, когда ты умрешь». Детское восприятие: умер – спрятался навсегда во что-то уютное.

К моему рождению уже начала проявляться трещина между родителями. Отец держал своего любимого сына в стороне от семьи моей матери. Иван Федорович упрекал его в этом, но он не слушал его. Более того, дед стал предметом его неприязни, равно как моя приветливая бабушка. Основное, что я помню о детстве, это родительские ссоры.

В одном из моих первых воспоминаний о доме родители и я (трехлетняя) находимся в комнате нашей квартиры. Мама лежит на диване, отец сидит за столом, я играю на полу с самодельными куклами. Отец представляет маме очередной невыполнимый план сделать нас богатыми (то были 1990-е годы, время политических перемен и ненадежности). Мама почти не слушает его. Я ковыляю к ней показать игрушку. «Мама, посмотри!» – радостно говорю я, и тотчас отец ревет за моей спиной: «Не вмешивайся, когда родители разговаривают!» В необидных словах я слышу злобу и плачу от неожиданности и страха. Страх перед ним и недоверие длились почти всю мою жизнь.

Другая картина: бабушкин дом в Пухтиной Горе. Вечер какого-то праздника. Темно-синие окна. Родители, бабушка, я (четырёхлетняя). Мама и бабушка ссорятся с отцом. Я, сжимаясь от напряжения, играю с лоскутом синего атласа, склоняясь животом на диван. Голоса становятся все более раздраженными. Синий обрывок сияет в моих руках. Отец бросает тарелку салата со стола в стену. На чистых голубых обоях остается длинный жирный след. Мне жаль тарелку, пищу и обои. Лоскут продолжает скользить меж моих пальцев. Другая тарелка тяжело ударяет о стену, остается другой след ссоры. Лоскут сияет. Я стараюсь не замечать ничего, кроме его успокаивающей гладкости. Ссора переходит в драку. Отец тащит мою шестидесятисемилетнюю бабушку за волосы по полу. Она воеет. Мама что-то кричит. Обрывок сияет в моих ладонях:

Слева: автор в десять месяцев. Фото Михайлова Юрия. д. Пухтина Гора.

Внизу: автору три года. д. Пухтина Гора.

1990 г., д. Пухтина Гора.

1990 г., д. Пухтина Гора. Нарочито театральный жест.

пространство моего детства...

Однажды, в девять лет, я выбралась из невыносимой квартиры на лестничную площадку и, ползая там, выла на всю лестницу: «Бабушка, заberi меня отсюда, я больше не могу!» В том же возрасте я перестала называть его папой. Я страдала тяжелыми бронхитами (или воспалениями легких), с обилием мокроты, высокой температурой и приступами удушья. Как-то раз, оставшись дома без мамы и предчувствуя такой приступ, я пробралась к комнате отца и, встав на пороге, пробормотала ему: «Папа! Папа!» Он, явно слыша, продолжал смотреть в экран телевизора... В восемнадцать лет у меня во время очередной ссоры родителей случился сердечный приступ. «Вызови врача!» – крикнула мама, бросаясь ко мне. «Сдохнет, и наплевать», – последовал ответ.

В девять лет у меня был составлен календарь, в котором я отмечала черным цветом дни, когда «мама и папа ругались», и красным – когда нет. Он весь был черный.

Зимой 1997 года я провела у бабушки в деревне несколько недель. Когда мама сказала мне, что мы возвращаемся в Тверь, со мной случилась истерика. Позднее я сравнивала себя с теми, кому хуже, до беспризорников дошла: в тринадцать-шестнадцать лет книги о них были моим любимым чтением.

Непрестанные ссоры родителей заставляли меня завидовать тем, у кого не было отца. В тринадцать лет я, плача под дверью, за которой раздавалась привычная брань, поклялась никогда не заводить семьи, чтобы мои собственные дети не мучились так, как я.

Я была безотцовщиной при живом отце, но у меня не было обиды на него. Я еще в детстве поняла и приняла то, что он был неспособен быть для меня настоящим отцом.

Смерть дедушки

Мне было три года. Мама увезла меня к бабушке, и я наслаждалась деревенским покоем. Приближался Новый год, и я ожидала сверкающей елки и подарков от мамы,

бабушки и деда.

За два дня до праздника, пасмурным вечером, дедушка вернулся домой из леса, где пилил деревья на дрова. Он молча вошел в кухню, медленно снял фуфайку, мерцающую снежинками, повесил на стену влажную шапку и, не говоря ни слова, пробрался к печи и лег там, лицом к ней. Это было странным.

Мама и бабушка что-то поняли и начали суетиться вокруг деда. Я неподвижно стояла в двух метрах от него, у окна, неотрывно глядя на него. Его правая рука была протянута вдоль тела, другая подложена под голову; рабочая одежда была серой и потрепанной; голый коричневый пол под ним и вокруг был выщерблен за многие годы.

Дед лежал, как тяжелая темная масса изнеможения. Я стояла, замороженная ее тяжестью и унылостью. Мы были двумя неподвижностями в пространстве электрического света и суеты.

Как долго это длилось? Возможно, пять-шесть минут. Мама ушла в комнаты. Я стряхнула оцепение и живо последовала за ней. Она взяла какие-то флаконы из комода. Мне было интересно. Мама вернулась к деду, я бросилась следом. Все казалось приключением в моей однообразной жизни.

Но у приключения был горький запах из флаконов. Что-то шло не так.

Милая пожилая женщина поспешно вошла в дом. Я знала ее, это была врач.

Я опять стояла у окна, незамечаемая никем. Что-то шло не так и – мимо меня.

Врач, держа какую-то острую белую вещь, наклонилась над дедом. Он устало взмахнул рукой – движением мягкого отказа и прощания, и положил свою сильную добрую руку безвольно на бок. Врач резко распрямилась.

Было тихо. Я продолжала смотреть на дедушку. Он лежал очень спокойно. Остальные не шевелились. Где-то в глубине своего детского сознания я поняла, что нечто закончилось невозвратно.

Дедушку хоронили белым пасмурным полднем. Было много людей, черные платки, приглушенные голоса, стол, полный еды, как в праздник. Я не видела деда в гробу и не ходила на кладбище. Он просто исчез из моей жизни, словно из виду. Никто не объяснял мне, что случилось, но я понимала, что он никогда не вернется, что его добрые тяжелые руки никогда не погладят меня по голове, что его знакомые одежды стали ненужными в коридоре.

Когда в комнате еще никого не было, я села к столу и попробовала винегрет. «Она уже поминает дедушку», – сказала мама, увидев меня из кухни. «Нет, я просто так ем», – ответила я, делая вид, что безразлична к тому, что происходит. Я не знала, что означает поминать, но стыдилась принимать участие в том странном приглушенном действе. Где-то в глубине души я уже скучала по дедушке, и участие показало бы это. Мои глубочайшие печали всегда оставались только моими.

Странное воспоминание

Моя память хранит необъяснимое воспоминание из раннего детства. Я лежу на животе на бабушкиной кровати, поверх покрывала. Бабушка лежит справа от меня, на краю, а слева от меня – дедушка. У меня достаточно места, ничто не стесняет мое шевеление.

В соседней комнате, над столом, горит лампа. Тусклый свет от нее проникает над высокой лежанкой в нашу комнату, и я могу смутно видеть лица дедушки и бабушки. Дедушка смотрит на меня. Он в своей обычной желто-серой клетчатой рубашке. Он лежит спиной к стене, на которой висит старый темный ковер. Кажется, что дедушкина спина растворяется в стене.

Бабушка лежит на спине и задумчиво смотрит в смутный потолок. Оба молчат.

«Я лежу между дедушкой и бабушкой!» – восклицаю я довольно и зарываюсь лицом в мягкую подушку.

«Дедушкой?» – как-то странно переспрашивает бабушка. Я замечаю эту странность и не отвечаю. Позднее я слы-

шу, как бабушка рассказывает маме о моих словах.

Судя по ранней темноте и моему размеру на кровати, мне было года три. Следовательно, то была поздняя осень или зима 1990 года. Той зимой дедушка умер.

Мы не могли лежать вместе на кровати, которая была шириной около метра и десяти сантиметров, тогда как дедушка был довольно полным. Был ли он действительно там? Почему бабушка переспросила меня так странно, как будто я сказала глупость? Может быть, я видела то, чего не было? Но – как?

След теплоты

Когда мне было три года, я познакомилась с семилетним армянским мальчиком по имени Рачик. Он переехал с семьей в унылое общежитие Твери после разрушительного землетрясения в Спитаке. Милый симпатичный мальчик с большими черными глазами и оживленными движениями быстро стал предметом моей пылкой привязанности. Вспоминая те чувства, я удивляюсь их силе. Как бездумное существо, живущее в пространстве бессознательного, могло чувствовать столь глубоко, столь живо, столь страстно? Это было именно страстью – неистовой, всеподчиняющей страстью, превращавшей меня в непрестанное стремление к тому теплому, темному, заботливому комочку жизни, который говорил со мной, улыбался мне и, наверное, тоже любил меня. Мы едва могли беседовать из-за нашего слишком юного возраста, но зато могли ощущать друг друга – ощущать успокаивающее тепло другого. Моим первым впечатлением от дружбы была теплота.

Однажды Рачик качал меня на качелях. Моя мама стояла рядом. Я была беззаботна и весела, я могла летать, я была благодарным эхом его настойчивых, но осторожных движений. Он улыбался, я улыбалась, мы были одно в том ликовании полета. Вверх и вниз, к небу и к земле, к нему и от него... Неловкое движение – внезапное падение – страх.

Это не я упала на землю: земля упала на меня, ударила меня, охватила пылью и страхом. Качели продолжали раскачиваться, мама лишилась дара речи, мальчик побледнел. «Только бы его не ругали!» – бился страх внутри меня.

«Как я Рачика люблю! Прямо не могу», – твердила я однажды, бродя взад и вперед по комнате, не замечая своих удивленных родителей, не слыша их голосов, не осознавая ничего, кроме превосходящей меня страсти, вспыхивавшей внутри моего устрешенного существа и заставлявшей меня думать о друге постоянно, как о себе.

Я чувствовала его, как себя, я воспринимала его речь и движения, как свои собственные, я желала стать им. Быть порознь означало быть разделенным надвое, быть тенью без тела. Он был моей любовью – он был моей жизнью.

Одним осенним вечером он подарил мне гроздь черной рябины. Небо было сокрыто тучами, резкий ветер блуждал по улицам: мы должны были расходиться по домам. Мы попрощались, и я пошла с мамой к нашему дому. Гладкая гроздь была крепко зажата в моей руке. Руки оцепенели от холода, но ягоды словно согревали мою ладонь, и приятное ощущение разливалось по всему моему существу. Он подарил это мне, потому что любил меня: гроздь была выражением его любви. Я буду хранить ее, буду трогать, оставаясь одна, она всегда будет излучать его тепло... «Дай это сюда!» – мама велела мне протянуть руку и взяла ягоды. «Они немытые. Давай их выбросим!» И блестящая гроздь нашей детской привязанности полетела на пыльную обочину. Я сжалась. Выбросить подарок?.. Мне было обидно за друга.

Дома мне было неудобно. Родители ссорились, я пряталась в отдаленных уголках и плакала от постоянного напряжения. Когда мне исполнилось пять лет, мама увезла меня к бабушке в Пухтину Гору. Серые улицы, унылый двор со знакомыми калечьями и несколькими кустами, неудобный дом моего друга, мой собственный неудобный дом: все это исчезло. Вместо этого появилось полузабытое село, окруженное мрачными лесами, тишина и одиночество.

Долгими вечерами я сидела у окна и смотрела на улицу. Я видела дальний черный лес, низкое небо, старую разрушенную церковь моих предков. Ни детей, ни радости, ни единого напоминания о моем мальчике. Но если смотреть очень долго, пока не заболят глаза... Может быть, тогда он придет? Может быть, те страшные леса расступятся, и появится он, улыбаясь мне, говоря ко мне, оберегая от всякого страха? Я смотрела и смотрела в чернеющее пространство, пока не оставалась только темнота – темнота одиночества.

«Давай напишем ему!» – предложила я однажды маме во внезапном порыве надежды. Я еще не умела писать. Мама писала то, что я говорила. «Я очень скучаю по тебе. Приезжай! Мы поиграем, у меня много игрушек...» Пожалуйста, приезжай, я боюсь этой темноты, в которой не вижу тебя... Он не приехал и даже не ответил. «Наверное, он очень занят», – оправдывала я его.

Он никогда не приехал ко мне. Позднее я нашла те письма на полке, словно конец оборванной теплой нити, соединявшей нас.

Сладчайший хлеб

Темные листья покрывали землю, и она источала горький кладбищенский запах. В черных ветвях бабушкиного сада свистел влажный ветер, и пепельный свет длился со смутного неба. Это была моя четвертая осень.

Из того сумрака появлялся Саша, мой ровесник: темноглазый живой мальчик в потрепанном коричневом пальтишке.

Он вставал передо мной на крыльце, ухватившись за столб, и, крутясь вокруг него в своей бурлящей живости, что-то рассказывал. Я почти не слушала его, замороженная новым чудом дружбы. Теперь он был моим единственным другом и был столь же необходим, как мой далекий армянин.

Моя мама звала нас в дом, где нас ожидало угощение. Это были посоленные корочки черного хлеба – лакомство,

Автор с мамой, май 1991 г.

Автор в мае 1991 г.

которое я предпочитала всему. Саша, крутясь теперь то возле печи, то у шкафа, сказал: «А моя мама делает по-другому. Она немного поливает хлеб водой и посыпает его песком». – «Какая странная пища!» – подумала я. Мама приготовила для него другую корочку – послащенную. «А ты не будешь?» – спросил Саша меня. «Нет, я лучше соленую», – ответила я, несколько смущаясь в его присутствии.

Саша, жуя свой сладкий хлеб, продолжал повествовать о тех увлекательных вещах, которые только могли встретиться четырехлетнему мальчишке, тогда как я, покусывая соленую корочку, молчала, наслаждаясь Сашей и хлебом – или, скорее, Сашей, как хлебом. Зачем было слас-тить мою корку: все было сладко, когда Саша был рядом!

Окна стали темно-синими, и бабушка задернула занавески. Саша покрутился еще немного, щебеча о чем-то, и исчез вместе с моей мамой в холодной темноте. Я забралась в свое убежище – узкое пространство между столом и сундуком – и замерла. В комнате, над столом, горела туск-лая лампочка. Из своей норки я могла видеть дверь в освещенную кухню. Наконец, в том проеме появилась мама, вернувшись после того, как проводила Сашу до дома. «Ну что, повидалась со своим Сашей?» – шутливо сказала она мне. Я не отвечала. Внутри было странно пусто. Дом окру-жала угнетающая темнота, и где-то в ней исчез мой весел-ый товарищ. Я не думала, что он был дома, в освещенной комнате: для меня он исчез, растворился в губельной чер-ноте. Он не существовал для меня, – как если бы не суще-ствовал вовсе. «Придет ли он когда-нибудь еще?» – было моей единственной мыслью. Без него не осталось ничего, кроме темной пустоты внутри меня, как и за белыми занавесками.

Мое первое творчество. Алёшка

Мои первые попытки что-то сочинить относятся еще к раннему детству. Мама вспоминала об удивлении моего деда, Ивана Федоровича, когда он слышал, как я рас-сказывала сочиняемые на ходу сказки: «Как будто кто-то

подсказывает ей!» Те первые сочинения я не помню. Зато запомнились более поздние – целая эпопея сказок, которые я в пять лет с невероятным вдохновением рассказывала маме и бабушке. Их главным героем был Орел – настоящий орел, какие обитают в горах Кавказа. Откуда он появился в моем воображении, не могу сказать. Чучело такого орла имелось в Тверском краеведческом музее, но я сомневаюсь, чтобы меня водили туда в столь юном возрасте. Также я не знала никаких историй, связанных с этими птицами, и тем более не видела их вживую.

Мой Орел был сознательным существом – человеком в птичьем образе. Он действовал, размышлял, говорил. Его повседневная жизнь и приключения описывались мною необычайно подробно, как если бы я видела то, о чем говорила. Рассказы шли потоком, без раздумий и усилий, а разворачивающиеся картины сменяли одна другую с такой скоростью, что я едва успевала переводить их на слова. Это состояние сравнимо с гораздо более поздним сочинением стихов: когда стихотворение вдруг является полностью, словно вспышка, и ты спешешь записать его, боясь что-нибудь забыть. Рассказывать про Орла я могла часами.

... Зимний вечер. Бабушка печет блины. Под низким потолком кухни горит голая лампочка. Мама, чем-то занятая, ходит из кухни в комнату и обратно. Я стою на стуле возле стола и громко повествую бабушке про Орла. Бабушка – моя замечательная мудрая бабушка – внимательно слушает. Удивляется, где надо, восхищается в нужных местах и задает вопросы по ходу повествования. Из всего рассказа я запомнила только одно: «Орел жил на высокой горе, и к его дому вела хрустальная лестница». В моих историях Орел всегда был один – как я сама. Это было время, когда я жила в деревне, отчаянно тоскуя по своему Рачику.

Я понимала, что Орел не существует – или, точнее, существует лишь в моем воображении. Рассказывать о нем было возможностью делать его существующим, живым. Думаю, что эти рассказы происходили от одиночества, как и все мое последующее творчество.

10 июня 1992 года мама записала такой мой рассказ: «Киса Анфиса вышла на улицу и увидела страшного-страшного. Анфиса не испугалась, а расхохоталась. Пришла домой, облилась сметаной, чтобы котят испугать, а они расхохотались. А кот заругался: ему жалко сметаны было». Киса Анфиса была кратковременным явлением в моих историях (ее «прообразом» являлась, наверное, наша старая черно-белая кошка).

В тот же день я проявила интерес к дневниковым записям: «Запиши, – велела я маме, – что ты сегодня сажала в огороде капусту». Сама я начала вести дневник 2 февраля 1995 года. Первой записью было: «Сегодня Оля не пошла в школу». Записывала я тогда многое: от посещаемости школы и погоды до цен на продукты. Также составляла списки того, что смотреть по телевизору (познавательные передачи и мультфильмы) и что не смотреть (сериалы). На ум приходили и замысловатые вопросы. Так, весной 1995 года я поинтересовалась, откуда взялись первобытные люди и чем питались динозавры. Еще помню свою задачку, над которой размышляла летом 1994 года: «Если в движущемся автобусе муха летит в том же направлении, насколько быстрее она движется, чем если бы летела на улице?»

А летом 1992 года я увлеклась сочинением загадок, – которые никто не смог бы отгадать: «Лесной, а дома живет» (почему-то тетерев). «Сидит Муся на грядке, вся в цветах» (георгин). «Канареечная, а в лесу живет» (к сожалению, мама не записала отгадку столь замысловатой орнитологической загадки). Все это придумано 3 августа 1992 года.

Рачик тоже иногда появлялся в моих сказках. Одна из историй записана мамой 10 июня 1992 г.: «Я забыла вымыть яблоко. Положила его на стол. Говорю Рачику: “Не ешь, оно грязное”. А Рачик отвечает: “Нет, оно чистое. Я его уже облизал”».

Замену Рачику я нашла в Алёшке. Это был несчастный чахоточный мальчик, на три года старше меня, единственный ребенок пьющей матери, рожденный ею от какого-то чеченца. Он был и единственным ребенком в селе, где

проживали два десятка человек. Из-за этой единственности я заочно привязалась к нему и дала его имя своему плюшевому мишке, которого мне подарила мама в декабре 1992 г. Может быть, именно благодаря этой ассоциации простая игрушка стала моей любимой, а ведь у меня были и куклы, и машинки, и множество разнообразных игрушечных зверушек.

В моих сочинениях Алешка был озорником: «Он разбил тарелки, провалил пол, не вымыл, не выстирал: вот, что натворил». В отличие от увлеченности Рачиком привязанность к Алешке озвучивалась редко. Я лишь несколько раз рассказала о нем коротенькие истории и однажды назвала мишку его именем. Алешка стал моей тайной – на восемь лет.

Мы ни разу не поговорили – даже не подошли друг к другу. Я только издали наблюдала за ним. Вот он, четырнадцатилетний, ставит нам забор, который повалила машина, а я слежу за ним взглядом в окно, лежа на кровати: накануне я помогала бабушке загораживать образовавшуюся в заборе брешь, чтобы в огород не проникли коровы, и получила такое головокружение, что головы от подушки было не поднять... Или вот он, в шестнадцать лет, идет за плугом, вспахивая свой огород. Мне хорошо видно его со своего крыльца: наш дом – под холмом, а его – на склоне. Маленькая худенькая фигурка, пытающаяся справиться с тяжелым плугом и ведь справляющаяся! Я долго смотрю сквозь слезы на это несчастное существо, порожденное бездумно, случайно, – чтобы кашлять кровью, и работать через силу, и опуститься, как его мать, и уйти в небытие. Мне было жаль его. Так жаль мне было всякого, кто страдал – будь то мальчик без будущего, растрепанная ястребом курица или спиленный тополь. Они все были живыми – были чувствующими, чувствовали боль. И я чувствовала ее – может быть, даже острее, чем собственную. Каждый страдающий был моим собратом, даже если до того являлся моим недругом. Так, в средней школе я жалела одноклассницу, восстановившую против меня три класса: она заболела, а я молилась за ее выздоровление... Думаю, в детстве и юности я могла бы и

на крест взойти. Теперь – нет, ибо этот мир ни крестом, ни словом, ни добротой не спасти. Если мне удастся за всю свою жизнь принести благо хотя бы одному существу, этого будет довольно. Если бы только его найти...

Отношение к подаркам

С детства я ценила каждое доброе слово, каждый приветливый взгляд, а подарки были столь дороги мне, словно заключали в себе саму доброту. Доброта была чудом.

Помню свое первое посещение дома моего старшего брата по отцу, в 1991 году. У него было трое детей, его единственный сын был на год старше меня. Взрослые разговаривали, девочки играли, я скучала. «Пойдем со мной!» – позвал меня мой племянник и повел в темный коридор. «У папы здесь настоящие сокровища, – сказал он, отпирая дверь в крошечную кладовую. – Посмотри!» Я шагнула к порогу и заглянула в полумрак. Внутри были гильзы, проволока, отвертки, пилы и прочие подобные вещи. Племянник забрался внутрь и, пошарив на полке, что-то нашел. «Возьми!» – на его ладони мерцал стеклянный шарик. «Спасибо!» – пробормотала я, принимая подарок с таким благоговением, как если бы он был незаслуженной милостью. По пути домой я держала его в руке, чтобы не потерять. Я ничего не сказала о подарке маме: таинственность делала его еще приятнее.

Я долго хранила этот шарик. Глядя в его сияющую сердцевину, я вспоминала полумрак кладовой и маленького мальчика, щедро протягивающего его мне.

Другое воспоминание того года: я играю в бабушкином огороде. К забору подходит старая женщина. Она зовет меня, держа что-то в руке. Я робко направляюсь к ней по мягкой траве. Старушка подает мне голубую скорлупку от яйца скворца, держа ее на кончике худого пальца. Я принимаю скорлупку, как от святой, и настолько смущена признательностью, что не могу вымолвить «спасибо».

Когда мне было семь лет, девушка моего брата В. подарила мне украшение от флакона духов. Это была черная

металлическая змейка с золотой головкой и сапфирно-синими глазами, сохранявшая легкий след духов. Мне нравилось гладить ее холодное тельце, смотреть в сказочные мерцающие глаза и вдыхать ускользающий аромат. Ее мерцание и благоухание напоминали о добром человеке.

Девушка скоро ушла от брата. Я сожалела об этом думая, что она очень хорошая, поскольку преподнесла мне такой замечательный подарок, хотя я была для нее чужой. В. сделал мне подарок лишь один раз – это был пакетик сладостей на Новый 1995 год.

Боль и упорство

В четыре года, катаясь на деревянной горке, я занозилась. Боясь, что мама уведет меня домой, я промолчала и каталась еще, наверное, полчаса. О занозе сказала только дома. Ее потом вырезали. Я, не понимая, что хочет сделать некто страшный в белом халате с какой-то железкой в руке, отчаянно кричала, лежа животом на коленях у мамы, и призывала бабушку, как спасительницу.

В том же возрасте, в деревне, я тайком взяла молоток – забить гвоздик из любопытства. Вместо гвоздя попала по указательному пальцу – до синего ногтя. Испугалась, но никому не рассказала, и продолжила забивать гвоздики.

Мои мечты

Сколь многообразны были мои детские мечты! В пять лет мне хотелось быть продавцом в продуктовом магазине, а с пяти до десяти – дояркой. Я хорошо представляла себе эту работу, причем – не на благоустроенной ферме, а на обычном колхозном дворе со всей его нечистотой. Эту грязь я за грязь и тогда не считала. Любила ходить с бабушкой доить нашу корову и чистить хлев. Сапоги в навозе – это было предметом моей гордости.

В семь лет, идя по невыметенным улицам Твери, я мечтала: «Вот вырасту – буду дворником!» А пока старалась не сорить. И давала фантики маме: «На, брось!» Главное, что – не сама.

В девять лет я захотела быть стеклодувом: увидела в энциклопедии фотографии причудливых стеклянных предметов. В десять возникло желание стать археологом. Откуда оно появилось, трудно сказать. Может быть, причиной был череп бизона, увиденный в краеведческом музее. Череп был найден в песчаной осыпи на берегу Волги. Много месяцев после я бродила с мамой по волжскому берегу, надеясь найти такой же: «Поставлю его на шкаф в своей комнате!»

Немного позднее пришла мечта о геологии – вместе с интересом к окаменелостям, которые я находила на берегу Волги и – в изобилии – в бабушкином селе.

Курьезы из детства

«Так положено», – сказали мне однажды, что-то объясняя. Я живо заинтересовалась: «Где?» Нельзя ли переложить получше?

«Последние известия» воспринимала трагически: последние. Больше не будет.

Долго говорила вместо «пасмурная погода» – «паспортная».

Слышала слово «председатель». Спрашивала: «А почему “приседатель”? Он все время приседает, да?»

В семь лет узнала, что в рыбе содержится фосфор. О том, что он светится, мне было известно. Сразу идея – съесть побольше рыбы: может быть, засвечусь?

Единственным, кому я позавидовала за всю жизнь, была... наша кошка. Мне отчаянно хотелось иметь такой пушистый хвост, как у нее. Помню попытки сделать такой же из бумаги, неудачу и горькую досаду – до слез!

В десять лет хотелось иметь перекасти-поле – ком травы, гонимый ветром по полям. Зачем? Но – хотелось!

В шесть-девять лет любимым развлечением было хо-

дить с бабушкой за овцами. Овцы паслись в загоне посреди деревни, с семи часов утра до пяти часов вечера. Бабушка брала черствый хлеб, чтобы подозвать их, а я – свежую посоленную корку для себя. По дороге я старалась съесть ее поскорее, чтобы отведать черствого «овечьего» хлеба: тот казался вкуснее, ибо был старый и для животных. На обратном пути я иногда ездила верхом на нашей старой овце – большой и невозмутимой.

В девять лет я подражала карканью ворона, причем с удивительной точностью. Также изображала «голос» жабы.

В девять лет мною овладело стремление летать. Я наблюдала за полетом птиц и пушинок осота: вот бы и мне так! И прыгала с зонтиком с табуретки, надеясь хотя бы на миг зависнуть в воздухе. Сломала два зонтика и стала размышлять, как соорудить летательный аппарат. Сделала наброски, материалов не нашла и эту затею оставила. Но духом не пала – стала запускать по ветру целлофановые пакеты: пусть полетают за меня! И пакеты с готовностью летели на соседские огороды...

В восемь-девять лет было такое развлечение: на остатке забора, походившем на лестницу, прикрепить длинный стебель лопуха, связав его с другим, и стоя на перекладине этой «лестницы», смотреть вверх на окончание стеблей, словно упиравшихся в бесконечность, ощущая головокружительный страх и иллюзию полета.

И – глубокое:

В шесть лет была вера в то, что существует некая книга, в которую записываются все дела человека, вся жизнь его. Откуда это пришло, не знаю.

В том же возрасте не хотела жить – но не так, как не хотят самоубийцы: исчезнуть, прервать боль, а как школьник, не желающий выполнять скучное и трудное задание. Не хотела усилия. Вся моя жизнь оказалась усилием, невидимым миру, остававшемуся за стенами моей комнаты. Только Бог и черт знают, что происходит в келье.

Зимой 1997 года (мне было девять лет) произошел случай, неподдающийся рациональному объяснению. У

бабушки болела спина, – так, что не помогали лекарства. Я, движимая отчасти жалостью, отчасти – любопытством, подобралась к бабушке, когда она мыла посуду, и сделала над больным местом несколько движений, как если бы убирала боль. Бабушка ничего не заметила. Спустя минуту она радостно объявила маме, что «боль, как рукой сняло», а у меня началась ломота в пояснице.

И о другом: в девять лет увидела в магазине большую куклу – ростом с меня. «Мама, купи!» – «Не могу» (без-денежье 90-х). «Ку-у-пи-и!!!» Хотелось потому, что кукла была похожа на настоящую девочку, и я надеялась заменить ею отсутствующих подружек.

В двенадцать лет сделала куклу из своей одежды, набив ее и вставив каркас. «Как жалко, что ты неживая», – сказала я ей.

В четырнадцать лет внезапно с необычайной ясностью открылось, что из этой жизни нельзя забрать с собой ни крупинцы. Так я поняла всю ничтожность и тщетность материального.

Болезнь матери

Когда мне было семь лет, мама легла на операцию. Я осталась с бабушкой в селе. Стоял март. Снег еще покрывал землю, деревья были унылы, но в знобящем воздухе присутствовал пьянящий запах весны – смешанный запах снега, сосен, дерева. Пространство было черно-белым – и скорее черным, чем белым. Больше всего черноты было там, где должна была быть мама. Я знала, что она уехала в Тверь и скоро вернется. Но что-то в поведении бабушки говорило мне, что она может не вернуться никогда.

Ее отсутствие особенно чувствовалось дома, поэтому я чаще бывала на улице. Возле дома был большой сугроб. Я выкопала в нем яму с узким отверстием и проводила время там. Яма скоро обледенела внутри, став хрустальной и серой. Она источала запах моей влажной одежды и одиночества.

Бабушка учила меня читать и писать. «Мама будет рада узнать, что ты умеешь читать и писать». Я выводила

большие неуклюжие буквы, видя сквозь них радостное лицо мамы. Бабушка сидела около меня и наблюдала, как я пишу.

Мы делали игрушки из бумаги, заботились о курах, доили нашу черную корову... Каждый новый вечер был радостью, каждое новое утро – ожиданием.

Снег, куры, молоко, бумажные игрушки, буквы... Наконец, мама вернулась.

Моя первая учительница

В 1994 году я должна была возвратиться в Тверь, чтобы пойти в школу. Новая жизнь не страшила меня: я боялась только проживания с отцом.

Мой первый школьный день связан с красными георгинами, моим новым голубым платьем и ярким ясным небом. Школа была простым серым трехэтажным зданием в трехстах метрах от нашего дома.

Моя первая учительница оказалась девушкой лет двадцати трех, с пышными светлыми волосами и приветливой улыбкой. Она мне сразу понравилась. Что до моих одноклассников, они были движущейся многоцветной массой опасения и ожидания.

В школу я пошла как Аля – Алла. Мне не нравилось мое имя, и я еще в пять лет настояла на том, чтобы меня называли Алей. Для того чтобы домашние не забывали об этом, я усердно вывела на стенах и шкафах корявое «АЛЯ».

Школа оказалась для меня унылостью. Я умела читать, писать и считать и во время уроков занимала себя тем, что обводила написанные слова в своей тетради, тогда как остальные ученики старательно писали. Учительница не понимала моих действий и укоряла меня. Однажды я, томясь на уроке математики, принялась писать числа, которые знала. Сосед по парте, заметив длинную полоску бумаги с выведенными на ней числами, перешедшими за сотню, поинтересовался, что это такое. Мне почему-то стало стыдно, и я прекратила свое развлечение.

Автор в семь лет, по возвращении из деревни. 11 мая 1994 г.

Полторы недели в Твери. Май 1994 г.

Автор на новогоднем празднике в ее 1 классе. 28 декабря 1994 г.

Автор в 1 классе и ее первая учительница. 28 декабря 1994 г.

Автор, 9 мая 1995 г., Тверь

Автор и ее мама. 1 сентября 1995 г.

Первый класс я закончила на отлично, и наша учительница подарила мне книгу. На форзаце был вклеен маленький розовый листок с аккуратной надписью от руки: «Алечке на память о ее 1^ж классе. Так держать!» Немного позднее я узнала, что она была беременна и собиралась в декретный отпуск на три года. Наш класс переходил к другой учительнице. Я расстроилась.

Дома я пыталась спрятаться куда-нибудь от постоянных ссор. Одним из моих мест был верх платяного шкафа – небольшое прямоугольное пространство на высоте двух метров. Я сидела там часами со своими игрушками и книжками. Книга, подаренная учительницей, стала моей любимой. Я не читала ее, так как она явно предназначалась для более старшего возраста, но мне нравилось держать ее в руках, гладить и перечитывать синюю надпись на розовой бумаге. «Так держать!» Ради Вас, я постараюсь «так держать», я буду делать все возможное на уроках, я буду выполнять самые скучные задания, – только возвращайтесь скорее! Надпись туманилась в моих глазах, я прижимала книгу к себе и плакала от одиночества.

Одиночество

Одиночество было безвыходным, сжимающим, уничтожающим: цепью боли вокруг моего живого «я». Я отчаянно искала друзей, но никого не находила.

В семь лет мне нравилось играть с моим отражением в больших зеркалах. Одно из них висело на двери шкафа в моей комнате, возле западного окна. Я подходила к нему, приветствовала хрупкую темноглазую девочку за стеклом и беседовала с ней. По мере того как я говорила, я прижималась все сильнее и сильнее к холодной поверхности, как будто пытаюсь преодолеть ее, разрушить невидимое препятствие между мной и моей подругой. Она прикивала ко мне, я смотрела в ее большие глаза, печально улыбалась ей и, увидев ответную улыбку, плакала. И она плакала тоже, и мы прижимали руки к рукам другого, пытались убрать холодную грань...

Я понимала, что не было никакой другой девочки, что живое существо вне досягаемого было мною – было ирреальным, несуществующим.

Другое зеркало – трюмо – стояло в коридоре. Я садилась на его столик и устраивала зеркала так, чтобы они показывали множество одинаковых девочек в разных ракурсах. Они шевелились одновременно, наполняя туманное пространство своими фигурами, повторявшимися до того, что исчезали в неисповедимой темно-серебряной глубине. Девочки были толпой, но при этом иллюзией. Моя радость сменялась тоской, тоска обращалась в радость: я была – меня не было... «Если бы я могла пробраться к ним!..»

Всю свою жизнь я пытаюсь пробраться к живым – стать живой, но невидимая грань оказывается непреодолимой.

Подружки. Мои жилища. Шахматы

В третьем классе я немного подружилась с тремя девочками. Две из них, Оля и Света, уже дружили друг с другом. Третья, тоже Оля, была одна. Это была молчаливая миловидная девочка с крупными карими глазами и мягкими каштановыми волосами, в образе которой ощущалась непонятная печаль. Однажды я была приглашена в ее квартиру. Войдя, я изумилась мрачности помещения. Голый пол, запятнанные обои, повсюду какие-то лоскуты, горы хлама в углах... Мать Оли была занята какой-то работой, отца не существовало. То было отображением моего собственного дома. Больше я туда не заходила.

Зато Оля пришла как-то раз ко мне вместе с младшей сестренкой. Я, испытывая неуют, построила маленький домик в одной из комнат. Он был сделан из простыней, покрывал и другого подобного материала, натянутого поверх лыж и лыжных палок. Внутри были простые коврики, маленькие табуреточки, игрушки. Когда Оля пришла, домик был еще неприбранным после моего долгого отсутствия. Но девочки весело забрались в него. «Там пыльно,

вылезайте!» – сказала им моя мама. «Нет, нам здесь хорошо!» – в один голос отвечали они.

Строение домиков было моим наваждением. Я склеивала «жилища» из больших газет (получался узкий цилиндр с крышкой) и перемещалась по квартире, сидя внутри на корточках. Я закатывалась в одеяло и лежала так на полу, радостно. Я пряталась в платяных шкафах, полных старых платьев и ботинок, где сидела часами, беседуя в пыльной нафталиновой темноте с придуманными друзьями. Я забиралась под столы, наслаждаясь кажущейся защитой. Я «жительствовала» за дверью в коридоре – в пыльном углу, населенном пауками, где низала бисер в длинные нити. Я поселилась в крошечной кладовой, полной проволоки, гаек, отверток, пил, стамесок и велосипедных колес, – торчавших угрожающе и привлекательно со стен и полок. (Тонкая медная проволока в разноцветных оболочках и разнообразные гайки стали моими любимыми игрушками. Я делала маленькие «ножницы», длинные цепочки, очки, буквы и всякие фантастические вещи из проволоки, добавляя гайки, когда требовалось).

Мне хотелось создать свое собственное жилище внутри того уютного, но его хрупкие стены не защищали меня от яростных криков и ударов отца, продолжавших звучать в моих ушах часами после ссор. Тот неистовый шум заставил меня полюбить тишину. Тишина означала мир.

Иногда отец вспоминал о моем существовании. Он дарил мне игрушки на Новый год и день рождения, играл со мной в прятки, изредка брал на долгие утомительные прогулки к железной дороге; когда мне было шесть лет, научил играть в шахматы.

Игра с ним в шахматы являлась для меня невероятным напряжением. Любой неверный шаг комментировался как непростительная ошибка. Конечно, я понимала, что он не был серьезен, говоря, что я подвергаю бедные фигурки опасности или обрекаю их на гибель («А они хотят жить»), но тот уничтожающий окрик, услышанный в три года, слишком хорошо помнился. Я боялась даже его шутилых упреков.

И я старалась играть хорошо – из страха перед отцом и из жалости к фигуркам. Моя хорошая игра могла спасти их и сделать счастливыми. И я играла так хорошо, что однажды отец вышел из комнаты, почесывая затылок в изумлении: «Она поставила мне мат!» Мне было семь лет.

Потеря здоровья

Постоянное напряжение дома лишило меня здоровья, которое и без того не было крепким. В семь лет стало ухудшаться зрение, бывшее до того отличным. Начала болеть печень. Я страдала от головокружений. У меня были страшные бронхиты (или, скорее, воспаления легких), после которых остались спайки.

Те бронхиты длились неделями. Я получала их осенью и зимой. В квартире было очень холодно в те сезоны, и это усугубляло течение болезни. Я лежала в жару и кашляла так, что не могла спать. Помню нескончаемые унылые ночи, с желтым кругом света от настольной лампы, мрачные тени в углах, и бессонную фигуру матери на краю моей кровати. Она читала мне вслух. Я внимательно слушала, желая исчезнуть в успокаивающих звуках ее голоса, описывавшего удивительные края и приключения.

Исчезнуть, выбраться из своей оболочки: это было моим стремлением во время всех болезней. Страдающее тело, сотрясаемое кашлем и пожираемое лихорадкой, казалось чем-то чужим и ненужным: ношей на мне. Я желала выбраться из него, оставив его страдать без меня. Постоянное нездоровье заставило меня презирать телесную оболочку.

Однажды, когда мне было девять лет, мокрота перекрыла доступ воздуха. Задышавшись, я соскочила с постели и, в присутствии окаменевшей мамы, принялась безумно прыгать посреди комнаты, пытаюсь вдохнуть. «Я не хочу умирать! Я не хочу умирать!» – билось в сознании, ухватывавшем серое зимнее окно. Я предпочитала плакать от одиночества, бояться отца, неистово кашлять, чем уходить в великую Неизвестность. Для меня еще не существовало

Бога; и не было помощи ни от Него, ни от мамы, которая ничего не могла сделать. Я должна была помочь себе сама. Это крайнее одиночество страшило меня больше, чем страдание. «Таково умирание...»

Мне удалось вдохнуть: я преодолела бесконечную темноту и дышала тяжело посреди холодной комнаты – посреди своей пустой жизни.

Мои одноклассники

Нездоровье заставило меня не только пропускать занятия, но и страшиться школы. Идя туда, я боялась, что могу почувствовать себя плохо и окажусь беспомощной. Мама не понимала причины моего нежелания посещать уроки и водила меня к психологам. Дети бывают очень проникательными. Мне было только семь лет, но я понимала, что те врачи были добры ко мне не потому, что жалели меня, а потому, что им полагалось жалеть. Эта неискренность отвращала меня, и я ничего не рассказывала им. Они думали, что я боюсь одноклассников, и пытались убедить меня в моей силе и дружелюбии окружающих.

Одноклассники, равно как и учителя, были более чем дружелюбны ко мне. Они любили меня и ценили так, будто я была жемчужиной среди них. «Аля пришла!» – раздавалось радостное восклицание, когда я появлялась на пороге, и маленький подвижный мальчик начинал пританцовывать вокруг меня, выражая свой восторг. Остальные смотрели на меня приветливо. Пожилая учительница улыбалась мне. Я смущенно пробиралась к своей парте и молча садилась, надеясь, что день пройдет без недомоганий.

Причиной того удивительного радушия являлось влияние учительницы. То была мудрая женщина, всю жизнь работавшая с детьми. Она понимала их умы, потребности и страхи и старалась сделать так, чтобы каждому было уютно. Без нее мои одноклассники могли бы относиться ко мне совершенно иначе (мне иногда приходилось воевать с одной неуживчивой девочкой. Позднее она была

замирена учительницей).

Кроме учительницы, мне молчаливо покровительствовал один мальчик из моего класса (Илья по имени) – немногословный темный мальчик с худым лицом и упорством человека, вынужденного полагаться только на себя: он был сиротой, его воспитывала прабабушка. Он никогда не разговаривал со мной и не знал обстоятельств моей жизни. Его собственное несчастье позволяло ему понимать то, что происходило внутри моего молчаливого существа.

Одноклассники не любили его за его утрюмость и сходство с уличным мальчишкой. Я жалела его и восхищалась им. Однажды учительница упрекнула его за привычку плевать: «Среди нас есть верблюды...» Я обиделась за него.

Я однажды видела его прабабушку. То была худая черная старуха, похожая на высохший острый лист. Она казалась очень старой: может быть, ей было около девяноста лет. Ее возраст, подавленность мальчика: они оба производили зловещее впечатление чего-то мертвого.

После уроков я медленно отправлялась домой. Я не помню, почему уходила первой: возможно, все мои задачи были выполнены, и учительница разрешала мне идти. Я не была этому рада и медлила в гардеробе, на пустом крыльце, на прямой узкой аллее, вдоль которой росли клены. Тот путь!.. Серая дорога между школой и домом – между человеческими существами и одиночеством. Путь к одиночеству, на котором я еще могла ожидать спасения. И я шла так медленно, как могла, обманывая неизбежность и надеясь услышать позади, в подавляющей тишине унылого пригорода, голоса двух девочек, Оли и Светы.

Я не оборачивалась посмотреть, не идут ли они следом. Обернуться означало признать, что я хотела бы, чтобы они шли, что мне было без них плохо.

И я шла. Аллея сменялась дорогой между одинаковыми пятиэтажными домами, один из которых был моим. Иногда в том месте позади раздавались птичьи голоса. Я резко оборачивалась. Две маленькие девочки в ярких одеждах спешили ко мне.

Никогда я не испытывала такой радости, как тогда, наблюдая их приближение. Это было так, словно жизнь возвращалась ко мне и вздымалась внутри меня волной переполняющей радости. С бьющимся сердцем, я ожидала их, и некоторое расстояние мы шли вместе.

По пути я надеялась, что они зайдут ко мне. Иногда они заходили. Я показывала им игрушки, мы играли, смеялись и прыгали в восторге на кровать со шкафа, на котором я обычно сидела... Мрачная квартира становилась солнечной.

Когда они уходили, я забиралась на шкаф и думала о них, вспоминая их внешность, слова, голоса, движения. Они делали меня живой, и я пыталась сохранить их исчезающий след как можно дольше. Я боялась, что они могут больше не прийти, что наша встреча может оказаться последней... Помню, как сидела на шкафу, мама лежала внизу на кровати. Ей было видно мое лицо. У меня на глазах наворачивались слезы о подружках, и я в страхе старалась подавить их, чтобы не увидела мама...

Болела я все чаще и чаще, пропуская занятия неделями. Учителя понимали и – сожалели. «Меня просто бесит, что моя лучшая ученица вынуждена неделями сидеть дома», – говорила наша классная руководительница моей маме. А учитель физкультуры однажды пришел к нам домой, когда я лежала с очередным бронхитом: он хотел, чтобы я приняла участие в областных соревнованиях по шахматам. Он обнаружил у меня способность к этому виду спорта и старался поощрять ее. Когда я училась во втором классе, он как-то раз на перемене привел ко мне четвероклассника, отлично игравшего в шахматы, – чтобы я сыграла с ним. Не смея от стеснения поднять глаз на мальчика, я в несколько ходов поставила ему мат. Он заметно расстроился. Я почувствовала себя обидчиком и на годы сохранила отвращение к каким бы то ни было состязаниям.

Несмотря на пропуски, я продолжала оставаться отличницей: успеваемости они не вредили. Вредили они

встречам с подругами. Я скучала по ним, и, болея, мечтала поскорее поправиться, чтобы увидеть их, но потом не могла преодолеть своего неистового нежелания идти в школу. Поэтому я обычно ждала одну из них (Олю) в ее дворе. Так было осенью 1996 года – обычной темной, холодной осенью с обледеневшей землей и пронизывающим ветром. Я часами бродила в пустом дворе, взбиралась по лесенкам на детской площадке, качалась на качелях, изображая для мамы, что все это мне интересно, и поглядывала на Олины окна. «Выйди! Ну, выйди!» – я мысленно молила ее, держась за ледяное железо качелей. «Ну, выйди же наконец!» Темнело, окна уютно желтели, никто не выходил на крыльцо. Видела ли Оля, что я жду ее? Думаю, да. Почему же она тогда не выходила? Потому что слишком холодно было на улице и слишком уютно дома.

В декабре 1996 года меня пригласили на день рождения Оли. Я попросила маму купить лучшие сладости и самую красивую открытку. Она приобрела килограмм шоколадных конфет в ярких обертках и сияющее изображение милого котенка, что было отличным подарком в то трудное время. Я была довольна, представляя, как обрадуется Оля. Я видела ее улыбку, я слышала, как она благодарит меня, я радовалась за нее... Это не конфеты и открытку хотела я подарить, но свою привязанность, свою нежность, свою детскую безмерную любовь.

Наконец, я отправилась к Оле. Был вечер, сгущалась темнота, воздух был ледяным и прозрачным. Я поднялась по лестнице, позвонила, вошла, сняла пальто, прошла в Олину комнату. Яркий свет, визг детей, повсюду игрушки и цветные обертки. Оля, в новом голубом платье, стояла посреди комнаты, весело смеясь. Я робко приблизилась к ней и подала подарок, как приношение – божеству. «Спасибо», – прозвучало равнодушно в ответ, и мой пакет был брошен на диван, в кучу других.

Гостей было пять-шесть. Они были шумными, шаловливыми, счастливыми детьми, как Оля. Они хотели играть и есть вкусное. Они не заботились ни друг о друге, ни о

13.10.96г
В парке у. в Тверь

Автор в девять лет, с мамой

Автор с мамой, февраль 1997 г.

ней.

Они прыгали по комнате, выключали и включали свет, радостно шумели. Я пыталась остановить их забаву со светом и не позволяла мять Олину постель. Я старалась быть возле нее, но она ускользала к другим – к тем, кто был ей равен и гораздо интереснее, чем я.

Вернувшись домой, я молча расплакалась. Мама сочла, что дети были грубы ко мне. Я не призналась, как мне было больно оттого, что я была ненужна тому, в ком нуждалась. Даже будучи ребенком, я была слишком отлична от других, чтобы меня понимали и принимали.

Моим основным отличием от большинства было мое неистовое стремление к дружбе. Для остальных дружба являлась только развлечением, возможностью легко провести время. Для меня же она была возможностью жить.

В семь лет мне впервые был преподнесен неприятный пример отношения людей к другим.

Я познакомилась с неуклюжей капризной девочкой пяти лет. Я была рада знакомству и использовала каждую возможность увидеть новую подружку в ее дворе. Однажды произошло чудо: она пригласила меня к себе домой. С бьющимся сердцем я направилась туда. Девочка провела меня в свою комнату. Там стоял платяной шкаф. «Посмотри в него!» – предложила она мне. Ожидая что-то интересное, я посмотрела в пыльную темноту. «Я ничего не вижу», – сказала я. «Заберись внутрь и увидишь!» Я влезла в узкое пространство, где висела какая-то одежда. Раздался смешок, и дверь захлопнулась. Я оказалась в полной темноте. «Открой меня! – закричала я, ударяясь о доски двери. – Открой!» Ответа не было. В диком страхе я билась по двери, пытаясь выбраться из ужасного места. Снаружи было тихо. Я стучала и стучала, крича и задыхаясь в пыльной темноте. Наконец, ключ повернулся. Девочка стояла передо мной, внимательно глядя на меня. «Зачем?» – только и спросила я. Она не ответила. Больше я с ней не общалась.

Заступничество Божие

В девять лет я с изумлением заметила, что грубость по отношению ко мне не остается безнаказанной.

12 июля 1996 года я с мамой и нашим знакомым пошла в лес, окружавший Пухтину Гору. Было утро, небо было бледно-голубым и безоблачным, роса быстро высыхала под жаркими лучами солнца. День обещал быть знойным.

Мы неспешно продвигались вглубь леса. Высокая трава опутывала ноги, птицы пели в ветвях, круглые листья осин трепетали на фоне неба, и старые ели стояли, как стражи, вдоль едва различимой тропы.

Наконец, мы достигли богатого черничника. Наш знакомый принялся собирать ягоды в большую корзину. У нас с мамой были маленькие бидончики. Они быстро наполнились, и мы решили вернуться домой без проводника.

Было около одиннадцати часов утра. Солнце стояло почти в зените. Мне было жарко, но я не могла снять лишнюю одежду из-за слепней, жужжавших вокруг нас. «Через час мы будем дома», – заверила меня мама, идя передо мной.

Вскоре тропа стала неразличимой. «Но ведь мы шли именно здесь!» – мама была изумлена. Она осматривалась, стараясь узнать место. Березы, осины, ели: те же самые, неузнаваемые. «Пойдем туда!» – сказала мама, указывая на узкую тропку, ведущую в сумрачную лесную глубь. Мы направились по ней. Тропка исчезла. Куда же идти? Мы вернулись на прежнее место. «Может быть, лучше возвратиться к Н.?» – предложила мама в замешательстве. Но – где он?

Мы поняли, что сбились с пути. Мы были одни в лесу, среди досаждающих слепней, под ударами полуденного солнца, без воды.

«Я хочу пить», – сказала я. Мама дала мне помидор: «Это утолит жажду». Я откусила немного, но жажду это отнюдь не утолило. Я вернула помидор маме, и мы пошли дальше, в надежде найти правильный путь.

Помню маму, идущую впереди, мягкий мох под еля-

ми, дрожание осин, серебристо-голубое небо, неистовство солнца на полянах... Не было пути – только его обманчивая возможность, не было воды – только редкие грязные лужицы в тени.

К вечеру я потеряла терпение и, упав на колени, простонала: «Я не могу больше идти». Но минуту спустя я опять шла – молча, устало, безнадежно. Жажда была нестерпимой. «Попью из лужи...» – думала я, жадно глядя на черную густую воду, что попадалась в тени.

Около шести часов вечера мы заметили впереди прогалину. Мы бросились туда. Это было поле. Но где?

Мы долго шли по нему – по выжженной солнцем траве, сквозь душное неподвижное пространство. Наконец, мы увидели дорогу, реку и селение на другом берегу. Мы находились в трех километрах от нашей деревни.

Гудрон на дороге плавился под яростным солнцем. Помню его пронзительный сладковатый запах, смешивавшийся с моей изнурительной жаждой, тогда как мы устало шли в сторону дома.

Вдруг позади послышался шум машины. Мы остановили ее и через несколько минут были посреди нашей деревни. Наш дом располагался на окраине, но машина не ехала дальше. «Я хочу пить», – прохрипела я в полубессознательности. Мама пошла в дом одной старой женщины спросить воды. Я осталась на дороге.

К моему изумлению, мама вернулась с пустыми руками. Старуха не дала воды. Почему? Мои изумление и негодование были сильнее разочарования. Как было возможно не дать воды тому, кто нуждался в ней, тем более – ребенку? Неспостижимое людское жестокосердие было страшнее моей обессиляющей жажды.

Добравшись до дома, я зачерпнула воды из большого бидона, сделала один глоток и потеряла сознание.

Неделю спустя у той старухи по неизвестной причине сгорел сарай, полный сена. «Не дала воды попить и потом не нашла воды пожар залить», – подытожил мой отец.

Бессловесные друзья

Постоянно чувствуя себя одиноко, я привязалась к природе. Эта привязанность образовалась очень рано.

Помню, как я, шестилетняя, шла с мамой по пыльной проселочной дороге. На обочине что-то лежало – какой-то темный комочек. Любопытствуя, я бросилась посмотреть. Оказалось, это была ласточка – маленькая черная птичка с синевой на крыльях, одна из тех деревенских ласточек, которые погожим летним днем снуют в ясной синеве, как почти неразличимые темные точки, а когда небо сокрыто тучами, спускаются столь низко, что мелькают мимо са-
мых окон домов.

Вдоль дороги тянулись электрические провода.

Я не понимала, почему ласточка лежит так спокойно и не улетает от меня. Подошла мама и объяснила мне, что ее убило током. Мертвая птичка?.. Где-то в выси метались, как всегда, другие, и это противопоставление между неподвижностью тельца на сером песке и легкостью стремительного полета в лазури поразило и испугало меня.

Но сквозь оторопь неожиданной встречи начало подниматься новое, мучительное чувство – жалость, глубокая до тоски. Я не подала виду и, изобразив некоторое внимание к красивым крылышкам, отошла.

Мама похоронила ласточку под старым тополем, где рос водосбор, чьи темно-синие цветы и черные с синевой семена напоминали оперение птички и этим словно воссоздавали ее в жизни. Крылья были отданы мне – как «подарок» от ласточки.

Ласточки витали в голубой бесконечности. Только одна лежала в одиночестве под тополем.

Я одна играла в шалаше, лишенная сверстников в исчезающем селе. И из своего одиночества я все острее и острее ощущала бесконечность одиночества мертвого существа, отделенного от простора своих сотоварищей, как и я.

Тоска нарастала, поднимаясь чем-то тяжелым и смутным – как некая противоположность лазуревой свободе. Отрезанные крылья замерли на стене комнаты в ажурных

бумажных конвертиках.

Как-то вечером я, не в силах сдерживать свою тяжесть, что-то жалобно проговорила маме сквозь слезы о той ласточке. Я не помню ответа, но мне стало тише.

Погибавшее бабушкино село я считала своим домом. Город был мне чужд. Там не было привычных мне овец, коров, лошадей. Даже птицы (большею частью, вороны и галки) казались иными. Зато деревья жили, как в том моем мире. Неподалеку от дома, на берегу молчаливой Волги, шелестела старая березовая роща. Высокие деревья с теплыми узловатыми стволами тяжело склонялись к темной воде, едва удерживаясь судорожно извившимися корнями за осыпавшийся песчаный берег. Каждый раз, когда я проходила по тропе мимо них, мое сердце сжималось, будто зависая в такой же пустоте – от страха, что однажды эти мои знакомцы рухнут в реку.

Некоторые падали. Корни, обнажившись в пространстве, оставались засыхать, а ветви еще зеленели в воде. Другие цеплялись за свою ненадежную опору дольше, годами существуя в неловком усилии.

В самом поселке (пригороде Твери) росли клены. Осенью они пылали желто-красной листвой, и аллея казалась объятай живым огнем. Букеты резных листьев поселялись в моей комнате, как воспоминания о летнем тепле.

Белели кусты снежных ягод, будто осыпанные крупным градом. Тяжелые ясени с искривленными, как от некоего напряжения, стволами стояли во дворах.

В одном из дворов, в темноте других деревьев, росло несколько молодых каштанов, зажигающих весной свои белые свечи, различимые в зеленом сумраке.

Таким был живой мир вокруг меня. Но ближе всех оказывались три старых тополя, что росли прямо перед балконом, возвышаясь над крышей нашего пятиэтажного дома. Я часто выходила к ним, любуясь со своего пятого этажа игрой солнца в их лакированной душистой листве и слушая их шелест, словно понятный мне тихий рассказ. Похожие на них, но более раскидистые тополя, с замшевыми стволами (тоже три) росли в селе – над той ласточкой.

От привычного соседства эти деревья стали особенно одухотворенными, и мне казалось, что они могут видеть и слышать меня так же, как я их. Им можно было шепотом рассказывать о себе, показывать свои поделки и тихонько напевать – на придуманном мною языке, где звуки выражали чувства в причудливом соединении, непонятном более никому. Станные то были песни! Их слова создавались в движении, без поиска, как звукообразы моих настроений, и в своем потоке складывались в «песнопения»: всегда – тоски, жалости, боли. Тополя вторили им печальным шелестом, словно понимая и отзываясь. Деревья слышали мое одиночество.

Солнечным майским утром 1995 года (мне было восемь лет) непонятный режущий визг взметнулся из-под балкона. Выглянув, я увидела под тополями группу рабочих. На необхватном стволе одного из деревьев белел свежий надрез от циркулярной пилы. Я бросилась к маме на кухню попросить о помощи, но, добежав, устыдилась своего порыва и вернулась к балкону. Было страшно раскрыть тайну привязанности к деревьям, будто признаться в своей неизбывной тоске.

Пила визжала, и от ее вибрации дрожали протянутые к балкону ветви, когда-то слушавшие меня. Теперь я слышала их, и они казались мне руками, простертыми в мольбе о помощи и вздрагивавшими от боли.

Всхлипывая от переполнявшей меня жалости, я опять метнулась в кухню. Старший брат, видя мою суету, грубовато подтрунивал надо мной, но я, прежде боявшаяся и чуждавшаяся его, теперь его не замечала. За окнами качались тополя...

Тополя распилили и увезли. Перед балконом распахнулась пустота. Во мне тоже.

Теперь я могла долго смотреть с балкона на запад, в даль, где так непостижимо далеко находилось бабушкино тихое село, куда я постоянно стремилась из неудобной квартиры. Утешать меня было теперь некому.

Другими друзьями моего детства были куры. Говорят, глупые птицы. Может быть. Но тогда я с этим яростно по-

спорила бы.

Они жили во дворе нашего старого, нежилого, дома, что стоял на берегу Цны, примерно в двухстах метрах от дома, в котором жили мы. Каждый день, утром и вечером, бабушка готовила для них в котелке пищу – отмоченный хлеб с зерном, и мы шли к ним. Кормила обычно я, забавляясь тем, как пять рыжих курочек суетятся около кормушки. Каждая из них имела свой характер, и я дала им подходящие имена. Я могла проводить с ними целые дни, переворачивая для них камушки и щепки в поисках букашек. Куры неотступно следовали за мной, а я что-то приговаривала им, иногда даже весело смеясь. На ночь я запирала их во дворе и уходила – не без страха за их сохранность.

Воровать их было некому – в том опустевшем селе, где доживали свой век десятка два стариков. Из пятидесяти четырех домов только десять были обитаемы. «Кладбище домов» – называли село его жители.

Зато были лисы. Хотя они ни разу не причинили серьезного вреда, их существование в окрестных лесах было источником моего опасения.

Однажды в пасмурный сентябрьский вечер две курочки не вернулись домой. Мы с бабушкой долго искали их, пробираясь по мокрой увядшей траве вдоль черной реки, пока не увидели их под кустом черемухи. Они лежали среди своих перьев, растрепанные ястребом.

Уныло брела я домой, не замечая, как холодные длинные стебли травы опутывают ноги, а из тяжелых низких туч начинает сеять мелкий, нудный дождь.

Дома я неприкаянно скиталась по комнатам, потом вышла на крыльцо и долго смотрела куда-то в туманную печальную даль. Осеннее пространство казалось странно пустым.

Я пыталась заняться с книжками или что-то привычно сочинять в тетради, но все было ненужным. Внутри возросло непонятное, мучительное чувство, пугая своей безнадежностью и непреодолимостью, отстраняя меня ото всех занятий и подавляя. Я наполнялась им до тех пор, пока, сидя на крыльце, не вспомнила с особенной яр-

костью прошедшее лето. Подступили слезы, и я, не в силах терпеть переполнявшую меня тоску, начала плакать. Сначала я плакала тихо, но вскоре уже была в голос, страшно и безысходно...

В моем простом существовании была сделана брешь, как если была бы вырвана часть тонкой материи – часть моих чувств, условий, жизни. Я лишилась тех, кого могла любить, и оказалась в полноте своего недетского, нечеловеческого одиночества. Тоска меня не покидала год.

ЧАСТЬ II: 1997 – 2007

Недостижимое тепло

В марте 1997 года я попала в больницу с подозрением на аппендицит. Помню большую палату, неудобную узкую койку с излишне мягкой подушкой, бессонные ночи при тусклом ночнике и Настю – девочку восьми лет, кареглазую и пухлую, возле которой было уютно, как подле печки. Я проводила вечера на ее постели, перебирая с ней ее игрушки, рассматривая картинки в ее книжках и о чем-то беседуя. Перед тем как выписываться из больницы, я взяла номер ее телефона. Простой клочок бумаги с синей надписью, который казался мне драгоценностью.

В первый вечер по возвращении домой я с мамой и отцом отправилась на улицу наблюдать за кометой. Мы стояли на дороге, по которой я ходила в школу, и смотрели в антрацитовое небо, где очень медленно двигалась крупная туманная звезда, серебристая и непостижимая. Я следила за ней взглядом и думала о Насе.

Вернувшись в квартиру, я затеяла с мамой игру в фанты. Одним из заданий было позвонить Насе. Я тщательно перемешивала бумажки, скрывая заветную в ладони так, чтобы потом будто ненароком выбрать именно ее. И, выбрав, я набирала уже выученный наизусть номер и слышала мурлыкающий далекий голосок, говоривший мне «Привет» и спрашивавший «Как дела». Это было все, и это было – счастье.

Такая игра – игра в счастье – повторялась несколько вечеров. Не помню, почему она закончилась. Может быть, Настя перестала отвечать, а может быть, мама сочла, что я ей надоедаю. Осталось только впечатление чужого тепла, смешивавшееся с серебряным шлейфом недостижимой кометы.

Мое крещение

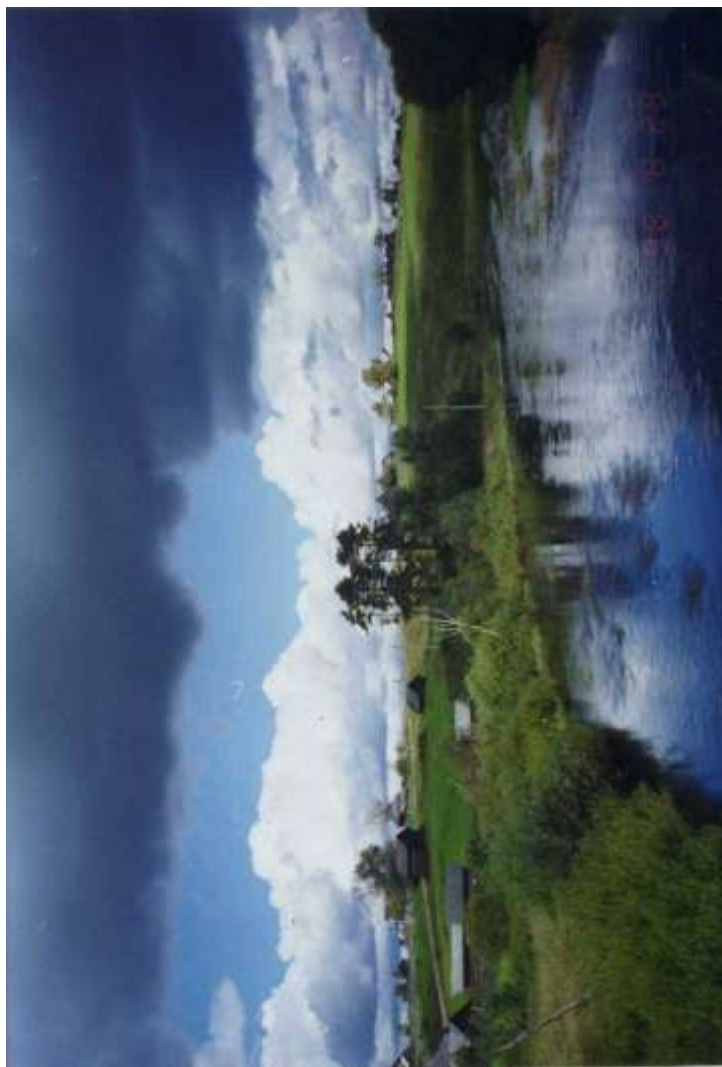
5 июня 1997 года меня крестили. Помню простую загородную церковь, темную и полную дыма от кадил, толпу старых женщин в цветистых платках, истово кланяющихся перед страшноватыми вытянутыми образами неизвестных людей, смутно-серебряную купель, какого-то отчаянно кричащего младенца на руках полного священника, выщербленный деревянный пол, чувство неуютя. Я не понимала, что происходит, и равнодушно делала то, что мне велели, медленно двигаясь за женщинами с просветленными лицами и за покорными детьми младше меня. Очередь вывела меня к огромным деревянным иконам – темным с золотом, перед которым стоял высокий узкий столик с какими-то серебряными чашами. Мне дали поцеловать большой крест, теплый от чужих рук, и почти насильно вкатили с ложки в рот две сладких крошки, пропитанные красной жидкостью. Помню неприятное ощущение вдвигаемой в рот большой ложки и сладкий, приторный вкус чего-то неизвестного и чужого.

Чуждость: вот, что я ощущала там. Ее материальным выражением стала серебряная цепочка с резным крестиком, которую повесили мне на шею. Она покалывала и мешала. «Зачем это? – думала я. – Мне хорошо и без этого». Я не понимала ничего, кроме того, что произошедшее было излишним.

Несуществующие подруги

10 июня 1997 года мама увезла меня в Пухтину Гору. Лето прошло за сбором окаменелостей на берегу Цны, уходом за бабушкиными курочками, чтением, ведением дневника. Настала осень – темная, дождливая, необычайно унылая осень. Мама не спешила увозить меня обратно в Тверь. Миновал сентябрь, октябрь, ноябрь... Я поняла, что остаюсь в деревне.

Это был первый год полного одиночества. День шел за днем, я не видела никого, кроме мамы, бабушки и попада-

Вид на д. Пухтина Гора и реку Цна. Дом автора остается слева за кадром, там же - нежилой дом Галаховых. Под соснами вдальке - родник. 1998 г.

Дом автора в Пухтиной Горе. Справа – ее шалашик. Ее работа: побеленные наличники, гряды, поленница, забор. 2003 г.

Вид на Пухтину Гору с юга. Под холмом, за кустами, – дом автора. По полю, вдоль леса, проходила ее лыжня. Справа, вдоль линии кустов, – дорога на г. Осташков. Фото: автор, 2003 г.

вшихся на улице старых односельчан. Поговорить было не с кем, заняться было нечем, кроме чтения растрепанных учебников, оставшихся после работы прадеда и бабушки в местной школе.

И я нашла утешение в вымышленных подругах. Их было две – Дарья и Авдотья. Они носили потрепанные фуфайки и коричневые платки, работали доярками и вели со мной бесконечные разговоры о своей работе, которая им нравилась.

Они сопровождали меня повсюду. Они приветствовали меня по пробуждении, сидели дома за столом, когда я завтракала, читали со мной, ходили на прогулки, желали мне спокойной ночи... Они были повсеместными, неотступными, почти видимыми. Были проекцией моего «Я» в опустошенное пространство.

Кристина

Я должна была учиться. Школа находилась в соседней деревне Дубровка, за пять километров. Автобус до моего села не ходил, и мне ничего не оставалось, как заниматься дома, с мамой и бабушкой. Мама объясняла мне математику, разбирая со мной непостижимый хаос дробей, бабушка читала мне историю образования Руси и учебники природоведения – увлекательные главы о белемнитах, образовании мела, известняках... В мае 1998 года я успешно сдала в Дубровке экстерном за 4 класс.

Лето я провела, гуляя с мамой и бабушкой по окрестностям, ходя в лес за грибами и ягодами, купаясь, читая, ведя дневник и изредка встречаясь с Кристиной.

Кристина приезжала на лето в деревню, находившуюся в километре за рекой. Это была ухоженная и самодовольная девочка, полтора годами младше меня. Она изредка приходила ко мне, и мы играли с моими простыми игрушками: она – уверенно, я – немного неловко, стесняясь в ее присутствии. Она мне нравилась, – и я опасалась ее.

Было две Кристины: застенчивая, нежная девочка с

танцующими движениями и лучащейся улыбкой, и беззаботное счастливое существо, сосредоточенное в себе. Первая появлялась после того, как вторая уезжала домой в большой шумный город, а я оставалась одна в полумертвой деревне. Унылыми зимними вечерами, сидя возле черного окна, я писала длинные письма к ней, рассказывая о мучительном волчьем плаче в соседних лесах, о книгах, взятых в бедной библиотеке Дубровки, о холоде в нашем старом деревянном доме, о холоде в моей душе. «Я скучаю по тебе», – писала я, надеясь получить некоторую теплоту в ответ. Село хранило безысходное молчание затянувшейся агонии. Яркий город блистал радостью и развлечениями.

За потертыми голубыми обоями я хранила маленький самодельный календарь. Каждый день зачеркивалось новое число: делался новый шаг ко встрече. Но оставалось слишком много упрямых чисел – целые поля, подобные тем заснеженным полям, над которыми в застывшем ночном пространстве раздавался долгий безнадежный вой.

Я делала маленькие фигурки из глины – кур, коров, собак, лошадей, кошек, Кристину... Кристина никогда не жила долго, будучи только одним счастливым мгновением податливого видения в моих ласкающих руках. В следующий миг я раздавливала ее, чтобы не показывать своей привязанности и тоски.

Я мастерила кольца из тонкой медной проволоки, украшая их бисером. Острые концы проволоки были тщательно спрятаны под мерцающим покрытием. Я делала маленькие медальоны, расписывая их гуашью. Я низала бусы из раскрашенных глиняных шариков. Медь и глина, гуашь и бисер: все это должно было исчезнуть, и только моя теплота должна была остаться тогда, когда я подарю их ей. Когда она придет...

Когда она придет, придет лето! Зловещий вой затихнет, темный лес станет радостным в листве, поля оживут под ласкающим солнцем... Только приди!

Она приходила. Мы сидели рядом на выщербленной скамье на крыльце. Кристина беззаботно щебетала, бездумно глядя в пространство, тогда как я исподволь на-

смешливо сравнивала ее модную блузку со своей поношенной рубашкой, ее ухоженные руки со своими, что были сплошь в порезах и ссадинах от сельской работы, ее поверхностную яркость со своим унылым существованием, длившимся одиноким отчаянным воем среди покинутых домов и сумрачных лесов. Мои подарки оставались спрятанными: мне не следовало оскорблять ее их бедностью. Мне не следовало дарить свою теплоту тому, кто не мог понять ее.

Кристина приходила ко мне, когда ее друзья надоедали ей, она играла без интереса, она спешила, она исчезала в конце серой дороги.

Однажды мы шли вместе по той дороге. Я шла по самому краю, слушая птичью речь Кристины и искоса любуясь ею. Казалось, она не помнила ни о моем присутствии, ни о дороге – не помнила ни о чем, кроме своего сбивчивого оживленного рассказа. Дорога скоро вывела нас к бетонному мосту, перекинутому через реку Цну. По обоим берегам мост переходил в высокие крутые насыпи. Ограждения вдоль них не было.

Кристина продолжала болтать. «Слышала ли ты... – кошачий шаг ко мне. – Знаешь ли ты... – другой осторожный, но настойчивый шаг. – Это было так забавно!» Шаг, и я отпрянула от нее – от внезапной пустоты рядом со мной: Кристина столкнула меня почти к самому краю насыпи. «Зачем ты это делаешь? – спросила я ее в изумлении. – Ведь я могла упасть!» – «Ну и что?» – пропела она. Я взглянула на нее. Она была весела.

Дубровская школа

Маме удалось добиться того, чтобы в наше село ходил школьный автобус, и в сентябре 1998 года я пошла в школу деревни Дубровка.

То была большая деревня с населением в несколько сот человек, с прокуренным клубом, неуместно именуемым «Дом культуры», бедной библиотекой и большим полупустым магазином. Большая часть деревни располага-

лась на высоком берегу Цны. Школа стояла в низине неподалеку от реки. Это было скромное двухэтажное строение из белого кирпича, выкрашенное в бледно-голубой цвет. Мебель когда-то была неплохой, основательной; стены внутри были хорошо покрашены, полы чисты, окна вымыты. Отапливалась школа небрежно, отопления периодически не было. Нередко зимой бывало столь холодно, что мерзли руки, и ученики сидели в верхней одежде (примечателен ответ главы сельской администрации на вопрос инспектора, почему так холодно: «На улице холодно, потому и в школе холодно»). В школе работали десяток учителей недурной квалификации, тщетно пытавшихся внушить простейшие понятия в неподатливые умы девианоста детей из Дубровки и трех окрестных сел.

Благословенный школьный автобус оказался необычайно примечателен. То был старый ПАЗ, белый с двумя красными полосами, разбитый по сельским дорогам до последней крайности, но продолжавший весело бегать благодаря неунывающему дяде Саше – маленькому юркому человечку средних лет, с хитрыми черными глазами и беззаботной улыбкой. Он включал на полную громкость воровские песни, заводил скрежещущий мотор и браво гнал грохочущий, ходуном ходящий автобус по непобедимым ухабам. На переднем стекле красовалась великолепная сетка трещин, заднее стекло однажды выпало на полном ходу и было заменено глухим куском оргалита, сиденья были помяты, внутренняя обшивка коробилась, печка не работала, поручни шатались, а заржавевшая крыша лихо подскакивала при движении. Не раз отказывали тормоза, дымился мотор, лопался ремень, ломался задний редуктор, приходила в неисправность дверь. Дядя Саша невозмутимо приступал к ремонту и спокойно занимался им иногда целыми неделями, из-за чего школьники были вынуждены сидеть дома. Теперь это «чудо техники» приезжало каждое утро за мной и – за мамой, которая устроилась в школу учителем немецкого языка в 9 классе (позднее она вела там историю, право и краеведение, стала завучем).

Что до моих новых одноклассников, их было семь

мальчиков и столько же девочек. Заправляла в классе Г., дочь главы сельской администрации – хитрая и высокомерная девочка. Она училась на «4» и «5», верила в свою неотразимость, помогала тем, кто подчинялся ей, и вредила непокорным, используя для того своих многочисленных товарищей. Ее влияние распространялось на старший и младший классы, просачиваясь, как ядовитая жидкость, источник которой оставался скрытым.

Мое появление грозило ей «свержением»: я была сильнее в учебе и милевиднее. Последнее обстоятельство ничего не значило для меня: я не интересовалась своей внешностью и была равнодушна к мальчикам (за самую невинную мысль о них как возможных объектах увлечения – без желания этого увлечения – я ставила себя коленями или пятками на рассыпанные кнопки). Я не видела в Г. соперницу и противницу: для меня она являлась одной из множества, к которому я была дружелюбно расположена и в котором надеялась обрести друзей.

Противоположностью Г. была Таня – одна из трех детей безнадежно пьющих колхозников. Невысокая, худая, со свободными движениями, живой манерой речи, в поношенных спортивных штанах и простом свитере либо рубашке, она походила на уличного мальчишку. Училась Таня на тройки, но была сообразительна, честна и добра. Она тоже находилась под влиянием Г., милостиво позволявшей списывать у нее.

Эти две девочки дали мне наглядный пример того, как обстоятельства жизни влияют на личность. У Г. было все – заботливые родители, уютный дом, друзья, добротная одежда и хорошая пища. У Тани не было ничего, кроме единственной подруги, Оли Ф., жившей в таких же условиях, как она сама. Г. была хитроумной гадюкой, использовавшей других, тогда Таня являлась одним из немногих людей, которых я вспоминаю с благодарностью.

Г. вредила мне через других, Таня меня защищала. Излюбленным развлечением моих одноклассников было подставлять мне сломанные стулья. Я приходила в класс перед уроком и по своей рассеянности садилась не глядя, чтобы тотчас оказаться на полу. Не успевала я подняться,

как Таня молча отправлялась искать в других классах хороший стул для меня. Когда у меня значительно ухудшилось зрение и я не могла больше видеть написанное на доске, Таня диктовала мне, – даже если это отвлекало ее.

Зачем она делала это? По человечности, создаваемой несчастливymi обстоятельствами. Личность воспитывается в страдании.

Я, со своей стороны, следила за тем, что никто не притеснял Таню: в случае необходимости я могла бы попросить за нее у мамы-завуча. Другим выражением признательности было то, что я старалась не оскорблять Таню... своим хорошим видом. Таня ходила в обносках. Нам тоже жилось трудно – втроем на маленькую мамину зарплату и столь же мизерную бабушкину пенсию (отец нам не помогал). Мама перешивала мне бабушкины платья – добротные, красивые, отлично сохранившиеся. Темно-фиолетовое с тонкими белыми полосками по воротнику, темно-зеленое с плиссированной юбкой: они шли и нравились мне (когда я впервые появилась в фиолетовом, одна из учительниц отметила с одобрением: «Как гимназистка!»). Даже эти бабушкины платья я старалась не носить: ведь у Тани не было и таких. В седьмом классе мне сшили хороший костюм – бордовые юбка с жакетом и песочного цвета блузка, а в восьмом купили черный брючный костюм. Их я надела один раз и больше не носила. Моим обычным видом были в пятом-шестом классах серый свитер по фигуре и черные облегающие рейтузы, что мне шло (помню, как директор сказала с восхищением у меня за спиной: «Красавица!»). Позднее я носила черные классические брюки и коричневый свитер. Из верхней одежды в пятом-шестом классах были коричневая куртка на весну-осень и зеленый «пуховичок» на зиму; с седьмого – простая черная куртка с поясом на межсезонье и бабушкино зеленое шерстяное пальто с меховым воротником на зиму. Шапки я не любила и упорно носила платки, несмотря на возражения мамы («Зачем ты ходишь, как деревенская? Твоя прабабушка никогда не носила платков». А мне нравилось выглядеть деревенской!). Несколько раз зимой я появлялась в большом цветистом бордовом

платке, как старорусская княжка. Вот и все мои одежды школьных лет. А на левой руке у меня постоянно было золотое кольцо с алмазом, принадлежавшее моей прабабушке Елене Михайловне Мороз и подаренное мне мамой на мой десятый день рождения...

Уже через несколько дней после поступления в новую школу я поняла, что друга мне здесь не найти. Дети были грубы и пусты, почти все курили, многие выпивали, интересы их сводились к посещению клуба, где по выходным устраивались дискотеки. Я оказалась в стороне.

Но мне не дали спокойно пребывать в моем вынужденном уединении: Г. попыталась выжить меня.

Первой попыткой стала мнимая неосторожность одного из одноклассников. В то время как я сидела на своем месте, он опрокинул мне на спину парту, стоявшую позади: тяжелый «ящик», закрытый с трех сторон толстыми деревянными щитами. Может быть, именно это стало причиной смещения межпозвоночного диска в крестце, из-за чего я не в состоянии стоять дольше получаса, а после продолжительного сидения часто не могу распрямиться из-за пронзительной – как нож меж позвонками – боли.

Одноклассник не был наказан учителями. Спустя некоторое время его отец поручил ему отогнать комбайн с поля в Дубровку. С обоих концов дубровского моста были крутые насыпи около пятнадцати метров высотой, под которыми росла высокая ольха. На этой насыпи мальчик не справился с управлением и опрокинул огромную машину под откос. Комбайн перевернулся несколько раз и застрял на ольхе. Неудачный водитель успел выскочить, а комбайн едва сумели поднять.

Другим моим противником, кроме Г., оказалась наша классная руководительница и вместе с тем учительница музыки (преподавание которой ограничивалось разучиванием пионерских песенок). Она почему-то люто невзлюбила меня и исподволь поощряла действия Г. Запомнилось, как нам было задано написать акrostих на какой-то

музыкальный термин. Я легко справилась с заданием, но получила двойку – первую в жизни. «Чего она хочет? – удивилась вахтер, простая добрая женщина, узнав эту историю от моей мамы. – Ведь написано отлично!» Может быть, именно это и стало причиной занижения оценки: зависть. Собственный ребенок учительницы – уже взрослый – был ограниченным, бесполезным парнем. Спустя год с моего поступления в ту школу классная дама прибежала к моей матери умолять ее о юридической помощи: ее сын оказался замешан в плохом деле на бытовой почве.

Моя единственная подруга

В октябре 1998 года, когда я училась в пятом классе, я познакомилась с девочкой, которая стала моей единственной подругой.

... Уроки закончились, но наш автобус был в райцентре, и приезжие ученики ожидали его. Я стояла в пустом коридоре возле гардероба, остальные были на улице. Вдруг с верхнего этажа сбежали две девочки и остановились неподалеку, переговариваясь. Я их уже видела: то были ученицы восьмого класса – Катя Мельникова и ее неразлучная подруга Н.С. Катя была тихим, неприметным существом в скромной темно-малиновой курточке с потрепанной опушкой и простом коричневом берете. Ее худенькое круглое веснушчатое лицо оживляли большие карие глаза. Как и Таня, она была дочерью пьющих колхозников. Неблагополучие ее жизни ощущалось в ее покорной подавленности и робкой, неуверенной улыбке одними уголками губ.

Ее подруга была совсем иного склада. Прямая спина, высокомерно поднятая голова, небрежно закрученные вверх и заколотые на затылке светлые волосы, открытое безбровое лицо, голубые бесстыдные глаза, самоуверенная размашистая походка, расстегнутое материнское пальто почти до пят: Н.С. слыла неисправимой хулиганкой. Дети боялись ее, учителя старались избегать ссор с ней. «Лучше не трогайте ее, – советовал моей маме ста-

рый учитель, – она может нагрубить». Смиренная подавленность одной и самоуверенность другой вызвали мою симпатию.

Поэтому я была несказанно рада, когда Н.С., подбрасывая на ладони какую-то черную бусину, вальяжно приблизилась к Катей ко мне и дружелюбно поинтересовалась, откуда я приехала и как чувствую себя в классе. Сбьющимся сердцем, я робко отвечала на ее вопросы. Она спросила что-то еще и безразлично отошла с Катей (та нерешительно оглянулась на меня). Они продолжили вполголоса свою беседу; черная бусина весело подскакивала на ладони Н.С. Я подошла к окну, обдумывая новое знакомство. «О, бусина укатилась!» – услышала я за спиной громкий голос Н.С. Немного поискав ее, обе девочки ушли. Я бросилась разыскивать пропажу. Вскоре я нашла ее: то был простой пластмассовый шарик. Я сунула его в карман с намерением вернуть, зная, что не верну.

С того дня Катя и Н.С. стали моими кумирами: Катя – из-за своего неблагополучия, вызывавшего мое сострадание, Н.С. – из-за уверенности в себе, которой мне тогда не хватало. Я думала о них день и ночь, ездила в ненавистную школу, чтобы увидеть их, мечтала о нашей тройственной дружбе и начала писать стихи. «Кому-то скажут «Здравствуй», // Кого-то отдубасят: // Они такие разные, // Эти восьмиклассницы...» – то были мои первые стихотворные строчки, сложенные в уме возле дома пасмурным ноябрьским днем 1998 года.

Н.С., встречая меня в школьном коридоре, стала говорить мне «Привет!», Катя мило и молча улыбалась мне уголками горьких губ, я отвечала им обоим застенчивой счастливой улыбкой. Мы никогда не разговаривали.

Иногда Н.С. заходила в мой класс, как будто следя за порядком. Мои одноклассники притихали и ждали недоброго. Н.С. размашисто писала через всю доску «6 класс – дураки, кроме Оли» и, окинув съезжившихся ребят насмешливым взглядом, неспешно удалялась, развеивая полами пальто. Меня стали беспокоить меньше.

Весной 2000 года я затеяла обмен записками с Катей и Н.С. В них я рассказывала о своей жизни и писала посвя-

щенные им стихи. Каждое послание я любовно оформляла, переводя через копировальную бумагу бабушкины эскизы для вышивок и тщательно раскрашивая их цветными карандашами. Н.С. отвечала несколькими прохладными строками о незначительных делах. Всего я получила от нее пять записок. После своего окончания школы в 2000 году она перестала писать мне, хотя я продолжала изредка отправлять ей ласковые, доверительные письма.

Что до Кати, то она писала много и бережно. «Здравствуй, Оленька!» – начинались ее письма, и я, читая их, ощущала, что для нее я была именно Оленькой – дорогим, любимым существом – может быть, единственным, кто проявлял к ней теплоту и участие. «Я только взяла в руки последнее из твоих писем, как вошла мама и дала мне новое письмо от тебя. Я так обрадовалась!» «Пожалуйста, напиши мне еще какие-нибудь веселые случаи из своей жизни: они мне очень нравятся». «Мечтаю купить гелевую ручку. Хочу писать тебе письма гелевой ручкой». Однажды я сообщила ей о том, что мы с мамой предполагаем переехать из деревни в райцентр. «Пожалуйста, уговори маму не уезжать. Так я могу приехать в школу и увидеть тебя, а если ты уедешь, я больше тебя не увижу...» Расстояние от ее деревни до райцентра составляло сорок километров, но, несмотря на наличие рейсового автобуса, оно было для нее непреодолимым: ей не хватало средств. «Прости, что я долго не писала: конвертов не было». Я вкладывала конверты для нее, но она стеснялась принимать мою помощь.

Катя была, пожалуй, единственным человеком, кто ценил меня и мое внимание, кто искренне радовался мне, кто скучал по мне. Я переписывалась с Катей три года. В последнем письме она написала о том, что тоскует по умершему отцу, много болеет, через силу ходит работать на скотный двор, получила тяжелую травму руки. «Спасибо твоей маме, что позвонила мне в больницу...» Больше писем от нее не было.

В мае 2013 года я, перебирая свои старые фотографии, вспомнила, что подарила одну из них Кате. Мелькнула странная мысль о пожаре, и меня охватил необъяснимый

ужас. 19 октября 2014 года, через пятнадцать лет после нашего знакомства, я узнала, что Катя заживо сгорела в своем доме.

Тогда же я нашла в одной социальной сети страницу Н.С. На фотографиях она была располневшей и, как всегда, довольной собой и жизнью. Я написала ей письмо с благодарностью за прошлую дружбу, но ответа не получила.

Сорванцы

Другими моими «приятелями» в школе были трое мальчишек классом младше. Я заметила их весной 2001 года. Один был благополучным сыном учительницы, другой – простым и смешливым сыном тракториста, третий – из деревенской «интеллигенции», смазливый и хитрый – успел отличиться в двух крупных кражах. По школе они перемещались неразлучной троицей.

Я отчаянно тосковала по дружбе и непременно – с мальчишками, в которых видела себе подобных, тогда как девочки были мне непонятны и чужды. Эта тоска заставляла меня читать о них, выискивать в книгах героев, соответствующих моему представлению о друге, и вести с ними мысленные беседы. Помню, как в шестнадцать лет я плакала над страницей «Молодой гвардии» Фадеева, где был изображен Сережка Тюленин: «Почему для меня нет такого?» И носила с собой, как иконку, переведенный через кальку портрет Громоносцева из «Республики ШКИД». А герои «Педагогической поэмы», которую я впервые и с упоением прочитала в тринадцать лет, стали моими мысленными спутниками на четыре года. Я жила в той книге. Колония для малолетних правонарушителей казалась более реальной, чем мое вымирающее село, а ее жители – более настоящими, чем те, кто окружал меня в школе. Настоящими они и были – те, кто были готовы оставить крышу над головой, бесплатный стол и теплую постель из-за друга, вынужденного вернуться к голодной скитальческой жизни. Я сопоставляла себя с ними, старалась походить на них, и все это только выявляло, уси-

ливало имевшиеся во мне черты и – тоску о равном.

Те мальчишки из школы равными мне не были. Они были пусты и грубы, но лучших не имелось. И я старалась обратить на себя их внимание, не пропуская в дверях или «случайно» задевая. И они обратили внимание. Так начались наши игры. Мы гоняли стулья по полу пустого класса – так, что одна из их одноклассниц примчалась в ужасе к моей маме-завучу, думая, что меня обижают. Мама бросилась на помощь и застала меня как раз за удачной «подачей мяча». Мы раскачивали парты, толкая их друг к другу (с одной, в мамином классе, преуспели, и она зашаталась. Беда была в том, что то была моя парта, и мне потом пришлось на ней писать). Мы бросались свернутыми мокрыми тряпками для доски, летевшими, как камни, и однажды едва не выбили оконное стекло. Мы бегали по коридорам: я – за кем-нибудь из этой троицы. Во время одной из таких пробежек я едва не сбила с ног маму, неспешно шедшую навстречу. Преследование заканчивалось у дверей черной лестницы, за которыми укрывались мальчишки. И я старалась открыть двери, которые они – уже вместе – изо всех сил держали. Это было другой забавой. Двери трещали и ходили ходуном. Один раз при такой игре мне до крови повредили руку.

Бывали смешные случаи. Так, однажды я застала троицу за увлеченным чтением какой-то бумаги. Я подошла и, заглядывая через плечо одного из них, тоже принялась читать. Бумага казалась странно знакомой... Не сразу я поняла, что то была моя записка, адресованная одной из их одноклассниц!

Мы ни разу не поговорили – только всячески забавлялись, стремясь что-нибудь сломать и произвести как можно больше шума. Мы были источником дикого оживления – единственным в довольно тихой школе. И иногда я с удовлетворением выслушивала замечания учителей также и в свой адрес. Духовно это «общение» не давало мне ничего, но оно помогало избавиться от постоянного напряжения и показать моим завистницам, что я – на другой стороне.

Мое здоровье

Напряжение в школе и непреходящая тоска о друге еще больше ослабили мое и без того слишком хрупкое здоровье. Кроме того, я нередко получала травмы. В восемь лет, катаясь на льду, я упала на спину и ударились так, что на несколько секунд остановилось дыхание. В девять лет, следуя по тропинке впереди мамы и бабушки по направлению к дому наших родственников, я в задумчивости не заметила толстой поперечной жерди ограждения и ударились в нее лбом. Остановившись, я в недоумении почесала ушибленное место, не сразу, поняв, что меня стукнуло.

В десять лет я поскользнулась на обледеневшей тропинке возле крыльца бабушкиного дома и, упав, ушибла затылок. Возможно, именно этот ушиб стал причиной мучительных мигреней, досаждавших мне с десяти до тринадцати лет. Они являлись внезапно два-три раза в неделю и длились часа два-три. Я намазывала виски мятным бальзамом и прижималась лбом к холодной никелированной спинке кровати, досадуя на недомогание, отвлекавшее меня от моих занятий.

Были повреждения иного рода. Так, в девять лет я, качаясь в коридоре на качелях (вожжа, привязанная обоими концами к перекладине), ударились лицом об угол, повредив передние зубы (еще молочные). В двенадцать лет ухитрилась уронить тяжелые ножницы так, что они пробили большой палец левой ноги. В тринадцать, обстругивая палку, пропоролла ножом мякоть между большим и указательным пальцами левой руки. Все мои порезы осложнялись тем, что являлось обильное и трудноостановимое в тех условиях кровотечение.

Бывали случаи и посерьезнее. Так, летом 2000 года я сооружала в огороде столы для своей обширной коллекции окаменелостей. Стояла тридцатиградусная жара. По своей, уже тогда имевшейся, привычке не обращать внимания на внешние неудобства, я усердно и почти без отдыха пилила ножовкой палки, доски и жерди. Вдруг что-то горячее капнуло мне на руку. Я сначала даже не поня-

ла, что это была кровь. Затем отложила пилу и, слегка зажав нос, спокойно направилась домой. Дома я долго стояла над раковиной, терпеливо ожидая конца сильного носового кровотечения. Он не наступал. Мама посоветовала мне сесть, запрокинув голову. Я повиновалась. Кровь не останавливалась. Она жарко струилась в горло и из носа; мама подавала мне платки, полотенца, мои старые футболки... Потом подручных средств стало не хватать, и бабушка принялась тут же стирать испачканные и подавать мне влажные. Через четыре часа мне вызвали фельдшера из Дубровки. Пока та добиралась, прошел еще час. Наконец, врач прибыла и остановила кровотечение аминокислотой (позднее я вспомнила этот случай, когда городские врачи «скорой помощи» оказались неспособны избавить меня от гораздо меньшего кровотечения). Помню, как после я сидела рядом с бабушкой, ощущая небывалую угнетающую слабость и головокружение, и, спокойно полагая, что близка смерть, просила прощения за свои провинности.

Переоценка своих сил часто вредила мне. Так, летней ночью 1998 года легковая машина сбила четыре пролета нашего забора. Днем мы с бабушкой отправились ставить временное ограждение, чтобы в огород не забрели коровы. Я помогала бабушке, поднося палки и жерди. Повреждения мы кое-как исправили, а на следующий день я не смогла поднять головы от подушки от сильнейшего головокружения. Так и пролежала сутки в одном положении.

Все детство досаждали невероятные бронхиты (или воспаления легких). Я сидела в постели, с головой накрывшись одеялом, и дышала над горячей картошкой, понемногу подъедаая ее.

С тринадцати лет меня стали мучить гипертонические кризы. Ни я, ни мама не знали тогда, что происходит со мной, когда внезапно являлась мучительная лихорадка, учащенное тяжелое сердцебиение, стеснение в груди, пронзительная головная боль, сильное головокружение (порой было невозможно держать глаза открытыми). В таких случаях я не могла оставаться на ногах, ложилась и, закрыв глаза, слушала бабушкины рассказы о ее детстве,

хуторе Кремнице, Боре, школе... У бабушки была удивительная способность отвлекать: уже через час-полтора мое недомогание проходило бесследно, и я, как ни в чем не бывало, возвращалась к прерванным занятиям. Но иногда даже бабушка была бессильна. Помню, как однажды, в тринадцать лет, во время такого криза я молила маму: «Пожалуйста, убей меня, я больше не могу терпеть!» Эти кризы продолжались с частотой два-три раза в год до двадцати одного года, когда вследствие эмоционального и умственного переутомления превратились в бедствие.

Недомоганий было столько, что в тринадцать лет я задавалась вопросом, что значит быть здоровым. Но хуже всего было одиночество.

Уход от одиночества

... Яркий свет утреннего солнца сияет на серебряных украшениях старинного бамбукового столика. На голубой стене – старая икона Богородицы. Потемневшее сусальное золото под стеклом и почти черные лицо и руки. Рук почему-то три. От этого нечеловеческого в человеческом – с детства – сковывающий страх: что такое смотрит со стены? Теперь, в четырнадцать лет, зная легенду о приложенной руке, я боюсь эту икону еще больше и оттого еще больше верю в нее – или, точнее, в то, что за ней, за ненужной позолотой и тусклым стеклом, в непостижимой дали... «Господи, дай мне друга! Я больше не могу, не хочу быть одна...» Вою, ползая на коленях под иконой. Кричу, пытаюсь докричаться сквозь стекло, позолоту и приложенные руки человеческие до Того, Кто все может. Хорошо, что меня никто не слышит, кроме Него. В том, что Он слышит, я не сомневаюсь: ведь Он создал нас не на страдания. Не от Бога зло, но от человека...

Моя первая просьба не была исполнена, и я летом 2001 года попыталась заглушить тоску физической усталостью. Негативность средства (ведь я могла найти утешение в чем-либо более приятном) обуславливалась аскетической чертой, появившейся еще в раннем детстве. Пом-

ню, как в пять лет я с гордостью рассматривала дырки на локтях своей старой кофточке: «Мама, посмотри, какие дырки!» – словно то были лучшие украшения. В шесть лет я отказывалась носить новые джинсовые платья, считая их слишком красивыми и «модными». В то время я с удовольствием носила бабушкины юбки и блузки – оттого, что они были старые, поношенные, красивые для меня. В семь лет, заслышав от одной женщины восхищенное замечание по поводу моего платья – розового с белыми рюшами: «Как невеста!» – никогда больше его не надевала – именно оттого, что оно было нарядным. В десять лет, сидя возле сияющего морозного окна, сопоставляла блеск алмаза в прабабушкином кольце с морозными узорами: «Все-таки мороз на окне красивее...» Я видела красоту в умеренности, а всякий намек на роскошество вызывал негодование и отвращение.

Откуда все это шло? Мама всегда желала одеть меня покрасивее, бабушка любовалась моими хорошими одежками... Не было ли то чем-то изначально присущим, как творческая способность? Или эта творческая способность уже брала верх, указуя, что поверхностный блеск – ничто?

«Мы не знали бы доброй половины поэтов и художников, если бы они были богаты. Они не осуществились бы. Я росла в перешитых бабушкиных платьях, и мне никогда и в голову не приходило попрекнуть этим маму – напротив, когда появлялась возможность что-нибудь купить, я активно возражала, отдавая предпочтение уютной простоте. И скандалов из-за денег у нас никогда не было. Может быть, хоть в этом маме повезло со мной» (10 декабря 2007 г.).

Работа в селе

Накопившаяся тоска одиночества стала поводом для сознательной вспышки аскетизма и жесткого самовоспитания, начатого летом 2001 года, в четырнадцать лет.

Без острой необходимости я приняла на себя всю работу в доме и огороде. Каждый день, поднявшись в семь ут-

Автор в 2000 году. Тверь, березовая роща.

«Первый раз в Москве. Платье – троюродной бабушки (М.А. Васильевой), пояс и сумка – мамины, платок собственный, но старый, на ногах – домашние тапочки, причем – тщательно мною зашитые. И – какая радость!.. 23 июля 2000 г.» – О.К.

«Неужели я в Москве?!»

В Москве, возле Исторического музея

Автор в Москве на Красной площади. 23 июля 2000 г.

Автор в Пухтиной Горе, возле своего детского шалаша. 2003 г.

ра, я отправлялась за водой на родник, находившийся на расстоянии трехсот метров. Он вытекал из-под невысокого известнякового холма, на котором возвышались столетние сосны, и, расширившись в спокойный омут, впадал в Цну. Рядом с родником росла древняя ветла, развалившаяся от старости надвое. Одна часть наклонялась к реке, другая – опиралась о холм. Устье родника представляло собой узкую горизонтальную щель под известняковой глыбой. Дно в том месте было образовано серо-ватой и бледно-розовой глиной. Немного поодаль вокруг источника лежали замшелые крупные камни, образуя прямоугольник два метра на три. Одним из этих камней была красная гранитная плита неправильной формы, около полуметра шириной, лежавшая поперек источника. То был фундамент часовни, стоявшей там до 1930-х годов. Она была возведена в честь одного чудесного явления: старожилы рассказывали, что однажды из-под холма выплыла икона Богородицы. С тех пор источник почитали святым и по народному суеверию бросали в него монеты.

В 1930-е годы часовня была разрушена, и на ее месте поставлен небольшой сарайчик для хранения бидонов с молоком. Это сарайчик стоял и при мне, зияя влажной чернотой проема на приходящих за водой.

К роднику было два пути: берегом реки, где часто стояла вода, и через холм – узкой обрывистой тропкой. По необходимости я выбрала последний. Ходить пять-семь раз в день по этой тропе с двумя двенадцатилитровыми ведрами в руках было весьма неудобно.

Ведра я всегда носила в руках: пользоваться коромыслом я не умела. Помню, однажды я попробовала взять его на плечи: поставила оба ведра на нужное расстояние друг от друга, подвела под дужки коромысло, опустилась на колени, подлезла под коромысло и попыталась встать, держа все это устройство на плечах, однако не преуспела. Да и что то были за плечи, чтобы носить на них коромысло?

Наносив воды, я готовила пищу. Каждый день было что-то новое: суп с рисом, суп с макаронами, каша гречневая, каша манная, плов, икра из кабачков, салат, винегрет, пироги... Продукты хранились в тяжелом старинном

ларе, привезенном из Гродно. Каждые две недели я проводила там ревизию, усердно взвешивая пакетики круп и макарон, пересчитывая банки консервов и прочее, а результаты заносила в особую тетрадь. Я сама составляла список продуктов, которые надо было купить, – соблюдая строжайшую экономию. В такой экономии не было особенной необходимости: просто я полагала, что не следует покупать то, без чего можно обойтись. Так я изобрела щи с подсолнечным маслом вместо тушенки и плов с одними морковью и луком.

Многие блюда были придуманы мною, включая тушеную кабачковую икру с овощами, обжаренные шарики из картофельного пюре с репчатым луком и черничное желе. Также одним из моих изобретений было вкусное яблочное желе, прозрачное и золотисто-красное. Готовилось оно из воды, в которой варились яблоки для повидла. Я добавляла необходимое количество сахарного песка и варила до загустения.

Я увлеченно заготавливала всевозможное варенье. Излюбленным было яблочное повидло. Яблоки я собирала возле дома, с яблонь прадеда. Почти все они уже выродились, плоды стали кислы, но для варенья подходили замечательно. К зиме в подполе стояли батареи банок с коричневым повидлом.

Готовила я желе из красной смородины, варенье из черной, чернику и малину в собственном соку, рябиновое и малиновое варенье...

После приготовления пищи я принималась за стирку. Летом стирала на реке, находившейся примерно в двухстах метрах от дома. Белье носила в тазу, поставив его на бок – на выступавшую тазовую кость, которую я таким образом натерла до ссадины. Стирала на реке и половники – по несколько штук в день, тщательно отстирывая щеткой с мылом каждый сантиметр. Зимой стирала в кухне, принося из родника лишние ведра воды.

Часто проводила в доме генеральную уборку: мыла полы, протирала полки и шкафы, чистила комнатные цветы.

Цветы всегда были в порядке. Я пересаживала их, об-

резала желтые листья, рыхлила землю. У нас росли красная герань, столетник, красная бегония, так называемый «ванька мокрый» и замечательные маленькие розовые розочки. Такие розочки запечатлены на одной фотографии 1925 года, сделанной на хуторе Кремнице (с. 29): видимо, их привезли из Гродно. Они пропали к 2004 году.

Постепенно я завела традесканцию, опунцию, циссус, кактусы, каллу, хлорофитумы, пеларгонию, розовую и белую герань. Отростки я «заимствовала» в школе и магазинах. Я вырастила из семечек мандарин и киви. Цветы занимали старинный гродненский столик и несколько стульев, а также висели в кашпо по стенам.

С апреля по сентябрь я часами работала в огороде и собственном цветнике.

Огород представлял собой прямоугольник около шестнадцати метров на десять, располагавшийся под окнами дома. Весной его перепаживали на лошади, после чего делались гряды: прокапывались канавки и ударами лопатой плашмя укреплялись их стороны. Работа простая, но трудоемкая. Затем – посадка саженцев и посев семян: морковь, свекла, редис, репа, капуста, укроп, петрушка, горох, боб, кабачки, тыквы. Посадки требовали полива. Для этого использовалась вода из колодца на краю огорода. Сруб подгнивал, вода поступала плохо: обычно ее бывало не больше метра. В жару она и вовсе уходила, и оставалась только небольшая лужица. Тогда приходилось носить воду из реки, за двести метров, двенадцатилитровыми ведрами без коромысла.

Из колодца воду доставали при помощи ведра, повешенного на крюк длинного шеста. Я пользовалась железным пятнадцатилитровым ведром. Поднимать перед собой пятнадцать литров воды на скользком шесте, стоя у края полугнилого сруба, возвышавшегося над землей на треть метра, и испытывая головокружение от усталости было делом тяжелым и рискованным.

Для того чтобы овощи лучше росли, следовало подкармливать их. Удобрение мы с мамой приносили со скотного двора, где нагребали его лопатой в ведра. Иногда я собирала его совком по дороге после того, как по ней про-

шло стадо коров. Я разводила его в воде, размешивая голыми руками безо всякой брезгливости. С этим связан примечательный случай.

Я никогда не бывала полностью довольна и, тем более, горда тем, что делаю. Всегда существовал некий, лишь мне известный предел, которого я никогда не достигала. Все сделанное – будь то цветочная клумба возле бабушкиного дома или повесть о немецком композиторе – было только приблизительностью, подобием того, что мне хотелось сделать. Но – можно ли сполна осуществить замысел, выполнить точную копию того, что живет внутри?..

Лишь однажды я испытала гордость своей работой. Мне было пятнадцать лет. Погожим летним вечером я работала на огороде. Потрепанная кофта с закатанными рукавами, старые штаны – так проношенные на коленях, что залатать их было уже невозможно, забрызганные грязью резиновые сапоги. Передо мной – ржавый чугун с водой, литров на семь, и большое ведро, полное свежего коровьего навоза пополам с сеном. Я голыми руками захватываю куски и перекладываю в чугун, где – голыми же руками – тщательно их размешиваю. Один кусок, другой... Жидковато, надо еще положить. Руки грязны чуть ли не по локоть. Вдалеке раздается бьющая музыка. Тяжело разгибаюсь, с рук течет в чугун. Вдоль забора идет моя приятельница Кристина со своими друзьями, тоже детьми дачников. Модная яркая одежда, веселый смех, кричащая радиола. И тотчас – невероятное, упоительное, меня превосходящее чувство гордости – своими рабочими лохмотьями – перед их городским нарядом, своей усталостью – перед их праздностью, своими буйно растущими капустой, свеклой, морковью, луком – перед их папуасской музыкой, своим *трудом* – перед их *бессмысленностью*.

Ныне – с девятью языками, одиннадцатью книгами, музыкой, литературой, историей, библиотеками Оксфорда и Конгресса – не только не испытываю и тени того чувства, но, напротив, ощущаю уничтожающую горечь. Тогда вокруг меня были *плоды* моего труда, питание для мамы и бабушки, ныне – пустота моего «возвышенного» одиночества, которого я всем своим неистовым упорством не

преодолела.

А овощи действительно росли богато. Луковицы достигали двенадцати сантиметров в диаметре, морковь бывала весом семьсот граммов, огурцов с одной гряды (метров десять) можно было набрать почти пятьдесят ведер, свекла была такого размера, что несколько штук заполняли семи-литровое ведро.

Также хорошо росли и цветы. Я разбила цветник на пустыре в пятнадцать метрах от дома. В 1996 году мама поставила мне там шалаш для игр, который позднее мы с ней значительно улучшили, превратив в уютный деревянный домик с двумя окнами. А некогда, еще до того, как в Пухтиной Горе поселились мои предки, на этом месте была свалка. Поэтому не было ничего удивительного в том, что я то и дело натыкалась на осколки посуды, ржавые крюки, гвозди, стекла, кости... Костей было особенно много — и не только свиных или телячьих. Мне попался полустлевший изогнутый клык длиной сантиметра четыре и половина чьей-то закругленной нижней челюсти. Однажды я, сажая цветы, пропорола ладонь крупным осколком кости, но, по своей привычке не придавать значения повреждениям, продолжила работу, несмотря на струившуюся кровь.

Я удалила из земли весь мусор, обнесла место низким заборчиком (получился участок метров восемь на восемь), сделала круглые и прямоугольные клумбы, обложив их белыми кирпичами и крупными камнями, которые принесла на руках с дороги.

Цветы там росли многообразные. Бабушкины нарциссы, ирисы, тигровые лилии, оранжевые лилии, маргаритки. Мои астры, мимюсы, незабудки, синие ромашки, львиные зевы, календула, агератумы, цинии, ноготки. Я тщательно поливала их, подкармливала, полола клумбы, рыхлила землю. Траву между клумб я аккуратно подстригала ножницами, ползая по цветнику на коленях.

Кроме того, были две гряды с цветами под окнами дома. Односельчане любовались невиданными там высокими разноцветными львиными зевами, пушистыми фиолетовыми агератами, многообразием астр и остальными

цветами.

Кроме огорода и цветника, была еще пашня картофеля: пространство в метров двадцать восемь на четырнадцать. Она тоже требовала ухода. Картофель по подрастании обсыпали землей, а летом несколько раз приходилось полоть борозды при помощи мотыги.

Оставшуюся часть огорода – с две пашни – занимала пустошь, поросшая травой, отчасти – грубой ежей. Эту траву следовало скашивать, дабы огород имел ухоженный вид. И я, поднявшись на рассвете, отправлялась косить, пока не высохла роса. Сил было мало; сделав несколько взмахов, я останавливалась отдышаться. Сердце билось в горле, в глазах вспыхивали искры, в ушах шумело. От постоянной работы, от мотыги, лопаты, косы, грабель на ладонях образовались незаживающие кровавые мозоли с копейку и более, по несколько на руке. Они болели и кровоточили. Ручка моей косы была бурой. Я гордилась этими мозолями.

Косу надо было время от времени подтачивать длинной каменной точилкой. Однажды я провела по лезвию вместе с точилкой указательным пальцем, и только когда заструилась кровь, заметила, как глубоко я порезалась. И, как всегда, – никакого внимания на повреждение.

Сколько у меня ни было всевозможных порезов и ссадин – при работе в земле, от ржавых гвоздей, я не заболела, и ранки заживали без нагноения.

На колхозных полях

Так прошло лето 2001 года – за работой сквозь усталость, слабость, головокружение и стеснение в груди. При моей хрупкости и нездоровье чрезмерная нагрузка не пошла мне на пользу. Я стала страдать бессонницей, затянувшейся на четыре года, а в сентябре того года у меня впервые заболело сердце.

Мне было мало этой работы – мало потому, что она не оказывала желаемого воздействия. Несмотря на изнеможение, тоска меня не отпускала. Решив увеличить нагруз-

ку, я осенью отправилась на уборку картофеля в колхозе, на которую направляли учеников 6-9 классов (за работу полагалась небольшая плата). Я могла бы избежать этого труда: у меня было освобождение от полевых работ, как и от физкультуры.

На поле я проявила такое же усердие, как при работе дома. Тогда как остальные медленно, на корточках, перемещались вдоль борозд, лениво выковыривая из земли картофель, я стремительно бегала по полю, поспешно собирая клубни в семилитровое железное ведро, которое затем подавала высыпать в кузов трактора. Нередко помогала другим. Эта работа по-настоящему увлекла меня, став своего рода состязанием. Однако я желала превзойти остальных не для того, чтобы показаться лучшей, а для того, чтобы испытать свои силы. Каким удовольствием было к концу рабочего дня узнать, что ты набрал сто десять ведер, тогда как самый сильный мальчик из твоего класса – только девяносто!

В этом «соревновании» мне не удавалось превзойти только одного мальчика – крепкого и задиристого, старше меня на два года. Он, видимо, почувствовал во мне соперника. Однажды, когда я за сбором картофеля оказалась на краю поля, вдалеке от остальных ребят и бывших с ними учителей, он и шесть-семь его сотоварищей окружили меня. Он начал оскорблять меня, приятели поддерживали его. Я стояла неподвижно и молча, прямо глядя в его бесстыдные глаза. Мне было отчаянно страшно: они легко могли бы ударить меня, нанести какое-нибудь повреждение: свидетелей не было. Проявление страха могло подзадорить их, показав, что они сильнее. И я стояла в свободной позе, держа свое ведро, и чуть усмехалась. Наконец, моему «противнику» наскучила моя невозмутимость, и он весьма чувствительно ударил меня кулаком в плечо. «Что, захотелось подраться с девчонкой?» – бросила я с презрительным смехом. «Недруг» отпрянул, как от удара, и присел, почти приник к земле, глядя на меня широко раскрытыми испуганными глазами. Его товарищи растерянно молчали. Я спокойно выбралась из их окружения и двинулась дальше по борозде, собирая картофель.

Моя необычайная работоспособность при наличии освобождения от физических нагрузок была непостижима и раздражительна. Меня наверняка считали лгуном, избравшим нездоровье, дабы пропустить занятия в школе. Никто не видел, как от переутомления у меня лилась носом кровь, никто не знал, что у меня кружилась голова и ломило сердце; никому не было известно, что это была не особая работоспособность, а преодоление себя, работа сверх сил.

И давно таившаяся неприязнь, источником и распространителем которой была Г., наконец, выплеснулась.

На поле в меня стали бросаться крупными картофелинами. Они гулко ударялись о спину, били по бокам, ногам, плечам... Я старалась не обращать внимания, надеясь, что мое безразличие заставит обидчиков потерять ко мне интерес. Напротив: вместо картофелин в ход пошли камни. Один из них, довольно большой, ударил по касательной в левый висок. Только тогда я, держась за ушибленное место, проковыляла к учительнице, бывшей в тот день со школьниками на поле, и, рассказав о происходившем, попросила ее остановить моих недоброжелателей. Она равнодушно отошла от меня.

Я оказалась одна против всех. И эти все, дождавшись завершения работы, обрушились на меня. Мы (наш класс, старший и два младших: человек сорок) сели в школьный автобус, который должен был доставить нас с поля в Дубровку, отстоявшую на четыре километра. Едва мы отъехали, как послышались насмешки – сначала осторожные, потом все более смелые. Я старалась сохранять невозмутимый вид. Тогда меня начали бить кулаками по плечам, спине, бокам, сорвали головной платок, рвали за волосы, бросались картофелинами из своих ведер... Гам, озверевшие лица кругом, беспомощно сочувствующая Таня рядом. От усталости плыло в глазах и щемило сердце; вскипали слезы негодования; я сжимала кулаки и стискивала зубы. «Только не плакать. Только не плакать», – твердила я себе. Тот обезумевший сонм вокруг меня можно было легко остановить: стоило только вмешаться водителю дяде Саше, который слышал шум. Он продолжал ехать как

ни в чем не бывало.

Добравшись до Дубровки, я направилась в школу, где меня ожидала мама. Я заглянула к ней в директорскую, поставила у двери свое ведро, бодро сообщила, что день прошел хорошо, и ушла в туалет. Только там, закрывшись, я дала волю слезам – слезам не злости, но глубочайшей горечи от людского жестокосердия. А больше всех издевательств было равнодушие дяди Саши.

Колка дров

Зимой 2001-2002 гг. (в четырнадцать лет) я колола дрова – кряжистые осиновые, еловые и березовые чурки, тяжелым колуном с длинной ручкой. Я устанавливала чурку так, чтобы она не падала, метко опрокидывала на нее колун, и она с треском распадалась – не всегда до конца. Чтобы поднять колун еще раз, я набиралась сил. За день я раскалывала пятнадцать-двадцать чурок, на что уходило несколько часов. После шла домой с грохочущей в висках кровью и сжатием в груди и долго сидела на кухне не раздеваясь, приходя в себя. За два месяца я расколола полторы тракторных тележки дров. От этого непомерного усилия была польза. В ту зиму у меня приключился обычный бронхит. Я около недели провела дома, дико кашляя и принимая лекарства. Потом мне это наскучило, и я, преодолевая слабость, хрипя, с температурой 38° С, отправилась колоть дрова. После каждого удара я останавливалась сплюнуть мокроту. Через час кашель прошел, и температура спала. После этого у меня несколько лет не было бронхитов.

В волчьем лесу

Зимой 2003 года я задумала поставить новый забор вокруг огорода. Старый, сделанный еще дедом, покосился, был поправлен и местами превратился в нагромождение подгнивших палок и досок.

Для нового требовались материалы. И я, в дедовской

фуфайке, вооружившись топором, отправилась в лес на другую сторону Цны рубить молодые елки для палок и жердей.

Свежая поросль шла по опушке вдоль узкой полосы поля. С одной стороны виднелась на горизонте деревня Шемелинка с населением в два человека, с другой, километра за полтора, находилась чуть большая деревня Ломакки, а наша была примерно за километр напротив, скрытая от глаз густым ольховым пролеском на берегу. Через эту местность проходили один-два человека несколько раз в неделю.

Я возвращалась из школы около трех часов дня и шла в лес часа в четыре, когда уже начинало смеркаться. Дни стояли пасмурные и мягкие, лес чернел навстречу, кругом не было ни души.

Я срубала ели, стараясь вырубать заросли не подряд, но прореживая их, чтобы наиболее красивые деревца могли свободно расти. Срубленную елку я тщательно очищала от ветвей. За день заготавливала палок двадцать-тридцать. Носила их домой вязанкой на боку.

Когда на опушке было взято все, что возможно, мне пришлось углубиться в лес. Лес был темный, дремучий, со старым буреломом, где замшелые вывороченные корни мнились издали медведями, вставшими на дыбы, а над головой время от времени раздавалось злое карканье воронов. Где-то невидимо присутствовали волки, уничтожившие в том году всех собак в округе.

Я постоянно помнила о них. Они были моим наваждением, с ума сводящим страхом, пробиравшим от каждого шороха морозом по коже. Их невидимая стая множилась в моем воображении, обращаясь в одно молчаливое пространство ужаса. Я сжимала рукоятку топора, зная, что при необходимости ничего не смогу поделывать, и выбирала ели для заготовки возле дерева, на которое можно было бы залезть (тогда как волки сели бы внизу и стали бы ждать, когда я оттуда упаду). Срубая деревцо, я старалась становиться спиной ко входу, не к лесу: так было легче. Но это не всегда было возможно. И я рубила елки, ощущая спиной несуществующий цепенящий взгляд и то и дело

оборачиваясь с мертвящим холодом внутри в ожидании увидеть перед собой серое чудовище.

Работа была испытанием моей воли. Я пересиливала свой страх, заставляя себя срубить намеченное количество елок, тщательно обрубать с них ветки и связывать их в вязанку, закрепляя ее веревками на двух концах. Работала я голыми руками – голыми руками брала колючие, иголками усеянные смолистые стволы. Сначала это было мерой предосторожности: в перчатках было бы неудобно держать топор в случае нападения, потом просто привыкла. Странное дело, но я не ощущала боли, а иголки не наносили мне ни малейших повреждений.

Три месяца я ходила в лес, в свой страх, в свое крайнее одиночество и беспомощность. Никогда в жизни я не испытывала такого ужаса, как тогда, неспешно срубая елочку, стоя спиной к черной враждебной глубине. Только людское равнодушие оказалось страшнее волчьего леса.

Новый забор

Заготовку палок и жердей я продолжала и в мае (2003 г.), когда наступила преждевременная жара. Помню почти осязаемый смолистый запах и растянутую повсюду паутину с разнообразными хозяевами. Я с детства панически боялась пауков, и пребывать среди них было для меня большим испытанием, чем ходить в лес, рискуя встретить волка.

В конце мая я начала ставить забор. Сначала следовало разобрать старый. Это оказалось непростым делом: палки и доски были крепко прибиты длинными гвоздями. Я отбивала их кувалдой, некоторые выкручивала голыми руками. Дело усложнялось моей невероятной рассеянностью. Однажды надо было оторвать толстый кол. Вместо того, чтобы отбить его ударом кувалды, я изо всех сил потянула его на себя. Кол оторвался и стукнул меня по недогадливому лбу так, что я не устояла на ногах. Потом я целую неделю ходила с прикрытым правым глазом, над которым красовался великолепный синяк.

В другой раз я копала яму под столб. На глубине в полметра наткнулась на большой булыжник. С невероятным усилием я выворотила его из ямы и опрокинула себе на ноги. На память осталась смещенная косточка на подъеме правой ноги.

По той же причине я получила более серьезное повреждение. Я подпиливала свежие палки, чтобы они были ровными. Мне быстро наскучило это занятие, и я стала их обрубать, что требовало больше сил. Потом упростила и это, начав надпиливать их и обламывать, наступая на край ногой. Одну из палок недопилила, и ее кусок (около полуметра, весь в сучках) при нажатии отлетел вверх, ударив меня по губам. Я пришла домой, как после хорошей драки, зажимая «кровавый рот». Один из верхних зубов был надломлен и вскоре выпал, по остальным пошли трещины, и я позднее лишилась также их.

Расчистив участок в два-три пролета (5-7 м.), я выкапывала при помощи коловорота ямы для столбов. Столбы подносила на себе: либо волоком, зажав край под мышкой, либо на веревке. После их установки прибивала между ними две жерди и на них – палки. За лето большая часть забора была поставлена, остался лишь участок метров в пятнадцать, на который не хватило столбов. Вместе с колкой дров, косьбой и работой в колхозе на уборке картофеля это было самым тяжелым трудом. Жара (в конце мая было 30° С) делала его еще тяжелее.

Самовоспитание: волки, кладбище и голод

Как уже было сказано, работа, которой я самозабвенно предавалась в четырнадцать-шестнадцать лет, доводя себя до изнурения и изнеможения, была для меня не только попыткой утишить тоску непреодолимого одиночества: она была средством самовоспитания. Вставать каждый день в семь утра, работать почти без передышки до одиннадцати часов вечера, выполнять все десять-пятнадцать пунктов написанного себе плана: все это было превосходным способом воспитания воли. Мое последующее упор-

ство было создано именно тогда. Не раз позднее я говорила, что, если бы не та работа, я не справилась бы с самообразованием и творческой деятельностью.

Другим методом воспитания воли было катание на лыжах. Пустяковое дело, казалось бы! Но не в том селе. Я каталась в одиночку (никого не было в спутники) по полю вдоль леса. Моя лыжня шла почти по самой опушке, удаляясь от села примерно на полтора километра (см. с. 100). Кататься я могла только после школы, откуда возвращалась около трех часов дня. К четырем начинало темнеть.

Помню одинокую, хорошо накатанную лыжню по ровному полю, маленький огонек в сгущающихся морозных сумерках – окно нашего дома, бледное небо с оранжевой полосой на западе, черный глухой лес рядом. С конца лыжни село выглядело небольшой кучкой игрушечных домиков, небрежно разбросанных по холму. Только в нескольких светились окна.

Каждый день, даже в мороз – 27° С, я выходила на лыжню. По мере того как я удалялась от дома, а свет становился тусклее, меня все больше и больше охватывал страх. Что если из леса вдруг выбежит волк?.. Я крепче сжимала палки и скользила вперед, разговаривая вполголоса сама с собой. Когда становилось совсем темно, я возвращалась. Всякий раз я плохо чувствовала себя от усталости и перенапряжения. Но на следующий день я шла кататься опять – именно оттого, что мне было страшно.

Страх не был безосновательным. Однажды я наткнулась в сумерках на свежие крупные следы, огромными прыжками пересекавшие мою лыжню на ее дальнем конце. В другой раз, в марте, я каталась днем. Съехав с лыжни в сторону церкви, я заметила под тополями что-то яркое-красное. Подъехав ближе, я увидела дочиста обглоданный скелет собаки на плотно утоптанном зверями снегу.

Волки были в соседнем лесу, и их заунывный безнадешный вой был слышен в нашем доме. Странное то было переживание: пить чай в десять часов вечера в уютной, освещенной кухне, слушая волчий вой!

Каждую неделю в селе рассказывали об очередной утащенной волками собаке. Мама опасалась за нашу – чер-

ную дворняжку, жившую с 1992 года на цепи на крыльце, и по ночам оставляла в сениях свет. Однажды ночью наш пес сильно беспокоился: возможно, волки были где-то поблизости.

Маме иногда приходилось ходить в школу пешком из-за очередной поломки автобуса. Дорога шла через лес. «Утром по сторонам что-то похрустывало...»

Окрестные леса населяли и другие звери. Летом 2001 года я одна пошла за малиной. Малинник – старая вырубка метров сто на триста, на расстоянии километра два от нашего села. Я зашла с краю и приступила к сбору ягод, как вдруг на противоположной стороне раздался рев. Я опрометью бросилась бежать прочь – не разбирая дороги, мимо стволов вековых елей, через бурелом, по паутине... Минут через пятнадцать я благополучно добралась до дома. (А наша соседка рассказывала, как однажды в малинике слышала кого-то по другую сторону пышного куста малины. Ягод было много, и она, опасаясь, что их оберут, принялась быстро их собирать. Отведя очередную ветку, она с ужасом увидела перед собой невозмутимую медвежью морду!).

Еще одним способом самовоспитания было посещение кладбища. Летом 2003 года я поднималась в шесть утра, осторожно выбиралась из комнаты через окно, дабы никого не разбудить, и шла на кладбище, находившееся за рекой, в лесу между Пухтиной Горой и Ломаками. Оно состояло из старой части и новой. Старая была некогда обнесена оградой, сложенной из крупных камней. На входе стояли два кирпичных столба, к моему времени уже почти разрушенные. Может быть, когда-то кладбище находилось на опушке, но теперь оно стало частью темного леса. Там высились вековые ели, сквозь переплетенные ветви которых даже в полдень почти не проникало солнце. Захоронения были беспорядочными, многие могилы осели и исчезли. В этой части покоился прах Варвары Николаевны и Степана Николаевича Кушиковичей, а также Анны Петровны Галаховой – другой моей прапрабабушки. Степан Николаевич был похоронен в одной могиле с чужим человеком: того прихоронили, пользуясь тем, что яма бы-

ла выкопана. Так одному из гродненских Кушиковичей (возможно, помещиков) на чужбине не досталось даже отдельной могилы.

В раннем детстве я ходила на это кладбище в праздники с мамой и бабушкой. Бабушка вспоминала, как в ее детстве у этих ворот просил милостыню нищий. Я смотрела на осыпавшиеся кирпичи, поросшие мхом, и мне смутно мнилось кто-то убогий, в потрепанной одежонке, до сих пор сидящий на этом столбе и молящий о милосердии...

Новая часть была светлой, березовой. Там находились могилы моего деда Ивана Федоровича Михайлова, дяди Виктора, Николая Ивановича и Елены Михайловны Галаховых.

Я шла на старую часть и бродила там около часа под карканье воронов, пробираясь между осыпавшихся могил и покосившихся оград. Это было не столь страшно, как могло быть.

Я преодолевала страх, усталость и боль, приучала себя к порядку, заставляла себя доводить начатое до конца... Я преодолевала свои желания, голодая по полтора-двое суток (начала летом 2002 года). Готовить пищу для мамы и бабушки и не попробовать самой!.. Иметь в шкафу конфеты и не взять ни одной!.. Это было тем более серьезным испытанием, что я работала до шестнадцати часов в день. Такие голодания я повторяла каждые два-три дня. Неудивительно, что однажды мне показалась чрезвычайно аппетитной на вид зеленая от плесени хлебная корка, обнаруженная в пустом баке, где хранился хлеб.

Только один раз я не выдержала. Я положила на письменный стол конфету, твердо решив, что не съем ее в течение недели. Конфета лежала день, другой, третий... Она пролежала всю неделю, тогда как постепенно подтаял запас конфет в кухонном шкафу!

Что-то подобное тому самовоспитанию было еще в девять лет, когда я подолгу бродила по колено в целинном снегу, преодолевая его и усталость, как нечто более серьезное...

Зная о моей с детства идущей неприязни к роскошеству и об этом самовоспитании, стоит ли удивляться, что в

двадцать лет, когда мои сверстники мечтали о любви, я писала аскетические трактаты? Один из них приведу почти полностью, ибо подобное мнение юного человека в век «прогресса» и материализма, поистине уникально:

Счастье в малом

Счастлив тот, кто доволен тем, что имеет. Вздыхающий о большем не замечает данного и неспособен ощутить полноту жизни. Мало кто из нас видит, сколько ему дано, и умеет ценить это. Зачастую вполне благополучная жизнь кажется пресной, а несбыточный свет грандиозных желаний, вызванных жаждой славы, денег, роскоши, затмевает живые искорки радостных мелочей, рассеянных в действительности.

Эта тройка – власть, слава, деньги, – правящая у многих колесницу воображения – до первого оврага, по сути – тщета.

[...] В этой жизни нам не принадлежит почти ничего. Единственная собственность – вера, единственно возможное богатство – духовное, а власть – только над собой.

То, что имеет отношение к духовной сфере – знания, способности, умения – живо, ибо может пережить физическую оболочку. Духовный мир – это вечность в человеке. И эту живую жилу надо ощущать, не давая зарастать мимолетными желаниями. Культ тела и всего, связанного с ним, – это дурнопахнущий культ будущего трупа. Стоит ли идти за катафалком его желаний, когда можно отойти в сторону и подышать чистым воздухом, в котором нет места алчности, зависти, корысти, гордыне?

Можем ли мы заноситься и хвалиться тем, что изначально нам не принадлежит? За это можно только благодарить Создателя. Лишь чувство благодарности за данное позволяет почувствовать объем и значимость имеющегося, а это и есть счастье.

Учитесь видеть в своей жизни хорошее, обращайтесь внимание на радостные мелочи. Мы видим то, что хотим видеть, и наша жизнь – то, что мы о ней думаем. Попробуйте посчитать вокруг предметы, имеющие квадратную форму. Как только вы сосредоточитесь на них, они станут бросаться в глаза повсюду. Умейте видеть хорошее, ищите, как эти квадраты, в каждом дне, в каждой минуте. Перед сном посчитайте, что хорошее (пусть и незначительное) ждет вас завтра. Наверняка приятных мелочей получится немало, а ведь целое состоит из частей...

[...] Воспринимайте неприятности, как подготовку к радости.

Ни одна горечь наша не остается без внимания и награды.

Только всему свое время. [...] Без мрака нет света.

Не стоит стремиться к жирной жизни и засорять свое пространство тщетой; не стоит завидовать: каждый богат по-своему, а одежда с чужого плеча не всегда подходит. [...] Счастье – это довольство жизнью (23 мая 2007 г.).

Это сочинение, напоминающее проповеди Савонаролы, писалось без влияния какой-либо религиозной литературы: я ее не читала. Равно не знала я о практике средневековых монахов созерцать черепа, дабы ощутить бренность жизни, но весной того же, 2007, года я держала на письменном столе фотографию останков древнего среднеазиатского царя: истлевшие кости вперемешку с остатками украшений. Всякое поползновение гордости (или простого удовлетворения?) от своего стихотворения или хорошо выученного материала я подавляла, созерцая этот снимок. На нем я написала: «Надо жить и радоваться тому, что дано, а не гордиться перед будущими останками частицей завтрашних нетей. 8/V-2007., 12.50». А под изображением: «Все такими будем...» Это ли не отзвук неслышанного мною «Мы были тем, кем являетесь вы; вы будете тем, кем являемся мы» – средневековой морали с надгробий? Откуда все это пришло ко мне? Откуда пришла мучительная способность сострадать? И откуда пришло нестерпимое и неумолчное стремление к Другу?

В поселке Фирово: жуткий дом

В 2003 году я окончила девятый класс в Дубровской средней школе. Десятого класса там не было, и я поступила в школу поселка Фирово, расположенного в двадцати километрах от нашего села. Жить я устроилась на квартире. Квартира представляла собой большой двухэтажный дом, выстроенный в начале XX века, хозяйкой которого была старуха восьмидесяти девяти лет. В доме царил дух старины и уныния одинокой жизни. В выделенной мне комнате висели большие пожелтевшие фотографии умерших родственников хозяйки, стоял круглый стол под вы-

тертой плюшевой скатертью и старинная этажерка, полная старых открыток и детских книжек 1940-х годов издания. Несмотря на свою любовь к старине, я сразу почувствовала себя там неуютно. Однажды, когда старухи не было дома, я решила обследовать жилище. Я начала с кухни, где стояли большие чугуны и дряхлая газовая плита. Оттуда я прошла в комнату хозяйки – большую и светлую, с узорчатым тюлем на окнах. Там я заглянула в ящики высокого комода, подержала в руках розовую костяную шкатулку в виде двустворчатой раковины и отправилась назад. Пройдя через кухню, я вышла в сени – большие и пустые. Из них был проход в кладовую. Я нашла выключатель возле двери и, включив свет, вошла. Кладовая представляла собой длинное полупустое помещение, вдоль стен которого стояли небольшие полки. На стене справа от двери висела репродукция картины Буало, изображающая двух девочек, спасающихся от грозы: младшая на спине старшей, в глазах обеих страх. Я рассмотрела картину и двинулась вперед. Посреди кладовой я остановилась и взглянула вверх. Надо мной висела петля.

Я бросилась на улицу. Там яркий солнечный свет успокоил меня. Конечно, петля была совсем для других целей, чем можно было подумать, но, тем не менее, произвела гнетущее впечатление.

После кладовой я отправилась на второй этаж. Большие, залитые солнцем пустые комнаты, и на полу – старая неподписанная открытка с цыплятами. Подобрал ее из жалости, я полезла по узкой лесенке на чердак. Поднявшись, я некоторое время стояла, ожидая, пока глаза привыкнут к темноте. Когда они привыкли, я увидела прямо перед собой, на деревянном ящике с потеками, коровий череп – глазницами на меня.

С чердака я скатилась кубарем и долго бродила возле дома, избавляясь от тягостного впечатления.

Я не могла там спать. Полночи я лежала без сна с включенным фонариком, иногда выключая его, чтобы тотчас включить в неистовом страхе перед неведомой опасностью. Засыпала я только утром, когда начинало светать.

Опасность была там и действительная: за неплотной дверью моей комнаты находилась печь, трубу которой старуха закрывала при горящих углях.

Я выдержала неделю и вернулась в село, перейдя на экстернат.

Экстернат и первая публикация

Мой «экстернат» подразумевал еженедельное посещение школы для сдачи контрольных и получения новых заданий. Ездить на рейсовом автобусе, который проезжал Пухтину Гору в семь утра, а возвращался из Фирова в четыре часа дня, было неудобно – особенно в зимнюю непогоду. В середине зимы я бросила школу.

То была зима, значимая для меня в творческом смысле. Внезапно, прыжком, я перешла от детских рифмовок и неуклюжих лирических излияний к более самостоятельным стихам, в которых пыталась выразить собственными средствами собственные чувства. Мыслей, конечно, еще не было.

Одно из тех стихотворений было опубликовано 4 апреля 2004 года в районной газете «Коммунар». Запомнилось, как я стояла с мамой в коридоре Фировской школы (не помню, что я там делала) и смотрела, будто издалека, на спящих мимо учеников. Ощущение своей непохожести на других, отдаленности и отдаленности от них: вот, каким было мое ощущение от первой публикации.

Мои раскопки

Лето 2004 года прошло за обычной работой и раскапыванием старого пожарища возле нашего нежилого дома на берегу Цны. Там стоял дом моего прапрадеда, Ивана Михайловича Галахова, сгоревший около 1924 года. Я начинала копать лопатой, а потом голыми руками выбирала землю из ямы, перебирая крупицу за крупицей. Так я исследовала около восьми квадратных метров. На месте

окон земля была пополам со стеклами. Я шарила в яме наощупь, стекла хрустели под руками, но на руках не оставалось ни единого пореза. Моими находками стали пять монет, от 1852 до 1924 года, медные пуговицы с формы учащихся Тверской Духовной семинарии (моего прадеда и его брата), тончайшие лепестки фарфора, грифель, зерна пшеницы и даже кусочки обгоревших кружев. С того же пожара у меня есть обуглившийся медный оклад от иконы Богородицы. Он висит на стене моей комнаты – черный, с пустым проемом на месте лика: подходящий символ для моей веры, не нашей формы.

Возвращение в Тверь. Беслан

В июле 2004 года я попробовала поступить в железнодорожный техникум на проводника, не прошла из-за близорукости (-4 диоптрии) и экспромтом поступила в юридический колледж в Твери. В конце августа того года я переехала туда, чтобы жить у отца и учиться.

Дни стояли теплые, янтарные от солнца и первой желтизны в листве и на полях вдоль леса, куда отец брал меня на долгие прогулки. На опушке росли богатые кусты боярышника, красные округлые ягоды которого пылали меж увядающих листьев. Мы собирали их и потом рассыпали сушиться на кухне.

Безоблачное небо, тепло, красные ягоды на кухне: так наступил для меня сентябрь.

1 сентября, в 13.20., я выходила с кухни, где привычно говорило радио, как вдруг речь диктора заставила меня обернуться. «В Беслане захвачена школа». Я стояла несколько минут, не шевелясь и безотрывно глядя на старый радиоприемник, но диктор не мог добавить ничего – ничего еще не было известно в подробностях.

Подробности я узнала вечером из выпуска новостей по телевидению: спортзал, около тысячи заложников, ожидание.

Первоначальное потрясение прошло, и осталась уверенность, что все скоро и благополучно закончится. Я зна-

ла о терактах, помнила события Чеченской войны: все это было дико, бесчеловечно, но – постижимо. То, что происходило в настоящее время за две тысячи километров превосходило воображимое. «Что же будет?» – думала я почти с любопытством в первый вечер, заполняя дневник. Затем поужинала тарелкой вареного картофеля с подсолнечным маслом, написала несколько писем и легла спать.

Наутро ничего не изменилось. Так же светило солнце, уютно краснели ягоды на противнях, со двора доносились детские голоса. Заложники оставались в спортзале.

Только тогда, на второй день ожидания – неподвижного пребывания на мертвой точке Голгофы – стало понятно, что происходит. Как стало понятно мое собственное бессилие что-либо изменить.

Под окнами звенели голоса играющих мальчишек; их сверстники пребывали в неизвестности под прицелом. Я знала об этом, я хотела помочь, но ничего не могла сделать. И я ползала на коленях по солнечной квартире, воя в полотенце, чтобы никто не слышал, – воя от своего нестерпимого бессилия.

Мне казалось преступным пить, когда у них не было воды; мне казалось преступным спать на постели, когда они сидели на полу; казалось преступным продолжать жить своей жизнью, когда их обратилась в ожидание конца...

Они ждали – ждали в эту минуту, и их ожидание длилось, как немая мольба о спасении – мольба ко мне, к человечеству, к Богу...

На третий день все было кончено. Школа, взятая штурмом, обратилась в руины. Погибло 314 человек, из них 186 детей.

Как можно было продолжать жить после этого? Как могло светить солнце? Как небо могло оставаться синим? Как люди могли, как смели продолжать обычную жизнь, идти беззаботно и свободно по улице, говорить, смеяться, быть?!

Казалось, что все должно было остановиться вместе с теми сердцами, окаменеть, обратиться в небытие...

Ко мне приехала приятельница по колледжу – выяс-

нять, будем ли мы дружить дальше. «Решай сама», – твердила я, бесцельно бродя с ней по пустой дорожке и не видя ничего, кроме черных провалов окон и маленьких мертвых тел на полу разрушенного спортзала*.

В юридическом колледже. Моя болезнь

В колледже меня приняли на удивление хорошо, несмотря на то, что я ходила туда, как заправский панк: в старой спортивной кофте и заношенных брюках, ботинки были нечищены, а волосы причесаны кое-как. Тем не менее, мною интересовались и меня уважали. У меня спрашивали совета в том, что касалось русского языка и литературы, а когда в группе узнали, что я пишу стихи, их принялись читать (на принесенных мною листах) с таким увлечением, что я растерялась. Однажды преподавательница литературы незаслуженно упрекнула меня за что-то. Не успела я ответить, как за меня вступился один из сокурсников. «Но ведь Оля пишет стихи! – произнес он как неоспоримый аргумент. – *Пишет стихи!*» При всем этом, ни с кем из группы у меня не было родства, и я оставалась без друзей.

В декабре 2004 года я тяжело заболела. Несколько дней я ходила с температурой 38, 5° С, потом явились нестерпимые, пополам сгибавшие боли в пояснице. Я знала, что отец не будет ухаживать за мной, если я слягу, но мне не хотелось ложиться и в больницу. Поэтому 22 декабря я отправилась в Пухтину Гору к маме.

Было черное морозное утро. Я бредила всю ночь и поднялась с температурой 40° С, болью в горле и головокружением. Шатаясь, собрала свои немногие необходимые вещи, оделась и пробрела в комнату отца. Он отрешенно сидел у окна. «Проводи меня, пожалуйста, до вокзала», – попросила я, едва держась на ногах у косяка.

* После написания этой главы у меня поднялось давление. Да, все это было давно. Но ведь *было!* И – непоправимо.

«Мне что, делать нечего?» – был ответ. Я, опасаясь идти одна по темной скользкой улице, попросила проводить хотя бы до остановки (метров двести). На это тоже последовал отказ.

Я как-то добралась по гололеду до остановки. Как-то дождалась автобуса, в котором мне пришлось стоять всю дорогу – полчаса. Как-то купила билет. Помню, как я сидела в зале ожидания, то и дело забываясь, а когда приходила в себя, глотала кусочки хлеба: это помогало от боли в горле. Потом ехала два часа на электричке, ощущая то противный жар, то резкий холод. Выйдя на нужной станции, приобрела билет на другой пригородный поезд, и ехала в нем еще полтора часа. К концу дня я прибыла в Фирово, где меня ожидала мама. Как она потом мне сказала, я была неузнаваемой.

У меня оказалась ветряная оспа – труднопереносимая во взрослом возрасте. Я лежала полторы недели в жару, не имея сил даже расчесать свои длинные волосы. А в соседней комнате медленно и мучительно умирала бабушка.

Невеселый Новый год

В начале декабря 2004 года бабушка упала и сильно ушиблась, после чего слегла. Врачи были далеко. За ней ухаживала мама. От лежания у бабушки появились пролежни. Я до сих пор помню наполнявший дом сладковатый гангренозный запах – запах смерти, но не возвышенной, аскетической, с крестом в руках и ангельским пением в ушах, а самой приземленной, трудной, неприглядной, внезапно вошедшей в дом и ставшей там этим нестерпимым запахом. Я понимала, что бабушка не поправится, не поднимется, не примется прибирать комнату, что это ее лежание – уже в гробу, и запах – уже оттуда... Это чувство конца было настолько сильно, подавляюще, нестерпимо, как будто то был мой собственный конец. И я, едва поднявшись, стремилась сбежать прочь. Новый 2005 год я встретила, повиснув бессильно на нашей калитке. То была сырая серая ночь. Передо мной тянулась пустая дорога,

напротив стоял покинутый дом, за ним чернел стеной глухой лес. Не было ни души, ни огонька, ни проблеска надежды. Серое пространство привычного отчаяния, пространство умирания и непоправимости. Не было сил плакать, не было и смысла: казалось, никто не может услышать меня и поддержать в этой простой, чудовищной пустоте, в которую вдруг обратилась моя жизнь.

В январе у меня случилось сильнейшее зубное воспаление – на обеих челюстях сразу. За две недели я съела две упаковки анальгина.

В феврале я вернулась в Тверь в попытке продолжить учебу. Бабушка осталась лежать в ожидании смерти.

Смерть бабушки

Город отвлек меня. Я ходила по книжным магазинам, покупала сборники Ахматовой, Цветаевой и Друниной – первые книги в моей библиотеке, читала Пастернака, писала стихи... 3 марта я внезапно собралась в село. «Зачем то и дело ездить взад и вперед?» – спросил отец. «Бабушке осталось жить два дня!» – вырвалось у меня. Я уехала. Дома было все то же: недвижимая бабушка на постели и сладковатый запах медлящего конца.

Утром 5 марта я проснулась от повторяющихся коротких стонов. Я встала в досаде оттого, что не смогла выспаться. Мама носила воду. Я зашла к бабушке. Она лежала на спине, голова была склонена к стене, глаза закрыты. Время от времени раздавался отрывистый звук – тихий полустон-полувскрик. «Бабушка, что же ты так? – пробормотала я, стоя в ногах кровати. – Не надо, мама скоро придет». Она меня не слышала. Я ушла на кухню, съела конфету и... принялась красить ногти. То было не дичайший цинизм, но нелепая попытка чем-то привычным, пустячным отстранить от себя то, что надвигалось.

Мама пришла и тоже поняла, что происходит. Она увела меня к одной старой женщине за молоком. Когда мы вернулись, бабушка уже умерла.

Не стало человека, к которому я была привязана даже

больше, чем к матери, который знал все мои детские тайны, радости и печали, не стало моего детства. Первое, что я испытала, узнав о конце, было облегчение: как будто оборвалось что-то, тянувшее жизнь из нее и силы из меня. Потом пришла тоска. Оставшись одна в доме, я вышла на коленях за перегородкой, отделявшей меня от бабушки, прося прощения и твердя какие-то слова прощания. Потом замолчала.

Как после смерти деда, но сильнее я боялась показать свои чувства. И я делала вид, что со мной все в порядке, что я ни о чем не беспокоюсь и живу дальше. Вечером того дня мы с мамой пошли к Ломаки к бабушкиной двоюродной сестре Марии Алексеевне Васильевой за листвою для гробовой подушки. Я собралась идти в тапочках.

Бабушку хоронили белым утром седьмого марта. Приехал отец, мои двоюродные братья Алексей и Юрий с женами из Фирова, были Мария Алексеевна с мужем и дочерью, еще какие-то люди из окрестных сел. Гроб стоял, как нелепость, посреди комнаты – нашей уютной комнаты с голубыми обоями и геранью на старинном столике. В доме, в воздухе, в весеннем пространстве было странное ощущение успокоения и какой-то печальной новизны.

Я оставалась на кухне. Вошел Юрий, тридцати лет, напевая веселый мотив. Меня бросило в дрожь, и я отвернулась.

На кладбище лежал мягкий снег и желтела вырытая в песке яма – рядом с могилой деда. Гроб поставили неподалеку. Я, не приближаясь, взглянула на него. Бабушка лежала сухая, восковая, под белым покрывалом, в жестком белом платке, надвинутом на лоб и щеки. Знакомый острый профиль одиноко и странно вырисовывался на фоне соседней серой ограды. Белое покрывало, белый снег, желтое лицо, желтая яма: все было одно, все было – конец. Я стояла поодаль, одна, незамечаемая даже матерью, впервые в жизни ощущая всю глубину своего одиночества. Если бы рядом была бабушка... На бабушкиных похоронах мне не хватало ее.

Я не плакала. Наверное, все силы ушли на то, чтобы держаться – отстраненно и почти равнодушно, в своем му-

чительном уединении, и по дороге обратно мне было трудно идти. Ко мне подошел Алексей и, взяв меня под руку, так вел до самого дома. На одной руке – я, неплачущая, бессильная, на другой – табурет, на котором стоял гроб. «Алеша будет следующим», – почему-то подумала я.

Спать в доме было все равно, что в мертвецкой. Мама отправила меня в Фирово ночевать у Юрия. Тот отвез меня туда и, отделавшись занятостью, передал меня Алексею.

У Алексея я лежала в отдельной комнате, без света, без мыслей, без чувств. Один раз он зашел, спросил тихо и мягко, все ли в порядке, я ответила шепотом утвердительно, и он вышел. Наутро я вернулась в Пухтину Гору.

Сил на учебу не было, и я без раздумий бросила ее. В деканате сожалели, говорили, что я с легкостью смогу навестать пропущенное. Мне хотелось только отдохнуть.

Поездка на Кавказ

Все полгода, которые я провела в Твери, я копила деньги на поездку на Кавказ. Не знаю, почему возникло это желание – возникло, как нечто давно таившееся, открылось и преодолело меня. «На Кавказ! В Осетию!» – было для меня как «Домой!» Извечная бездомность поэта? Моя собственная бездомность при двух домах – чуждом отца, в котором я была прописана, и своем бабушки, в котором я проживала временно? Как бы то ни было, Кавказ стал моей тайной и пылкой любовью.

Я знала, что маминой учительской зарплаты не хватит на поездку. И я берегла деньги, которые мама давала мне на питание, а отец – на дорогу в колледж. Питалась я вареной картошкой, которой у отца было вдоволь (заготавливал на колхозном поле), а когда хотелось сладкого, прихватывала в магазинах творожные сырки. Что до посещения колледжа, я свела это к минимуму, а когда и ездила туда, старалась не платить в автобусах. Таким образом, я накопила одиннадцать тысяч рублей – сумму по тем временам немалую. Следующей задачей было убедить

маму в необходимости и безопасности поездки.

Что до необходимости, мама, конечно, ничего не поняла, кроме того, что мне нужен отдых. Что же касается безопасности, здесь мне пришлось проявить некоторое упорство и красноречие: Чеченская война, Беслан и другие теракты не забылись.

Мы продали прабабушкин белый самовар редкой формы луковицы, чтобы получить недостающие на дорогу две тысячи, и в начале июля 2005 года отправились в Северную Осетию.

Поездка началась с поиска чемоданов: отец спрятал их, заявив, что «за гробами не поедет». Я, в своей неисповедимой уверенности, всегда правильно ведущей меня, посмеялась над его страхами, отыскала чемоданы, и мы вечером выехали на вокзал.

На перроне только два человека – осетины – ожидали полночный поезд Санкт-Петербург-Владикавказ. Вагон оказался почти пустым: люди боялись ездить на Кавказ.

Первая ночь в поезде впечатлила меня. Туманно-голубая луна, сопровождающая нас, мелькающие тени деревьев, призрачные поля, сияющие электрическим светом станции, мерный перестук колес: все было первым и оттого удивительным.

Наутро, проснувшись в солнечном вагоне, я едва могла поверить тому, что еду, что с каждым метром, с каждой секундой, с каждым вздохом приближаюсь к своей затаенной мечте.

Весь день я провела у окна, я следующую ночь опять почти не спала. Утром на горизонте, за просторным желтым полем, вырисовались странные серовато-зеленые тени. Неподвижные, подавляющие, ни на что не похожие, они, поднимались над равниной, заслоняя часть неба. То были кавказские предгорья. Я приникла к окну.

Помню свое впечатление от первого взгляда на горы: чувство возвращения в давно покинутый дом. У меня, наверняка не имеющей никакой связи с Кавказом, к глазам подступили слезы, и сквозь них я смотрела и смотрела на приближающуюся невообразимость, непостижимость, величие гор.

Первой кавказской землей на пути была Кабардино-Балкария. Перистые кустарники вдоль дороги, белые и красные кирпичные домики, поля, пролески, янтарное солнце. Затем, незаметно, – Северная Осетия. Небольшие незапомнившиеся станицы и – Беслан.

Поезд стоял там почти час. Мы с мамой вышли на перрон. Краснокирпичный вокзал. Каштаны. Затишье. Город до сих пор был словно оглушен, раздавлен неимоверной тяжестью горя, и даже обычные вокзальные голоса звучали приглушенно. Мы отошли немного от перрона, за вокзал, я сфотографировалась. Всюду – подавленность и немолчаливая память.

Владикавказ – столица Северной Осетии – встретил нас обычной привокзальной суетой. Толпа прибывших и встречающих, осетинская и русская речь, белая плитка перрона, светлое здание вокзала, черед деревьев с густыми кронами. На горизонте – смутно-голубые очертания гор.

Мы остановились в дорогой гостинице, отложив выбор другой на следующий день. Гостиница была девятиэтажной и располагалась на берегу Терека. Наш номер (стоивший тысячу рублей) находился на восьмом этаже. Из окна открывался вид на город, реку и горы.

«У вас что-то пол в ванной качается», – сказала мама горничной. «Да? Не замечали», – удивилась та. У меня тоже качался пол – после двух суток в вагоне. Я быстро отдохнула и увлеклась созерцанием вожденной картины – Владикавказа.

Он лежал передо мной – скромный, малоэтажный, в пышной зелени, разделенный надвое серой извилистой лентой Терека, на берегу которого – близ гостиницы – возвышалась восхитительная мечеть. Возведенная в 1902 году, из красного кирпича, с зелеными куполами и узорчатостью минаретов, она выглядела явлением из восточной сказки, жемчужиной, принятой в бережные ладони зелени и покоя.

В городе было на удивление спокойно. Когда мы вышли пройтись по набережной, то отметили множество беззаботных прогуливающих людей – в будний день. Не

было ни спешки, ни угрюмой сосредоточенности, свойственных жителям Твери и других российских городов. Спокойствие, уверенность, хорошее настроение, внимание к своему внешнему виду. Последнее тоже было непривычно. И женщины, и мужчины, и молодые, и пожилые выглядели так, словно вышли на вечер. Дамы в многосложных пышных юбках в складку, броских блузках с оторочками и кружевом, на каблуках, с тщательно уложенными волосами и ухоженными лицами; мужчины в отглаженных брюках, белых рубашках и начищенных ботинках; девушки в легких цветных кофточках и джинсах (мини-юбок не было); аккуратно одетые парни (никаких шортов и маек)... Я, готовившаяся выглядеть как типичная осетинка, оказалась чересчур осетинкой. У меня была длинная черная юбка, закрытая темно-зеленая кофточка, скромные босоножки и черный с золотом платок, повязанный назад. Добавьте к этому длинную, до бедер, темную косу, опущенный взгляд и застенчивость, и получите осетинку, каковых в начале XXI века в Осетии уже не было.

Это отметили сами осетины. «Больше осетинка, чем наши девушки», – сказал кто-то. Пожилой человек в магазине подарил мне шоколадку «за косу». Женщина из Адресного бюро следовала за мной и мамой несколько кварталов, желая познакомить меня со своим сыном – благочестивым молодым человеком двадцати трех лет. Я женихами не интересовалась и дала неправильный номер телефона.

Первую ночь на Кавказе я провела почти без сна. Я лежала в темноте на широкой, слишком мягкой для меня постели и пыталась осознать свое пребывание в собственной грезе. Это не удавалось, и я вышла на балкон.

Тонкий льдистый полумесяц в бархатно-черном небе над темно-синим изломом гор. Серебрящийся стремительный Терек. Очертания минаретов на берегу. Россыпь огней, исчезающая в неясность на горизонте. Кавказ! Как мне хотелось обнять его, прижать к себе, словно дорогого человека, ощутить... Я стояла, прислонившись грудью к перилам, и смотрела, как в давно невиденное любимое лицо, смотрела, зная, что насмотреться невозможно, смот-

рела, не сознавая высоты, на которой стояла, не сознавая черты между жизнью и смертью, готовая броситься в объятия гор... Из всех моих ночей то была единственно счастливая ночь – ночь, когда не было одиночества.

Наутро мы переселились в другую гостиницу. Это было старое каменное здание в четыре этажа, выстроенное еще, вероятно, в начале XX века, с широкими гулкими коридорами и прохладными комнатами. В гостинице, кроме обычных постояльцев, были расквартированы военные. В холле на первом этаже сидел дежурный в хаки и с автоматом, проверявший прибывавших. Под окном нашего номера каждое утро в семь часов происходило построение. «Здравия желаю, товарищ командир!» – рывкал взвод солдат, позднее раздавался лай служебных овчарок, а затем – размеренный стук по железу: шел ремонт УАЗиков и прочей техники.

Ремонт шел и в гостинице. В семь утра, в унисон bravому построению, на лестнице начинался грохот кувалды. Этому вторила пронзительная переключка горничных. Мама, несмотря на всю свою невозмутимость, просыпалась и уже не могла уснуть. Я же... спала. Я была так довольна, что не замечала ничего, кроме осуществления своей мечты.

Днем мы гуляли по городу. Город был небольшим и тихим. Немного машин (все – старые, в основном «Жигули»), беззаботные прохожие, атмосфера благоденствия и дружелюбия.

Дружелюбие было исключительным. Стоило обратиться к прохожему с каким-нибудь вопросом, как вокруг образовывалась толпа: каждый старался помочь. Нам останавливали спрошенный номер маршрутки и открывали ее дверь. Нас любезно принимали продавцы в магазинах и на базаре. Весь город казался одной огромной семьей, в которой мы были желанными гостями.

Я радовалась этому, смущалась, терялась, чувствуя себя недостойной такого приема. Мне было неизвестно, что это была исчезающая Осетия. Я приезжала туда еще семь лет: с каждым годом люди становились глуше и отчужденнее.

Из Осетии шел массовый исход в Россию – на учебу и на заработки. Россия искажала осетин, отбирая их собственную благородную и гордую культуру и не давая ничего взамен. Они возвращались домой иными, по-иному воспитывали детей. Осетия переставала быть Осетией, не становясь собственно Россией, но – беспомощным обломком на берегу гибельного моря.

Я провела в Осетии неделю. Каждый день я бродила по старым извилистым улицам, по беззаботным набережным порывистого Терека, посещала тенистый парк имени Коста Хетагурова, где в сером, из терской воды, пруду плавали белоснежные лебеди и склонялись нежно-зеленым кружевом плакучие ивы... Целую неделю я радовалась и улыбалась – после стольких слез!..

Вернувшись из Владикавказа, мы проехали в Пухтину Гору. От Фирова до села нас вез мой брат Алексей, на своей старенькой зеленой «Волге». Я сидела рядом с ним, мама позади. Она рассказывала ему о поездке, о том, как меня принимали за осетинку, он, смеясь, вспоминал, как его называли «русским грузином» – за нос с горбинкой; навстречу нам светило утреннее солнце, и вилась неширокая асфальтированная дорога.

Алексей остановил машину на задворках нашего дома. Мы все трое вышли, попрощались, я первой направилась к дому. Не доходя до него, я обернулась. Алеша стоял возле машины, смотрел на нас и улыбался – один в розовом свете утреннего солнца. Это был последний раз, когда я видела своего брата.

Пожар

В четыре часа утра 25 августа 2005 года я проснулась от странного потрескивающего звука. Он повторялся, громко и настойчиво. «Кошка пытается выбраться из подпола», – подумала я сквозь рассеивающийся сон. Она скреблась слишком упорно. Я открыла глаза. По комнате металась багровые отсветы.

Я бросилась к окну, уже каким-то чутьем понимая, что происходит. Горела церковь.

Сквозь вековые ели и березы, окружавшие ее, и сквозь деревья в бабушкином огороде она виднелась огромным сияющим куском янтаря, одновременно жуткая и торжественная.

Мы с мамой вышли на улицу. По бледному предрасветному небу с юга на север, от церкви надо всей деревней, тянулся серебристо-пепельный мерцающий шлейф искр – как последнее благословение. Мы прошли к церкви и встали в тридцати метрах от нее, на обочине пустынной дороги.

Церковь стояла вся в огне – янтарная, прозрачная и призрачная. Еще не упала ни одна перекладина, все строение было цело, но уже готово упасть, рассеяться мириадами искр и углей, растаять, погаснуть в черную землю... Она была торжественной и торжествующей – это несчастное здание, превращенное в 1930-х годах в клуб, а позднее – в место сборища дикой дачной молодежи. Она пылала, как будто огнем смывая весь позор людской – позор безбожия и бесчеловечности. Немного спустя обрушились перекрытия, и церковь обратилась в огромный – как погребальный – костер.

Пожилая женщина из того села засняла пожар. Позднее она с удивлением обнаружила, что на пленке ничего не осталось. Кадры до и после были, церкви – не было.

Спустя десять дней мы – последние из рода священников Галаховых, служивших в том храме, навсегда покинули Пухтину Гору, переехав в Тверь (в пос. ВНИИСВ).

В Твери. Мои интересы

В 2005 году я пошла в десятый класс вечерней школы Твери, чтобы провести два года среди разновозрастных и разномастных учащихся при посредственных учителях. Учительница истории затеяла на уроке обсуждение кухни и моды; я, встав, сказала, что это не урок и я не за тем пришла, и покинула класс... Учительница русского языка

В Пухтиной Горе. Ваза, бамбуковый столик, венский стул – девятнадцатого века, привезенные прабабушкой автора из Гродно.

Автор в 2005 году. Пухтина Гора.

и литературы старательно убеждала меня в незнании сих предметов, пока одно из моих сочинений не было отдано на оценку в отдел образования... Такова была учеба.

Я всячески стремилась прогулять занятия, уезжала из дома якобы в школу и пять-шесть часов бродила по загазованным улицам, в дождь и в снег, заходя в книжные магазины и покупая сборники поэтов Серебряного века.

Поэзией я заинтересовалась еще в 2004 году. Поначалу я читала и акмеистов, и футуристов, и советских поэтов, Есенина и Ахматову, Тушнову и Друнину, но к концу 2005 года мое внимание сосредоточилось исключительно на поэзии Серебряного века. Читала я не только стихи, но и биографии поэтов, их дневники и письма. «Для того чтобы понять творчество, необходимо знать жизнь поэта», – была я убеждена. С моим чтением читатель может ознакомиться в Приложениях.

То, что я читала, влияло на мое собственное творчество. Сначала я бессознательно вторила Есенину, потом нещадно подражала Пастернаку («Улицы в нафталине снега...», «Клены красными ногтями листвы // Царапают воздух...», «И встала ночь с луной наперевес...»), затем стала повторять Цветаеву. Я понимала, что облачаю свои мысли (или, точнее, попытки мыслей) в чужую форму, но очарованность любимыми поэтами была слишком сильна.

Летом 2006 года я внезапно увлеклась Тамерланом. Не помню, как я познакомилась с ним, но суровый образ великого завоевателя завладел моими мыслями. За три дня я прочитала его биографию в четыреста страниц. Я размышляла о нем на прогулках. Я пыталась писать стихи о нем – или, вернее, ему: грозный лик, оживший в моем воображении, чарующе смотрел через века на меня – в меня, смотрел пронизательно и... по-доброму. Войны, огромные покоренные пространства, неизбежная жесткость, – и при всем этом я почему-то ощущала в его образе что-то доброе. Рожденный на багровом закате с кровавым сгустком в руке, вселявший ужас в соседние народы и при этом покровительствовавший наукам и искусствам, он был гораздо человечнее, *культурнее* многих власть имущих, которые вели войну с собственным народом, поощ-

ряя слабости и пороки.

В том же 2006 году я занялась изучением палеонтологии. С девяти лет я собирала окаменелости в известняке и кремне – ракушки, кораллы, фрагменты костей и кожи. Я находила их на берегах Волги и Цны и в песчаных карьерах, и моя коллекция достигала внушительных размеров (эти камни и сейчас хранятся на полке моего книжного шкафа. Я перевезла их из Пухтиной Горы – полмешка камней. «Кто с чем переезжает, а я – с камнями!»). В четырнадцать лет я писала «научный труд», называвшийся «Доказательство того, что на месте Тверской области было море». Свою точку зрения я подкрепляла ссылкой на свои находки. Я даже представила свою работу геологам из Тверского технического университета. «Вас устроит то, что море было здесь два миллиона лет назад?» – спросили меня снисходительно. «Вполне!» – отвечала я. Какое значение имеет, когда именно оно было, если *было*?

И вот в 2006 году я принялась изучать палеонтологию. Я взяла в библиотеке объемистый вузовский учебник и штудировала его три недели – усердно, внимательно, с конспектом и – отчаянной скукой. Раковины синистральные и декстральные... Брахиоподы, мии, трилобиты... Радиоуглеродный анализ... Господи помилуй и дай сил дочитать! А зачем дочитывать? Из упорства, выработанного в селе. Изучение этого учебника стало для меня еще одним способом укрепить свою волю. Зато позднее в моих стихах появились загадочные «синистральные извивы». Эти извивы моего воображения печатались в газетах «Смена+» и «Тверские ведомости». Редакторы очаровывались ими, не видя, что они почти пусты.

Переписка и рок-музыка

Практически не имея возможности найти друга в жизни, я с 2004 года по 2011-й вела переписку (по обычной почте). Началось с того, что осенью 2003 года я дала объявление в женский журнал, где рассказала о своем одиночестве. Рассказала, видимо, очень жалобно: мне пришлось

девятьюстами четыре отклика со всех уголков России, а также из Белоруссии и Америки, от девушек и юношей 14-25 лет. Я старательно отвечала всем. Тем, с кем не собиралась переписываться, писала благодарные письма с вежливым объяснением, что не могу общаться со всеми.

Переписка заканчивалась через несколько писем. Несходство взглядов, разность интересов и, самое главное, непонимание разделяли нас. «Ты сама виновата в своем одиночестве, – писали мне, когда я жила в селе. – Ты не идешь навстречу людям». Для них было непредставимо село с двадцатью стариками и волчьим лесом вокруг, как позднее – для более взрослых – оказалось непредставимо мое стремление к человеку.

Я давала еще десяток объявлений в другие журналы и на радио, у меня было триста адресатов по России, в 2004 году я писала по двадцать пять длинных писем за ночь, переписывая их всякий раз, если совершала ошибку (а потом спала два-три часа и ехала на учебу в колледж). Я отвечала незамедлительно. Я благодарила за ответы и хвалила слабые попытки моих заочных товарищей писать стихи или прозу. Я рассылала им открытки к праздникам... Но никто не стал мне другом. У всех были друзья рядом, и кто-то вдаль не был им нужен. А я нуждалась в них. Помню, как спускалась со своего пятого этажа к почтовому ящику и, обнаружив пустоту, едва находила силы подняться обратно. И как ликовала от каждого письма! Но не все письма были хорошими. Помню одну девушку из Владикавказа, которой я, по ее просьбе, выслала свои стихи. С невероятной для юного создания желчностью она раскритиковала все то, что не поняла (включая слова «отринуть» и «дочь»), и сделала вывод о моей полной бездарности.

Некоторые барышни, обчитавшиеся книжками по психологии, пытались ставить на мне опыты. Не удалось никому: мне было достаточно первого письма, чтобы оценить человека и его отношение ко мне. Анализировалось все (машинально, при прочтении): манера мышления, изложение, лексикон, оформление. Закончив чтение, я представляла, с кем имею дело. Не ошибалась никогда, но всегда вводила себя в заблуждение, если о ком-то склады-

валось отрицательное мнение. «А что если оно предвзятое?» И я старательно писала ответ, чтобы, получив следующее письмо – с какой-нибудь грубостью или подвохом, убедиться, что была права. То же было и в жизни: я на первой встрече понимала, чего стоит человек. И так же приписывала негативное впечатление своей «мнительности». Мне всегда хотелось хорошо думать о людях. Это было желанием с детства: восхищаться кем-то, хорошо отзываться о другом, говорить «Вот человек!». А вместо этого приходилось снова и снова повторять: «Вот каналья!»

Как бы то ни было, даже хорошее письменное общение не могло заменить живого. «Для него невозможно высшее проявление дружбы – совместное увлеченное молчание, которое есть внутренний непосредственный диалог» (1 декабря 2007 г.).

Дольше всего – три года – я переписывалась с простой, скромной ингушской девушкой. Она жила с семьей в соседней области, уехав туда от войны. «Однажды я вернусь домой, в нашу солнечную и такую красивую станицу, и приглашу тебя в гости. Тебе там понравится, у нас очень хорошо...» Она вернулась. Через несколько месяцев на станицу было совершено нападение боевиков. Больше я ничего не знала о той девушке.

От знакомых по переписке я переняла увлечение рок-музыкой, и весной 2006 года стала ходить в черном и слушать мрачные норвежские группы. Спустя год я была уже заядлым рокером, разбирающимся во всех направлениях этой музыки, знающим множество групп и композиций и слушающим самые тяжелые стили. Я участвовала в конкурсах, объявляемых в рок-передачах по радио. В одном, на лучший афоризм, я оказалась победителем и получила в подарок два диска. Моим афоризмом было «Гений стремится к совершенству, а бездарь – к славе». В другом конкурсе – на лучшее название для альбома группы «Пилигрим» – я тоже победила, и руководитель группы прислал мне благодарственное письмо. В 2007 году мне захотелось принять непосредственное участие в жизни рок-сообщест-

ва, и я решила писать тексты для какой-нибудь группы.

Группу я быстро нашла. Ею оказался очень молодой коллектив из Иванова. Руководил им мальчик пятнадцати лет. Я писала для них песни о одиночестве, непонимании обществом, упадке духовности. Они благодарили меня, сочиняли музыку к моим словам, обещали прислать диск, как только у них появится аппаратура для записи... Эти ребята пятнадцати-шестнадцати лет оказались одними из немногих моих знакомых, кто обладал открытостью и искренним дружелюбием и хорошо относился ко мне. Когда я заметила, что сочинение песен – сознательное и насильственное действие – искажает мою поэтическую способность, руководитель группы посоветовал «оставить эту шелуху» (любимый им рок!) и вернуться к настоящей поэзии. Что я и сделала.

Кроме ребят из Иванова, еще один знакомый по переписке заслуживает упоминания. Это – шестнадцатилетний панк из Калуги. Он поджигал машины, так как их «слишком много и они наносят ущерб окружающей среде», хулиганил в кафе быстрого питания, потому что такое питание вредит здоровью, имел обо всем свое и весьма примечательное мнение, был начитанным и грамотным (ни одной ошибки!) и писал мне письма по шесть-семь страниц аккуратными печатными буквами. Я однажды спросила, почему он так пишет. «Для того чтобы тебе было легче читать. У меня плохой почерк».

Сама я, как уже говорилось, писала письма тщательно. Сначала набрасывала черновик, правила его, потом переписывала набело, аккуратно и разборчивым почерком. Письма были длинными – по пять-шесть тетрадных листов. Если мне случалось допустить ошибку или пометку, я отбрасывала лист и писала заново. Отвечала в день получения письма. Всегда оставляла копии. Письма начинала с вопросов адресату, далее следовали рассуждения на его темы, в конце немного говорила о себе.

Мои знакомые по переписке были разными, но, повторю, ни с кем не было духовного родства, а главное – никто из них не нуждался в человеке за сотни километров. Поэтому даже немногие хорошие знакомства быстро исся-

кали. «Для меня адресат был человеком, но я для него – бумажкой в ящике. Переписка оказалась не отдушиной, а ее затычкой» (18 марта 2009 г.).

Вторая поездка на Кавказ

Мне хотелось побывать на Кавказе еще раз. Денег – не было. Мама не могла найти постоянную работу (как юрист) из-за большой конкуренции и часто меняла места, мне надо было еще учиться. «В начале осени думала, на чем сэкономить: на проездах или на ботинках. Теперь решаю, что выбрать: зубы или обувь. И то, и другое нужно. На сапоги каждые сто метров смотрю, не отвалились ли набойки» (10 ноября 2006 г.). На поездку я копила, экономя на питании и одежде: то, что мама давала на мое пропитание, я откладывала тайно от нее, питаюсь одними овощными консервами, а от покупки одежды отказалась. «Нет денег. Сидели с мамой и считали мелочь: “50 к., 1 руб., 2 руб...” Набирали на 200 гр. сыра. Передумали. Не жалуюсь» (21 сентября 2006 г.). Моим девизом в то время были собственные слова: «Готовься к худшему, надеясь на лучшее».

Как бы то ни было, накопить нужную сумму удалось, и я опять приехала во Владикавказ. «Владикавказ – моя потребность в родине, нужной, ждущей и достижимой» (1 декабря 2007 г.). На этот раз я провела там три недели. Поначалу дни стояли пасмурные и влажные, Терек был полон и стремителен, ближние горы окутывала печальная дымка. Затем установилась жара.

Однажды я вышла с мамой около двух часов дня прогуляться по городу. Обычно в это время улицы были оживлены, но на сей раз в городе царило странное запустение. Прохожих не было, машины проезжали лишь изредка. Это обстоятельство весьма порадовало меня, и я полтора часа бродила по улицам, набережной и парку, наслаждаясь возможностью созерцать город в отсутствие помех. А вечером узнала из новостей, что в тот день было 54° С в тени!

Автор во Владикавказе. Июль 2006 г.

Владикавказ, восьмой этаж одноименной гостиницы. 2006 г.

"Больше осетинка, чем наши девушки..."
Автор во Владикавказе в 2006 году.

Обе фотографии – июль
2006 г., Владикавказ

Обе фотографии –
Владикавказ, июль 2006 г.

Владикавказ, июль 2006 г. «Я тогда еще не писала книг...» – О.К.

Спор с другом

На следующий год я отправилась в Осетию в октябре. Подъезжая в предраассветной мгле к Туле, я внезапно решила сойти. В Туле жил мой товарищ. Это был молодой человек восемнадцати лет, не имевший со мной ничего общего, кроме увлечения рок-музыкой. Мы познакомились годом раньше, он приезжал ко мне один раз, мы провели шесть часов в блаженном молчании и остались весьма довольны друг другом. Помню, как он лежал на моей кровати, положив голову мне на колени, и смотрел в окно на летние облака. «Как хорошо! – говорил он. – У вас можно с кровати смотреть в небо». И, добавляя, поглаживая мою руку, покоившуюся у него на сердце: «Вот так бы лежать – и больше ничего не надо». Мне тоже больше ничего не было нужно – ничего, кроме присутствия друга. «Спасибо, Господи!» – то и дело мысленно повторяла я, ощущая ладонью биение сердца своего товарища...

Теперь, приближаясь к нему – к очередной попытке дружбы – я ощутила такую тоску о живом человеке, что решила отказаться от посещения любимого Владикавказа.

Я вышла. Я позвонила ему. Я девять часов ожидала на холодном вокзале, когда у него закончатся занятия в колледже. Потом пришла к нему, и мы провели вместе несколько часов, сидя в обнимку на диване. В этом не было ничего эротического: у обоих было свое увлечение. Мы просто грелись друг подле друга: он – отдыхая от беспокойных друзей-рокеров и безынтересной учебы, я – наслаждаясь живым человеческим теплом после своего нечеловеческого одиночества. Рядом был друг, и это было счастье.

Общение с ним (эти две встречи и переписка) длилось год. Потом я узнала, что он разделяет националистические взгляды. Как же смешно было слышать от него об «ущербности» кавказцев, узнав ту ингушскую девушку и пообщавшись с осетинами, тогда как он ни разу не имел дела ни с одним жителем Кавказа! Его идеи были заимствованиями, чьим-то ловким разрушительным внушением, но были – неискоренимы.

Я написала ему разгромное письмо, в котором научно обосновала нелепость его взглядов. Я понимала, что он будет стоять на своем, и это письмо прервет нашу дружбу. Кроме него, у меня не было никого, и письмо я писала с таким ощущением, будто перерезала собственную жизненную артерию.

Он, конечно, не согласился со мной. Я прекратила наше общение. Этого человека я вспоминала семь лет.

Забота о духовности

Спор с приятелем заставил меня задуматься над тем, сколь многие молодые люди заражены той вредоносной идеей. Так в апреле 2007 года появилась моя первая статья «Модифицированный патриотизм», в которой мои убеждения подкреплялись каким-то вузовским пособием:

«[...] Идея национализма преподносится в красивой обертке патриотизма и героизма, и человек, не имеющий собственных убеждений, морально незащищенный, профан в политике, легко купится на внешний блеск, не понимая, что его, как деревенского дурачка, поманили яркой безделкой. Он двинется за поманившим и, встав в ряды таких же оболваненных, будет беспрекословно выполнять команды. Безоговорочная вера в идею как в единственную правду, непонимание реальной обстановки, неспособность самостоятельно мыслить: все это очень похоже на положение в сектах. Та же масса безвольных рабов и сильные лидеры, знающие свою цель: власть, слава, деньги. А масса поддавшихся на красивые слова – средство достижения этой цели. В данном случае – будущий электорат, который мог бы проголосовать за своего лидера на выборах.

Человек, разбирающийся в политической ситуации, внутренне свободный, имеющий свое мнение, умеющий делать выбор, считающий себя истинно русским и любящий свою страну, не пойдет в услужение крикливым идеологам человеконенавистничества и брезгливо отвернется от политизированной попойки.

Зло от незнания. Национализм – следствие политической необразованности и незнания других культур, показатель кри-

зиса общества. Общество может стабилизироваться только при условии единства народов, живущих в России, и уважительного отношения к другим культурам. Конфронтующее общество обречено, так как становится мишенью.

Национализм – это антипатриотизм; патриотизм – любовь к своему народу и уважение к другим. Этническая терпимость – признак высокой культуры общества...»

Я высылала эту статью в ведущие нейтральные издания, но она не была опубликована.

Упадок духовной культуры в стране и связанные с этим проблемы всерьез беспокоили меня, двадцатилетнюю. Даже плохо зная примеры Рима, Ассирии, Вавилона, ослабевших вследствие культурного разложения, я понимала: бездуховность – приговор обществу.

В октябре 2007 года появляется моя новая статья:

Нельзя молчать!

[...] Утрата духовности ведет к образованию бреши, лишаящей народ связи с его прошлым, искажающей само- и мировосприятие, а самое главное – ставящей под угрозу его будущее. [...] В конечном счете, морально разрушенный народ выпадает из мирового сообщества как неспособный к диалогу. [...]

ТВ, эстрада, псевдолитература, как ярмарочные зазывалы, оглушают и дурачат общество, в частности – молодежь. Как на любой ярмарке, влияние на отдельного человека оказывает наличие толпы у прилавка. А обеспечить толпу несложно: силой слова (реклама) и игрой на низменных интересах. Телевидение предоставляет возможность расслабиться, не думая и услаждая свои инстинкты – охотника/хищника (сцены насилия) и половой (соответствующие зрелища). На удовлетворении тех же интересов основана и современная книжная продукция, чем и объясняется ее популярность.

Человек, ослепленный глянцевым блеском и одурманенный параноидальной навязчивостью “культуры,” довольствуется первым попавшимся под руку. [...]

А как же обстоит дело, например, с поэзией? А так: в 21 книжном магазине Твери на предложение реализовать сборник стихов был получен отказ: “неходовой товар.” [...]

Поэзия, которая была необходима даже в блокадном Ле-

нинграде, доносясь из репродукторов и тем самым поддерживая людей, в современном обществе оказалась “неходовым товаром.” Да, поэт – *живой поэт* – и прежде не был нужен в России, но теперь стали не нужны и его книги...

“Чтобы убить Поэта, надо убить его дважды: сначала физически, а потом – уничтожив память о нем. Последнее еще не удавалось ни одному тирану,” – писала М. Белкина в книге о М. Цветаевой. “Ни одному тирану,” а опустошенному, духовно выхолощенному народу удалось.

Жители блокадного Ленинграда, терявшие сознание от голода, спасались, отогревались живым Словом, звучащим из эфира. Неужели мы, поколение XXI века, находясь в духовной “блокаде,” настолько потеряли способность мыслить и чувствовать, что не нуждаемся в истинном, довольствуясь подделкой?

[...] Культура образует личность. Что может образовать то, что предлагается вместо культуры? [...]

Молодежь не виновата в своей бездуховности. Виновата культура, на которой она воспитывается. Культура, которая навязывается настойчиво и безоговорочно. И человек уже не желает идти дальше, искать иное, он “нашел,” как его убедили. А путь дальше, к настоящим увлечениям и знаниям, к своей личности, к полноценному человеческому “Я,” – этот путь требует воли и смелости.

Запрет на реализацию книжными магазинами низкокачественной литературы; удаление с экранов фильмов и передач, пропагандирующих насилие (т.е. являющихся “учебным пособием” для потенциальных преступников); запрет на деятельность радикальных рок-коллективов: все это могло бы оздоровить состояние культуры...

Нельзя молчать! Молчание означает согласие. Разве мы согласны быть нищими на свалке низкопробных фильмов, дешевой музыки и модной “литературы”?! [...]

Возрождение духовности – залог будущего. Нельзя молчать!»

Эта статья тоже не была опубликована.

Новая попытка дружбы, университет, живопись

В 2007 году продолжается быстрое развитие моей личности, с пристальным самонаблюдением: «Становление

личности, формирование своего “Я” – всегда процесс болезненный и мутный, сбивчивый, как речь второпях, когда хочется высказать все – и не хватает слов, и их замечают восклицания, придыхания и жесты. Суть одна – взросление, но условия, фон у всех разные. Легче тем, кто находится в обществе и подсознательно перенимает стереотипы мышления и поведения, т.е. идет по вехам. Этот процесс облегчается стадным чувством (“быть, как все”), погоней за модой, признанными авторитетами. На людях сложнее сложиться своеобразной личности, но легче сформироваться вообще, по лекалу. В стороне – никаких подпорок: напролом – в бурелом...» (1 декабря 2007 г.).

«Юность противна своим сознанием умственного ничтожества и неоформленности при стремлении взросло мыслить и понимать» (11 декабря 2007 г.).

К концу обучения, в апреле 2007 года, появился смысл ходить в школу. Им стала Ю., моя одноклассница, до того почему-то не появлявшаяся на занятиях. Три годами младше меня, хрупкая, с круглым веснушчатым лицом и наивными глазами, в бессменных джинсах, простой блузе и с шарфом на шее, она казалась скромной и порядочной девушкой, с которой можно было бы подружиться.

Ю. училась в художественном училище; в школьном коридоре висели ее простенькие натюрморты, написанные акварелью. Я ничего не понимала в живописи. Конечно, для того чтобы стать подругой столь образованной и талантливой девушки, надо было основательно подготовиться.

Я набрала в библиотеке книг по живописи – от биографии Андреа Мантеньи до исследований Роберто Лонги – и приступила к делу. Я штудировала одну книгу за другой, спотыкаясь на незнакомых терминах и силясь объять понятия линейной перспективы и светотени; я просиживала за ними целые дни, а потом и ночи. Теории оказалось мало для понимания столь сложного предмета, и я взялась рисовать сама. Со всем своим неимоверным упорством я рисовала карандашом и акварелью натюрморты со старинных ваз и подстаканников, силясь перепрыгнуть через недостаток знания и умения. В открытое

окно доносилось благоухание цветущей черемухи, на расположенных поблизости дачах щелкали соловьи, в небе сияла одинокая крупная звезда; я рисовала, заслуживая право называться ее подругой.

Стола у меня не было, – была небольшая глухая тумба. Сидеть приходилось боком. У меня болела спина, от напряжения ныли глаза, в голове кишели гризайли, кьяроскуро и Мантенья; я рисовала...

В конце мая я решительно вызвала Ю. из класса (сама, как всегда, прогуливая уроки) и попросила номер ее телефона. Ю., ничего не говоря, написала его на листке. Полтора месяца этот листок стоял у меня за стеклом комода, как обещание чуда. Я смотрела на выведенные карандашом цифры, запоминала их, повторяла, ждала удобного времени позвонить...

В июле я начала писать маслом. Первыми попытками были виды Владикавказа: улицы, Терек, конный памятник осетинскому генералу... Затем последовали натюрморты и автопортреты. Моим единственным сильным местом был цвет. Рисунок и композиция всякий раз оказывались неуклюжи. Я видела свои ошибки, соскребала написанное и наносила краску заново – раз за разом. «Не бояться! Всегда можно соскрести», – вывела я на столе для рисования, который принесла в свою комнату. Этим столом был каркас от швейной машинки «Зингер».

Работа продолжалась по семь-восемь часов подряд, без отдыха. Я не умела писать по сухому и стремилась завершить начатое в тот же день. В августе у меня произошло кровоизлияние в левый глаз.

В начале июля я позвонила Ю. и пригласила ее на встречу. Встреча была назначена в роще возле ее дома, километров за десять от моего. Ю. вышла прогулять собачку, а заодно – пройти со мной. Я пришла, как на экзамен. Одним из первых вопросов Ю. был вопрос о том, смотрю ли я популярное ТВ-шоу...

На следующую встречу Ю. привела подругу. Задавая вопросы мне, она тотчас обращалась к той. Я растерянно замолкала на полуслове. «Почему ты молчишь?» – как ни

Пейзаж автора: армянская церковь. Лето 2007 г.

Работа автора: памятник генералу Плиеву во Владикавказе.
Лето 2007 г.

в чем не бывало спрашивала Ю. Смущенная подруга по-рывалась уйти.

На третий раз я добилась, чтобы Ю. приехала ко мне домой. Она взяла с собой двух друзей – безликую девочку и С., молодого человека из того же училища. С. оказался энтузиастом современной живописи и увлек всех троих своей вдохновенной, хотя и малопонятной речью.

Больше мы с Ю. не виделись. Я время от времени звонила ей, предлагая встретиться или хотя бы поговорить по телефону, она отвечала, что рядом подруга и надо поговорить с ней. Потом стала отключаться. Это явное пренебрежение лишило меня интереса к ней.

В середине лета я посетила выставку начинающего художника, работавшего в стиле компьютерной графики. Помню небольшой зал с неясными обрывочными работами, десятка два скучающих посетителей, книгу отзывов с банальными выражениями восхищения, самого художника – робкого и неприметного. Кто-то из матерых живописцев громко критиковал его. Соглашаясь с критикующим, я все же была возмущена. В день его торжества пороть ему настроение?..

Только одна работа заслуживала внимания: из красных и черных разводов с серебряными пятнами меж ними, названная «Космос или лужа?». Философский замысел этой работы, рьяная критика какого-то художника и избитые фразы в книге отзывов заставили меня написать длинный отклик, в котором я отмечала лучшее и желала вдохновения и понимания. Заканчивался отзыв тут же сочиненным стихотворением:

В космосе и заводи звезды похожи,
Смысл переносен, как буря в песках.
Если ты слабый, Господь поможет,
Если сильный, справляйся сам.

Космос ли, заводь? Но всходит солнце,
Глубины сводятся к плоскостям,
Пока вызревает в новом циклоне
Космос абстрактного бытия.

Потерпев неудачу с Ю., я попыталась подружиться с С. Мы встретились однажды, и он полчаса оживленно рассказывал мне о картинных галереях, которые посещал, и о своих работах, которые никто не видит. «Надо помочь», – решила я и тем же вечером, несмотря на поздний час и проливной дождь, отправилась из своего пригорода в областную библиотеку, расположенную на другом конце города, чтобы узнать, можно ли выставить там картины.

Картины можно было выставить – и на приемлемых условиях. Я осмотрела зал, вообразила там работы С. и осталась довольна. Кроме того, я выписала адреса нескольких журналов о живописи, куда он мог бы выслать репродукции своих картин. Тотчас по возвращении домой я позвонила ему и полчаса рассказывала об открытых для него возможностях. В конце он несколько озадаченно сказал «Спасибо», – и мы мило попрощались. После этого он исчез. Год спустя я шла по мосту в Твери. «Вот поднять бы глаза, а навстречу – С.!» – подумала я. Подняла глаза, а навстречу – С. Прошел, не признавшись.

Учеба и размышления

В 2007 году я экспромтом поступила на исторический факультет Тверского государственного университета. Я не готовилась к поступлению и не заботилась об исходе: просто сдала экзамены, как смогла, и опять погрузилась в свои книги. Как выяснилось позднее, что экзамены я сдала отлично.

Я выбрала заочную форму обучения, чтобы иметь время для самостоятельных занятий, которых с каждым месяцем становилось все больше. Я понимала, что этим лишаю себя возможности подружиться с кем-нибудь, но утешалась мыслью, что окружение еще не гарантирует друзей. У меня было слишком мало общего с молодежью, чтобы легко найти товарищей.

В декабре 2007 года я подытоживала: «В этом году мне выпали четыре дня общения: 7 и 23 июля – с Ю. (едва добившись встреч бесчисленными звонками), 19 сентяб-

ря – 35 минут с ее другом, 11 октября – с Р. в Туле».

«Сидела одна на кухне, грея руки о чашку кофе, и подумалось почему-то, что когда-нибудь буду вот так же сидеть – насквозь больная, без дружеского плеча и с мыслями о работе. Какая благодать, страшная благодать мое сегодняшнее положение!.. Может быть, это и есть примета взросления – осознание и оценка сегодняшнего дня с ракурса завтрашнего. От юности у меня – только возраст» (22 декабря 2007 г.).

Одиночество, отсутствие чувства дома, недомогания (уже тогда – сердце, повышения давления и ухудшающееся зрение), стесненность в средствах, религиозные искания и сжатый страх будущего вместе с напряженными занятиями ночи напролет изнурили меня. «Одно желание – спать. Долго, без снов – спать» (30 декабря 2007 г.).

Итоги занятий живописью

Мои занятия живописью продолжались до сентября 2007 года. Зрение становилось все хуже, уверенность в своих способностях – меньше, а желание рисовать возрастало. И я отправилась в художественное училище, дабы узнать, стоит ли мне продолжать.

«Столькому научиться всего за четыре месяца?! Н., посмотри: вот человек, никогда не рисовавший и занимающийся живописью только четыре месяца...» Вопреки ожиданиям, мои попытки были оценены весьма высоко. «Рисунок слаб, но цвет удачен. Очень удачен», – было сказано о моем автопортрете, где я сидела за столом перед горячей лампой, уткнувшись лбом в ладонь и сжав другую руку в кулак. И – по размышлению: «Но замысел далек от действительности». Я улыбнулась.

О виде Владикавказа с конным памятником генерала Плиева было замечено: «Готовая иллюстрация к сказке».

Прием завершился словами: «Приходите к нам учиться!» Прийти я не могла – из-за слабеющего зрения. Но не могла и легко попрощаться с живописью: видимо, у меня действительно были какие-то способности, заглушить ко-

торые было весьма непросто. Отказываясь от кисти, я будто отрывала от себя что-то живое.

Моей последней работой стал увеличенный с обложки книги портрет Джироламо Савонаролы – сурового итальянского монаха, жившего в пятнадцатом веке. Книгу о нем, написанную П. Виллари, я случайно нашла в книжном магазине в 16.40. 30 октября 2007 года. Возвращаясь домой тем пасмурным бесснежным вечером, я не могла даже предполагать, что несла в сумке.

Савонарола

Объемистая книга в черно-красном переплете с туманным видом Флоренции и темным портретом Савонаролы кисти Фра Бартоломео внезапно и непоправимо изменила мою жизнь.

Я приступила к ее чтению в тот же вечер. Флоренция пятнадцатого века, католический монастырь, банкиры Медичи, развратный Борджиа на престоле, Евангелие, монашеская аскеза... Все было новым, незнакомым, увлекательным. Я прочитала книгу за три недели – как в другой мир вошла. Вокруг все оставалось тем же самым, но виделось под иным углом. Привычный мир стал глубже, проницаемее. Он не заканчивался видимой поверхностью – он имел продолжение, как дерево имеет корни. И это продолжение было гораздо важнее.

Мир духовный: вот, что открыла мне эта книга. И я вступила в него со всем своим пылом.

Савонарола был для меня не просто исторический личностью – он был живым человеком, который наставлял меня, охранял, любил. Увлечение им было схоже со страстной любовью: он завладел моими мыслями и чувствами, всем моим существом, моей жизнью – как будто принял меня под свое незримое, но столь ощутимое покровительство. Даже на улицах мне казалось, что он следует со мною, предотвращая любую опасность и отстраняя привычное одиночество.

Одиночества с ним не было. Это странное, транс-

цендентальное единение – сквозь время, пространства, смерть – избавило меня от длившейся с детства тоски. Мы были вместе – я, отделенная от мира, и тот монах, столь же чуждый этому сусальному пространству. Странное дело, но ни с кем из живущих у меня не было столь глубокого ощущения Жизни.

«Tutto ciò che so, tutto ciò che posso è costinci»: «Все, что знаю, все, что могу, – здесь», – написала я по-итальянски на форзаце его биографии 21 ноября 2009 года. Именно с этой книги началась моя настоящая, осмысленная жизнь.

ЧАСТЬ III: 2008-2015

Мое поэтическое творчество 1999 – 2008 гг.

2008 год – год, с которого я отсчитываю свое существование как поэта.

Первые попытки сочинительства относятся к раннему детству. Более или менее регулярно я стала писать стихи в двенадцать лет. Помню одно, написанное в 1999 году:

Не шуми ты, ракита,
Не шуми над рекой.
Не тревожь мое сердце,
Не тревожь мой покой...

В тринадцать лет писала так:

Жаль, что годы летят.
Не вернуть их назад,
Не вернуть их назад,
Не прожить их сначала.

1 августа 2000 г.

И еще, в духе беспризорных:

Зачем я на свет родилась?
Чтоб целую жизнь мне страдать?
Чтоб от тоски и обиды,
Спрятавшись, тихо рыдать?

1 июня 2000 г.

В то время складывались и оптимистические стихи:

Нужно в хорошее верить,
Добро на планете творить.

Ведь жизнь невозможно измерить,
Но можно достойно прожить.

13 мая 2000 г.

Все неясно и зыбко
На нашей планете.
Нужно лишь с улыбкой
Проснуться на рассвете.
Вспомнить о светлом,
Забывать все заботы,
Ведь на этом свете
Быстро летят годы.

27 мая 2000 г.

В четырнадцать лет оптимизм из стихов и жизни исчезает, чтобы уже не возвращаться (много позднее его сменяет мрачное упорство):

Одинокая тихая боль.
Сердце тосковать устало.
Добавляй, судьба, еще, коль
Тебе кажется, что этого мало.

6 июля 2001 г.

Это об одиночестве. В стихах того времени я выражала не только свою тоску: немало сочинений обращено к подруге одноклассницы Тани, Оле Ф., у которой погибла мать:

Не плачь, прошу тебя, не надо.
Пройдет беда, как грозовая туча,
И будет за страдания награда.
Слезам сердце ты не мучай.

И такие строчки:

Зачем мне что-то для себя желать?
Зачем мне счастье, если у тебя беда?

20 декабря 2001 г.

Тема несчастной участи этой девочки является одной из основных в 2002 году:

Снится белым березам весна,
Над равниною кружится снег.
Только ты в этом мире одна,
Обрученная с горем навек.

8 марта 2002 г.

И:

Я хочу, чтобы новой весною
Цветы для тебя цвели.

11 ноября 2002 г.

Еще одна важная для меня тогда тема – привязанность к одному существу, годом младше. Посвящения ему удивляют бескорыстием:

... Лучше буду я сама страдать,
Но не отниму любовь твою.

27 февраля 2002 г.

Позднее это утверждение сменяется мольбой не покидать его новую любовь:

Не бросай ты ее, не бросай!

28 августа 2002 г.

Продолжает звучать сожаление о безрадостной юности:

Мне не жаль неудачную жизнь,
Только юность свою очень жаль.

14 ноября 2002 г.

Мне и сейчас жаль эту юность, лучшими впечатлениями которой до восемнадцати лет были поездки на уборку картофеля: «[...] Дорогие, милые поля, //Золотом горящие березы. 24.11.02 г. Стихотворение написано в память о счастливых днях сентября 2001 г. и 2002 г.»

Кто мои подружки?
Слезы и тоска,
Скорбный плач кукушки,
Поле да река.

Солнце и березы,
Ветер и луна...
Вот мои подружки,
Только я одна.

16 февраля 2003 г.

В 2003 году происходит самоидентификация в жизни и творчестве с беспризорными. Первую книгу о них, «Педагогическую поэму» А.С. Макаренко я прочитала в тринадцать лет – с восторгом первооткрывателя, увидевшего новые земли. Из-за одиночества и безотцовства при живом отце беспризорники показались мне родственными. Кроме моего собственного, настоящего, «я» в стихах иногда появляется некий шестнадцатилетний беспризорник, «бесстрашный и вороватый», которого непременно расстреливали под утро:

Юность шальная,
Прощай, дорогая!
Я уйду в незнакомую даль.

... Расстреляют под утро:
Такова моя участь.
Все равно не жалею
О прошедших годах!

14 января 2003 г.

Не имея родимого крова,
Я шатался по разным углам...

21 июня 2003 г.

Скитался с детства по приютам
И на базарах воровал,
Не знал семейного уюта
И материнских ласк не знал...

12 октября 2003 г.

Этот образ был моим спасительным антигероем, вызовом неуютному миру, насмешкой над условностями и лицемерием.

Основной темой 2003 года становится Боря Галахов – брат моей бабушки, погибший в боях под Кёнигсбергом в 1945 году. С помощью мамы я отправила запрос в Военный архив Калининграда, спрашивая о месте захоронения Бори. Ответ пришел год спустя. Место было указано. Побывать там так и не удалось.

Я найду тебя, где бы ты ни был,
Хоть бы я и дороги не знала.
Я найду тебя, Боря милый!
Сердце биться б не перестало...

15 апреля 2003 г.

«Пиши, сынок», – просила мать.
И он писал. И письма эти
Пришли позднее, чем он погиб,
В войной потрепанном конверте...

26 апреля 2003 г.

Между нами – шесть десятков лет.
Между нами – столько расстояний!..
А за окном светает, и рассвет –
В голубовато-золотом сиянье.

И знаю я, что ты со мною рядом.
Ты в каждом облаке, ты в каждом цветке нежном.
И ты следишь за мною ясным взглядом
И улыбаешься ромашкой белоснежной.

Меня погладит солнце по щеке:
Быть может, это ты меня погладил.
Дыхание твое я слышу в ветерке,
Когда он прилетает в тихий садик.

Тебя на свете нет. Но ты везде,
И после смерти ты бессмертен стал.
А тот рассвет, что отражается в воде,
Тобой над моим миром засиял.

28 апреля 2003 г.

Боре посвящены более двадцати стихотворений.

В начале 2003 года в моем творчестве появляется другая неожиданная на первый взгляд тема: Гражданская война в России и белогвардейцы. Я с увлечением изучала историю той войны, читала поэзию и прозу (от «Чапаева» Дм. Фурманова и «Как закалялась сталь» Н. Островского до «Степи» белого генерала П.Н. Краснова). Я считала правыми и красных, и белых – оттого, что и те, и другие были гражданами одной страны, но белых любила больше – как пострадавших. Сохранилось стихотворение в тринадцать строф, датированное 14 апреля 2003 года. Оно называется «Позднее прощение». Далее следует: «Белым посвящаю. А.И. Деникину, А.В. Колчаку, П.Н. Врангелю, Н.Н. Юденичу и др.».

Вас кляли семь десятков
Расстрелянных лет...

... Вы сражались за Правду,
За Великую Русь...

13 февраля 2004 года происходит внезапный перелом: после неловких детских рифмовок появляются сочинения

более похожие на стихи:

Ах, юность ты, юность, как жаль мне тебя,
Твои одинокие, горькие годы!
Так жаль мне в холодные дни октября
Отставшую птицу под синеющим сводом...

13 февраля 2004 г.

Огонек

За метелью белой и колючей
Замерцал вдруг дальний огонек,
Сквозь снега меня к себе зовущий,
От меня он все-таки далек.

А метель кружит седые вихри,
И за мутной снежной пеленой,
Что ни на мгновение не стихнет,
Он сияет желтой теплотой.

Ты свети, мой огонек, не гасни,
Ты свети в холодной сизой мгле.
При тебе дорога безопасней,
При тебе становится теплей.

Ведь, когда среди пурги сияет
Хоть один далекий огонек,
Только он надежду и вселяет,
Хотя путь до огонька далек.

16 февраля 2004 г.

Первое из опубликованных стихотворений

С улыбкой вспоминай, что отзвенело,
И сердце не тревожь напрасною тоской.
Коль это счастье птицей пролетело,
Другое счастье встретится с тобой.

12 апреля 2004 г.

Уже тогда стихи были для меня не самовыражением. В длинном сочинении, озаглавленном «Назначение поэта»

есть строка:

Своим словом сердца отогреть.

Другое так и названо «Оставить добрый след».
А вот строки о Фировском районе, где я жила:

Пелена тумана над рекою,
А за ним – неведомая даль.
Все такое милое, родное,
Обо всем так нестерпимо жаль.

30 мая 2004 г.

Из лирики:

Милый, счастьем другому ты нужен,
И я счастьем другому нужна.

11 июня 2004 г.

О Бесланской трагедии:

Увяли праздничные розы
И детской кровью обожглись.
И пополам и дождь, и слезы
Над детством взорванным лились.

3 ноября 2004 г.

Попытка осознать мироздание:

Кружатся в бесконечности планеты,
Как механизм невиданных часов.

9 ноября 2004 г.

Выражение своего одиночества:

Сад сквозит, как ветхая рогожа,
И в ветвях запутавшийся ветер
Плачет: «Боже, Господи наш Боже,
Страшно бесприютному на свете.

Страшно не иметь любви и крова,
А из песни, льющейся во тьме,
Поймать эхо рикошетом слова,
А вся песня – это не тебе.

Не свобода – по земле скитаться,
Да не воля – бесприютным быть,
И не радость вечно в дали рваться,
В волчью ночь в утрюмых елях выть».

Скорбно плачет ветер заплутавший –
Воплощение всей тоски на свете на свете.
Мне в окно стучится лист опавший,
Как воспоминание о лете. (2004 г.).

Поначалу я писала довольно часто, с удовольствием и почти без правок. В семнадцать лет научилась видеть свои ошибки и стала пытаться их исправить. Если мне этого не удавалось, я безжалостно выбрасывала стихи. У меня сохранились тетради и отдельные листы со стихами, где большинство стихов зачеркнуты. Оставшиеся пестрят моими заметками: «Сплошной штамп», «Глубокомыслие идиота», «Ерунда», «Еще три недели назад считала эти стихи отличными». И: «Приятно бывает покритиковать свои стихи! 31/I-05 г.»

Нередко в стихах появлялись курьезы:

Дождевые тучи, как заплаты,
На небесной ризе голубой. (2004)

Шагает осень в желтом фраке... (2004)

Умчалась юность счастьем прытким... (2004)

Пройдут века солдатским строем... (2004)

Рота леса со штыками елок. (2004)

Как мухи, секунды... (2004)

По нашим следам неслышно
Воспоминаний идет парад. (2005)

На тополях сидит угрюмо,
Как головешки, вороньё –
Зимы нахмуренная дума
И мрачность гиблая ее. (2005)

Пулеметный огонь секунд. (2005)

Вздохнут ветра чахоточною грудью... (2005)

Зеленеющий ряд плащ-палаток
Елей... (2005)

Здесь одиночество на боевом посту. (2005)

Пошла в атаку первая трава. (2005)

Слова стоят в шеренгу на бумаге. (2005)

И встала ночь с луной наперевес. (2005)

Немногие удачи:

Плотней ложится на стекло
Узором странным синий лед.
Дорожки к дому замело,
Где одиночество живет.

23 ноября 2004 г.

Неживое молчание в церкви.
Или в душах молчанье у нас?

22 января 2005 г.

...Повесть оборвалась. Многоточья
Звездами сверкают надо мной.

16 февраля 2005 г.

... Кутаю плечи напрасно я:
Шаль мою рвет вьюга шалая.
А рана, от крови красная,
Издали – роза алая.

6 мая 2005 г.

... И жизнь, ушедшая недавно,
Уже не «есть» – уже «была».
А под ногами ходит плавно
Заледенелая земля.

А ум еще принять не в силах,
Как безвозвратен человек...
И этот белый над могилой,
Такой изящный жуткий снег...

16 августа 2005 г.

Всё – ты. С тобой неразделимы
Ни эти стены, ни цветы.
Часы проходят – мимо, мимо,
Как ускользающая ты.

25 августа 2005 г.

Огонь жадно сухой хворост гложет,
Искры уплывают в темноту.
Я смотрю. Когда-то и мне тоже
Догореть придется на лету.

7 октября 2005 г.

... А я еще надорванно кричу,
Еще безвестное зову я.
Но своему же палачу
С любовью руки поцелую.

16 октября 2005 г.

Живу меж старых фотографий:
И этот яшень за окном,
И это небо будут завтра
Висеть по стенам за стеклом.

И эти лица неизменно
Сойдут на желтые листы...
Живу (еще живу, наверно)
Среди звенящей пустоты.

16 октября 2005 г.

Не хватит вам рук и силы
Хоть душу мою спасти.
Мой голубь небеснокрылый,
Невстреченный мой, прости!

2 декабря 2005 г.

Слишком мало дано мне земли,
Чересчур много неба досталось...

30 декабря 2005 г.

В 2006 году ведущей темой было одиночество:

Мне листом оторвавшимся биться
К тому, чего нет на земле.

27 мая 2006 г.

Мне до далеких сфер – рукой подать
И бесконечность – до своей планеты.

11 ноября 2006 г.

Я в этом мире – случайный гость.

1 декабря 2006 г.

Появляется осознание неизбежного одиночества творца:

Поэты

Все небо вам, земли – ни метра,
Планета – вся, угла – нигде.

... Вы неприемлемы для жизни,
Опровергающие смерть.

18 ноября 2006 г.

Звучит сожаление о недавнем прошлом – доме, бабушке:

Пунцовый папоротник зари
Пробился первыми ростками.
День прошлый, как дом старый, срыт,
Остался на ладони камень.

Толкнулся ветер сердцем в ширь,
Распластываемую под высью.
Нас прошлых больше нет, а мир...
А мир совсем не изменился.

22 февраля 2006 г.

*Опубликовано в журнале «Мы» (Москва), в
апреле 2006 г.*

Синим прочерком – туманный вечер.
Плед, обнявший одинокие плечи.
И тихий шорох родных шагов –
С другой планеты, других годов...

25 июня 2006 г.

Продолжается трагическое осмысление мироздания:

Время – это изменение:
луч,
перешедший с лица друга
на его фотографию.

8 апреля 2006 г.

Находится утешение в вере:

В ненастном мире душу кружит,
Как лист, опавший с тишины.
Не говори, что никому не нужен:
Мы все Всевышнему нужны.

24 августа 2006 г.

Прорывается аскетическая сущность:

Я сама бы тебя распяла,
Чтобы мне в тишину не кричало,
Чтобы в окна во все не стучало,
Не скиталось у мертвых причалов.
Я сама бы тебя распяла,
Если б Божья мне воля велела,
Разбросала б направо, налево,
Ненавистное жалкое тело!..

19 января 2006 г.

Почти все стихи того времени – причудливые, полные

сложных образов и понятий:

Современность

Спираль времени – круг над кругом.
Профиль дантовский. Гул камней.
Опустевшее небо. Трубы.
Город. Сжатость. Бетонный век.
Одиночества, отстраненности...
Рим, Помпеи ли, Аркаим?..
Ощущая спиной боль пропасти,
Под неоновым солнцем стоим.
24 декабря 2006 г.

Архаика

Быстрым временем гибельно ранены,
Города расслоились в песок,
Обрываясь, как грани сознания,
В кимберлитовых трубках эпох.
Широк звон меднознойного света,
Отягчившего веки пустынь.
На качнувшейся миртовой ветке
Новой эры струятся ростки.
28 декабря 2006 г.

По этим двум стихотворениям в Отделе образования, в том же году, сделали вывод: «Высокая культурологическая подготовка. Не всякий мог бы так написать». Да, до кимберлитовых трубок (понятие из геологии) едва ли кто-нибудь додумался бы!

Бывали стихи и попроще:

Я, отражаясь в жизни смутно,
Смотрю сквозь звездное стекло,
Ловя забытого уюта
Инопланетное тепло,

Немую тишину обрушив
В свои внезапные стихи,
Проросшие однажды в душу,
Как остролистники тоски.

(Стихотворение было опубликовано в областной газете «Смена+» в том же, 2006, году).

Иногда возникали весьма изящные образы:

Морозной кисти вольный росчерк
На гжели мартовского дня.

19 января 2006 г.

Время от времени мои стихи появлялись в областных газетах. Это воспринималось со спокойным удовлетворением. Зато первая публикация в московском молодежном журнале «Мы» показалась взятой высотой, что требовало и лучшей работы в дальнейшем. (В том, 2006, году в «Мы» появилась и вторая подборка моих стихов – под осетинским псевдонимом «Алана Дзантиева»).

В 2007 году основные темы – одиночество, Бог, вера, осмысление существования. Мой Бог того времени – суровая надзирающая сила, у которой можно просить только терпения, «как воды», вера – счастливое неведение, а существование – роковой континуум, где смерть – только грань между мрачным конечным и еще более мрачным бесконечным. Нередко звучат аскетические утверждения: «Отречься от тела, как заблуждения», «Много радости в малом и мало – во многом», «В этом мире только Ты живой // И каждый, отданный на заклятие».

Образность в стихах была невероятная: «Гемма города в кольце безысходного ритма», «Черный гипюр теней», «Сухого воздуха готическая латиница», «Бесстрастность клинка, отбросившего сомнения ножен», «Ход стрелок тклет ловкие нети», «С собой не смириться, как с недолгой бедой», «Жизнь складывается, как вещи перед отъездом».

А какова терминология! Парадигма, апология, апокриф, остия, спектральный, синистральный... Все, что я узнавала из книг, шло в стихи, как в мусорную корзину.

На фресках размашистых осени странной
Спорят с солнцем обмолвки случайных озер.
Простая условность цветового пространства
Смятенна, как внутренний разговор.

В перспективу стекаются, как к концу кисти,
Сюжеты, развязки, правдоподобья.
Меняется, как угол зрения, угол истин,
Внезапно брошенный исподлобья.

Звенья пространства звенят об абстракции,
Рассыпанные по полу бытия,
И в среде иллюзорности горит солнцеобразно
Повседневная вера. Остальное – тщета.

(Стихотворение было опубликовано в том же, 2007, году в газете «Тверские ведомости»).

Разлито солнце, как вскипевшее молоко.
День полон полынью, как горькою правдой.
Сквозь отреченность, сквозь запертое окно
Взгляд на миртовый куст направлен.
Серые ветви. Серая пыль. Солнечный свет.
Пространство свободно от лишних деталей.
На наши души похожа та надломленная ветвь...
И оттого мы никогда даже во сне не летали.

Город

Теряется нитка времени
В полотне суеты льняной.
Этот город, как век, кремневый,
Непонятливый, земляной.

Солнце в самом зените эпохи.
Сплелись в улицы лучи ритма.
Бутик «Глиняные боги»,
Бутик «Гробовые плиты»...

Ретроспективы сознания
Уходят к римским аренам...
То ли саркофаги, а то ли здания...
И реальность гудит рефреном.

Пространство под током темпа.
Здесь завтра найдут при раскопках
Город – солнечную гемму,
Город – черный некрополь.

В мае 2007 года я приняла участие во Всероссийском фестивале свободного стиха, проходившем в зале Тверской областной библиотеки. Одним из прочитанных мною стихотворений было:

Орлиное солнце выискивает по крупитцам
Разбросанные камни древнего эпоса гор.
И полдень неотличим от спелого винограда,
И время застыло тоскующим янтарем.
На мудрое знание похоже пространство,
Молчащее тугою листвою и медью песка.
Несуетность и сжатая сила в гортанных селеньях,
Где орлиное солнце рифмует свет с тенью
И ассонирует «вчера» и «сегодня» –
Два янтаря на ладони ребенка,
Играющего у подножья веков.

В начале 2008 года происходит второй резкий перелом: после самозабвенного «словоблудия» предыдущих двух лет вдруг появляются живые строки:

В начале боль была, а после – Слово.
Творец без боли не имеет силы.
В начале боль была – первооснова
Ядра взрывающегося первомысли.

И в энтропическом зрачке светлело, зрело,
Предвиделось, предназначалось...
Без боли Слово смысла не имело,
Боль одиночества была в начале.

26 января 2008 г.

2008 год – время моих религиозных исканий (об этом позднее). Они отображаются в стихах:

... Как будто храмы все из камня
Оставленного родного дома.
И не войти. И только плакать
О каждой трещинке знакомой.

7 февраля 2008 г.

Так все религии кажутся правыми – обломками одной всеобщей Веры, и выбрать – нельзя, и можно только тосковать о целом, о родном: «Мне не слиться с молитвой общей...» (28 августа 2008 г.) Спустя четыре месяца храм для меня – только «хранитель казённого дела». Подсознательно выбор сделан, хотя сознательно я буду искать свою религию еще почти два года.

Мир, наконец, обретает для меня свои очертания:

Все стороны – Голгофского креста.

Это мироощущение уже не изменится.

Тема одиночества и Бога сливаются и становятся единственными. Мрачность и фаталистическая отчаянность усиливаются:

Чего жалеть, кроме Христа и матери?
А остальное – по воду послать.
И самому себе – дорога скатертью
С сиротского убогого стола.

Чего жалеть? Прокуренные лестницы
До рая в моем пятом этаже?
Чего жалеть? Чужие души, без вести
Пропавшие в безбожном кутеже?

Чего жалеть? Жалуют, лишь теряя,
А что ты здесь имеешь своего?
Чего жалеть? Кого – в собачьей сваре,
Кроме под корень сломанных клыков?..

Чего жалеть? В кишках душевных пусто,
Когда обед свой не с кем разделить.
Иди и жизнь жалеи в угаре русском –
Крест над последним холмиком земли.

1 февраля 2008 г.

Или:

От молчания горечь во рту, как от мерзлого хлеба.
Не обет, не навет – лишь равнина на тысячи верст.
И куда ни пойдешь в немоте голубого молебна, –
Всюду хлеб твой несжатый в колею бездорожную вмерз.

13 апреля 2008 г.

И еще пример:

Неба много мне, только места
На земле я не нахожу.
Все дороги уходят в безвестье,
Чьей жарой я при жизни дышу.

12 июля 2008 г.

Материальный мир воспринимается, как изначально мертвый: «Сущий воздух тленья». Но и мир духовный, начинающийся в этой жизни и продолжающийся в той, страшен. Он – «бесконечности зияющая скука». И потому

Мне черные бунтующие стрелки
Родней, чем неподвижное Сейчас.

28 октября 2008 г.

Проявляется склонность к афористичной четкости: «Не умножай ответом зло», «Пусть сил немного – это силы», «Чем ближе Бог, тем дальше друг и дом».

Поэтическое самосознание, как и прежде, не обособ-

ляется – напротив, возникает странное ощущение единения с мирозданием:

Я был всегда, и все я видел
И ничего не уберег.

8 сентября 2008 г.

Мое «я» становится с этих пор безоговорочно мужским: во всех своих стихотворениях я пишу от мужского лица. Это не поэтическая поза, но мое самоощущение и, в конечном счете, моя победа над досадным полом: я пройду, каким бы ни был, а мои стихи останутся, как сгусток моей сущности. «Только слово живет».

Начало самосозидания

Биография Савонаролы заставила меня заняться самообразованием, которое было спонтанно начато в октябре 2005 года (польский язык) и продолжалось безо всякой системы и цели до конца 2007-го (палеонтология, живопись, разнообразные поэты Серебряного века). «Для того чтобы хорошо писать, надо многое знать», – была я убеждена и расценивала глубокие знания как право писать. Накопить их, создать «духовную основу» стало моей основной задачей на шесть лет, с 2007-го по 2013 год. «Отсутствие почвы губительно для творчества и сознания. Необходимо твердо знать, кто ты и с кем ты» (*25 сентября 2008 г.*).

Ноябрь 2007 года прошел за увлеченным чтением биографии Савонаролы. Помню ясные, словно хрустальные дни и странное ощущение новизны. Книга по мере прочтения вовлекала меня в себя, как сильный поток, и вводила куда-то в неизвестную даль, где смешивались прошлое и будущее, история итальянского монаха и моя собственная...

Влияние Савонаролы вызвало интерес к католицизму.

Религию я воспринимала как форму для имеющегося содержания – веры. Вера открылась внезапно в одиннадцать лет: как дверь в солнечное и четкое пространство. Откуда она пришла? Бог знает. Отец был неверующим, мать признавала православные праздники и ставила изредка свечки в церквах, бабушка молилась по вечерам на старинные иконы и, подняв занавеску своего окна, – на старое кладбище за рекой, где лежали ее родители, муж, сын... Меня к религии никто не приобщал. Единственным религиозным опытом было крещение – явление смутное, почти пугающее и ненужное.

Уверовав в существование всё превосходящей Силы, я стала мысленно молиться перед сном, крестясь, как бабушка. Мама однажды заметила. Мне стало стыдно. Уже тогда я понимала, что вера – состояние и действие личное.

В пятнадцать лет я отказалась от православия. Не исповедуя его, я отказалась от самой возможности исповедовать, ибо не принимала поклонения святым и иконам: это казалось мне многобожием. В восемнадцать лет, почувствовав потребность в «форме» для веры и ощутив себя одиноко в отсутствии единоверцев, я заинтересовалась исламом, основой которого является безоговорочное единобожие. Я изучила несколько богословских книжек, устрашилась чуждости этой аравийской, пустынной религии и отступилась от нее, сохранив на память неприязнь к свиному мясу, длившуюся десять лет. «Окружающее стало видеться тогда по-иному, с неясной “прощальностью,” как утрачиваемое. То есть этим действием, попыткой навязать себе ислам, я себя обирала. Не получала, а теряла. Что – не могу объяснить, но именно это сознание потери и сопровождало весь процесс (около года)» (8 февраля 2008 г.).

Католицизм, открытый мне Савонаролой, был религией моих польских предков.

Я приступила к его изучению. Франциск Ассизский, Фома Аквинский, история монашества, крестовые походы... Я хотела воспринять догматику католицизма, но мой своевольный ум противился этому: «Если религия чем-либо помешает мне на пути к Богу, я откажусь от всякой религии», – написала я в самом начале, 7 декабря 2007 г.

А спустя два месяца: «Сегодня, листая книги по католическому богословию, засомневалась и здесь, испытывая знакомое ощущение инородного тела в мозгах». Обряды казались мне искусственными, внешними, святых я считала людьми – особыми, великими, но – людьми, которым нельзя, *безбожно* молиться: «Богу – молитвы, со святыми – разговор». Не могла я принять и молитвы в церкви: «Совместность молитвы в храме вызывает у меня чувство раздирающего стыда – за себя и за других: словно сама разделась и на других, таких же, смотрю. [...] Храм – единственное место, где я не ощущаю Бога. На улице, в автобусе, у себя в комнате – неотступно, постоянно. В храме – нет, не слышу, не чувствую» (7 февраля 2008 г.). Но самым важным являлось то, что я не признавала Христа Сыном Божиим, Богочеловеком. Как и в исламе, Он был для меня пророком, Божьим человеком. «Вера – от Бога, религия – от человека», – сказала я в феврале того года. «Рука человеческая в религии отвращает меня ото всякой конфессии» (7 февраля 2008 г.). Спустя несколько месяцев «рука человеческая» буквально отвратила меня от религии. Я, по своему обыкновению, пришла на богослужение в костел. Службу отправлял священник-негр, и среди прихожан большинство были его соотечественники. Пришло время Евхаристии, и я встала в очередь. Чистота храма, тихие звуки органа, многоцветные лучи сквозь витражи придали торжественность минуте, и в первый раз обряд показался мне вдохновенным свыше... Когда подошла моя очередь, я приблизилась к священнику, как к святому, и замерла в ожидании причащения Тайне. Он внимательно посмотрел на меня и... обратился к следующему.

В службах я больше не участвовала, но попытка обрести свою религию длилась еще два года, усложняясь новыми вопросами. Осенью 2008 года я интересовалась иудаизмом, изучала догматику, читала в упоении Агаду (собрание иудейских сказаний), запоминала новые термины, которые потом использовала в стихах. Это длилось всего несколько месяцев. Иудаизм напоминал о древних свитках, солнечных улицах древнего Иерусалима и вековой великой боли. Я не приняла и его. Больше искать бы-

ло нечего и незачем.

«Кружу в религиях, как по лесу». «Приобретаю лишнее – то, в чем не нуждаюсь» (8 февраля 2008 г.). «Чтобы принять религию, надо оставить свою веру... А верить по-своему – это ли не жуть? Верящий в своего Бога не понят никем – ни верующими, ни атеистами. Всем чужой, всем иноверец. [...] Но это мне и остается, ибо не приму я ни католичество, ни что-либо иное» (7 февраля 2008 г.). Религия воспринималась не только как произведение человеческое, но и как нечто недостаточное: «Все религии – осколки единой Истины, отразившие ее под своим углом, и, следовательно, ни одна из религий не может притязать на истинность, но только – на “осколочность.” Не поэтому ли еще так сложно выбрать осколок?» (26 июля 2008 г.). Знание религии я считала необходимым для того, чтобы понимать народ, его историю и культуру – не более того, но...

Отсутствие религии воспринималось не только как отсутствие формы для веры, а в расширительном смысле – стержня для духовной основы, необходимой творческому человеку. Оно было отсутствием своего народа, ибо нет народа без религии. Было и крайним одиночеством: «Вечером металась по квартире – в кухню, в комнату, к себе на кровать – ничком. Благо никто не видел, как я себе места не нахожу от тоски. И всякий раз, когда так схватывает, кажется, что не было еще такой силы... То ли предыдущее забывается, то ли все хуже становится». «Одиночество какое-то “каменное”, невыразимое. [...] Хотя не самый край. То, что будет лет через 5-7, вот это накроет... Если бы мы знали, что нас ждет, мы не стали бы этого дожидаться» (12 февраля 2008 г.).

Все крепче становилось мое экзистенциальное убеждение: «Здесь всё – испытание и ничто не наше, там – всё награда и всё наше. [...]

Здесь с нами – только Бог. А человек человеку вряд ли волк (для этого надо слишком много внимания – злого – уделять другому): ничто. Вот “Я” – это всё. Самоотречение и полная бескорыстная любовь к другому лишь у святых. [...] Мы все эгоисты. Даже в отношении к родным: при-

нимаем их внимание и заботу, а прощаем – мало. Но с родными мы хоть кровно связаны, есть взаимные обязательства. А с чужими – ничего. Необязанность. [...] Не надо просить, но необходимо давать – когда есть что. [...] Быть доброжелательным. Иметь свое духовное пристанище (в виде интересов – любых, но чтоб были) и посреди жизненной грязи, отвратности и цинизма знать: это – испытание, которое надо выдержать, а там будет все» (8 февраля 2008 г.).

«“Человек человеку – бревно,” – считал писатель Ремизов. “Человек человеку – ворон,” – писала Гиппиус. “Человек человеку – ничто,” – вывела я. Каждый на свой лад толкует» (12 февраля 2008 г.).

Усиливалось мое аскетическое умонастроение: «Наибольшее удовольствие – отказ от всех удовольствий» (24 мая 2008 г.). Каждые два-три дня я постилась по двое-трое суток, не употребляя ничего, кроме чая. В мае 2008 года я выдержала без пищи девять суток. Это не потребовало особого усилия воли и, что самое удивительное, не вызвало слабости. Напротив, все мои силы – умственные, телесные и творческие – возросли, а постоянные недомогания (сердце, давление) оставили меня на то время. В эти дни я занималась, как всегда, часто и подолгу прогуливалась. Целью голоданий было преодоление телесного, укрепление воли, а также (побочно) улучшение умственной работоспособности. Я любила ссылаться на факт: святой Антоний Египетский питался одним куском хлеба в сутки и прожил сто пять лет (251-356 гг.)!

С 2006 года я спала на деревянных щитах, покрытых одной простыней, без подушки (ее заменяло сложенное жесткое покрывало). Подобная постель была у меня еще в селе, с 2003 по 2005 год. С детства я спала там на старой перине. Потом, в очередном аскетическом порыве, я убрала ее, застелив кровать тонким одеялом. Постель получилась очень неудобная: то была старинная кровать, с металлическим никелированным остоном, на котором лежали сбитые планками доски. Планки (высотой три-четыре сантиметра) были прибиты с верхней стороны. Когда я сняла перину, мне пришлось лежать на них. Одна планка ока-

залась под спиной, другая – под коленями. Я быстро привыкла к этому неудобству и спала на этой постели прекрасно.

Я ограничивала себя и во сне (без труда могла не спать 41 час). Занимаясь в среднем по десять часов в сутки, я спала часов пять (до полудня). Иногда меньше – не по своей воле. Сон был у меня плохим еще с четырнадцати лет: я долго не могла уснуть (два-три часа), просыпалась каждый час, вставала с трудом и еще более утомленная, чем перед сном. «Легла в 6 часов утра, уснула около 10-ти» (3 ноября 2008 г.). К тому же, досаждали кошмары.

Кошмары были двух разновидностей: пауки и скелеты. Пауков я боялась с пяти лет – панически. В четырнадцать я пыталась преодолеть свой страх и взять на ладонь крестовика, но так и не преуспела в этом. Скелеты наяву меня не пугали: я могла в одиночку ходить на кладбище, расположенное вдали от жилья. Во сне же они меня осаждали. Я откапывала их в земле, встречалась с ними в своей комнате, видела их в воде... Самым примечательным был сон о скелете Тамерлана, который я увидела лежащим рядом со мной на кровати. Кошмаром это не было: во сне я не боялась, ощущая хранящую силу, исходившую от останков великого завоевателя.

Еще острее, чем в форме для веры, я нуждалась в духовном наставнике. Вероятно, причиной этого мучительного и настойчивого стремления было мое духовное безотцовство: я желала иметь наставника-отца. Но и здесь сказывалась моя самостоятельность: «Что он может дать в ответ на всю мою тоску? Сказать: “Терпи.” То есть то, что я и так делаю. А нужно, чтобы сказал: “Я с тобой, я в тебе нуждаюсь, я тебе помогу,” – и действительно помогал бы преодолевать внутренние кризисы, смятение, справляться с собой, искоренять злое – сбываться... Человек, который даже молчанием мог бы многое сказать и этим поддерживать» (16 декабря 2007 г.). «Беспощадное и верное руководство» – так определяла я это. Мое стремление привело меня к католическому священнику Твери и какому-то до-

миниканцу из Петербурга. У первого я взяла бесполезные для меня популярные богословские книги, второму писала письма, рассказывая о своей жизни, спрашивая совета и прилагая свои стихи. Я не получила от него ни одного ответа. Впоследствии настоятель монастыря сказал, что монахи «в отпуске»...

Живого наставника я не обрела и еще сильнее привязалась к Савонароле, мрачно и торжествующе взиравшему с написанного мною портрета в пространство перед нами. «Примеры необходимы, ибо сложно состояться как личности, не имея опор, путеводителей и провожатых» (20 декабря 2007 г.).

«Приобрела сборник стихов Микеланджело – потому, что он испытывал влияние Савонаролы, и в его последних стихах звучит голос того» (17 декабря 2007 г.).

«Лежала с ломотой в затылке, тахикардией и слабостью и рассказывала маме о жизни Савонаролы» (30 декабря 2007 г.).

Савонарола вывел меня, как из тесного ущелья, на простор: католицизм, история и культура Италии и – итальянский язык.

К изучению итальянского языка я приступила 13 ноября 2007 года. «Не справлюсь», – подумала я, покупая толстый вузовский учебник. У меня уже был опыт самостоятельного изучения языка – польского, почти родного (в семье прабабушки говорили по-польски). Я штудировала его полтора года, с осени 2005 г., но так и не выучила: не хватило учебных материалов. Итальянский оказался откровением: «Слова – какой-то всечеловеческой, старинной, мраморно-перламутровой поэмы: *il quadro, il fiore, la notte, il rumore, la porta, verde scuro...* А одиночество как солено-застыло звучит по-итальянски: *solitudine*».

«Случайно обратила внимание на фонетику русского языка... Звуки – как сильный ветер по осеннему лесу. Немелодичный язык» (21 сентября 2008 г.).

Свои штудии я старалась упорядочивать: «Хаос знаний вреднее незнания. Незнание – чистый эфир, хаос знаний – помехи, заглушающие “голос жизни, звучащий в нас” и вне нас.

Разнородные, разносторонние знания должна связывать логика и оживотворять – их применение.

На всем протяжении познания важно чувство ученичества, неудовлетворенность объемом узнанного, стремление к большему и взыскательность к себе.

Я еще года полтора назад пыталась приживить себе чуждые области: палеонтологию, например, которая в моей системе самообразования выпадала напрочь, не будучи источником вдохновения (чувства своего “Я,” встреченного извне, и радости от этой встречи) и не соотносилась с другими интересами.

Сейчас “система” такая:

- поэзия (стихи, биографии) – ибо нельзя творить свое, не зная чужого;
- иностранные языки как материал поэзии;
- религия (основа индивидуального мира, мера, которая должна определять и направлять творчество и пути его обогащения через знания)» (5 декабря 2007 г.).

Я тщательно изучала жизни поэтов. Биографии, воспоминания современников, письма, дневники: все исследовалось со скрупулезностью археолога. Так же внимательно я читала стихи. Для меня это было не приятным времяпрепровождением, а соприкосновением с жизнью другого человека.

«То, что еще года два назад привлекало меня в поэзии Б. Пастернака – крупная метафорика, мощное напластование метафор, таящих в себе суть, как геологические слои, – теперь это же меня от него отталкивает, ибо я в поэзии больше ценю четко сформулированное и аскетически выраженное содержание. Б.П. после 1940 г. мне теперь нравится больше.

Не люблю поэзию М. Цветаевой. Биография ее, проза меня увлекают, но в ее стихах я “спотыкаюсь,” теряюсь и, как воздух ртом, ловлю себя в высокогорной разреженной атмосфере ее поэзии. Абсолютно “мой” поэт – О. Мандельштам. Сюда же – З. Гиппиус» (7 декабря 2007 г.).

«Обратилась к биографии Д. Философова, друга Ме-

режковского и Гиппиус, о которых сейчас читаю. Чтобы понять человека, надо знать и его окружение» (9 февраля 2009 г.).

«Года три назад, только-только познакомившись с творчеством Осипа Эмильевича, я на полном серьезе произносила его фамилию как “Мандельштамп.” Мне это “п” на конце казалось необходимым для губ» (5 октября 2008 г.).

«Для меня поэзия Михаила Кузмина – как красивая виньетка. Изящно, оригинально, но – виньетка» (7 августа 2008 г.). (Но при этом: «Неплохо было бы заказать прозу и дневники М.Кузмина: хоть немного отвлечься от чисто рассудочных занятий, а то у меня чувство, будто я постоянно сухарь грызу» (3 октября 2008 г.)).

«Слышу только те стихи, которые говорят о жизни, любовью же романтический привкус отбивает интерес к ним и автору» (19 марта 2008 г.).

И какою стала моя эрудиция к февралю 2008 года: «По радио шла передача “Незаслуженно забытые поэты, писатели, драматурги.” Звонившие туда называли Лескова, Бунина, Заболоцкого – школьную программу. Ведущие – не оригинальнее: Гаршин, Горький... А ты всю эмиграцию возьми – вот, где истинно забытые! Б. Поплавский, И. Кнорринг, Г. Адамович, Г. Иванов, Штейгер, Фельзен...» (12 февраля 2008 г.).

Гении прошлых эпох были для меня действительными людьми: «Не воспринимаю поэтов, исторические личности как нечто далекое, абстрактное и обобщенное словом “поэт,” “писатель,” “мыслитель.” Начиная с З. Гиппиус и заканчивая Дж. Савонаролой, они для меня – живые люди, со своими достоинствами и слабостями, – разве что преодолевшие пространство и время. Иногда кажется – приложи усилие воли и мысли – и коснешься руки Савонаролы или нечаянно встретишься взглядом с Мандельштамом... Всех их я чувствую “изнутри,” как себя» (15 июня 2008 г.).

Нередко я видела их во сне: «Сон сегодня: ищу мост в Твери, по которому шел Мандельштам от вокзала в Затверечье осенней ночью своего последнего года. Вижу один –

старый, витиеватый, почему-то зеленоватый – и решаю, что это именно тот мост и есть. Но за ним, в отдалении, замечаю еще один. Дальше – еще. Светлая вода, легкая дымка в полусолнечном воздухе и череда этих неопознаваемых зеленоватых мостов.

Другое: я в лесу. Дорога, высокие жидкие ели, очень тонкие и редкие, качающиеся в сумрачном воздухе. Над ними – темно-серое небо. Среди елей – тонкая и высокая колокольня, раскачиваемая на ветру. На дороге со мной – Ахматова, с которой я говорю» (14 сентября 2008 г.).

Зимой 2005 года я начала собирать домашнюю библиотеку. Первыми были сборники А. Ахматовой, М. Цветаевой, Ю. Друниной. К концу 2008 года в моей шкафу поселились «Воспоминания» А. Цветаевой, «Дневники» Г.Эфрона, проза Б. Пастернака, сборники М. Волошина и М. Кузмина, «Дневники» З. Гиппиус, «Данте» Д.С. Мережковского, «История Италии», стихи Микеланджело в переводе, «Еврейские афоризмы» и многое другое. Две книжные полки были плотно заняты.

Объем чтения удивляет. А мне казалось, что я читаю мало: «Подсчитала, что за шесть лет (с 2002 по 2008) прочитано около полутора сотен книг. Нестрашно, что *мало* прочитано, нестрашно, что *мало* помню: плохо то, что большей частью я читала лишнее (зачем мне, например, были нужны «Дневники» Блока? Или «Люди. Годы. Жизнь» Эренбурга, которые я читала, плохо понимая и не ориентируясь?)» (14 октября 2008 г.).

Я внимательно следила за событиями в мире. Смотреть новости по телевизору я начала еще в 2000 году. С 2006 года стала слушать радио. Часто события записывала в дневнике: «В Курске задержали вора, ограбившего хлебную лавку и унесшего 4 кг. мелочи – в основном, десятикопеечных монет. В милиции пришли в уныние оттого, что пришлось пересчитывать эту мелочь: не напишешь же в протоколе “4 кг. денег”...» (7 декабря 2007 г.).

Отношение к своему творчеству

В 2007-2008 годах я писала много стихов. Свои работы я сознательно не отдавала ни на чей суд: «Критики поэта – собственная совесть и время. А побочные мнения для него – ничто, ибо никто не может заставить его писать иначе. Следовательно, критика в отношении поэта бесправна и бессильна» (7 декабря 2007 г.). Единственным моим обращением за отзывом был поход в 2004 году в редакцию областной газеты, где работала местная поэтесса, воспевавшая природу. Получив совет сознательно описывать в стихах то, что встречаю на прогулках, я усомнилась в пользе таких отзывов.

Кроме того, я в то время боялась атаки критиков: «Творческий человек вынужден стоять под ударом – критиков, времени, читателя. А я – не смогу. У меня просто не хватит сил. Даже физических» (27 декабря 2007 г.). «Мое творчество (как дар) заменило мне и друзей, и любовь, и дом... И, если оно будет отбрасываться, могут быть очень болезненные моменты. “Болезненные” потому, что оно – замена всего недостающего, и удар по нему – второе отнятие того, что потеряно» (7 декабря 2007 г.). Моя творческая деятельность была (и остается) моим пространством жизни, тогда как жизни действительной – нет.

Отсутствие совета приучило меня к самостоятельному мышлению и развило способность к выбору. Я научилась руководствоваться «собственным разумом, опытом и совестью» (Савонарола).

Радостью, приятным отзвуком действительности творчество было для меня только в начале. Позднее оно стало рассматриваться как возможность приносить добро: «Творчество – это милосердие. Ведь обращаемся мы к поэзии, к живописи для того, чтобы найти ответ на вопрос, утешение, радость, поддержку. Поэт или художник, нами любимый, становится живой частью нас» (12 декабря 2007 г.). Это мнение и осталось.

К себе я была беспощадна: в 2007-2009 гг. почти все стихи вычеркивались по прошествии трех-четырех недель. «Важна не содержательность отдельного стихотво-

рения или цикла, а все миропонимание, собственная идея, смысл, конструкция жизни. А у меня, по-моему, хаос» (8 февраля 2008 г.).

2008 год

Препятствия

С 2006 года двумя этажами ниже шел ремонт с дрелью и молотком. Почти каждый день шум вынуждал меня уходить на улицу и часами блуждать по городу, жалея о теряемом времени. «И так нет сил на занятия, но это можно преодолеть и хоть что-то сделать, но когда нет тишины, я уже ничего не сделаю» (6 февраля 2008 г.). Урывая минутки, я продолжала свое самообразование.

К досаждающему шуму добавлялось постоянное напряжение из-за ссор родителей и недоброжелательства сводного брата В., снова поселившегося в квартире в конце 2007 года. Из-за него я старалась не выходить лишний раз на кухню и в ванную, чтобы не слышать его безобразной брани (эти неприятности продолжаются и по сей день). Здоровье мое ухудшилось, каждый день меня беспокоили боли и сбои в сердце, слабость, головокружения. «Сердце при малейшем движении отдается во всем теле» (13 февраля 2008 г.). В феврале 2008 г. у меня случился тяжелый бронхит (или воспаление легких) – на три недели, с высокой температурой и душащим кашлем. «Ем одни таблетки...» Выходить тогда на улицу я не могла, находиться в квартире из-за рева дрели, перемежающегося с грохотом молотка, было невозможно. Сдавали нервы. Мама ходила к соседу просить дать передышку хоть на пятнадцать минут, тот выражал недовольство и продолжал.

Когда я поправилась, я стала мстить зловередному соседу: подсыпала нарезанную проволоку в замочную скважину, дважды разбивала глазок, а потом – со всем вдохновением – вылила на новенькую дверь пол-литра белой краски. После этого параноидальный ремонт, тянувшийся

два года, закончился.

Из-за этого шума я весной 2007 года стала заниматься по ночам, когда было потише. Были и другие помехи: то и дело срабатывающая автосигнализация под окном (иногда ее вой продолжался несколько часов), включенный на полную громкость телевизор за стеной, крики разнузданной молодежи во дворе... Я занималась (и продолжаю) с бирушами, а то и в строительных наушниках.

Занятия и взрывоопасный ремонт

Зимой 2008 года я читала дневники Георгия Эфрона – несчастного гениального сына Цветаевой, конспектировала книги о Возрождении, учила итальянский.

Весной у меня приключились флюсы: шесть за полтора месяца. С температурой до 39, 7° С, обширной опухолью под нижнюю челюсть и сильной болью, от которой не помогало ничто, кроме холода. Когда можно было находиться в квартире, я сидела со льдом у щеки. А если был шум, ездила по городу. Позднее один зубной врач, узнав об этих флюсах, воскликнул с ужасом: «У Вас же могли расплавиться сосуды!» А я привычно отнеслась к этим недомоганиям с пренебрежением.

Весной я перечитывала биографию Савонаролы, изучала историю католического монашества и католическую догматику. Иногда умственная деятельность надоедала: «Работы хочу. Пилой, лопатой, топором... А сидишь, как проклятый, постоянно над книгами».

Непреодолимое одиночество стало нестерпимым: «Каждую ночь – слезы в полотенце». «Сон на 29 марта: не расстаюсь с каким-то увесистым серым камнем, глажу его и разговариваю с ним. Во сне это – мой друг».

2 апреля 2008 г. произошло маленькое событие. После крупной родительской ссоры я в досаде на отца перерезала провод его настольной лампы. Спустя некоторое время я раскаялась и решила исправить дело рук своих. За двадцать минут я зачистила провод, соединила оголенные проводочки «крючком», как проинструктировала мама, на-

мертво замотала провод изолянтной и воткнула вилку в тройник, к которому были подключены компьютер, блок, принтер и колонки. Раздался хлопок, и взвился столб белого дыма. Я как-то незаметно для себя оказалась у дальней стены и оттуда наблюдала, как поочередно взрываются колонки, принтер, блок и, наконец, сам компьютер. После того, как все было подорвано, я бросилась к маме в ванную, крича с ужасом и восторгом: «Мама, там все взорвалось!» Когда мы вернулись, комната была полна белого дыма. Мы отключили электричество и обнаружили, что взорвался только удлинитель, подсоединенный к тройнику. Все остальное было цело. «Иногда исправлять свои ошибки бывает взрывоопасно».

Лоуренс

Вечером 26 июня 2008 года я посмотрела фильм «Лоуренс Аравийский» (1962 г.). В нем в художественной форме и с некоторыми изменениями рассказывалось о выдающемся английском полководце Первой Мировой войны Томасе Эдварде Лоуренсе (1888-1935), а именно – о его участии в восстании арабов против их поработителей-турок (1916-1918). В этом восстании он, англичанин, сражался за свободу арабов – чужого, но дорогого ему народа. Позднее мистификаторы от истории оклеветали его, изобразив ловким лжецом и мошенником. Таким его и знает ныне большинство любителей приключений. Фильм, к счастью, был достаточно правдивым, и личность великого полководца произвела на меня сильное впечатление, а особенно – его любовь к Аравии, отдаленно напоминавшая мою собственную бессознательную тягу к Кавказу. Спустя четыре дня я поехала в областную библиотеку искать книги о Лоуренсе.

Из книг нашелся только небольшой очерк (75 страниц). К нему я и приступила, прочитав лишь две страницы: «Пусть хоть что-то хорошее останется на следующий день». На следующий день я опять проехала через весь город до библиотеки, чтобы прочитать еще немного. «Си-

дела в библиотеке, читала, увлекшись и несколько сожалея, что нельзя достать более подробной биографии (там таковой нет). Когда устали глаза, подняла взгляд, – и такое одиночество ощутила в солнечном пустом читальном зале, с книгой...»

Гениальный полководец, создавший превосходную стратегию и отважно сражавшийся за свободу любимого народа, оказался при ближайшем рассмотрении прежде всего человеком. Он тоже учился в университете – в Оксфорде, тоже – на историческом факультете, тоже увлекался археологией (но в отличие от меня, стал археологом), тоже любил читать и читал ночи напролет, из пяти-шести книг параллельно... Он был похож на меня, и – его не было в живых.

После Савонаролы он оказался вторым важным историческим знакомством. Я «прожила» с Лоуренсом четыре года, не «отпуская» его от себя ни на час, разыскивая книги о нем, внимательно читая их, размышляя над ними, посвящая ему стихи... Но самым значимым следствием этого знакомства стала объемистая биография, озаглавленная «Via Crucis: жизнь Томаса Эдварда Лоуренса». Каким «крестным путем» оказалась она для меня – об этом позднее.

Третья поездка на Кавказ. «Дарьял»

В июле 2008 года мы с мамой опять отправились во Владикавказ. В вагоне былолюдно и шумно. Мои утомленные нервы не выдержали дополнительного напряжения, и на пол-пути я решила сойти. Мы вышли на перрон. Поезд еще стоял, готовый вот-вот тронуться, оставив меня на случайной станции. В него поспешно садились люди, собиравшиеся в Ростов, Ставрополь и другие места, расположенные на пути во Владикавказ. И внезапно меня охватила такая тоска от близкой возможности не увидеть мой город, что я – сумки в руки – бросилась назад. «Культурный уровень во Владикавказе невысок, и близких людей там нет, но поверх всего – люблю его, чувствую, “знаю.” Подкожно близок, внутрижильно, вне доводов и объясне-

ний. Доведись мне вернуться туда лет через пятнадцать, это будет возвращением в свой город» (15 июля 2008 г.).

Во Владикавказе мало что изменилось за два года, только мечеть отреставрировали. Желто-кирпичная, узорчатая, с позолотой и синью, с бирюзовым куполом, она высилась над Тереком, как старинная восточная драгоценность.

Остановились мы в той же старой гостинице. Днями прогуливались по городу. Посетили археологический музей: римский шлем, изъеденный временем и распадающийся; кольчуга двенадцатого века, спрессованная в округлый коричневый «камень»; скифские пряжки со звериным орнаментом... Среди экспонатов самыми поразительными были два хрупких черепа средневековых аланских аристократов. Их черепная коробка была вдвое выше обычной – вытянутая, как страусиное яйцо. Такая деформация создавалась намеренно, являясь признаком знатного рода.

Однажды, когда я шла тихой улицей, у меня возникла мысль опубликовать свои стихи в местном литературно-художественном журнале «Дарьял». Их с собой не было, и я, остановившись посреди тротуара, принялась записывать в тетрадь то, что удавалось припомнить, попутно исправляя. Смогла вспомнить семь стихотворений, в том числе – «От молчания горечь во рту...». В него ввела новую строку: «И на синем снегу сновидения Иоахима...»: вспомнилась вдруг фреска Джотто, где Иоахим сидит на каком-то синем фоне. Фреска подзабылась, и думалось, что это снег. Позднее обнаружила: не снег – небо!

Стихи отнесла в редакцию. Ответственный секретарь – сухенький бодрый старичок с серыми усами и весь в черном – жучок-короед по имени Таймураз Алибекович, – принял тетрадь любезно и просил позвонить о результате.

Результат оказался удручающим: мне отказали, сославшись на «страдающую технику» моих стихов. Я сочла это за отказ на национальной почве, что и было сказано жучку-короеду. Короед растерялся и просил, чтобы я пришла: хотел поговорить «по-доброму». Я пришла, ничего доброго не ожидая и в дополнительной критике не нуждаясь

(своей было довольно: из семи десятков стихотворений 2007 года я оставила только два, остальные были вычеркнуты).

Короед принял меня радушно и, усадив за стол напротив, принялся по-доброму разбирать мои творения. Замечания касались рифм, размера и отдельных слов. Очень не понравился ему образ «в кишках душевных пусто», на что я ответила, что он позаимствован у Дмитрия Философова, «друга Зинаиды Гиппиус и Дмитрия Мережковского». По всей видимости, полученная информация оказалась для короеда очень сложной, ибо он ничего не ответил и перешел к разбору другого недостатка, а именно – слова «промер». Но и здесь короед оказался побит: я объяснила, что это слово позаимствовано у Осипа Мандельштама, который употребил его в строке «Впереди не провал, а промер». Короед покорно согласился с тем, что оно у меня на месте.

Некоторые замечания я все-таки принимала – из вежливости. И посмеивалась внутренне.

– А вот это стихотворение непонятно, – короед, насупив над очками мохнатые серые брови и пошевеливая пышными усами с проседью, блестит передо мной интеллигентной лысиной, склонившись над тетрадкой. В тетрадке – стихи:

Через разрезанные розы вглубь металла
Крестовой авантюрной колеи
Шел свет, всепроникающий и алый,
С альпийско-аппенинской солеи.

Сквозь еремитские пустыни и пещеры,
Сквозь звонкий неф глубокого собора
Шел свет туда, где мир лежал, ощерясь,
Волчицей варварской на идольском угоре.

Шел свет – затем, чтоб дочь Иаира
Могла восстать, могла дышать и жить...
Шел свет, и ямы глаз кровились,
Не изменяя гибельной души.

– Что это за «разрезанные розы»? – недоумевает короед. Я объясняю, что подразумеваются окна в готических храмах, имеющие форму розы.

– А что за колея?

Отвечаю, что это намек на крестовые походы. Короед слушает внимательно, пошевеливает усами в сомнении, но обещание держит – говорит по-доброму:

– Не всякий поймет...

«А стихи не для всякого и пишутся», – мысленно отвечаю я и вежливо киваю в знак согласия.

Беседа продолжалась полчаса. В конце, когда я поднялась уходить, ответственный секретарь тоже встал и поблагодарил за то, что я пришла. Мои стихи, по его словам, ему понравились – содержанием, и он просил приносить их – в исправленном виде.

Я правила весь вечер. То, что осталось, отнесла в редакцию.

Эти стихи не были опубликованы: я заменила их на другие, написанные в августе того же, 2008, года.

Когда мы 18 июля возвращались из Владикавказа, возле Минеральных Вод, меж деревьев, встретилось расположение танков – около тридцати штук, некоторые были закамуфлированы. Немного позднее навстречу попался состав, груженный танками и закамуфлированными ГАЗ-66 и КАМазами. В Ростовской области встретился еще один эшелон с военной техникой, следовавший в южном направлении. «Подготовка на случай военных действий Грузии в Южной Осетии?..» – предположила я в дневнике.

Опять в Твери

Возвращение в Тверь, как всегда, не было радостью. К тому же я обнаружила, что в моей комнате побывали: портрет Савонаролы был перевешен, а книги, расположенные у меня, как по линейке, стояли вразнобой. Я досадовала вслух, отец язвительно посмеивался, я хлопнула своей дверью, выскочил В. с оскорблениями в наш с ма-

мой адрес... Последовала обычная ссора. После я стояла в темноте у своего окна и хваталась бездумно за стекло, протягивая руку к одинокой крупной звезде, светившей мне во Владикавказе...

На следующий день я переставила мебель в своей комнате, установив книжный шкаф поперек, перед дверью, – так, что за ним остался проход в полметра шириной, а сам он примыкал вплотную к высокой спинке кровати. Для того чтобы попасть внутрь, надо было перелезть через спинку. Что до сих пор и делаю.

Владикавказ был отдохновением. В Твери опять охватило одиночество: «Перед каждой ночью кажется, что не пережить эту темноту, тоску и тревожность, что я с ума сойду... Как стыдно – перед Богом, перед собой – за свои вечные, из дневника в дневник, как из пустого в порожнее, переливающиеся жалобы на одиночество, на плохое самочувствие и прочее. Как непоправимо стыдно перед собственным будущим, из которого буду завидовать сегодняшнему дню. И как плохо – от отсутствия друга, от болезней, от присутствия В., с которым стараюсь не встречаться лишний раз в коридоре... Постоянная тревожность, напряжение, не прекращающиеся даже во сне. Хоть бы раз просто выспаться: лечь, расслабиться, уснуть и встать отдохнувшим... Не могу» (31 июля 2008 г.).

Будто кто-то в этой комнате умер
И остался молчать со мной...

31 июля 2008 г.

Больнее всего было одиночество: «Человек – что может быть интереснее? Никакое искусство, никакие города, никакие творения не заменят самого человека. А человека нет. Одно только желание общаться взахлеб. Узнавать другого и быть самому:

Без человека, как без Бога, ты ничто;
Ни имени, ни памяти, ни слова;

Калика переходящая, чужой, –
Пока не позовешь с собой другого.

И к храму, ясному за окаянным лесом,
За бредом переломанных путей,
Быть может, и дойдешь, но только – вместе:
Без друга, как без Бога, ты ничей.

31 июля 2008 г.

Одиночество было непоправимым. Даже если бы я училась очно, я не нашла бы друга, своего равного. Тогда я понимала это смутно, теперь, из 2015 года, после всех напрасных попыток и усилий, могу сказать, что моего друга в этом мире бездумных частиц нет. Может быть, он придет завтра. В этой надежде и пишу.

Цхинвал

25 июля 2008 года вижу сон: неизвестная местность, какое-то сооружение наподобие подмостков, черные тучи – тяжелые, густые, создающие впечатление, что неба слишком много, что оно повсюду. На подмостках – человек: одновременно я и не я. Я в чужом образе. Я настоящая наблюдаю со стороны, но не присутствую – только вижу. С неба спускается металлический крест – фиолетовый (отсветы от туч?). Конец его обращен к земле, перекрестье в небе. Он подается в руки стоящего на подмостках. При этом слышен голос Бога – слышен ясно, но слова не запомнились...

В ночь на 8 августа 2008 года Грузия атаковала Цхинвал, столицу Южной Осетии. Значительная часть города была обращена в руины, сотни человек погибли, многие стали беженцами.

«Сегодня шла по городу и думала, как мы неспособны ценить то, что имеем. Сам этот мир, который именуем “суею” и “буднями,” – как же все это ценно! Какая благодать в суете, среди которой мерещит жизнь!.. А за две тысячи километров гибнут люди, рушатся здания, и человек

на человека – зверем» (8 августа 2008 г., 18.10.). «Каким пустяком кажется “вечное” искусство в сравнении с происходящим! Читаешь о Мандельштаме, о философии языка и не можешь отделаться от этой мысли. Слабо и беспомощно искусство в этой жизни. Что Рим перед Аттилой?» (10 августа 2008 г., 18.45.). Эту идею бессилия творца перед Бедой я выразила спустя пять лет в стихотворении «Что ты можешь, поэт?», написанном как отклик на другую трагедию. Ощущение своей беспомощности и бесполезности как творца возвращается с каждой новой бедой – целого народа или отдельного человека.

Мой дневник тех дней заполнен сводками, которые я слышала по радио и – реже – смотрела по телевизору. «Кадры: старая женщина на улице, рыдающая над убитым сыном... Старик – то ли спящий, то ли без сознания... Старухи, сидящие на убогих койках полуразрушенной больницы... Девушка, сидящая на земле, кутающаяся бессознательно в наброшенную кофточку и рыдающая, запрокинув голову к небу... Горящие каменные дома...

Руины, камни, ямы, боль, боль, боль... Что это – Средневековье, “темные века” или Вторая Мировая? Где мы – на земле или в аду? [...]

Мало бесланских гробов, вот и цхинвальские...

Но не цхинвальцы мертвы, – те, кто совершает это, мертв: внутренний труп» (10 августа 2008 г., 19.30.).

Во второй раз, после Беслана, я почувствовала свою подавляющую беспомощность. Была беда, которую я не могла остановить, были убитые, которых я не могла вернуть их близким, были раненые, чьи страдания я не могла облегчить, были беженцы, которым я не могла вернуть их дома... Я ничего не могла – только наблюдать, стоя на обочине Крестного пути. И еще – молиться.

Дай же, Господи, силы молиться!
Больше я ничего не могу.

13 августа 2008 г.

Молитвы становились стихами: сложился цикл из шести стихотворений «Небытие Цхинвала».

Смерть на числа непереводима:
В каждой гибели – небытие,
Куда мерно и прямо летим мы,
Обесмыслив и имя свое.

Мы упрямо спускаемся в нишу,
Где христианские статуи – в прах;
С каждой гибелью – ниже и ниже,
С пересыльными бирками прав.

Двадцать первый, как прутья, каленый,
Под концлагерной робой век.
Сотни, тысячи, миллионы...
Но убитый один – Человек.

22 августа 2008 г.

В июне 2009 года этот цикл был напечатан в «Дарьяле», став моей первой публикацией в Осетии (а в целом это была моя восемнадцатая публикация, считая с газеты Фировского района, где в 2004 году впервые напечатали мои стихи). Я сочла за честь опубликовать свои работы в осетинском издании. За ту публикацию полагался гонорар: 327 рублей. Я хотела отказаться, не желая получать деньги за то, что (как я считаю) мне не принадлежит. Способности – дар Божий, и создаваемое принадлежит Ему. Таймураз Алибекович изумился: «Иногда нам предлагают деньги, что мы что-то напечатали, но чтобы кто-то отказался от денег за публикацию, такого еще не было», – и прислал гонорар. Он до сих пор лежит нетронутый, как и все последующие – по сентябрь 2012 г.

Ухудшение здоровья

Дополнительное волнение, вызванное цхинвальской катастрофой, оказалось для меня последней каплей: мое

здоровье резко ухудшилось.

Еще в конце июля меня беспокоили головокружения, слабость и общее скверное самочувствие – следствие повышения давления. После Цхинвала у меня случился столь острый гипертонический криз, что я думала, это конец. Я вызвала отца, с которым не общалась: попрощаться. Но тот появился настолько испуганный или растерянный, что я отослала его обратно. Только через полсуток, в больнице (где я еще подхваливала медсестер за безболезненные уколы), я узнала, что у меня очень высокое давление, причем – с температурой 38° С.

С тех пор у меня начались периодические гипертонические кризы: два-три в день, по три-четыре часа, почти ежедневно, на протяжении двух лет. Начинались они внезапно и всегда – в минуты праздности (за книгой, над тетрадью, за ноутбуком они не случались никогда). У меня вдруг являлось сильное головокружение, резкая тошнота, сухость во рту, с ног валящая слабость, учащенное сердцебиение (иногда до 170 ударов в минуту), мучительное стеснение и тяжесть в области сердца, лихорадка (такая, что кровать подо мною гремела), иногда еще и боли в сердце. Давление, при норме 110 x 70, поднималось обычно до 140 x 100, иногда и выше. Я не могла оставаться на ногах и ложилась. Мне бывало столь плохо, что я была не в состоянии выпить глоток воды с валокордином и вместо этого капала его на язык (две-три капли) или просто нюхала: эфирные масла облегчали головокружение и дурноту. Один раз мне удалось остановить сильный криз усилием воли.

Поначалу мне вызывали «скорую». Она приезжала через час-полтора, и мне делали укол магнезии (десять кубиков) или дибазола с папаверином (столько же). Однажды меня увезли на «скорой» в больницу – с разудалой музыкой, которую врачи отказывались выключать. В марте 2009 года, при очередном кризе, у меня случилось сильное носовое кровотечение. Как обычно, вызвали врача. Я ожидала, что мне поставят тампоны с аминокислотой, как то делала фельдшер в селе в 2000 году. Ничего подобного: приехавшая врач, немногим старше меня, со-

бралась везти меня в больницу – на другой конец города. Я просила применить аминокислоту на месте, не беспокоя меня поездкой, и сослалась на своего фельдшера. Врач рассмеялась, назвав ее «сельской бабкой», и гордо объявила о наличии у себя диплома. «Вот и остановите мне кровь своим дипломом!» – парировала я, вскарабкалась с дивана на ноги и ушла в свою комнату из общей. Мама проводила растерянную девушку. С тех пор уколы стала делать мне мама. Иногда приходилось делать их трижды: семнадцать «кубиков» магнезии и десять – дибазола с папаверином. И это не всегда помогало.

Помочь могло бы только присутствие друга. «Моя болезнь – от одиночества. Это и есть одиночество, выраженное физически. [...] Иногда до щемления в ладонях хочется взять руку друга. [...] Но надо жить – ради того несделанного, ненаписанного, непрочитанного, что я должна выполнить. А придет время, – и возьму друга за руку...» (31 августа 2008 г.).

Это желание присутствия друга сопровождало все мои кризы. Я лежала на диване в общей комнате или на своей дощатой постели, нюхала валокордин, шептала «Отче наш» на итальянском, вспоминала вслух стихи Мандельштама или Владимира Злобина и мысленно видела моего несуществующего друга – успокаивающего, внимательного, понимающего... Он склонялся ко мне, улыбаясь и говоря: «Я с тобой, все хорошо», – и слезы текли – бесполезные слезы...

Во время этих кризов у меня часто возникало ощущение близости смерти. Страха ее не было никогда. Однажды врач «скорой помощи» спросила меня, почти утверждая, нет ли у меня при этих состояниях паники и страха умереть. Я рассмеялась. Я была готова к смерти, которая меня не страшила, как переход из одной комнаты в другую. Меня ничто (пожалуй, кроме существования мамы) не удерживало в этой жизни, а в будущей я не сомневалась. Что до собственно болезней, я относилась к ним с презрением. Важно не поддаваться своей слабости, не страшиться ее, но быть несколько выше – духовно пре-

обладать над телесным. Во время кризов я ощущала силу души, а не слабость тела.

Обстоятельства моего самообразования

Несмотря на плохое самочувствие я не только не оставила свои занятия, но, напротив, увеличила их. Как только криз заканчивался, я поднималась и приступала к работе, несмотря на разбитость. Осенью 2008 года я продолжала изучать итальянский, читала воспоминания Надежды Мандельштам (жены великого поэта), перечитывала дневники Георгия Эфрона, занималась изучением истории Древнего Израиля и иудаизма. На протяжении всех шести лет самообразование оставалось сознательным и упорядоченным: четкой системой, все планы которой – от предмета до отдельной книги – были выбраны и тщательно изучались. И все это время меня не покидало ощущение, что я делаю мало и плохо. Всегда была мучительная планка, до которой я не могла дотянуться – ни в самообразовании, ни в творчестве. Все, что было сделано, сделано хуже, чем хотелось, но так, как я смогла на пределе сил.

«Своей работой я оплачиваю талант, данный мне Богом. Иметь его и не способствовать ему, было бы грешно» (23 января 2009 г.).

Изучение затрудняла моя плохая память. Еще в школе мне было трудно сосредотачиваться, я не могла удерживать внимание дольше двадцати минут, быстро забывала выученное. Все это осталось, превратившись в серьезное препятствие в моем самообразовании. Намерения превосходили возможности. Я понимала это и в злости на свою слабость усилием воли заставляла себя вчитываться, не отвлекаться, запоминать, размышлять. «Все следует выполнять наилучшим образом», – была я убеждена. Делать что-то в полсилы было неприемлемо. Зачем изучать язык, если учить только пол-грамматики и пол-словаря? Зачем изучать биографию Мандельштама, если изучать ее только наполовину? Половина не имеет смысла. Тот же

принцип действовал и в моем творчестве. Нередко я доводила себя до нервного срыва, принуждая работать. Я плакала, чертыхалась, злилась на себя, а потом снова приступала к делу и всегда выполняла его. Это упорство не было мне присуще: оно было выработано в четырнадцать-пятнадцать лет, когда я занималась самовоспитанием. В детстве я, напротив, отступалась от любого дела, как только сталкивалась с более или менее серьезной трудностью.

Думаю, после сказанного можно понять, почему мне так сильно мешал шум. Когда все умственные силы были напряжены до предела, а телесное состояние было скверным (я почти постоянно ощущала давление и сердце, были и другие недомогания) любая помеха извне оказывалась чрезмерной и просто лишала меня работоспособности. А помехи были и остаются по сей день. Вся моя деятельность – самообразование и творчество – это преодоление себя и обстоятельств в упорном осознании необходимости своего дела.

Я была уверена, что должна писать – должна приносить своим словом благо своему равному, то есть, тому, кто способен меня понять. Это убеждение возникло в самом начале и прошло через всю мою творческую деятельность. «Я должна работать», – и я работала, когда не было телесных и духовных сил, тащила себя на веревке своей самоубийственной воли, почти зная, что в конце пути – тот, кто нуждается в моем слове. И сколько бы ни было препятствий, неудач, разочарований, это странное упорное убеждение остается. Я уже не надеюсь обрести своего читателя среди современников, но я убеждена, что однажды меня откопают, как окаменелость, и поймут.

Постепенно – к 2011 году – к стремлению помогать своим словом добавилась надежда найти друга среди читателей. Я не могла встретить его в жизни: мировоззренчески и личностно подобных мне не было. Мои книги стали еще и путем к человеку, который нуждается во мне и в котором нуждаюсь я.

Мое одиночество стало абсолютным: обширная переписка медленно сошла на нет, окружения не было. «Ночью опять Мур. Такое одиночество, что хоть книгу не

закрываю. Пока читаешь, словно разговариваешь. Закрываю – один» (4 сентября 2008 г.). «Может быть, потому и люблю воспоминания и биографии: иллюзия общения» (7 сентября 2008 г.). «Какой-то износ, конец сил» (2 сентября 2008 г.). «Заезженная, как пластинка, которая только и повторяет: “Одиноко, одиноко...” (про себя, конечно)» (15 сентября 2008 г.).

«Очень трудно. Желание обсудить прочитанное, поэзию, международную политику и т.п. Кажется, – такой разговор, и не осталось бы недоумений... Плохо так, что прошу Бога: “Не дай сойти с ума...”» (8 сентября 2008 г.). И тотчас убеждала себя: «Только терпеть, заниматься, ждать. Все пройдет. Ни Мур, ни Н.Я. Мандельштам не сошли с ума от одиночества, пока имели дело и смысл». Или: «Так нужен друг, интеллектуальное общение... Ничего, все идет, как надо» (7 сентября 2008 г.). Негодовала на себя: «Чувство своего свинства: столько дано, а мне плохо» (15 сентября 2008 г.).

Но убеждения помогали мало: «Перебирала огонь свечи и думала, почему к телесной боли можно привыкнуть и перестать замечать ее, преодолев страх, который и есть боль, а с моральной так трудно совладать» (4 ноября 2008 г.).

В мудрой еврейской Агаде, которую я читала в 2008 году, есть притча, завершающаяся «моим» мнением: «Или общение с людьми, или смерть».

Стихи 2008 года

Я продолжала писать много стихов, некоторые вошли позднее в первый сборник «Только слово живет». Издаваться в то время я и не помышляла, осознавая недостаточность своего творчества: «Мама, без моего ведома, показала своей сотруднице мои публикации 2006 года. Я узнала: жар в ладонях от стыда» (6 сентября 2008 г.). Свои «старые» стихи (написанные месяц-два назад) я читала для смеха.

Публиковаться я все же иногда пыталась. «В библио-

теке посмотрела подшивку “Тверских ведомостей.” “Поэтическая страничка” вышла, конечно, без моих стихов. Там “ходят кони, топчут росы.” Куда уж нам нарушать идиллически-лубочную картинку, говоря “жизнь, как литания, длится”...» (6 сентября 2008 г.). (Примечательно, но почти все современные мне тверские поэты воспевали бревенчатые домики, цветущие луга и грибные леса, а если и пробовали поразмыслить о чем-нибудь более существенном, то мыслили непременно ягодно-цветочными категориями. И не стеснялись).

Мои стихи появлялись на пределе сил, иногда – даже в состоянии гипертонического криза.

Я живу, как пою Аллилуйю из гроба:
Только слово живет. Только слово – душа.
Только слово живет, как бессонный некрополь,
Только память оплаченных звуков свежа.

2 октября 2008 г.

Помню, как однажды, в 2010 году, сидя на полу возле кровати (сползла, устав терпеть давление) с флаконом валокордина у носа, писала:

Все принимаю, как есть.
Все принимаю, как смерть.
Всю жизнь угасаю с Тобой
над каменной землей.
Знаю: в последнем одиночестве
есть радость бесконечности
и в последней усталости –
бесконечность радости.

«Поэтические способности – не дар, не награда, не привилегия, а тяжелая неизлечимая болезнь. Сегодня утром, с трудом пытаюсь заснуть, осознала это с будничной простотой» (23 сентября 2008 г.). И полушутя: «За какие грехи мне стихи?» (5 октября 2008 г.).

В стихах для меня всегда было важно содержание. Я

часто жертвовала формой ради него и никогда – наоборот. Стихописание для меня было не забавой, не отдыхом, а течением моей жизни. Я стихи не писала – я их проживала. Чужие – тоже: Мандельштама, Гиппиус, позднее – немногие Т.Э. Лоуренса, забытых шведов и англичан... Для меня поэзия неразделима с жизнью поэта, она – его жизнь, сосредоточенная в слове. Потому не признаю, не чувствую романтических славословий разнотравью-разноцветью, то есть поверхности. Еще в двадцать лет я называла это «розовыми соплями».

В конце 2008 года

Осень 2008 года прошла трудно – с гипертоническими кризами, абсцессами в нижней челюсти, мучительной бессонницей и нервными срывами от непоправимого одиночества. «По большому счету, на эти недомогания плевать, но они раздражают, мешают заниматься» (19 октября 2008 г.). Но при этом: «Слава Богу за все! Все идет, как должно» (20 ноября 2008 г.).

Продолжалось самообразование, в котором мне приходилось преодолевать и присущие мне слабости, о чем сказано выше, и препятствующие обстоятельства (шум, нехватка нужных книг), и нездоровье. Странное дело, но последнее было проще всего. Я презирала свою слабость, свое тело, все телесное. Во время болезни, особенно гипертонических кризов, у меня всегда было необычайно острое ощущение своего духа – преобладающего, превосходящего тело.

Шумы не прекращались: «Около 4 часов утра – гипертонический криз. Давление 144 х 92. Мама сделала укол магнезии. Уснула в 7-м часу, а в 9.30. разбудила дрель с нижнего этажа. Уехала в город, где была с 11 часов до 16-ти, из них – два часа в библиотеке, где смотрела литературу по двадцати темам» (5 декабря 2008 г.).

Знания увеличивались, представляясь при этом ничтожными: «Кажется, что нет ни знаний, ни стремлений, ни тебя как личности, а только это одно, единое отсутствие»

(21 октября 2008 г.). «У меня на высоте только давление» (5 декабря 2008 г.).

В декабре я закончила изучение итальянской грамматики и приступила к заучиванию словаря (выучила постепенно 22 тысячи слов), чтению и переводу. При чтении был такой курьез. Мне встретилось словосочетание: «Courbé influenzato da Caravaggio». Я сходу перевела его как «Курбе, заразившийся инфлуэнцей от Караваджо». Затем задумалась: «Как же он мог заразиться от Караваджо, если они жили в разное время?» Обратилась к словарю и обнаружила, что «influenzato» означает «подвергшийся влиянию».

Интерес к Лоуренсу заставил меня заняться изучением истории ислама и культуры Саудовской Аравии.

Одной из значимых книг осени 2008 года стал труд Ф. Арьеса «Человек перед лицом смерти», в котором рассказывалось о католической погребальной практике. Захоронения под полом церквей, гробы грешных на кладбищенских деревьях, мумии близких в соседней комнате поразили меня, и тема погребений стала с тех пор интересна мне.

Стремление делиться. Снова об одиночестве

Интересным мне всегда хотелось делиться. «Иногда прорывается мое действительное “Я”: когда вдруг нахожу в книге захватывающий факт, встречаю поразительную поэтическую строчку, вижу глубокую репродукцию, – словом, когда встречаюсь с тем, чем хочется поделиться, о чем хочется выслушать чье-то мнение, то, чем можно было бы удивить, а то и порадовать кого-то. Тогда меня охватывает радость археолога, обнаружившего нечто в серых пластах земли, и в этом кратком порыве я забываю, что обратиться не к кому, и горю своим восторгом от находки в некоем предвкушении возможности поделиться. Иногда этот тотчас гаснет, а иной раз я начинаю говорить в пустоту, обсуждая вслух поразившее меня, высказывая свое мнение так, как если бы меня могли слышать. Говорю вполголоса или шепотом, сидя один у себя в комнате, про-

изношу свой монолог, сменивший детские диалоги с вымышленным собеседником» (29 октября 2008 г.).

Друга не было, и не было возможности его найти. Повторю, что даже если бы я пренебрегла своим самообразованием и творчеством и училась очно, это не означало бы, что я нашла бы равного. Я была слишком отлична от других в мировоззрении, образе жизни, интересах, чтобы надеяться найти друга в обществе потребителей. Надеяться я могла только на читателя, который однажды найдет меня сам. Но до тех пор...

«Нет никого, и я плачу перед портретом Лоуренса, смотрящего с вечным участием, и говорю ему о своей собачьей тоске, доходя до иступления от желания поговорить с ним – с реальным и мне духовно близким человеком... Надо вынести, надо заниматься, но плохо так, что готов по полу ползать с воем» (10 ноября 2008 г.).

О Лоуренсе мне удалось найти только короткие статьи, но и этого было довольно, чтобы различить близкого. «Сколь сильно чувство беспомощности, возникающее при знакомстве с чьей-либо жизнью, в которой уже ничего нельзя исправить и невозможно помочь человеку, чьи мысли, поступки, положение понятны и словно узнаваемы» (17 декабря 2008 г.). «Лоуренс, Савонарола, Мандельштам, Мур: что им посмертное признание? “И спичка серная меня б согреть могла,” – но не было и ее – только всепоглощающее одиночество» (17 декабря 2008 г.). «Только Бог со мною, и Он пребудет со мною в том унылом, как античный Аид, завтра, что ждет меня и которое я не перестаю ощущать как тяжесть, неотвратимость, яму» (26 декабря 2008 г.).

Надежда на читателя-друга заставляла работать, преодолевая себя и внешние обстоятельства, но за ней таился страх: а что если этого читателя – нет?.. «Речь не идет о том, что и как делать. Можно делать сверх сил своих и в итоге не достичь ничего. Можно получить хоть пять образований и энциклопедическое самообразование, быть вторым Данте, но это не гарантирует, что не наступит крах, когда твой труд окажется невостребованным... Твои таланты, знания и мышление не перевесят чертовой пустоты

отсутствия читателя, именно *твоего* собеседника. Вот это – одиночество. Мое сегодняшнее одиночество – лишь развлечение в сравнении с одиночеством невостребованности, что перечеркнет все усилия и затраты» (26 декабря 2008 г.).

Но: «Поэту дан удивительный “инстинкт” духовного “самосохранения”: даже самая трезвая оценка обстоятельств не может прекратить творческую деятельность. Что-то в “подпольной” области разума настойчиво твердит “Работай!” – когда твоя работа не нужна» (31 декабря 2008 г.).

25 декабря я отметила католическое Рождество. Повесила бант из фиолетовой мишуры с тремя розовыми елочными шарами под черный оклад от сгоревшей иконы из дома прапрадеда-священника, зажгла свечи, читала Савонаролу, думала о нем. «Теперь, когда монастырь Сан Марко* сделан музеем, как, должно быть, темно и жутко по ночам в этом пустынном памятнике Джироламо Савонароле! Представьте двор с крытой галереей, в которой живут фрески фра Беато Анджелико, в неясном серебрящемся свете луны или длинный прямоугольный зал библиотеки, разделенный колоннами на три нефа, как базилика, в глубине которого – темные замкнутые двери, и тот же свет проникает в окна, расстилаясь прямоугольниками на мраморном холодном полу. И ни души, лишь, может, души...

Весь монастырь – отсутствие Савонаролы. Нигде не ощущается сильнее отсутствие человека, чем в местах, связанных с ним, помнящих его» (26 декабря 2008 г.).

И ни души – лишь, может, души.
В соленых сводах нет конца.
И вечный пастырь вечно служит
Обедню Вечного Отца.

26 декабря 2008 г.

* Во Флоренции.

2009

Смерть брата

Новый, 2009, год начался с Арьесом, этнографией арабов, историей ислама, стихами и гипертоническими кризами.

8 января было обычным днем, ясным и морозным, с легкой золотистой дымкой в покалывающем воздухе. Я ездила в город. По дороге вспомнила близких: «Пусть все будет хорошо у того-то, и у того-то, и у Алеши». Вечером беспокоило повышенное давление, но я, не обращая на него внимания, занималась уборкой в своей комнате. Вечером, выходя оттуда, я услышала, как в коридоре мама сказала отцу: «Даже не верится». Когда она пришла, я спросила, что ее удивило. «Лешка умер», – был ответ. «Чушь. Слухи», – спокойно ответила я и отправилась доклеивать свое окно, замокшее от дождей.

Я закончила работу с окном, вытерла в своей комнате пыль и занялась приведением в порядок своих брюк и рубашки. Когда я возвращалась из ванной, где смочила ткань для отпаривания, раздался телефонный звонок. Звонила жена другого двоюродного брата, Юрия. «Слухи» оказались правдой. Алексей умер во сне от сердечного приступа.

Как в день смерти бабушки, мной овладело странное спокойствие – или оцепение чувств. Я принялась бесстрастно обсуждать с мамой, как ей удобнее добраться до Фирова на похороны. «За меня беспокоиться не надо, – заверила я. – Если поднимется давление, вызову врача». И принялась подшивать новую скатерть.

Вскоре я почувствовала себя плохо: резко повысилось давление, пульс был 137 ударов в минуту. Мама сделала мне укол магнезии: не помогло. Я приняла тридцать капель настойки пустырника: бесполезно. Тогда позвонили в «скорую». В приезде нам отказали, сославшись на то, что приезжали ранее. С трудом удалось добиться визита

врача, который – своей угрюмостью и какой-то таблеткой – мое состояние не улучшил.

Помню, как лежала после, глядя в потолок, и читала вслух стихи Владимира Злобина.

Утешительница всех скорбей,
Утолительница всех печалей,
Наши дни последние настали,
Сократи число последних дней...

А потом поднялась и продолжала подшивать скатерть.

Мысль о смерти кого-то из двоюродных братьев посещала меня лет в пятнадцать-шестнадцать: ни на чем не основанная, туманная, дикая мысль. Не страх, не опасение, а именно воображение факта как такового. Накануне смерти Алексея я вспомнила его рано ушедшего отца.

Последний раз я видела брата 31 июля 2005 года. Мы попрощались на задворках нашего дома – как всегда, не надолго...

Из четырех братьев Алексей был единственным, кто помнил обо мне. В 1992 году, вернувшись из армии, он привез мне коробку шоколадных конфет – чудных, каких я никогда больше не пробовала – и две удивительно мягкие футболочки, которые я берегла до 2005 года.

Летом 2002 года, в Пухтиной Горе, мы отправились всем семейством на кладбище: я, мама, бабушка, двоюродные братья с женами и детьми, их мать. Кто-то пошел пешком (полтора километра), кто-то поехал на грузовике. Меня отправили на машине. В кабине я сидела рядом с Алешей. В какой-то момент он обнял меня за плечи, и тогда я в первый раз ясно осознала, что у меня есть брат...

Я считала его своей опорой – пусть далекой, молчащей, но существующей. С ним была некая молчаливая, едва ощущаемая связь. Было знание: есть брат. Его смерть стала неожиданностью во всей ее дикости, резкости и грубости, но связь не утратилась, а как будто окрепла.

Алешу похоронили 10 января. «Такой ясный бело-синий день, – 12°С, яблочный хруст чистого снега: день жизни, а не смерти. День вечной Алешиной жизни. [...] Сегодня не спала. До 6 часов утра занималась, с 6 до 8.30. билась над стихами, которые так и не удалось завершить, в 9 часов легла. Вскоре поднялось давление, мама сделала укол. Лежала до полудня, потом встала. Вся комната была полна солнца, и было дикое ощущение болезненного праздника. [...] Я еще ничего не понимаю». Я не видела его мертвым, и для меня он остался жить в своем Фирове. Нередко я, забывая о случившемся, обижалась, что он не звонит.

Осознание утраты не пришло до сих пор (август 2015 года): для меня Алеша жив. «Алеша в лучшем мире, но я не в лучшем, и не достает только его *присутствия* – не участия даже, а лишь самого существования» (12 января 2009 г.).

«13 января, 1.00. Все спят. Сидела на кухне и вспоминала Алешу. Его смерть – словно моя болезнь, некий мучительный бред, окончания которого ожидаешь, как времени, когда с этими темными сутками, сбивчивым сном, занятиями по инерции и болезнями уйдет и его смерть. [...] Сейчас время не моей жизни, а Алешиной смерти».

Настоящая тоска пришла месяца спустя – как осознание, что «мучительный бред» не пройдет. И даже сейчас, через шесть с половиной лет, мне не хватает моего далекого, молчащего брата.

Упорство

Потеря опрокинула меня. «Физически совсем разбита, морально – подавлена так, что нет никаких чувств – только усталость» (18 января 2009 г.). «Стоило выучить тридцать итальянских слов, как поднялось давление. “Сколько отнимешь от тела, столько придашь силы душе.” И вот – у души силы есть, а тело ни к черту годно» (22 января 2009 г.).

У меня опять начались серьезные зубные воспаления.

«Приступы режущей боли вызывают слабость, валящую с ног, и злят» (19 января 2009 г.). Я не могла обратиться к врачу, ибо у меня не было сил на лечение. Спасалась льдом. Прошло без последствий.

«Физическая слабость – это возможность проявить духовную силу. Работать, преодолевая себя: в этом большая заслуга, чем работать, будучи здоровым» (17 февраля 2009 г.).

Не хватало мне и оценки моих дел, оценки отцовской: «Но не в конкретном смысле, а в обобщенном: как отец оценивает дела сына» (17 февраля 2009 г.). Это было отчасти проявлением моей мальчишеской, мужской сущности. «Однако работа, к счастью, не зависит от оценок», – добавляла я. Оценивать ее было некому. Но опять: «Слава Богу за все». Уже через полгода то желание прошло окончательно.

Самообразование усложнялось недостатком литературы. Мне присуща доскональность, стремление «во всем дойти до самой сути»: какая-то немецкая черта характера. Условия ей не отвечали. Я интересовалась этнографией арабов, но смогла найти в книжных магазинах только одну-единственную книгу по этой теме. В областной библиотеке об этом не было ничего. Я выучила итальянский язык, но мне нечего было читать, кроме книги о Курбе, найденной у букиниста. Я начала изучать историю Ислама по труду Мюллера, но не смогла найти второй том... «Масса сил и времени уходила в последние полтора года на многие штудии, чтобы теперь упереться в тупик недостатка материала и оставить все это недоработанным» (19 января 2009 г.). Нехватка книг была серьезным препятствием на протяжении всего моего самообразования. Еще хуже было, когда я находила нужные мне книги, но они оказывались слишком дорогими. «Смотрю на них, как голодный – на витрину...» Проблему поиска книг можно было решить, подключившись к Интернету: так я могла бы и заказывать нужную мне литературу, и находить что-то в электронном виде. В январе 2009 г. начался поиск компании по установке Интернета. Доступ к мировой сети появился у меня только через восемь месяцев.

Несмотря на трудности, я не падала духом: «Я смогу сделать все, что от меня зависит. Остальное решат обстоятельства» (23 января 2009 г.). «Не поддаваться!». «Падает зрение, спотыкается сердце, поднимается давление, нет друга, а я ничего не прошу у Бога, ибо Ему виднее, что мне надо» (19 января 2009 г.). «Все идет не так, как я хочу, но так, как надо. “Не моя воля, но Твоя”» (16 января 2009 г.). Это глубинное ощущение верного пути, целесообразности всего происходящего и какой-то конечной справедливости длилось с детства и не оставляет меня даже сейчас, после всех бесплодных усилий и разочарований. Если бы не оно, у меня было множество поводов и минут, чтобы уйти добровольно.

Но до конечной справедливости – усилие и тоска, которые я каким-то неисповедимым чувством улавливала еще в ранней юности. Мое будущее казалось мне «черной ямой», я не думала о нем, не строила планов. Мне нравилось вспоминать добрые события прошлого и радоваться тому, что есть, но я не любила загадывать на будущее. Мне постоянно казалось, что оно будет недолгим, и моя задача – сделать то, что я должна.

Я всегда знала свой путь и свою цель, знала себя, свои возможности и отдаленные уголки души. Ни в детстве, ни в юности у меня не было «поисков себя», неведения, неуверенности (только короткие периоды дикой самокритики, когда я считала себя ничтожеством). Вся моя жизнь была целостной, понятной мне системой. Мне оставалось только делать то, что я считала должным. «Делать все, что можешь, и никогда – меньше».

И велико же было счастье – делать!.. Невозможность действовать уничтожала меня. Когда я сталкивалась с трудностями – будь то недомогания, отсутствие книг, шум, я всякий раз искала и находила выход и продолжала делать свое дело. Если есть цель и средство, я сделаю все возможное. Я могу преодолеть любые препятствия, но невозможность их преодолевать для меня невыносима. Неспособность действовать, неопределенность и ожидание – три вещи, которые я не люблю.

Борьба с английским

13 февраля 2009 года я приступила к изучению английского языка. Его преподавали в Дубровской школе, но я, не видя в нем необходимости, злостно прогуливала уроки. Добрый старенький учитель ставил мне четверки, чтобы не портить мои показатели: по другим предметам у меня были «4» и «5» (в 7 классе бывали «3» по алгебре).

Теперь, заинтересовавшись жизнью Т.Э. Лоуренса, я взялась за этот язык. Начало было обнадеживающим: грамматика оказалась простой, а слова были краткими. Все запоминалось легко и быстро. Но – не надолго. Уже на следующий день я с трудом могла припомнить пройденное. Я заучивала заново, но спустя несколько дней опять все забывала. Так как я продвигалась вперед, объем забываемого материала становился все больше. Я нашла выход: стала учить правила и слова вслух. Дело пошло, но опять не надолго: за стеной у соседей стал целыми днями бубнить телевизор. Я надела наушники, и трудности запоминания вернулись. Проговаривать заучиваемое по ночам не было возможности.

Изучение превратилось в сизифов труд. Не раз я, в досаде на обстоятельства и на себя, выходила из своей комнаты, падала на колени и говорила маме: «Не могу!» Но через несколько минут поднималась и шла учить дальше. Так продолжалось почти весь период изучения грамматики – десять месяцев.

Благодаря своему невероятному упорству, я смогла выучить весь грамматический строй английского языка и словарь (уже через девять месяцев с начала изучения я знала 15 250 слов, потом цифра дошла до двадцати тысяч). Слова я учила по тяжеловесному (3 кг.!) красному словарю. Я выписывала их в тетрадь – сначала самые употребительные, потом стала записывать прочие. В день учила в среднем по тридцать-сорок слов. Однажды выучила двести – за пять минут. Так мне удалось усилием воли развить свою память. Заучиваемые слова я – со своей «немецкой» педантичностью – подсчитывала.

Читать на английском я могла уже спустя полгода

(статью о Лоуренсе). Первой же книгой стал археологический отчет Т.Э. Лоуренса о раскопках на Синае зимой 1914 года, который я прочитала осенью 2009 года, второй книгой были его «Семь столпов мудрости» – мастерски изложенные воспоминания о сражениях в Аравии, прочитанные весной следующего года. Ныне английский язык – мой второй литературный.

Усиленная работа

В феврале 2009 года я занялась также арабским языком – с увлечением и без особого труда. Учила итальянский словарь: в среднем, по тридцать слов в день, иногда – семьдесят. В марте к занятиям добавилось изучение живописи и архитектуры итальянского Возрождения (тоже с интересом), а также чтение труда Я. Буркхардта о той эпохе. В третий раз перечитывала биографию Савонаролы.

Тогда же, в марте 2009 года, я познакомилась с творчеством Донателло, биографию которого перевела с французского в 2015 году. «Иные работы Донателло производят впечатление, которое можно определить как “очарование неприятного.” Мария Магдалина – словно ободранная душа, чистое “Я,” столь преобладающее над телом, что последнее кажется живой мумией – мумией, живущей за счет силы духа: тот самый “слабый труп,” который является лишь оболочкой души. Мария Магдалина здесь не стара, но молодость словно преодолена страданием; не безобразна, но страшна красотой мучающейся обнаженной души» (16 марта 2009 г.).

Занималась я всегда, когда была возможность. «Занятия идут столь плотно, что потеря даже пяти-десяти минут кажется недопустимой» (7 апреля 2009 г.). А сколько было препятствий, из-за которых я теряла не минуты – часы!.. Кроме шума телевизора за стеной, от которого помогали строительные наушники, мешала дрель у других соседей, раздававшаяся с утра до вечера, каждый день, даже в праздники и выходные. Помню, как в феврале 2009 года, после целой ночи занятий мне пришлось вместо сна

уехать из квартиры и бродить в двадцатиградусный мороз по городу, глотая слезы по Алексею и таблетки от давления. И при этом – покупала книги: «История искусства» Гнедича, «Итальянская живопись XIV-XV веков», книги Джона Рёскина... А по возвращении спала несколько часов, после чего встала – заниматься всю ночь. (Примечательна реакция отца, после того, как мама попросила соседей убавить громкость телевизора: «Приехала госпожа, учить ей надо!»).

Мне помогало мое умонастроение: «Настолько отчетливое осознание будущего бытия, как факта, что все ощущается как мимолетность – все, от личного до мирового. Именно такое восприятие дает возможность расценивать трудности как испытания, радость – как передышку и делать то, что должен. Выполнить свою работу и отдыхать: именно так» (19 марта 2009 г.).

Странные сны

От усталости ли или по другой причине, но я стала видеть странные сны. Так, 20 февраля 2009 года мне приснилось, будто я умираю. Лежу на кровати в нашем деревенском доме – на той самой, где умерла бабушка, сжимаю свой деревянный католический крест, смотрю на висящую в углу старинную темную иконку Николая Чудотворца и почему-то вспоминаю свою прапрабабушку, Варвару Николаевну Мороз. Рядом сидит мама, в ногах стоит бабушка. Чувствую близящееся отделение моего «Я» от тела, его «вырывание», и меня охватывает смятение. Я пытаюсь справиться с ним, думаю о Боге, призываю св. Николая, напоминаю себе, что «В.Н. через все это прошла и ждет меня». Далее – темная пауза, потом другие сны.

27 февраля приснился Алексей. Я уже видела его мельком во сне, через пару недель после его смерти. Тогда он был в моей комнате – молодой (как в двадцать лет), веселый... Теперь я увидела его в нашем доме в Пухтиной Горе. Он стоял у дверей кухни. Я собралась идти в сени. Когда проходила мимо него, он сказал мне: «Не пережи-

вай, мы с тобой» («мы» – это он и Юрий).

1 марта приснилось, что я лежу под каменной плитой: шириной метра полтора и длиной около пяти. От моей груди до нее – сантиметров сорок. В изголовье – стена. В ногах – тлеющие угли. Почему-то я должна там спать. Мне неприятно.

10 марта – опять Алексей. Я нахожусь в квартире, стою в кухне у раковины, оборачиваюсь и вижу его. Он спрашивает меня: «Как ты здесь живешь?» Я что-то отвечаю.

21 мая Алексей приснился еще раз. Как будто я приехала на его похороны. Темное помещение, в распахнутые двери видна стоящая толпа. Подхожу и первым вижу самого Алексея, стоящего в дверях. Не удивляюсь. Обнимаю его в знак утешения. «Как тебе живется?» – спрашивает он. Я еще раз его обнимаю и молча перехожу к Юрию, который стоит немного поодаль. Так же, в знак утешения и сочувствия, обнимаю его, но он недвижим, как статуя. Покойный, присутствующий на собственных похоронах, оказывается живее живущего, ближе мне, тогда как живому нет до меня дела...

В лимбе времени

Я продолжала искать материалы о Лоуренсе. В начале 2009 года мне удалось найти только одно его стихотворение в переводе и «Восстание в пустыне», тоже в переводе, выданное за «Семь столпов мудрости» (я узнала это позднее, познакомившись со «Столпами»). В апреле приобрела книгу Лиддел Гарта о нем (переведенную на русский язык), очень радовалась ей.

Боль Томаса, прожившего трагическую жизнь, мучительно отзывалась во мне. «Монашеское желание сораспятия с тем страдающим, о ком читаешь, – читаешь, словно его письмо, словно просьбу о помощи. Это желание быстро исчезает, стоит лишь отвлечься и открыть другую книгу. И в этой естественности есть нечто эгоистичное и обидное для самого себя. Ведь и написанное тобою когда-нибудь вызовет только мимолетное сочувствие, ты сам

станешь только мимолетностью страницы.

Но как сильно желание взять того мученика за руку и “молчать вместе, молчать рядом” – быть рядом, ибо из своего одиночества, как из окна, видишь это погаснувшее окно напротив...

В этой неизменяемости, непоправимости, невозможности помочь тому, о чьей боли узнал, есть что-то жуткое от самой бесконечности и беспощадности мироздания» (6 марта 2009 г.). Ушедшие люди были для меня живы, и их боль словно продолжалась – как в некоем лимбе* времени, будучи ощутимой, но непоправимой. О, это стояние у Крестного Пути!.. Сколько раз я чувствовала себя там – чувствовала свою беспомощность и ничтожность...

Был ли я миру незримым свидетелем?
Был ли я гибнущих ложной надеждою?
Я помню небывшее, как будто жизнь встретилась
Тревожным лучом по векам чуть смеженным.

Давнее, близкое, бьется безжалостно
От робкого взгляда когда-то живых.
Был ли я с ними? Но с ними остался я,
В бессилье спасти замирая, как крик.

21 сентября 2013 г.

Самым дорогим для меня в образе Лоуренса была его братская привязанность к одному арабскому мальчику. Лоуренс встретил его на раскопках в сирийском селении, когда ему было двадцать два года, а мальчику – четырнадцать. Они подружились, и эта радость продолжалась три года – три последних года перед Первой Мировой войной. Из всех, кого знал Лоуренс, тот мальчик был единственным, кто сполна понимал его и отвечал теплотой на его теплоту. Простой мальчик из деревни личностно превзошел высокообразованных и высокоинтеллектуальных гос-

* Лимб – пространство вне рая и ада, где пребывают души тех, кто умер слишком рано (в католическом вероучении).

под, которые не слушали, не слышали, не понимали Лоуренса, так стремившегося к человеку...

В 1914 году Лоуренс поступил на военную службу, надеясь каким-либо образом принести пользу арабам – народу своего друга. С 1916-го по 1918 год он стоял во главе арабского восстания против турок-поработителей, выдерживая пятидесятиградусную аравийскую жару и холод зимних иорданских холмов, претерпевая жажду и голод, проводя по двадцать четыре часа в седле на верблюде, страдая тяжелыми заболеваниями... Он вынес все – ради друга, и эти его деяния – лучший памятник Братству.

Все это удивительным образом соответствовало моему собственному складу, моей мальчишеской сущности, желавшей иметь друга, за которого – в огонь и воду... Лоуренс стал моей любимой исторической личностью и остается таковым поныне. И еще в июле 2009 года я назвала его «наиболее талантливым военным в истории Первой Мировой войны».

С 2009 года я часто мысленно разговаривала с его портретом, стоящим в моей комнате за стеклом старинного комода. «Смотрю на фотографию, и не хватает живого взгляда, улыбки, голоса... Я могла бы общаться с ним. Ни про одного из множества своих адресатов я так не сказала бы» (14 июня 2009 г.).

Завещание

Продолжались гипертонические кризы: «С 5.10. до 10.10. – криз. Семнадцать кубиков магнезии, шесть – дибазола с папаверином: безрезультатно. В 10 часов вызвали “скорую,” которая приехала только в 12, когда все уже прошло» (19 марта 2009 г.). Из-за кризов я почти не ела: «Два с половиной месяца, с 25 января, живу на 3-4 пластиках колбасного сыра в день». «В девятнадцать лет написала “От одиночества немеют губы,” а в двадцать один узнала, что они действительно немеют – когда давление 150 и рад даже врачам, только они не всегда приезжают...»

В конце марта случился криз с носовым кровотече-

нием. Сердце билось настолько сильно и напряженно, что не удавалось выбрать позу, чтобы лежать.

Даже при хорошем самочувствии следует быть готовым к смерти, то есть иметь свои дела и душу в порядке. Тем более это необходимо при нездоровье. Поэтому я в 2009 году, в двадцать один год, определила, куда передать мои книги, неопубликованные работы и старинные предметы. В 2012 году я решила добавить к этому намерению списки завещаемого. С начала того, 2012, года я переписала понемногу свои книги и старинные вещи, пронумеровала коробки со своими дневниками и прочими бумагами, а в декабре составила завещание, приложив к нему эти списки. Так оно и лежит – в книжном шкафу, на моем детском фотоальбоме.

Штудии

В мае 2009 года я изучала историю Италии, читала биографию Лоуренса («Трудно читать»), работала над английским, итальянским и арабским языками. По итальянскому учила словарь и продолжала начатые в марте переводы с этого языка – для практики. Переводила современных поэтов. Подборку переводов одного из них, Адрианы Казартелли,* выслала в журнал «Иностранная литература». Ко времени работы над ними мой переводческий опыт составлял всего две недели. Как ни странно, перевод оценили высоко, а собственно стихи забраковали. Я обиделась за Казартелли. В сентябре 2010 года мои переводы ее стихотворений, а также трех других итальянских поэтов, были опубликованы в журнале «Дарьял».

В мае 2009 года приобрела «Божественную комедию» в оригинале. Продиралась сквозь нее все лето.

Арабский язык продвигался весело. Я занималась им по пять-шесть часов в день, с невероятным увлечением и

* Род. в 1929 г. Поэт, музыкант, актриса.

легкостью. Из всех моих языков он был для меня самым интересным. Забавно отметить, что его произношение, лексика и грамматика были для меня гораздо проще, чем английские. С английским боролась, с арабским забавлялась.

В начале июня пришлось прекратить изучение арабского: взявшись за изучение словаря, я обнаружила, что не могу пользоваться им из-за близорукости (-5 диоптрий).

В том же месяце начала переводить для практики свои стихи на итальянский язык, чем и занималась все лето, изо дня в день. Это было хорошим способом привыкнуть к языку, научиться воспринимать его «изнутри», как воспринимает носитель.

11 июня приступила к чтению книги Дж. Кигана «Первая Мировая война»*. Интерес к этой теме был логическим следствием интереса к Лоуренсу (было необходимо изучить его «контекст»), но оказался новым увлечением. Несколько недель я «жила» в книге Кигана, размышляя над фактами, рассматривая фотографии, изучая карты, запоминая... Как всегда, когда меня что-то увлекало, у меня возникло желание обсудить прочитанное. «Как хотелось бы поговорить сейчас о Лоуренсе, о Фейсале, о судьбе тех арабов, о Первой Мировой, поговорить о фактах и моих предположениях, но, черт возьми, не с кем. Конечно, говорить в 4 часа утра вообще затруднительно...» (18 июня 2009 г.). Постепенно это желание, как и остальные, перегорело. Остались стихи, сложившиеся в цикл «Время смерти».

Как в покинутый дом, возвращаюсь несмело
В прозрачный от холода знающий свет,

* В той книге было замечено: «Чрезвычайно редки личные воспоминания русских участников сражений в Польше». В Пухтиной Горе у меня была книга, взятая из Дубровской школы: машинописные листы в зеленом переплете, единственный экземпляр воспоминаний участника Первой Мировой войны, жившего в соседней деревне. Помню, там шла речь о сражениях при Лемберге и близ Августова. Книга осталась в доме. Не вернуть. Жалею неимоверно!

Где белым стихом завоевают метели
Над черным жнивьем обескровленных лет...

23 сентября 2011 г.

Стихи 2009 года

Мои стихи 2009 года отмечены обостренной верой,
аскетическим смирением и неизбывным одиночеством:

Не прекословить Божьей боли – Божьей воле,
В страдании слова молитв искать
И на своей крови в невсхожем поле
В отчаянье Христовом воскресать.

10 января 2009 г.

Сделай скорбь нашу радостью –
Да во славу Твою,
Чтоб с последней усталостью
Дослужить литию...

20 марта 2009 г.

Не жалеть, не просить и верить.
Крестной муки ты малая часть.
Будет длиться до самой смерти
На Голгофе последний час.

8 мая 2009 г.

Как и прежде, основой стиха является мысль – не чувство, но теперь мысль сосредотачивается, как краска на конце кисти. «Сущность поэзии состоит в философии, в мысли, без которой не может быть истинной поэзии», – утверждал Савонарола. Это мнение разделяла и я – с 2007 года, когда стала воспринимать поэзию как философию.

Писала я не о личном, но об общем: «Писать о самом себе – несущественное дело» (2 июля 2009 г.).

Мои стихи, и без того недлинные, в 2009 году стано-

вятся еще короче: обычно они составляют одну строфу. В апреле появляются верлибры: я предполагала, что когда-нибудь буду переводить свои стихи на иностранный язык, и хотела облегчить эту задачу.

В июне в «Дарьяле» вышел мой цикл из шести стихов о цхинвальской катастрофе «Небытие Цхинвала».

Четвертая поездка на Кавказ

9 июля 2009 года я в четвертый раз отправилась во Владикавказ. Достать билеты заранее не удалось, и мы с мамой поехали вечером на вокзал наудачу (я собралась за час). У меня было высокое давление, отчего лихорадило и кружилась голова, но я превозмогала себя. Билеты взяли – купейные. Днем случился гипертонический криз, мама сделала мне укол магнесии на ходу поезда. В дороге я не ела (дорога – всего лишь двое суток!). Впоследствии это стало моим правилом: не возникало дорожной усталости.

Несмотря на плохое самочувствие, занятий я не оставляла даже в поезде: выучила по пятьдесят английских и итальянских слов, написала два стихотворения (оба вошли в первый сборник). Ночью – опять криз, опять укол. «Главное – умственные силы и воля. К черту все! Это тело мне ничего не нарушит» (10 июля 2009 г.). И не смогло нарушить.

Свои штудии я продолжала и во Владикавказе: английский и итальянский языки, биография Лоуренса, книга об Италии. Не меняла и режим: занималась по ночам, спала утром. Днем бродили по городу, гуляли в парке и по набережным, я копалась в книжных... Копания оказались успешными: я набрала столько книг по культуре и истории Осетии, что пришлось купить чемодан.

В том году я побывала в Алагире – городке со тысячным населением, расположенном в часе езды на автобусе от Владикавказа. Краснокирпичные частные дома, соединенные глухими оградами, водостоки с декоративными водоприемниками, немного высоток на окраи-

нах, мало машин, мало прохожих... Заброшенный сквер с неработающим фонтаном, бюст советского вождя с отбитым носом, Дом культуры, напоминающий внешностью и ненужностью храм Минервы. В центре города – церковь серо-кофейного цвета, сумрачная и тяжелая, вся – четкие полукружия и уверенность. По городу непринужденно расхаживали рыжие коровы. Их следы были единственным мусором в городе.

Бродя по Алагиру, я думала об осетинской культуре: перерождающейся в центре, застоявшейся и наносной – дальше от него, грубой и примитивной – в селениях. Думала об удушающей неподвижности и застое, об отсутствии интеллектуальной силы, полновесного знания, глубокого таланта, которым – откуда взяться в этой безыскусности бытовой жизни?

Во Владикавказе я зашла в редакцию «Дарьяла» – пообщаться с Кореедом. Он радушно принял меня, я вручила ему коробку конфет и с удивлением узнала, что редакция намерена публиковать мои работы и далее. Я оставила тетрадь со своими стихами – выбрать что-нибудь для новой публикации. Когда я пришла в следующий раз, Таймураз Алибекович разобрал эти стихи, уже не критикуя форму, но не очень понимая содержание. О цхинвальском цикле он сказал: «Сразу было решено напечатать».

Я приходила не только за тем, чтобы представить стихи к публикации. Мне хотелось простого человеческого общения, хотелось поговорить о культуре Осетии, ее молодых талантах, местном отделении Союза писателей, поэзии вообще... Я приходила не к ответственному секретарю, а к человеку, движимая каким-то мучительным «сыновним» чувством... Но беседа ограничивалась разбором формы моих работ. Возможно, он даже не подозревал о моем стремлении. А может быть, сознательно держал меня на отдалении. Как бы то ни было, Т.А. стал одной из моих самых горьких неудач.

Визиты к нему продолжались – под каким-нибудь предлогом, в тайной надежде на беседу. Придя в третий

раз, я застала у Т.А. главного редактора, который предложил мне написать очерк о поэзии. Я обещала. Он поинтересовался, сколько платят в тверских журналах за строчку. «Нисколько». Мои собеседники молча удивились.

Я отдала Т.А. на просмотр свои переводы с итальянского. Полистав их, он сказал, что они подходят для публикации. В конце встречи Т.А., с некоторым замешательством, вручил мне сборник стихотворений осетинского поэта в своем переводе. Странное дело, но, представляя в Твери встречи с Т.А., я почему-то подумала о том, как он может подарить мне книгу этого поэта...

«Уходила с неприятным чувством конца. [...] Последнее слово должно оставаться за рассудком. А он напоминает о том, кто ты и кто Т.А. При ближайшем знакомстве может не оказаться ничего общего. Эта мучительная привязанность сойдет на нет, ибо не выдерживает критики» (25 июля 2009 г.). Я считала себя недостойной «навязываться» в друзья сотруднику североосетинского журнала.

Владикавказ был моей тоской по дому, Т.А. – моей «сыновней» тоской. То и другое бесследно прошло к двадцати четырем годам.

(Сейчас, 20 июня 2015 года, перелистываю свой дневник шестилетней давности и внезапно обнаруживаю засохший лист на странице 27 июля. Лист от дерева из Владикавказа, бережно сохраненный на память и теперь забытый мною, как и сам город. Какая иногда возникает жалость к собственному прошлому и прежним привязанностям!)

«Истинная поэзия – та, которую шепчешь, словно молитву... Высшая поэзия – в литургических песнопениях, в прохладных белых сводах всепрощающих храмов. Сам Иисус – Слово, и нет большей поэзии. [...] Поэзия есть попытка коммуникации. Усилие явить в слове глубинные течения мира. Мира, сквозь мятущуюся поверхность которого почти неслышимо Слово изначальное, к чьему создающему и животворящему току причастен поэт. [...] Поэт единственен, и возможность существования равного

ничтожна мала. При этом лишь надежда на понимание дает ему силы говорить. Говорить ради другого», – так осетинской ночью набрасывался в дневнике очерк о поэзии «Пространство слова». После – гипертонический криз от напряжения и укол магнезии.

Этот очерк – обработанный – был напечатан в ноябре 2010 года в «Дарьяле», а в 2013 году – в моем первом сборнике стихотворений как предисловие.

В тот приезд я занялась осуществлением своей затеи выучить осетинский язык. Нужен был учебник. Я обошла все книжные магазины: ничего. Последовало обращение в издательство: ничего. Оттуда – в институт филологических исследований. Там работала приветливая пожилая профессор-этнограф Тамара Алексеевна Хамицаева. Она прочитала в «Дарьяле» мой цхинвальский цикл («Даже мурашки побежали», – сказала она, начав читать), за что подарила одну из своих книг: «Дорогой для нас Оленьке на добрую память. Будь счастлива!!! Тамара Алексеевна (Хамицаева). Спасибо тебе!» После такой признательности мне нечего было делать на поэтических конкурсах: выше благодарности читателя награды нет. О благодарности Тамары Алексеевны я записала в дневнике: «Для меня это первая и, возможно, последняя награда». Минуло шесть лет. Ни одна моя строка не нашла *понимающего* читателя.

Узнав о том, что мы покупаем книги по истории и культуре Осетии, Тамара Алексеевна приятно удивилась («Надо же, в Твери будут читать об Осетии!») и по старой осетинской доброте предложила пройтись по магазинам и библиотекам: «Подарят, если узнают, кто вы и откуда». В поиске учебника она ничем помочь не могла. Также не смогли помочь и в министерстве образования. Последней инстанцией стал автор учебника, Ф. Таказов. У него оказалась только вторая часть, которую он и подписал мне. Первую я так и не нашла. Объяснением редкости учебника был интерес самих осетин к своему языку, который они почти забыли из-за многолетнего внушения чужой культуры.

Побывала я и в археологическом музее, на постоянной выставке «Прикосновение к вечности». Нового прибавилось мало – только стеклянные бусы из Средневековья. Зато обнаружилось кое-что примечательное в больших глиняных горшках, расставленных в углу на постаментиках. Они относились к северокавказской культуре (северо-западный и центральный Кавказ), а их возраст составлял около 4200 лет. Мы с мамой заглянули в них и буквально прикоснулись к вечности, вытащив оттуда три глиняных черепка («Если они заброшены туда, значит – не нужны»). Один был от горлышка сосуда, с надписью археологов. Эта четырехтысячелетняя древность до сих пор стоит у меня в книжном шкафу. «А ведь этот черепок был, когда жили Авраам, Исаак и Иаков, когда существовала культура Древнего Египта, когда Моисей вел народ Израилев в Землю Обетованную, когда родился Христос... У меня в руках – осколок времени» (19 ноября 2012 г. И приписка в дневнике: «Обычное желание: дать кому-нибудь: “Посмотри, поддержи, подумай, как думала я.” Все – разделить, ибо неразделенное – не мое»).

Я и в то время проявляла «поэтическо-исторический» интерес к погребениям. Во Владикавказе есть примечательное кладбище – так называемая Аллея Славы. Четкая разметка, ряд могил 1940-х годов, три ряда погребений видных деятелей – писателей, художников, скульпторов; в центре кладбища – колонна над братской могилой семнадцати тысяч красноармейцев (1919 год); на отдалении – мохнатые невысокие горы глубокого синевато-зеленого цвета. Памятники – поразительные по замыслу и дороговизне: стелы с нанесенной в полный рост фотографией, позолоченные бюсты, сидящие фигуры в натуральную величину... Умиротворения обычных погостов там не было.

Даже во Владикавказе меня беспокоило давление. Один раз пришлось вызвать «скорую». Приехавшая врач, сделав укол, поинтересовалась, в первый ли раз мы там. Когда узнала, что в четвертый, то спросила, с какой целью мы приезжаем. Мама упомянула о сотрудничестве с «Да-

рьялом». С врачом было несколько практиканток. Одна из них, услышав о моем цхинвальском цикле, сказала: «А я читала его. Этот журнал, раскрытый на “Небытии Цхинвала,” стоит на стенде в нашем университете». Цхинвальский цикл – единственная из моих работ с удачной судьбой.

В последние несколько дней до отъезда у меня снова появилось воспаление в нижней челюсти. Не помогало ничто, кроме льда. После ночи «зверской боли» я отправилась к Т.А. – «на аудиенцию № 4».

Вручив ему вторую коробку конфет, я беседовала с ним около получаса. Сначала мы говорили о книге, которую он мне подарил, потом о моем самочувствии. Т.А. (работавший по совместительству анестезиологом) знал от моей мамы, что у меня скверно со здоровьем. Я сказала, что причина нездоровья – духовная, объяснив это туманно: «Остро воспринимаю происходящее, не выражая это внешне, но внутри...» Т.А. ответил, что необходимо принимать неизбежное. Потом мы поговорили немного о моих поездках во Владикавказ. Т.А. спросил, не бывали ли мы в горах. Я ответила, что нет. «Я мог бы отвезти вас», – предложил он и рассказал, что занимался альпинизмом, бывал на Памире, Тянь-Шане и Эвересте, а Кавказ – уже само собой... «А недавно друзья звали в Анды, в Аргентину. Поехал бы, но дома двое больных (жена и мать, которой было почти сто лет)». Я слушала с молчаливым изумлением.

Помолчав, Т.А. показал на кипу бумаг перед собой и произнес уныло: «Вот, сижу, читаю всякую чушь». По его словам, из десяти рукописей, присылаемых в редакцию, только одна-две чего-то стоили.

Так проведя пятнадцать минут, мы попрощались.

В ночь перед отъездом, 31 июля, меня опять беспокоила сильная зубная боль, а к утру добавилось давление, с очень высоким сердечным. Вызвали «скорую». После ухода врача, я писала стихи в постели. Через час – на поезд. У

меня едва хватило сил донести до него чемодан книг.

В дороге опять поднялось давление, и сильно заболели зубы. Был сделан укол магнезии. «Тахикардия и слабость таковы, что не могу выпить чашку какао за раз».

На следующий день зубная боль стала нестерпимой. Я приняла обезболивающее, боль не надолго отступила, но зато поднялось давление. Вскоре боль ударила с новой силой. Боясь потерять над собой контроль, я попросила маму найти врача. При помощи проводника его отыскиали в одном из вагонов. То был военный врач в звании подполковника, Золотарёв Алексей Евгеньевич, возвращавшийся в свой Петербург из Чечни с ранеными солдатами. Это был человек спокойный и доброжелательный, всем видом внушающий, что все будет хорошо. Едва он вошел в наше купе, как мое недомогание стало отступать. Он померил мне давление: 160 х 90. Я на что-то улыбнулась. «Вот уже улыбаетесь!» – со смешанным радостью и восхищением заметил врач. Уколы и таблетки не потребовались: за те пару минут, пока Алексей Евгеньевич готовил их, давление понизилось, а боль прошла. Доброе отношение – лучшая помощь.

После посещения Алексей Евгеньевич еще несколько часов дежурил в купе неподалеку.

По возвращении в Тверь мы с мамой составили письмо командиру Алексея Евгеньевича с просьбой объявить тому благодарность. Вскоре пришел ответ:

Уважаемые Галина Ивановна и Ольга!

Медико-санитарная часть ГУВД по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области выражает признательность вам за благодарственное письмо в адрес нашего сотрудника Золотарёва Алексея Евгеньевича, врача-терапевта отделения экстренной медицинской помощи Клинического госпиталя МСЧ ГУВД.

Сообщаем вам, что Золотарёву А.Е. за добросовестное выполнение служебного долга и профессионализм приказом МСЧ ГУВД от 01.09.2009 № 146-п объявлена благодарность.

Начальник В.А. Сидоренко

Для сравнения:

12 сентября 2009 года я, как обычно, занималась всю ночь. «В 5.30. внезапно – подъем давления. Укол дибазола. Около 7-8 часов стало чуть лучше, но потом опять поднялось давление. Укол магнезии. За кризом последовал приступ моей извечной тоски по другу, и третий укол (магнезия) уже не помог». От неостановимой тахикардии и лихорадки из-за давления я не могла лежать. В 13 часов, когда шли вторые сутки без сна, я попросила маму вызвать врача. «Скорая» приехала через час. Врачица (чуть старше меня) только грубо рассмеялась: «Какое давление может быть в таком возрасте!»* Алексей Евгеньевич Золотарёв был одним из немногих настоящих врачей, которых я знала.

Вторая половина 2009 года: занятия и обстоятельства

По приезде из Владикавказа возобновилось все то же: почти постоянно повышенное давление, тоска одиночества, ссоры между домашними, трудности с приобретением нужных книг, досаждающий шум, уют и усилие работать сквозь все это. Неприязнь со стороны отца и его сына В. к маме и ко мне (за наше пребывание в квартире, где мы с самого начала были прописаны, а ко мне еще и за одно только существование) длилась с нашего переезда сюда в 2005 года, то затихая, то приобретая дикие формы. Даже когда В. бывал любезен с мамой (очень редко), это было неискренне, равно как случайное и поверхностное проявление внимания отца ко мне. Всегда чувствовалось, что за этим может последовать вспышка злобы.

Я ходила по квартире на цыпочках, говорила вполго-

* После ухода бесполезных врачей я взяла фотографию мальчика-араба, с которым дружил Лоуренс. Через десять минут созерцания улыбающегося личика давление снизилось. «Если бы такие улыбки я видела вокруг, плохо не было бы вовсе. [...] Мне никто не улыбался так в жизни» (3 апреля 2010 г.).

лоса, лишний раз старалась не покидать свою комнату, где сидела неслышно над книгами. Но если не попадалась я, неприязнь обращалась на маму – за то, что не туда повесила сковороду, взяла для варки кастрюлю В. и тому подобные мелочи. Не в сковородах и кастрюлях была причина.

Нередко подстраивались ловушки для нас: распахнутая настежь дверь туалета, перегораживающая проход в ванную, или дверь комнаты В., перекрывающая коридор. Были привычным делом грубые окрики В. в спину за одно мое появление в коридоре, когда я шла в ванную или обратно.

От отца я никогда не получала заботы и участия. Не было и финансовой помощи, что являлось настолько привычным, что я даже не ожидала от него «вспомоществования» и не обижалась на отсутствие материальной поддержки.

Все священные для меня понятия – «отец», «брат», «дом» – были здесь осквернены, обезличены, обращены в обратное, став карикатурой. От этого было еще хуже.

Это постоянное напряжение, жизнь на минном поле, усугубляли мое физическое и духовное состояние. Стоит ли удивляться на мое нездоровье и частые острые приступы депрессии, с которыми я справлялась своей волей.

Я привыкла к неуюту и болезням, смирилась с потерями, подстроилась под шум. Единственное, что я не могла и не хотела принимать, это одиночество. Я жила, как ободранная, постоянно ощущая боль отсутствия своего равного, своего брата. Именно брата: я нуждалась в дружбе, равной братству. Мой фактический пол не имел значения: ведь дух был иным, а в дружеских взаимоотношениях важен лишь он. Но найти друга в обществе обезличенных частиц, сосредоточенных на себе, было невозможно, несмотря на все мои попытки.

2 августа 2009 г. я приступила к изучению латинского языка. Вместе с этим продолжались все остальные занятия. Был подключен Интернет, и я смогла найти Библию

на итальянском (стала читать в распечатках) и немало материалов на английском о Лоуренсе – статьи, его письма и стихи...

Письма Лоуренса позволили мне увидеть его настоящего – в отличие от отстраненного «военного гения» из книги Лиддел Гарта. «Известность его в то время (да и ныне) была известностью образа, а не реального человека с его трагедией» (1 сентября 2009 г.). Настоящий Лоуренс был в его писаниях. Читая их, я отмечала: «Такое впечатление, будто Лоуренс последние полтора десятка лет жил на собственной могиле: оставалась только мучительная память» (26 августа 2009 г.). Этого реального человека и его трагедию я и старалась позднее показать в своей книге о нем.

В октябре 2009 г. я слушала отрывки из Библии на итальянском языке. Воспринимать его на слух стала сразу, без усилия. В ноябре изучала «Правило»* св. Бенедикта, также на итальянском языке. Там вычитала свое убеждение: «Праздность – враг души».

Читала на итальянском жизнеописания католических святых. Одну историю записала в дневник, без перевода: «Святой Винченцо сказал своему палачу: “Ты мне оказываешь дружескую услугу, ибо я всегда желал скрепить свою веру в Христа своей кровью. То, что ты стараешься разрушить, является лишь хрупким глиняным сосудом, который однажды все равно разбился бы. Но ты никогда не сможешь уничтожить того, кто внутри и кто завтра станет твоим судьей”».

Но даже столь обширные занятия не могли отвлечь меня от постоянной тоски. «Вчера такой удар одиночества, что ползала по комнате на коленях (была одна) – в такой боли, словно дух мой не в теле, а в пылающей печи. После этого еще нашлись силы вернуться к занятиям. Весь план выполнен за 7 часов» (27 сентября 2009 г.).

Осенью того года я пыталась найти хотя бы друзей по переписке, давала какие-то объявления на итальянском,

* Свод правил монашеского жития в католицизме.

обращалась в женские монастыри Италии и сообщества католиков, но не получила ничего. «Пишешь, сознавая, что ты безразличен этим людям. Можно предлагать поддержку, – промолчат; можно быть от одиночества, – тоже. Ты, пишущий, только имя, не вызывающее ничего» (17 ноября 2009 г.). «А как хочется поговорить об истории, поэзии, религии – обо всех моих предметах, поговорить и послушать!.. Потребность в интеллектуальном общении, насыщенном и взаимообогащающем – хотя бы по переписке!.. У распинаемого Христа оставался апостол Иоанн: даже Голгофа не была одиночеством...» (30 октября 2009 г.). «Потребность в интеллектуальном общении, в возможности быть опорой, желание ободрять и защищать того, кто в этом нуждается: этот нереализованный потенциал уничтожает меня» (14 ноября 2009 г.).

В октябре 2009 г. в левом глазу появилась туманная сетка – следствие кровоизлияния, о чем я тогда не знала. Немного позднее тоже возникло в правом. Такое явление периодически беспокоило меня с августа 2007 года. Досаждали головокружения, лихорадки (следствия повышенного давления), общая слабость, учащенное или сбивчивое сердцебиение, боли и тяжесть в сердце (иногда возникало ощущение, словно в груди режущий кусок льда). «Занятия – с валокордином» – с флаконом лекарства у носа, против головокружений.

В ноябре на одном итальянском католическом сайте была опубликована аудиозапись моего стихотворения «“Кирие елейзон” в стуке сердца..» в моем переводе (как “*Kyrie eleison nel palpito del cuore*”). Начитано оно было руководительницей сайта, в Кальяри (Сардиния).

В декабре в «Дарьяле» опубликовали двенадцать моих стихотворений (восемь из них вошли в первый сборник). Примечательно, что я не могла видеть свои стихи напечатанными: охватывал жгучий стыд, даже если я была уверена в них. То же самое было поначалу с изданными книгами, потом привыкла.

Тогда же, в декабре, я читала отчет Лоуренса об археологической экспедиции на Синай (в оригинале), перечи-

тывала книгу по истории Древнего Израиля, изучала (с трудом) латинский, продолжала итальянский словарь и Библию на итальянском, начала читать «Иудейские древности» Иосифа Флавия, вернулась к «Божественной комедии». «На все надо 12-15 часов. А я подлаживаюсь под шумы и занимаюсь, будто ворую» (14 декабря 2009 г.).

Занятия имели не только практический, но и экзистенциальный смысл: «Бог во всем, что есть добро. И, прославляя добро, мы славим Бога. Славим Имя Его в дружбе, чья высшая степень – братство, в любви, в искусстве, в знании... Это духовная месса, единение с Богом» (22 декабря 2009 г.).

В том месяце были получены первые зарубежные заказы – две книги Савонаролы на итальянском языке. Я тотчас приступила к чтению одной из них.

Книги по интересовавшим меня темам (католицизм, история и культура Италии) оказались дорогими. Под новый 2010 год я сократила число предметов для изучения с девяти до трех. Было:

1. Иностранные языки.
2. Лоуренс, его жизнь и творчество.
3. Савонарола, его жизнь и творчество.
4. Итальянская лингвистика.
5. Археология Италии.
6. Библейская археология.
7. Итальянская архитектура Средневековья и Возрождения.
8. История Италии.
9. Поэзия (русская, итальянская).

Осталось:

1. Иностранные языки.
2. Лоуренс, его жизнь и творчество.
3. Савонарола, его жизнь и творчество.

Все прочее решила изучать по возможности.

28 декабря приснился сон: я поскальзываюсь наoble-

деневшей улице, падаю и ударяюсь головой. Лежу, боясь пошевелиться, так как чувствую, что голова повреждена. Мимо идут люди, но никто не помогает (в 2004 г. так было наяву). Вдруг вижу, что ко мне спешит человек в черных очках – слепой – и помогает подняться. Тут же, ему на помощь, подходит кто-то еще. Встаю со словами: «Зрячие шли – не видели, а слепой увидел!»

2010

Занятия, трудности и странные случаи

Новый 2010 год я встретила на голодный желудок и занималась до восьми часов утра. «Новым годом довольна, как никогда».

В январе я отыскиала в Интернете стихотворения Савонаролы в оригинале (на итальянском), чему была чрезвычайно рада. Кроме того, нашла сонеты Пико делла Мирандолы и некоторые из его работ в прозе, тоже на итальянском. Затем принялась искать в сети книги Лоуренса (письма и дневник) – по четыре-пять часов в день, в дополнение к другим занятиям, до гипертонических кризов от усталости, но заказать их не смогла из-за высоких цен. «Письма Лоуренса к Ш. Шоу – больше тысячи фунтов стерлингов. В козлиной коже с золотым тиснением. Тот, кто сможет купить эти “золотые гробы,” явно не поймет то, о чем писал Лоуренс» (31 января 2010 г.). Удалось найти электронный вариант его «Семи столпов мудрости», к чтению которого я и приступила в конце января. Продолжала работать над английским и итальянским словарями и латинской грамматикой, читала Библию на итальянском и работы Савонаролы.

Обострилась тоска постоянного одиночества, отчего ухудшилось физическое состояние: «8-го боль уничтожающая, давление 155 x 90, пульс 152» (10 февраля 2010 г.). «Вчера от тоски давление 155 x 105, пульс 171. Сердце

сплошным ударом билось в горле» (21 февраля 2010 г.). Это состояние дало образ стихам в тот же день:

Задышаться собственным сердцем,
когда оно бьется одним «Боже!» –
и это молитва
во славу Твою...

«Сколь ясно осознается Бог, когда все тело бьет лихорадкой, сердце в горле, а душа словно поднимается над страданием. Ясно, как одиночество...» (25 февраля 2010 г.). «Друг мой, о скольком могли бы мы говорить и молчать, как я радовалась бы твоим радостям и как хотелось бы помогать в твоей тоске... Брат, я словно исчезаю, выгораю своей болью. Взять тебя за руку и молчать: сейчас больше всего хочу этого» (12 января 2010 г.).

Продолжала досаждать бессонница. Я шутила в дневнике:

Бессонница такая, что, пожалуй,
И смертный сон не овладеет мною.

12 января 2010 г.

«Вся зима – сплошная бессонница и попытка заниматься. Сон – когда придется, и занятия урывками» (8 марта 2010 г.). «Тяжело засыпать, тяжело просыпаться, покоя – ни во сне, ни наяву, только – отсутствие друга, как будто вырвано что-то родное и болит, болит, не смолкая...» (22 февраля 2010 г.). «Живу одним усилием – не поддаться боли и продолжать свои занятия. Одно усилие: сил нет» (27 февраля 2010 г.).

В январе 2010 года в четвертый раз приснился Алексей. Я на что-то жалуюсь ему, он спрашивает: «Почему же ты не уйдешь?» – «Не могу, еще рано». – «Я приду за тобой». – «Еще не все сделано».

11 февраля – опять: я в доме в Пухтиной Горе. Выхожу в сени и встречаю Алексея. Там же В., который начинает

мне грубить. Я, в поиске защиты, беру Алексея за руку. «Потом...» – мягко отвечает он.

28 февраля, в половине третьего ночи, я проснулась от своего крика. Мне приснилось, будто я просыпаюсь и обнаруживаю себя сидящей на кровати в крошечной тьме, не в силах пошевелиться, как если бы я была мертвой. И вдруг ощущаю, как нечто поднимает меня и увлекает к окну, в пустоту... Это был первый из череды странных снов, больше похожих на умирание.

Но хуже всего были сны о несуществующем друге. 13 марта: ко мне приехал мальчик лет восемнадцати, серьезный и скромный, некий мой друг. Я собираюсь почитать ему наизусть стихи Мандельштама, представляю, как мы будем увлеченно беседовать – о поэзии, об истории, о всех тех сферах жизни и бытия, что были для меня столь живыми и – молчащими внутри меня. Мы располагаемся в моей комнате. Возвращается с работы мама. Я радуюсь, собираясь познакомить ее со своим другом. Обвожу взглядом комнату, а там никого нет...

Всю зиму 2010 года я превозмогала обстоятельства – шумы (дрель с молотком у соседей и т.д.), недомогания, изнуряющую тоску, усталость; отдыхала только тогда, когда все намеченное (пять-шесть дел) было выполнено. «Если поддаться, не будет сделано ничего. Через силу, но делаю». «Знать, уметь, мыслить – должно, ибо поэт-недоучка – жалкое явление. Не ты используешь свое дарование, а оно тебя – до конца» (4 марта 2010 г.). «Можно достичь всего, если нет жалости к себе» (18 марта 2010 г.).

Меня значительно утешали «Столпы» Лоуренса. «Все утро и день, до 19.15., – “The Seven Pillars,” с удовольствием, с размышлениями, горя. Будучи одна в квартире, расхаживала по большой комнате и обдумывала прочитанное» (15 марта 2010 г.). Той весной я, увлеченная этой необычайной книгой, занималась по восемнадцать-девятнадцать часов подряд (если не было дрели), бодрствуя сутки-полтора. Кроме чтения, продолжала работу над языками и изучение Библии. Иногда в конце слишком затянувшегося рабочего дня не могла припомнить, что делала: «18-го днем: 50 итальянских слов... Больше не

могу вспомнить, но что-то делалось, конечно» (20 марта 2010 г.). Словари учила усиленно: в день – до пятидесяти итальянских слов и до девяноста английских. Странное дело, но благодаря этим долгим бодрствованиям привычная тоска немного отступила, работоспособность улучшилась, а кризисы стали реже.

В марте получила два заказа: из Америки – корреспонденцию Лоуренса, его дневник и биографию, написанную его другом; из Италии – книги по истории и культуре католической Церкви, а также работы Савонаролы. Приступила к чтению полученных книг – о католическом искусстве и истории католицизма.

В начале апреля завершила изучение латинской грамматики, продолжала словарь и начала читать Псалтирь на латинском. Начала переводить свои стихи на английский, для практики. В пятнадцатый раз основательно повторила английскую грамматику. 11 апреля обработала двенадцать стихотворений, посвященных Лоуренсу: сложился цикл, позднее названный «Эхо молчания». Продолжала читать труды Савонаролы и Библию на итальянском.

29 марта видела странный сон: я нахожусь в некоем большом помещении, у стены. Рядом – лестница вниз. Вижу, как по ней поднимается покойный патриарх Алексий II, в золоченых одеждах. Проходит мимо, взглянув на меня... В 14 часов узнала, что утром (когда спала) были совершены два мощных теракта в московском метро.

20 марта в Исландии заработал вулкан Эйяфьятлайокюдль, последнее извержение которого произошло в 1821 году. К 17 апреля столб пепла составлял 9 км., а облако пепла было видно даже в Твери: «Странное серое небо, и солнце – как сквозь дымчатую пленку». Я шутила: «Пепел на головы грешному человечеству!»

Обертоном всего шло одиночество: «Потребность дарить – понимание, поддержку, силы. Не брать, но давать. И руки опускаются под тяжестью этого ненужного дара. Брат мой!.. Нет того, кому можно было помочь в горе и за кого могла бы радоваться в его счастье. Всю юность не покидает эта потребность – радости за другим...» (3 мая 2010

г.). Одиночество медленно уничтожало меня: «Не могу спать на левом боку... Стихи давно не пишу. Да и в последних – какое-то удушье, вымученность...» (9 мая 2010 г.). «Пока занимаюсь, кажется, что еще есть силы, но потом не нахожу их даже для того, чтобы лечь спать... Чувство, будто остаток души тянет из последних сил мертвое тело» (10 мая 2010 г.). «Сегодня вечером сердце кувырнулось, опрокинулось так, что казалось, не выберется из этого провала, а я, сидя за столом над книгами, смотрела в окно, в глубокое синее небо, и не было ни тревоги, ни беспокойства» (13 мая 2010 г.).

Положение усугублялось непреходящими шумами: «Я за полтора метра слышу ход наручных часов. Как же мне бьют в уши эти сигнализации, крики, дрели!...» (13 мая 2010 г.). «Хочу тишины как возможности полноценно заниматься. Я могу учить по 20-22 часа, но все мои способности скованы эти всеобъемлющим гвалтом» (14 мая 2010 г.). Наушники и бируши (одновременно) оказывались бесполезны. Однажды из-за продолжительного шума с нижнего этажа у меня поднялось давление до 169 х 96 при пульсе 158. В первой половине 2010 года было всего два тихих дня.

Однако, несмотря ни на что, я выполняла каждый день семь-восемь дел: ожидала тишины и занималась через силу, сквозь сон. «Латинский учила – засыпала. Раздражало» (16 мая 2010 г.). «Я теперь все чаще делаю то, что не могу. “Хочу” забывается, “не могу” не в счет. Одно всепобеждающее “надо,” за которым звучит шепотом “Зачем?” (19 мая 2010 г.).

В начале мая я вернулась к арабскому – на три недели: потом опять пришлось оставить его, после получения нового словаря. Шрифт оказался нечитаемым, а словарь был в продаже единственным. «Жаль до слез, до давления... Скована обстоятельствами и чувствую себя в тупике. [...] Я ни в чем (кроме друга) по-настоящему не нуждаюсь – только в тишине и книгах, в возможности самосозидания, без чего я как поэт – ничто. Сначала – учиться, потом писать, но как я могу учиться без книг, без тишины, в постоянном напряжении, в усилии перепрыгнуть через не-

одолимые барьеры? [...] Не могу есть, почти не могу пить, сплю – как брежу, сердце тяжелое, горло сжато, а внутри все напряжено в усилие что-то сделать, что-то решить, найти выход, преодолеть, преодолеть, преодолеть... Чувствую, что трудно преодолевать себя. Я это уже сто раз сделала – и через “не хочу,” и через “не могу,” забыв о своих трудностях с концентрацией внимания, забывчивостью, рассеянностью и т.п. Все пройдено, все преодолено. Занимаюсь, если ничто не мешает, по 20-22 часа, невзирая ни на усталость, ни на что. Но что я могу против обстоятельств? И то пытаюсь преодолеть» (29 мая 2010 г.). А в декабре того года – опять: «Если ничто не воспрепятствует, займусь в следующем году арабским...» Не оставляла надежды выучить интересный для меня язык.

Приобретение книг было бедствием. Всю осень 2009 года и следующую зиму я искала книги о Лоуренсе, заказала несколько в Америке, в том числе – собрание его писем 1938 года издания за 3 тыс. руб. и «Семь столпов мудрости» 1935 года. Ничего не пришло. Были и другие недоставленные заказы оттуда же: Арьес в оригинале, диски с классической музыкой и др. Почти все заказы были дорогими, приходилось экономить (на одежде, питании, лечении зубов). Осенью 2010 года не были получены одиннадцать бандеролей, которые я продолжала ждать до следующего лета. По штемпелям на тех, что пришли ранее с большим опозданием, можно было заключить, что бандероли блуждали и терялись по вине российской почты. В начале июня 2011 года я заболела от перенапряжения вследствие напрасного ожидания (девять месяцев) и расстройства из-за потерянных денег. Позднее я написала в один американский магазин (Powells books), просто рассказав, что их бандероли потеряны. Мне вернули деньги.

Стихи, отсутствие друга и своевременная буря

Стихи 2009 года – короткие, сжатые верлибры:

Явь
сузилась до одиночества,
как пристальный взгляд
в неизвестность.

2 февраля 2010 г.

Что же, с Богом!..
В этом душном вагоне
обесмысленных лиц
постепенно доберемся
до остановки сердца.

2 марта 2010 г.

Рыба памяти
бьется на берегу,
где когда-то стоял мой дом.

6 марта 2010 г.

Стихи выживались одиночеством: «Боль, когда приходит, ударяет с такой силой, что в глазах темно, и за ней этого мира не существует, есть только она и мое бессилие перед ней. И я зову, как на помощь: “Брат мой!” Такая тоска по человеку!». «По-латински “друзья,” кроме дословного “*amices*,” называются еще “*necessitudines*” – “необходимости”...» (23 мая 2010 г.).

«Видеть его, слышать, сознавать в себе, быть его поэтом, его опорой (будь он у меня, не было бы этой слабости!), жить им, все свое “Я” отдавать ему, молчать вместе, быть вместе, быть... И на все это – одно неодолимое “нет.” Словно меня нет, – одна боль» (27 мая 2010 г.).

Я нуждалась в мировоззренчески и личностно равном – человеке, верующем в единого Бога, воздержанном, образованном, любящем и понимающем искусство... Но самым главным было человеколюбие и потребность в братстве. Я никогда не встречала в жизни таких людей. К 2014 году от всех моих требований осталось одно – потребность в друге. Даже под этот критерий никто не подошел. Какими были мои знакомые, следует из дальнейшего рас-

сказа.

В начале июня 2010 г. ко мне приехала знакомая по переписке из Москвы – полная самодовольная девушка двадцати лет, увлекающаяся бисероплетением. Мы провели вместе несколько часов. Она что-то рассказывала, подробно и бессвязно, я внимательно слушала. За целый год это было единственным общением, и я, несмотря на полное несходство с этой девицей, была рада ее присутствию. Вечером она собралась домой, и я отправилась на вокзал провожать. У меня было давление 130 x 90 и соответствующее состояние. На перроне я предложила ей остаться на пол-суток, на что та ответила, что не может. Я не спорила. Когда приблизилось время прощаться, меня вдруг охватила неистовая тоска. «Боль – во всей полноте, физически и морально, внутренний взрыв – разрыв: одиночество. “Сейчас вернусь домой и буду опять одна, и завтра одна, и через месяц...”». Я опустила на корточки, зажав рот платком от рыданий, и повторила просьбу, на что «подруга» ответила: «Если я останусь, мама не пустит меня послезавтра на рок-концерт». Это заявление привело меня в чувство. Я встала: «Если тебе концерт дороже человека, тогда не держу», – и, резко развернувшись, ушла. Спустя два дня, в день концерта, по Москве прошла сильнейшая буря. Семьсот поваленных деревьев, десятки разбитых машин, трамвай, сошедший с подмытых ливнем путей...

Эта девушка была моим последним адресатом по обычной почте. Впервые за шесть лет у меня не осталось даже заочных товарищей.

Обычный день, музыка и небывалые явления

В мае-июне 2010 года я продолжала учить английский, латинский и итальянский словари (в среднем – 110 иностранных слов в день), читала «Семь столпов мудрости», Савонаролу, латинский Псалтирь, Библию на итальянском. Переводила для практики свои стихи на английский и латинский языки: лучшее средство усвоить иностран-

ный язык – переводить на него.

8 июня повторилось странное состояние. Я легла около полуночи, а через два часа проснулась от собственных стонов со вскриками. Голова металась по подушке, я – в полусне – не понимала, что происходит. Когда удалось проснуться окончательно, помнила только о некоем смертном усилии, борении: как если бы душа вырывалась из тела. Давление было в норме. Под утро задремала, но вскоре проснулась от давления. Терпела до 9 часов, потом вызвала маму с работы – сделать укол. Давление понизилось медленно, оставив чувство разбитости. Больше я не спала. В полдень началась дрель снизу.

Это в тот день я писала:

Все принимаю, как есть.
Все принимаю, как смерть.
Всю жизнь угасаю с Тобой
над каменной землей...

Поэту все во благо – даже отсутствие блага...

Несмотря на плохое самочувствие и отсутствие сна, я занималась в тот день: «50 английских слов, 4 перевода на английский, 1 глава из «Столпов», 20 латинских слов, 3 перевода на латинский, 3 псалма, 50 итальянских слов, Библия». Таков был мой обычный рабочий день.

В середине июня закончила чтение «Семи столпов мудрости» Лоуренса: «Нарочно читала по одной главе в день, чтобы хватило подольше. Не прочитала – прожила эту книгу». Знакомство с ней усилило мою привязанность к Лоуренсу: «Распечатала портрет арабского мальчика, друга Лоуренса. Поставила за стекло комода. Торжествую весь день. Смотрю и улыбаюсь. Полкой выше – портрет Лоуренса. Мое окружение...» (18 июня 2010 г.).

После «Столпов» я приступила к чтению биографии Лоуренса, написанной его товарищем. В то же время начала слушать классическую музыку. Преддверием ее была арабская, особенно мне нравился нэй (флейта). В поисках новой случайно обнаружила «Эхо Угарита» Малека Джан-

дали, современного сирийского композитора, сочетавшего в своем творчестве арабскую музыку с канонами европейской классической. «22.10. Темные, но словно золотом налитые внутри тучи, тяжелые на прозрачной синеве. Смотрю в небо и слушаю “Эхо Угарита.”» Позднее стала слушать Брамса (симфония № 3), Бетховена («Лунная соната», симфонии), Перголези («Stabat Mater»). Так появился новый и важный интерес.

С 13 июня начались небывалые природные явления. Сначала, вслед за той бурей, по Москве пронесся ураган, свалив почти две тысячи деревьев. 15-го в Ивановской, Владимирской, Нижегородской и Кировской областях смерч выкорчевал деревья, снес крыши и повалил линии электропередач. В Твери при этом была переменная облачность, почти без ветра, 30° С. Это было началом необычайно знойного лета, с температурой до 40° С и густым дымом с горящих торфяников.

Я легко переношу жару – как уже проверила во Владикавказе в 2006 году. Летом 2010 года жара оказалась еще и полезной для меня. Во-первых, закончились острые гипертонические кризы. Начало этому почему-то было дано весной моим бодрствованием по 24-30 часов (спала часов 4-7 и опять – то же). В жару давление стало стабильно низким. С того лета мои регулярные кризы (по два-три раза ежедневно) закончились, бывали только отдельные случаи или долгие периоды бессимптомно повышенного давления.

Другим добрым следствием зноя стала тишина. Шума была много: дрели, осаждавшие с двух сторон – с нижнего этажа и из соседнего дома, крики молодежи под окном по ночам, а самое бедственное – начавшиеся в мае 2010 года тренировочные полеты Ил-76, почти на бреющем над городом. С жарой все исчезло, и установилась благодатная тишина. Я могла заниматься, нетревожимая шумом и давлением (оно в среднем было 90 х 50, поначалу досаждала слабость, но быстро прошла). Только тоску по другу не могла утишить даже блаженная жара.

Пятая поездка на Кавказ

7 июля 2010 г. я в пятый раз отправилась во Владикавказ. В поезде дочитывала Псалтирь, размышляла о Лоуренсе, писала стихи.

Пребывание во Владикавказе началось с курьеза: в гостинице администратор дала мне четырнадцать лет (при двадцати трех) и хотела поселить меня по гостевому билету.

В номере я произвела перестановку: сдвинула вместе тумбочку и журнальный столик, накрыла их покрывалом и простыней, положила свернутые свитер и полотенца вместо подушки и простыню – вместо одеяла и придвинула к сооружению диван, чтобы не упасть. Все это было для того, чтобы не мучиться на кровати от жары и мягкости. Спать на мягком я уже не могла (и не могу): начинала болеть спина.

Довольно жарко было и во Владикавказе: около 30° С. В Твери же температура достигала 37° С. Я шутила: «Пережидаем на юге тверскую жару». Давление у меня понизилось невероятно: было в среднем 80 х 40.

Как всегда, занятий я не оставляла и на отдыхе. Собственно, отдых был только переменой места: «Хорошо там, где рядом друг» (10 июля 2010 г.). Его не было нигде. «Стояла в 5 часов утра у окна. Синие безрассветные тучи, отсутствие всякого движения, тишина и ясное осознание своего одиночества. Как страшно это “Брат мой!” – ни к кому не обращенное, бессмысленное и мертвое. Мертвею в себе, схожу на нет. Физическая часть сдала, духовная еще держится. [...] Ничего не могу изменить. Потому и плохо» (14 июля 2010 г.). Удручала невозможность увидеться с Т.А. – из-за его дел: «Целый год думать о встрече, и вот – я во Владикавказе, и нет никакой возможности встретиться. Моих 15 минут живого общения – нет. Год мысли, две тысячи километров дороги – зря».

Незадолго до отъезда я гуляла по городу в семь часов утра. «На улицах было одно солнце. Словно другой город: в тишине, пространстве и свете. Улицы старые, и оттого

Автор во Владикавказе. Мост через Терек. Слева виден парк им. К. Хетагурова.
Июль 2009 г.

Автор во Владикавказе, июль 2010 г.

Автор во Владикавказе, июль 2010 г.

время – будто смещенное: современность отхлынула людским потоком. На юге – сияющие светло-сиреневые горы».

Возвращались обратно 20 июля. В поезде было 37° С. Я весело продолжала свои занятия: читала труды Савонаролы и собрание любимых стихотворение Лоуренса.

Аравийское лето в российском дыму

Тверь встретила жарой в 34° С и горькой прозрачно-синей дымкой с горящих торфяников. Небо было блеклым, словно выгоревшее, а от зноя подсыхала листва.

Через несколько дней после возвращения у меня произошло очередное зубное воспаление с температурой до 38° С. Примечательно, что в те дни такая же температура была в моей комнате.

Жара возрастала неуклонно. Так, 29 июля в Твери было 39° С (ночью 26° С). Такая же температура днем была тогда в Дамаске – при том, что ночью она составляла 19° С. «А в Джидде (Саудовская Аравия) днем 41° С и ночью 25°С... В Центральной России установилась обычная ближневосточная погода. Всю эту зиму я страдала от мучительного холода, будто в самих костях поселившегося, и не могла согреться. Теперь хорошенько прожариваюсь!». «Давление, пульс – в идеале». Работоспособность была тоже: в те дни я без усталости работала по тринадцать часов в сутки. Продолжала изучение трех словарей, читала Новый Завет на латыни (по книжечке, изданной в Ватикане), труды Савонаролы на итальянском и дневник Лоуренса, который он вел в Сирии в 1911 году. Слушала композиции Джандали. 24 июля (в комнате было 35° С) начала изучение французского языка.

При температуре 36° С в квартире затеяла перестановку мебели у себя: жара благоприятно сказалась на умственных способностях, и меня, наконец, осенило, что надо поменять «письменный стол». Как такового его не было: была тумбочка с дверцами, за которой я сидела пять лет, левым боком к ней. Работать было чрезвычайно не-

удобно, но зато выправилось правое плечо, которое было чуть ниже левого (сколиоз). Теперь я догадалась заменить тумбочку на более удобное сооружение, а именно – остов швейной машинки «Зингер». Старый, чугунный, черный, с деревянной столешницей, посреди которой был прямоугольный проем. Я положила на остов столешницу от шахматного столика, и получился отличный письменный стол нужной высоты и размера. Жара стояла такая, что чугун был теплым.

Для того чтобы занести остов в комнату, пришлось передвигать книжный шкаф, перегораживавший проход в комнату. Сдвигая его, я, по своей удивительной ловкости, ухитрилась ударить себя плечом по больной челюсти и тем самым получить обострение на весь вечер.

1 августа температура в комнате немного понизилась: «Сегодня 32° С, прохладно». Жару я не замечала: 34° С были для меня комфортной температурой.

Стало неуютно, когда сгустился дым. Плотная белая завеса скрыла пригород, видимость составляла метров семьдесят, в матовом белом небе тускло блестел оранжевый диск солнца, не дававший света, и ни малейшее дуновение ветра не колебало замершую листву. Все окна были плотно закрыты – день за днем. «Не хватает воздуха, вздыхаю, но дышу, будто пустотой. Мурашки по телу, и кровь бьется в висках» (2 августа). Два раза я теряла сознание за работой минут на пять. При всем этом настроение было хорошим.

Подобное природное явление было в сентябре 2002 года в Пухтиной Горе. Помню едкий запах белой гари, проникавший в дом, отчего стесняло в груди.

5 августа дым рассеялся, и я в четыре часа дня вышла на улицу. Было 39° С, небо было бледно-голубым, будто в патине, ощущался горький след прошедшей гари, а воздух был столь жарким, что казался осязаемым – как прогретое одеяло. Я замечательно побродила около часа в окрестностях своего пригорода.

6 августа жара достигла 40° С. Снова сгустился дым. «Стоит аравийское лето в российском дыму». Столб дыма от лесных пожаров в России поднимался на высоту в

двенадцать километров – выше, чем пепел от вулкана Эйяфьятлайокудль.

«Остановленность поразительная: ни один лист не шелохнется, полная неподвижность в белой прозрачной дымке. К горизонту эта дымка сгущается, становясь непроницаемой грязно-серой пеленой. Того же цвета и небо: остановившийся дым. Как будто обморок во всей природе и жизни» (6 августа). Но зато какая была тишина!

9 августа, 20.25.: «Это уже не “небосвод,” а “дымосвод.” Кроваво-красное солнце еще высоко над горизонтом, в белой мгле...». «Белье на балконе не сохнет – коптится. Копченые, пахнущие дымом полотенца...».

12 августа дым рассеялся, жара немного спала, и источники шумов снова оживились. На следующий день дым опять начал стучаться, обещая тишину. Я, выглянув на балкон и почувствовав запахи гари, произнесла доволь-но: «Дым... Хорошо!»

В ночь на 13-е небо было странно сияющим: будто сверкающая серебряная паутина кратко набрасывалась среди звезд, слабо озаряя землю. В ту ночь ожидался метеоритный дождь: сто метеоритов в час; возможно, это он и был.

В середине августа жара спала, и начались дожди.

Чтение, переписка, переводы

20 августа я получила из Америки «The Mint» Лоуренса – издание 1955 года, в переплете и картонной коробке, в отличном состоянии. Книга стоила всего 8,50 \$ (255 руб.). Это была одна из немногих удач – по цене и благополучному прибытию. В тот же день я нашла музыку Алана Ованесяна, композитора XX века. «День радости. Впечатление чрезмерности: столько поводов для нее».

В сентябре к занятиям добавилась история католического монашества на итальянском.

Я все еще размышляла над выбором религии, понимая, что ничего выбрать не смогу. «“Я католик,” – внушаю себе, леплю клеймо и, кажется, теряю ясность своей веры,

постоянное чувство Бога. В католицизме вместо отдохновения нахожу усилие: удержаться» (4 сентября 2010 г.). Вопрос религии был разрешен после прочтения в ноябре 2010 года исследования о раннем христианстве. Противопоставление искренности первых веков и сусального лицемерия последующего времени оказалось слишком сильным, чтобы сомневаться дальше. Религиозные поиски закончились. Вера от Бога, религия – от человека.

В сентябре 2010 года я пыталась найти за рубежом друга по электронной переписке, хотя предполагала, что подобное общение – сущая глупость. «Столько объявлений!.. Людской хаос, но человека нет, и от этого страшно. Никого глубокого. Компьютер, ТВ, популярная музыка – все их интересы». Но иных путей не было. И я искала до двенадцати часов подряд – в добавление к занятиям (продолжала бодрствования по 24-36 часов). За месяц число попыток дошло до девяноста, не принеся ничего. Одна половина откликавшихся были аферистами, вторая – развлекающимися. В конце месяца я познакомилась в сети с молодым человеком из Халеба. Он показался серьезным, думающим, даже понимающим. Я привыкла к переписке с ним, очень радовалась, но писала осторожно, опасаясь подвоха. «Такие чудесные, человеческие письма. Неужели и это ошибка? До первого подводного камня эта переписка». Подвох и был: юноша оказался религиозным фанатиком. Разочарование было болезненным... 8 ноября мне приснился сон: я – в окрестностях Халеба. Темный пасмурный день, тяжелые синие тучи, густая зелень, каменистые холмы. Я стою на холме рядом с руинами и смотрю на город... Спустя пять месяцев в Халебе началась война, позднее перекинувшаяся на всю Сирию.

Единственным итогом поисков адресата стало очередное кровоизлияние в левый глаз. Зимой занималась из-за этого при свече: глаза уставали гораздо меньше.

Осенью 2010 г. читала известную, но превратную книгу о Лоуренсе, спорила с автором, сопоставляя «его» Лоу-

ренса с настоящим – каким тот предстает в своих «Столпах», дневнике и письмах. Понимание Лоуренса было у меня полным. «Жаль, что не пишу музыку. Посредством нее я могла бы пересказать всю биографию Лоуренса. Каждое событие его жизни проходит сквозь мои чувства и длится звучанием внутри. Я слышу его жизнь» (25 октября 2010 г.). В моих дневниках нередко встречаются мысли, дословно соответствующие его, тогда мне неизвестным.

В середине ноября я прочитала за ночь «Божество сада» Форреста Рейда (1875-1947), на английском. Эта книга стала отдохновением среди недомоганий (сердце, давление, зрение), нестерпимого одиночества и усилия работать. После этого чтения даже прошли последствия кровоизлияния в глазу.

24 ноября я приступила к изучению пятого языка – шведского. При этом продолжала итальянский, английский и латинский словари и французскую грамматику (которая давалась на удивление легко). Читала «Чеканку» Лоуренса – угнетающую историю его пребывания рядовым в армии, куда он – в звании полковника – бежал от тоски после войны и потери единственного настоящего друга. «Чутунная книга».

В декабре начала читать письма Лоуренса к археологу Э.Т. Лидсу, оставшиеся труды Савонаролы и «Иисуса Неизвестного» Д.С. Мережковского. Слушала музыку Бетховена (нравился «Похоронный марш» из 3-й симфонии), Брамса, Баха, Джандали, А. Ованесяна. «Общались» с портретами – Лоуренса и его друга-араба: «Могу долго всматриваться в их образы, словно в даль, в которой исчезает моя боль. Под моим взглядом – от взгляда – оживают, оживляются их черты: уже не только я смотрю, но и они – на меня: диалог взглядов. Нежными становятся их лица, и нет ничего, кроме все устраняющей внутренней тишины. И страшно отвести взгляд – будто в пропасть взглянуть. Кажется, что они живее меня, их реальность – истинная, тогда как я – в темноте своей тоски, не живу, а брежу. Два серых прямоугольника, самодельные портреты, но они полны красок, движения, бытия – среди оцепенения моего существования» (5 января 2011 г.).

В первой декаде декабря я переводила английских поэтов конца XIX – начала XX века. При этом бодрствовала до тридцати четырех часов, спала урывками по три-четыре часа и продолжала все остальные занятия. Переводила – как заново писала, вживаясь в тему и стремясь передать стихотворение на другом языке во всей его глубине. За девять дней были сделаны семнадцать переводов. Я отправила их в «Дарьял». Там их затеряли. Я отправила еще раз: то же. Я выслала в третий раз и спрашивала Т.А. о них целый год: он так и не посмотрел. Позднее они вошли в мой сборник «Только слово живет».

Духовное состояние было тяжелым. Так, 15 декабря я проснулась от собственного отчаянного крика. Я лежала на левом боку, почти на животе, и правой рукой царапала доски своей постели и спинку кровати. Когда окончательно проснулась, чувствовала себя очень скверно: тяжелое сердце вскачь, лихорадка...

«Как среди угасающих углей изредка вспыхивают язычки пламени, так у меня иногда еще бывают минуты оживления, но с каждым годом их становится все меньше. Я гасну». Состояние ухудшалось напрасным ожиданием заказанных книг: одиннадцать бандеролей не приходили. «Вчера четыре часа кипела из-за отсутствующих бандеролей... Ночью: французский язык, шведский язык, Новый Завет на латинском, Мережковский, переводы на итальянский. Встала в 16 часов. Опять кипела».

В декабре в «Дарьяле» напечатали мои стихи и очерк «Пространство слова».

2011

Моя книга о Лоуренсе, стихи и обстоятельства

В ночь на 6 января 2011 года я размышляла о дружбе Лоуренса с арабским мальчиком. Мысли захотелось выразить в небольшом очерке, к которому я тотчас и приступи-

ла – с сомнением: «Мало верю в свои силы». Но все же: «Запишу, чтобы не погибло во мне». В марте было столетие со дня их встречи: к этой годовщине я и собиралась завершить свою работу. Я ошиблась: она стала началом биографии – многотомного труда, занявшего полтора года. Мысль о биографии приходила еще осенью 2010 года, но тогда я с ужасом отмахнулась от нее.

К концу января я поняла, сколь велика работа, за которую я взялась: «Хотела изложить это, чтобы не погибло во мне. Обозрев масштабы работы, боюсь, что скорее я в этом погибну» (29 января 2011 г.). Рассказ о той дружбе неизбежно влек за собой предысторию и послесловие, то есть было необходимо описать всю жизнь Лоуренса. «Вырисовывается большая биография, открывающая духовную сторону жизни Лоуренса, – записывала я в дневнике 28 февраля 2011 г. – Не “герой” – перевозносимый или повергнутый, не “полковник,” не объект для психиатрических штудий, но – живой человек, чувствующий и думающий: таким он должен быть в моей вещи. Я все меньше сомневаюсь в своих возможностях, но не могу быть уверенным в том, что в дальнейшем будут условия для писания».

Писала, опираясь на «Семь столпов мудрости», дневник Лоуренса 1911 года, три тома его писем и книгу Дж. Кигана о Первой Мировой войне. Задачу, и без того непростую, усложняло сопереживание своему герою: «Человека нет, а его боль осталась длиться. Не в этом времени и не в прошлом – где-то, в моем ли знании о ней или в памяти мест... И – бессилие от невозможности помочь, быть рядом» (10 февраля 2011 г.). «“Вы знаете, что такое – увидеть жизнь в руинах?!” – писал Лоуренс к Шарлотте Шоу 28 сентября 1925 г. В этом слышу собственный вой» (27 февраля 2011 г.).

Шумов было меньше, но все-таки были. С некоторыми удавалось справляться – и своеобразно. «3.20. Вечером какой-то шум этажом ниже. “Что это за стипл-чейз там у них?” – думаю я, открывая дверцу комода. В задумчивости распахиваю ее полностью и сшибаю стоящую на краю комода медную ступку с пестом – килограмма четыре весом, которые оглушительно рушатся на самовар, стоящий на

металлическом подносе... Внизу стало тихо. Тихо до сих пор» (28 февраля 2011 г.).

Стихи в то время опять обрели силы:

Земную разрывая грудь,
Тишайшей высоты вдохнуть
В пространстве пристально-знакомом...
А мир сей – мост, а мир сей – путь:
Иди, не строя себе дома.

Бездомен на земле любой,
В ступающей мгле слепой.
А путь один, и ты один,
Как Он, принявший эту боль
От холода людских пустынь. (29 января 2011 г.)

В людской пустыне, жаждущий и зрячий,
Я молча жду, как неидущий сон,
Тот тихий час, когда в костре горящий
Не будет больше чувствовать огонь.

Как Божье Имя, тишина свята;
Ни голоса, ни эха не осталось.
И крестная бездонна высота,
Как боли воскрешающая радость.

18 февраля 2011 г.

И – не вошедшее в сборники, из дневника:

О, сладостная боль Креста!
Среди мертвеющих и мертвых –
Единственная правота
И нестерпимая свобода.

13 февраля 2011 г.

Духовное и физическое состояние становилось все более удручающим: «Не живу – мертвею. В боли своей унижаюсь. Духовно – изнеможение. А я пытаюсь что-то сделать... За ночь – пол-плана, а потом – досада, злость на се-

бя за то, что не смогла сделать все. Но больше занятий – тот очерк: моя дань их памяти. Даже сегодня, когда сидела на полу у себя в слезах, помнила о нем и жалела, что не могу продолжать. Как продолжать – с этой усталостью, в боли? Силы вышли, а тоска что-то еще забирает во мне. И я делаю через “не могу,” ибо должна, и это усилие еще больше изнуряет меня. Но больше усилия – неудовлетворяющий итог его. Схожу на нет. Постепенно, по капле» (23 января 2011 г.).

«Так хочется написать письмо! И – некому» (27 января 2011 г.). «Представить на миг, что друг сидит здесь, улыбается мне. Увидеть его сквозь закрытые глаза и почувствовать на долю секунду иллюзию присутствия... Но стоит открыть глаза, – и все внутри рвется, как та завеса Храма в смертный час» (9 февраля 2011 г.).

«Жизнь длится, как боль, или боль – как жизнь, но так тяжело – не столько от дня сегодняшнего, ибо минует, сколько от завтрашнего, ибо накатывается. Смотрю вперед и вижу ту же боль, только сгустившуюся до черноты» (13 февраля 2011 г.).

Необъяснимое

18 января 2011 года я впервые решила посмотреть в Интернете фотографии старого Гродно – родины моей прабабушки Е.М. Мороз. Я никогда не видела его изображений, мне никто не рассказывал о том, как он выглядит. Просмотр вызвал изумление. .. В 2009 году мне приснился сон: довольно широкая, спокойная темная река, крутой, очень высокий берег напротив меня, на нем – далеко – белая церковь, справа от меня, на отдалении, смутно видится мост. Я плыву в лодке. Летний тихий день, небо в облаках... Как оказалось, я видела во сне Неман возле королевского замка Гродно. Церковь на отдалении была снесенным Софийским собором. Есть ли понятие наследственной памяти? Чем еще объяснить то, что я увидела во сне незнакомые места?

В ночь на 1 февраля произошло другое странное явление

ние. Вместо работы я спала – плохо, с дурными снами (снились какие-то сумрачные холмы и что-то гнетущее). В 6 часов встала, но работать не могла из-за странной душевной вялости. Физически чувствовала себя неплохо, давление и пульс были в норме. В 9 часов легла опять. Прележав пол-часа, уснула. Сначала виделась неясные, обычные сны. Затем – при впечатлении бодрствования (даже «видела», как лежу) – ощущение внезапного падения, устремления куда-то вниз. Казалось, будто я, опрокинувшись с боку на живот, заваливаюсь в промежуток между кроватью и стеной, но не в реальный (сантиметров пятнадцать), а в некий провал, прорыв куда-то, смутный и сумрачный. Какое-то головокружительное движение увлекает меня туда – стремительно и неодолимо, против моей воли. Я понимаю, что надо сопротивляться, и невероятным усилием воли преодолеваю это движение. Нахожу себя (во сне) в той же позе, в какой засыпала: на правом боку, одна рука на подушке, другая упирается кулаком в кровать; взгляд неподвижен. В поле зрения – стена, часть постели и рука. Сознание ясно, пытаюсь проверить, все ли в порядке. Стараюсь шевельнуть хоть одним пальцем, но не могу: все тело – недвижимо, неподвластно воле, как мертвеющее. Ясное ощущение «отрывающейся» от тела души. Мысль, что надо проснуться, иначе умру. Пытаюсь (как то делала в детских кошмарах), но не могу. Хочу закричать, – нет дыхания. При этом не задыхаюсь: вообще не чувствую тела. Ясность сознания начинает тускнеть, борьба его ослабевает: как будто в обморок падаю или внезапно погружаюсь в глубокий сон. И та же мысль, но уже слабая, что надо проснуться. Делаю невероятное усилие и пробуждаюсь. Нахожу себя на правом боку, одна рука на подушке, другая упирается в кровать... Было 10.40. Встала с ощущением, как после гипертонического криза. Давление было почти тем же самым. Душевная слабость не позволяла работать еще четыре часа.

Все происходившее любопытно напоминало умирание. При этом не было ни страшно, ни радостно, но как-то угнетающе скучно. Не хотелось ни уходить, ни оставаться. Было лишь одно повелевающее «Надо вернуться». Подоб-

ные состояния повторялись в том году еще несколько раз. Что это было? Гипертонический криз? Но я обычно просыпалась от них. Сердечный приступ? Я даже предполагала, что причина этих состояний в некоей геомагнитной аномалии, и позднее постелила фольгу под кровать. Благодаря ей или нет, но явления прекратились.

А 26 января видела примечательный сон: Христос распят, умер, сошел во ад. «Три дня длилась смерть на земле», – думаю я во сне...

Словари, музыка и перевод Ф. Рейда

В январе-феврале 2011 года я слушала Джандалли, Баха, Бетховена, Густава Хольста («Планеты»), Брамса. Из последнего особенно нравилась «Трагическая увертюра», я слушала ее в ту новогоднюю ночь (и читала «Апокалипсис» на латинском).

26 февраля завершила французскую грамматику. 1 марта получила арабско-русский словарь на 250 тысяч слов. Ликовала, намереваясь возобновить изучение арабского языка. «Словарю – радуюсь! На шкафу, с двух сторон, – две кипы: несколько английских словарей и – через подсвечники-сливочники-медный чайник – латинско-русский, итальянско-русский, русско-итальянский, французско-русский. Сверху прихлопнула арабско-русский. Шкаф – баррикада (2,5 года – поперек комнаты) с надстройкой из словарей. Когда смотришь на эту “стену” словарей и думаешь, сколько уже в голове и сколько там будет, голова кажется чугунной» (1 марта 2011 г.).

В начале марта слушала записи Мод Пауэлл (1867-1920) – выдающейся американской скрипачки. «Эхо давних лет. Те же вещи, исполненные сегодня, не имеют такого духа, который придает им память времени в 90-100 лет. Уже не “Ave Maria” Шуберта звучит, но мирный голос из 1910 года, не соната Баха № 3 в E major, но отголосок 1916-го – вдаль от фронтов, но посреди непоправимо меняющегося мира. Эти старые записи, где музыка доносится сквозь шум времени (буквально: шуршание записи),

кажутся много теплее, одухотвореннее новых» (3 марта 2011 г.). Эти записи занимали меня много ночей подряд, отвлекая и утешая, как ласковый голос друга.

«Ночью – абсолютная тишина. Блаженствую. Свеча, музыка (“Молитва св. Григория,” “Аллелуйя и fuga,” “Небесная фантазия” Ованесяна; “Розамунда” Шуберта в записи 18/VI-1915 г.; Пятый Ноктюрн Лейбаха в записи 6/VI-1917 г. и др.). Четыре дня радости: 28 февраля – арабско-русский словарь, 1 марта – публикация стихов о Лоуренсе, 2 марта – пришли три диска, 3-го – без труда написана сложная часть биографии Т.Э. Благодать! Главное, тишина! И – полноценные занятия!» (4 марта 2011 г.).

В середине марта завершила изучение английского словаря. 11 марта начала переводить на русский «Божество сада» Форреста Рейда. Компьютер с блоком и хаосом проводов был перенесен в мою комнату. Работала часами, до одиннадцати часов подряд, почти без перерыва: боялась, что порыв пройдет, и перевод «омертвеет», как недописанное стихотворение. При этом продолжала писать биографию Лоуренса (добралась до мая 1917 года, начав с 1911-го), перечитывала для нее «Столпы» Лоуренса и «Первую Мировую войну» Дж. Кигана; продолжала изучать французский и шведский языки; читала на латинском Библию (эту Библию я искала *три года*, по России и за рубежом. Нашла в Москве – огромную, в красном переплете, с замечательным крупным шрифтом, за три тысячи рублей). Кроме того, принялась писать статью о работе Лоуренса на раскопках и его дружбе с арабским мальчиком.

16 марта подстрочник «Божества сада» был завершен, 21-го закончила его корректуру. Этот перевод лежал до конца июня 2014 года. Лишь тем летом он был еще раз обработан и издан – тиражом сорок четыре экземпляра (допечатка девять экземпляров.).

В марте на одном американском сайте был опубликован мой цикл стихотворений о Лоуренсе в моем переводе на английский.

Каждый день ощущалось сердце – болями, сбоями, тахикардией, нередко повышалось давление, и томило оди-

ночество, отчего происходили тихие, невидимые посторонним нервные срывы, во время которых я помнила о необходимости вернуться к занятиям. В конце марта случилось очередное зубное воспаление, с сильной болью, слабостью и лихорадкой.

Работа сутками, мысль о завещании, усилия

Пример работы того времени: «27 марта, 2.40. Встала 25-го в 20.15. Ночь на 26-е: статья о Лоуренсе, моя книга о Лоуренсе, “Семь столпов мудрости” (гл. 50-52), письма Лоуренса. Утро 26-го: дочитана “Первая Мировая война,” написано одно стихотворение. День 26-го: французский язык (два часа), шведский язык, “Правило” св. Бенедикта (на итальянском), “Деяния Апостолов” (на латинском), арабский язык. Вечером: начата книга Гертруды Белл “The Desert and the Sown.” С 21.45. до 1.15. – статья о Лоуренсе: набрана полностью, остались правки. Ночью 27-го: Г. Белл. С 23.45. 25-го до 2.30. 27-го. Итого 27 часов занятий». В тот день, 27 марта, уснула около 5 часов утра, а в 10 часов встала – из-за боли в челюсти. Прибравшись в своей комнате, приступила к французскому... «Чем сильнее усталость, тем легче. 27 часов занятий – такого молота никакая тоска не выдержит!» (28 марта 2011 г.). Другой причиной столь усиленной деятельности было опасение, что летом не смогу работать из-за шума (летом шумов было больше).

Что до статьи о Лоуренсе, над которой я упорно работала двадцать дней, я выслала ее на один англоязычный сайт, связанный с историей, но была оскорблена его владельцем за похвальное слово давно умершему арабскому мальчику. Так я, не имеющая никакого отношения к арабам, пострадала от расиста.

31 марта, во время вытирания пыли на шкафу, мне пришла мысль завещать свои работы Тверскому отделению Союза писателей. Во-первых, я не надеялась, что будет достаточно средств для издания; во-вторых, мне хоте-

лось избежать собственно издания, которое представлялось делом морально нечистым из-за необходимости продавать свои книги. Только спустя два года меня осенила идея дарить книги библиотекам – фактически заниматься благотворительностью, расплатившись за свой труд здоровьем, деньгами и спокойствием.

«Сил очень мало. Общий фон – слабость, на ней – протуберанцами – порывы активности, за которыми приходит еще большая слабость. Много дел, много идей, сил почти нет, и шумов все больше, уже и по ночам. Главное – книга о Лоуренсе» (3 апреля 2011 г.). «Я живу словно в некоем усилии – попытке делать что-то сквозь боль. Внутренний вой – боль – всю жизнь. Я хочу, чтобы кто-то услышал его и понял. Все мои стихи – этот вой. Дневники тоже. Кто услышит?»

Усилие натянутой струны: когда оборвется? Оборвется – не расслабится.

Пустота вокруг, как слепота. Я живу, словно уже принадлежа к другому миру. Живу “оттуда.” Духовно – там, здесь – камень тела. И – боль, боль: как биение крови в висках. Но – что могу?

Мысленные диалоги – оживленные – с Лоуренсом, Т.А. Никого нигде. Мрак. Вместе со мной кончится?..» (4 апреля 2011 г.).

«Мои писания – единственная возможность быть с тем, кто мог быть бы моим другом» (5 апреля 2011 г.). «Не в собственном памятнике нуждается поэт, а в человеке!»

Из-за шумов приходилось заниматься урывками, в ущерб отдыху; усталость не проходила, а накапливалась; трудности с приобретением книг продолжались (не приходили бандероли, отказывалась от интересующих меня книг из-за высоких цен); дома было беспокойно; одиночество изнуряло. Я плакала от бессилия, а потом сжимала зубы и приступала к работе. «Основное – биография. Хочу сделать это для их памяти. Очень хочу. Сейчас дошла до ноября 1917 года. Только бы сделать... Сил мало, и это писание давит тяжестью. Томас, Томас, лишь бы сделать...» (12 апреля 2011 г.). «Как бы мне ни было плохо, про био-

графию я помню» (13 апреля 2011 г.). В середине апреля – новое зубное воспаление, по обеим челюстям. «Еле сидела, когда писала биографию» (17 апреля 2011 г.). Биографию писала каждый день, по два-четыре часа.

«Такой усталости, как в последние полгода, не помню. Что сделано? Завершены английский и латинский, подведены к концу французская и шведская грамматики, начат арабский; сделан перевод “Божества сада,” начата биография Лоуренса, выполнен цикл перевод с английского для “Дарьяла,” прочитаны письма Лоуренса, Дж. Киган и др., написаны стихи и афоризмы. И всегда кажется: как мало сделано!..» (17 апреля 2011 г.). «Снаружи шумы, внутри боль одиночества. И еще пытаюсь что-то сделать – да как можно лучше!» (23 апреля 2011 г.). И – основное: «Я не просто дружбы хочу, но братства: со всей его силой, мужественностью и нежностью» (17 июля 2011 г.).

Стихи и разговор с портретами

Я продолжала писать стихи – между делом, как всегда с усилием сосредотачивая внутреннюю идею в слове.

В невинной крови – кровь Христова,
И в каждой смерти – тень Креста.
В начале было только Слово,
В конце – людская глухота.

26 марта 2011 г.

Как за кладбищенской оградой,
Снаружи мертвый мир, что нищий.
Так жизнь свою окинуть взглядом
И не узнать, как пепелище.

Лишь боль, как светлая дорога.
Сияет в темноте последней.
И никого нет, кроме Бога,
И ничего нет, кроме света.

3 апреля 2011 г.

В стихах повторялись образы пропасти, пустоты, Креста, Голгофы, темноты, глухого пространства: таковым было мое мироощущение в одиночестве.

С июня 2009 года я из-за мучительной тоски «общалась» с портретами – Лоуренса и его друга-араба. Я ставила их перед собой на стол или ложилась с ними и мысленно разговаривала – об их жизни и о своей... Иногда мы слушали музыку в наушниках – «Трагическую увертюру» Брамса, «Похоронный марш» Бетховена, «Патетическую симфонию» Чайковского... Эти минуты, а то и часы общения с портретами были единственным утешением в одиночестве. Об этом общении – мой очерк «Когда портреты говорят»*.

Антикварные книги и простуда от биографии

К маю французская грамматика была завершена. Я приобрела словари – французско-русский и русско-французский, оба – 1900-х годов, в темных «мраморных» переплетах с кожаными корешками, составитель Н. Макаров. «Когда смотрела их в комнате, на них упал луч вечернего солнца, как старинная позолота, и я почувствовала себя в ином времени. Квартира словно исчезла, и казалось – подними голову и увидишь совсем иную обстановку» (12 мая 2011 г.). Изучение французского словаря было недолгим: сходство этого языка с итальянским и латинским позволило усвоить многие слова без заучивания. Для практики читала Псалтирь на французском и переводила на него свои стихи. Из всех моих языков французский оказался самым легким.

В конце мая завершила шведскую грамматику (тоже без труда) и приступила к словарю. В том месяце приобрела двухкилограммовый шведско-русский словарь 1905 года, изданный в Гельсингфорсе (Хельсинки). «Книгам время придает жизнь. Новые – только блок бумаги, ста-

* С портретами была хотя бы иллюзия общения. С людьми не было даже этого: стена их равнодушная.

рые – полны жизни. Они не стоят на полке, но живут» (13 мая 2011 г.).

Арабский продвигался весело, пока в конце мая не обнаружила негодность единственного в своем роде словаря, отчего на некоторое время приостановила изучение.

Читать на выученных языках было почти нечего: «Учу языки, чтобы потом только смотреть на обложки книг на экране компьютера» (3 июня 2011 г.). «Надоело три года подряд думать, где и как достать материалы для занятий» (17 июня 2011 г.). Из чтения были Библия на латинском и письма Лоуренса на английском.

Я часами искала книги в Интернете на заказ (уже только по России: зарубежные не приходили) и в электронном виде, но находила очень мало. Так, на шведском языке достала в 2011 году только историю европейского искусства XIX века, 1900 года издания, и новый сборник поэзии за шесть веков. На французском были найдены «Кругосветное путешествие» Иды Пфайффер (1878 года, с тройным золотым обрезом), проповеди Боссюэ 1900-х годов издания, «Сокращенная история Англии» Флэри 1864 года и некоторые другие. Я находила эти книги через Интернет у российских букинистов. Стоили они сравнительно недорого: так, книга Пфайффер имела цену 800 рублей. Причина дешевизны заключалась в том, что на эти книги не было спроса – у публики, которая не читает даже на русском.

В первых числах мая я простудилась от биографии Лоуренса. Буквально. Я описывала эпизод, как Лоуренс зимой 1918 года совершал переход через холмы Иордании сквозь метель. Одет он был легко – лишь длинная арабская рубашка, легкий плащ и куфия, ноги его были босы. Его верблюд увязал в снегу, и Лоуренсу пришлось спешиться и вести его, проделывая для него тропинку. Остановившись на ночлег под открытым небом, утром он обнаружил, что его бурдюк вмерз в землю... Лоуренс не заболел, зато у меня после работы над этой главой появились температура и насморк!

Трудности

Переживание из-за потерянных бандеролей (среди них были книги для биографии) и невозможности новых заказов усугубило мое и без того разбитое состояние. В течение рабочего дня мне приходилось ложиться на полтора-два часа – от слабости. В мае явилось новое зубное воспаление. Иногда беспокоили острые гипертонические кризы. Сердце болело и сбивалось ежедневно. «Сил нет. Вечером дважды забывалась над столом, над книгой. [...] Заказы из-за рубежа не приходят. Боль одиночества не была бы столь сильной, если бы я могла в полную меру заниматься своим делом» (14 мая 2011 г.). «Постоянно тянет лечь, с трудом сижу за столом! Духовно – изнурение. Уччу, как во сне, пишу – как в тумане» (19 мая 2011 г.).

К физическому и духовному изнурению, которое я все-таки превозмогала своей упрямой волей, в мае 2011 года добавилась еще одна помеха: возобновились тренировочные полеты Ил-76 над Тверью. Самолет проходил над крышами едва ли не на бреющем – так, что звенели стекла и срабатывали автосигнализации. Полеты повторялись каждые несколько минут, с небольшими перерывами, с 15-17 часов до часа-двух ночи, почти ежедневно. «С 15 часов до 2-х – полеты. Пыталась переждать. В час ночи сдали нервы. Самолеты отлетали, – начались крики молодежи под окном. К работе – только в пятом часу утра. Пять листов биографии за два часа» (24 мая 2011 г.). «За полсуток: французский язык (1,5 часа) и арабский язык (50 мин.). Это единственное, что успела, пока над головой не было рева» (25 мая 2011 г.). (Для сравнения: у Шопена в комнате стояли бронзовые часы – остановленные, чтобы не беспокоили. В моих условиях Шопен не состоялся бы).

Когда бывали тишина и время, слушала музыку – Брамса, Бетховена, Баха, Мод Пауэлл, П. Казальса, А. Ованесяна, Г. Хольста, М. Джандали. Любимыми композициями были «Трагическая увертюра» Брамса и «Похоронный марш» Бетховена из Третьей симфонии. Предпочтение драматической, мрачной, энергично й музыки появилось в начале и остается до сих пор.

В мае 2011 г. я ради шутки отправила несколько своих стихотворений в журнал «Юность». Они были приняты и вскоре опубликованы. В июне в «Дарьяле» были опубликованы шестнадцать моих стихотворений, в том числе – шесть посвящений Лоуренсу. В том же месяце я ради забавы направила три своих стихотворения в моем свеженьком французском переводе на один французский поэтический сайт. Взяли! «Увидела – смеялась».

2 июня началось новое зубное воспаление, с жаром и общей разбитостью. «В 4 часа легла от острейшего приступа боли в верхней челюсти. Ударило на миг, отходило час» (11 июня 2011 г.). В ночь на 21 июня случился такой приступ зубной боли, что не помогали самые сильные лекарства. Поднялось давление до 144 х 105, левая рука почти не действовала. Сидела на кровати: распинаящая боль не позволяла лежать. Помнила о биографии: сожалела, что не могу писать. К 7 часам не надолго забылась сном, чтобы вскоре проснуться с диким воем на всю квартиру. В 8 утра, после десяти часов непрерывной острейшей боли, поехала к зубному – через силу: за прошедшие четверо суток спала общим счетом семь часов. В больнице – боли и сбои в сердце, головокружение, бессилие чуть ли не до обморока... Сделала один зуб (как потом выяснилось, не тот, что следовало). Челюсть беспокоила до 10 июля. Шли глубинные абсцессы, поражая корни зубов и мягкие ткани даже под челюстью. Средств на лечение не оставалось: они расходовались на книги, большую часть которых я не получила по вине российской почты.

В июне читала Иду Пфайффер с золотым обрезом, труды Савонаролы на итальянском и второй раз – «Человек перед лицом смерти» Ф. Арьеса. Последняя книга до сих пор является одной из моих любимых.

Мои дни того года: «Вчера ночью, встав в 1 час, полтора часа пыталась писать, но тщетно: ни ясности мысли, ни мысли самой. Заставляла себя до того, что под натиском собственной воли плакала от бессилия. Так ничего и

не смогла, легла. Уснула около 6 часов, в 9 встала, занялась поиском книг. С 12.30. – полеты, низко, часто... Лежала с портретом Лоуренса. В 17 часов встала. Опять – поиск книг...» (18 июня 2011 г.). «Вчера: биография Лоуренса (11 листов – 4,5 часа, начат 1919 год), арабский язык (1 час). Ночью: французский язык (переводы на него и Пфайффер), Арьес, латинская Библия, письма Лоуренса, Савонарола. С 16.30. до 4.30. С 23 часов – головокружение. Все, что ночью сделано, – через силу» (27 июня 2011 г.). «Весь июнь, как в забытьи: от слабости». «Если я не работаю умственно, мне кажется, что я не существую» (14 июля 2011 г.).

«Биографию пишу с напряжением, почти без желания и сил. Временами кажется, что не смогу завершить, или, завершив, получу не то, что надо. [...] У меня всегда было желание что-то делать для друга, что-то дарить, чем-то радовать... В моей книге это желание немного осуществляется... Эта книга – возможность что-то сделать для того, кто мог бы стать моим другом. Сделать – осуществиться. Тоска моя – словно небытие, мрак голгофский. Мне очень больно. Когда становится просто больно, это облегчение» (29 июня 2011 г.).

Писание биографии я считала своим делом, своим долгом. Сказать то, что могу, и при том – наилучшим образом; сказать – как спасти из равнодушия и зломыслия – того, кто мог быть моим другом. «Вчера отзанималась около 14 часов, из них четыре часа – биография, промучилась воспалением в челюсти (при этом занималась языками и читала) – и за биографию, преодолевая сон, усталость, боль, нежелание писать... Пишу “для Лоуренса,” ибо вряд ли кому-нибудь еще это будет нужно» (30 июня 2011 г.).

«Разлом в теле, боли в челюсти и сердце, температура 37,5° С, слабость, подъемы давления. В таком состоянии писала биографию (2 часа – 4 рукописных листа). Не было сил сидеть за столом, писала в постели – в испарине и жару... Думала, что ничего не смогу. [...] Нижняя челюсть вся опухла, но внешне незаметно, так как опухоль снизу, давящая на горло» (1 июля 2011 г.).

«Была у зубного, завершила пломбирование зуба в верхней челюсти. Врач ужаснулся моей опухоли (от которой осталась только боль). Мол, гной, попав в кровь и лимфатические узлы, может вызвать серьезные последствия. На это я вспомнила свои флюсы весны 2009 г., когда их было шесть за полтора месяца, с температурой под 40° С, а опухоль под челюстью меня почти душила. Врач сказал, что я чудом избежала летального исхода, ибо “гной мог расплавить сосуды.” Умереть от флюса?.. Странно... Но мой случай, как вижу, был критическим в их стоматологической практике» (6 июля 2011 г.).

Лоуренс: биография и совпадения

«До сих пор не могу осознать такой ужас, что пишу биографию Лоуренса» (9 июля 2011 г.). «Пишу с некоторым страхом: не оттого, что не могу, а оттого, что боюсь сделать плохо, не в полную силу. Неприятное чувство ответственности за то, что живет внутри» (12 июля 2011 г.). «Пишу свою “Via Crucis” как дар любви тому, кто мог быть бы моим другом» (19 июля 2011 г.).

Одной из трудностей этой работы был поиск цитат. Много из книг Лоуренса я помнила наизусть, но для биографии требовались даты и ссылки. И я закапывалась в поисках... «Сегодня четыре часа искала четыре цитаты. Устала больше, чем от самого писания» (25 июля 2011 г.).

Работа шла напряженно, с большим или меньшим усилием, каждый день. Я анализировала письма, книги и дневники Лоуренса, сопоставляла, выводила, старалась четко и художественно излагать. Я вживалась в его эпоху и обстановку, используя полученные знания и приобретая новые; я старалась видеть описываемые события его глазами, чувствовать его чувствами, мыслить так же. Чувствовать и мыслить, как он, было нетрудно из-за поразительного личностного сходства. В моих дневниках есть мысли, аналогичные его высказываниям. Например, «Жизнь – это умирание» – “Living is dying.” Я сказала это в двадцать два года, Лоуренс – в тридцать восемь (12 мая

1927 г.). «Таланты в комфорте не рождаются» – мое утверждение 2008 года. «Литературу порождают несчастное существование, гнев, негодование, неуют. Довольство – никогда», – Лоуренс, 7 декабря 1931 г. «Истинные произведения искусства принадлежат вечности, независимо оттого, какова их земная судьба», – я в 2012 г. «Нет растраченных или похороненных талантов: все существовало и будет существовать», – Лоуренс, 29 марта 1927 г.

Совпадали даже вкусы. Когда я приобрела первый диск еще незнакомого мне Брамса, из десяти композиций на нем мне понравился «Двойной концерт». Позднее узнала, что эта вещь являлась одной из любимых композиций Лоуренса. То же было с Седьмой симфонией Бетховена.

Из всех живых и ушедших Лоуренс был и остается единственным, чье мировоззрение сполна соответствует моему. А книга о нем стала самым трудным делом, за которое я когда-либо бралась.

Кроме работы над биографией, я в июле 2011 года читала проповеди Боссюэ на французском из книги 1900-х гг., продолжала Библию, Савонаролу и Арьеса, занималась арабским, упражнялась во французском и шведском. «Чувство бессмысленности своих занятий. Учю языки – и не могу достать нужные мне книги. Пишу книгу – без надежды издать (дорого и не найдет здесь читателя). Одиночество страшное. И – усталость!.. Такая боль, что хочется не быть. Не умереть – не быть, как до рождения» (21 июля 2011 г.). «По квартире еле хожу. За столом сижу – так и тянет лечь. Борьба с собой – постоянно» (23 июля 2011 г.). «Сердце, как тормоз» (25 июля 2011 г.).

Когда бывало тихо, я слушала музыку: Бетховена, Баха, Форе, Тартини, Верди, Отторино Респиги («Окна церкви»).

В том месяце явилась странная лихорадка: субфебрильная температура, частый пульс, валящая слабость, испарина. Возможно, это было последствием зубных воспалений или проявлением абсцесса в правом легком, в котором в 2003 году обнаружили спайки (следствие тяжелого кашля в детстве).

Шестая поездка на Кавказ

27 июля, после долгих сомнений, я отправилась во Владикавказ. «Взяла досадно мало книг: Савонарола, “I scritti sulla preghiera e santità”; “Home Letters of T.E. Lawrence and His Brothers”; Novum Testamentum; “Sermons choisis” Боссюэ; учебник арабского; французская грамматика – для повторения; книга В. Ричардза и Лиддел Гарт – для биографии; “Minorities” Лоуренса» (28 июля 2011 г.).

Во Владикавказе оказалось жарко: 35-37° С. В номере по ощущению было около 34° С. Днем я бродила по набережным Терека, паркам и старым улицам, ночами (до 6-7 часов) работала. На следующий день по приезде явилось новое зубное воспаление, с болью, опухолью и температурой. К тому же досаждали сердце (тяжесть, сбои, боль) и слабость.

Однажды вечером, собираясь с мамой на прогулку, я произнесла задумчиво: «В Твери то и дело отключают горячую воду: то по плану, то аварии. А сюда как ни приедешь, – вода есть. Интересно, ее здесь когда-нибудь отключают?» И мы отправились на улицу. Через пару часов возвращаемся: ни горячей воды, ни холодной, ни даже света. Ясный ответ! (То была крупная авария. Устранили за ночь).

В один из дней я посетила Т.А. в редакции. Я не видела его два года, скучала, в дороге представляла беседу – на разные темы: от литературы и музыки до жизни. Собственно, из-за Т.А. я и поехала в том году во Владикавказ.

И вот – я в редакции. От Т.А. – ни вопросов, ни рассказов – только отрывистые фразы при бездумном переключении бумаг по столу и чужой взгляд мимо. Через восемь минут Т.А. поднялся, давая понять, что мне пора уходить...

3 августа мы с мамой отправились с ним в горы. Т.А. вел машину слишком быстро. Уже на выезде из Владикавказа у меня от скорости закружилась голова. Минут через двадцать мы свернули на более узкую дорогу, что шла все время в гору, со множеством крутых поворотов. Машину бросало то в одну сторону, то в другую; я нюхала ва-

локордин против головокружения и стеснения в груди и проклинала старого лихача. Свою скорость он объяснял опасением, что на машину могут упасть камни: как если бы они не могли упасть во время движения!

Слева от дороги бежал серебристо-серый поток, над которым высились темные скалы, местами поросшие густой зеленью, справа вздымались горы. В одном ущелье машина остановилась, и я полюбовалась открывшейся картиной: на отвесном склоне отстоящей от дороги голой горы виднелись черные прямоугольные бойницы укрепления, высеченного в скалах. Затем – опять в машину и на той же невыносимой скорости с крутыми виражами – до Фиагдона, маленького селения с крепким мужским монастырем и святым источником ледяной серой воды. Там мы немного побродили, осматривая окрестности и дыша ясным горным воздухом, после чего отправились обратно.

По пути Т.А. свернул на узкую неасфальтированную дорогу, идущую круто вверх, слева от которой зиял обрыв метров в двести. Через десять минут мы остановились на повороте дороги, где она огибала отвесную скалу. Неподалеку, на узком «мысе», отходившем от дороги, стояла средневековая сторожевая башня и остатки какого-то строения того времени.

Вся вершина этого «мыса» была покрыта горами черного сланца – слоистыми, как слежавшаяся черепица. Между ними, то поднимаясь, то опускаясь, вились козы тропы.

Завидев древности, я устремила к ним, оставив маму и Т.А. ждать на дороге. Пробравшись по тропе на «мыс», я осмотрелась. Впереди высились голые коричневые скалы, на вершинах которых клубились облака. Справа вздымались еще более высокие отвесные горы, с редкими пучками зелени: так выглядели издали деревья и кусты. Под горами узкой ленточкой тянулась дорога. Слева перспектива была глубже, замыкаясь в схождение двух горных «стен». Внизу, на небольшом холме, располагалось селение, мимо которого вилась асфальтированная дорога.

Я направилась к неопределенной постройке, находившейся примерно в двенадцати метрах от меня. К ней вела

Автор во Владикавказе. Парк им. Хетагурова, 2011 г.

К стр. 301. Автор с мамой в горах Северной Осетии. На заднем плане – средневековая сторожевая башня. Справа внизу виднеется дорога. Стрелкой указана тропа, ведущая по обрыву. Фото 2012 г.

тропа, усеянная мелким щебнем. В полуметре от тропы открывался крутой склон метров в двести. Вовремя увидев его, я свернула обратно.

Ходить мне было непросто. Я ездила во Владикавказ налегке, и с собой у меня была единственная пара обуви – босоножки без задников на узкой платформе. Ходить в них по городу было удобно, но на козьих тропках ходьба превращалась в постоянное балансирование.

От постройки я свернула к башне. Она стояла на самом краю «мыса»: четырехгранная, основательная, выложенная из необработанных глыб серого известняка, с выколовшимися местами раствором, без крыши. Высота ее составляла метров девять. Вверху находилось узкое оконце, сквозь которое зияло серое небо.

Масштабы вокруг меня были столь велики, что не воспринимались. Казалось, стоит протянуть руку, и можно коснуться противоположной бурой горы, как будто ковра на стене. Или, уронив платок в долину, поднять его, нагнувшись, как с пола. Все пространство сместилось, обратившись в какую-то уютную, с детства знакомую комнату.

Полюбовавшись окрестностями, я направилась обратно, но уже по другой тропе. Между черных камней пробивался невысокий сухой чертополох и какие-то маленькие синие цветы – единственные пятнышки яркого цвета в том пасмурном пространстве. Вскоре тропинка вывела меня к изрезанному оврагу в три-четыре метра глубиной и повела по его осыпающемуся краю. На дне лежала серая ленточка...

Я остановилась посмотреть на коричневую гору передо мной. Пространство было причудливо искажено: неглубокий овраг под моими ногами и огромная, подавляющая своей тяжестью гора напротив, словно на его краю. Я взглянула под ноги. От края меня отделяли сантиметров тридцать. Под него уходила промытая водой глубокая борозда. «Если край обвалится, оттуда будет легко выбраться», – мелькнула мысль. Я еще постояла в раздумье и двинулась по краю обрыва к дороге, находившейся в двадцати шагах. Выйдя на нее, я оглянулась. Коричневая гора стояла перпендикулярно к дороге, поднимаясь не с края не-

большого овражка, а со дна пропасти глубиною метров двести пятьдесят (см. илл. на стр. 300).

Дорога назад была столь же впечатляющей: по серпантину – на гоночной скорости. У меня закружилась голова, онемели руки, сердце превратилось в какой-то пульсирующий комочек, а по всему телу как будто шел ток, вызывая мурашки – даже под глазами и вокруг губ и ушей. На грани обморока, твердя про себя для отвлечения псалмы на латинском, я доехала до города. Т.А. остановился неподалеку от гостиницы, я выкарабкалась из машины, ухватила обеими руками за дверцу и, преодолевая сильнейшее головокружение и слабость, браво произнесла: «Спасибо, *Тамбураз* Алибекович!» И, не в силах ступить ни шагу, поинтересовалась учтиво: «Можно я еще немного постою здесь?» Так и простояла минут пять возле дверцы: ноги меня не держали, в глазах плыло, в теле была обездвиживающая немота.

Добравшись до номера, я села к столу (лечь не смогла) и просидела там полтора часа, закрыв глаза и не шевелясь, с головокружением и сдавленным сердцем. Давление было высоким. Для того чтобы отвлечься, я принялась оживленно рассказывать маме о поэтах Серебряного века, Лоуренсе, Савонароле и читать вслух латинские псалмы и все стихи, которые знала наизусть. Впечатления от поездки оказались поистине головокружительными!

Потом я спала час сорок минут, после чего честно отзанималась пять часов.

На следующий день мое зубное воспаление обострилось. Я гуляла по городу, когда разболелась челюсть – так, что приходилось останавливаться у опор от обессиливающей резкой боли, из-за которой разливалась слабость и немела левая рука. К ночи боль стала нестерпимой, и я хотела обратиться к стоматологу. Как назло, дежурная стоматология располагалась в сорока минутах езды. Я еще не отошла от поездки с Т.А. и опять ехать на машине не решилась. Вместо этого проколола зубочисткой наболевшую десну – до крови и гноя. Боль уменьшилась, но вскоре ударила снова, с жаром и слабостью. Я повторила процедуру. Недомогание прошло и больше не возвращалось.

6 августа я завершила черновой вариант биографии (получилось десять общих тетрадей). Таким образом, я работала над ним ровно семь месяцев. Теперь мне предстояло исправить и дополнить его.

Накануне отъезда я зашла в армянскую церковь, выстроенную на высоком берегу Терека в конце девятнадцатого века. Краснокирпичная, с уверенными полукружиями куполов и арок, она была открыта, и в темном дверном проеме мерцал ряд свечей – около тридцати: как будто грот с небесными сокровищами.

9 августа я вернулась в Тверь.

Работа над биографией

11 августа я начала обрабатывать черновик биографии. Работала теперь на недавно приобретенном ноутбуке, в среднем по четыре часа в ночь. При этом продолжала изучение языков и чтение нескольких книг параллельно (на французском читала «Сокращенную историю Англии» Флэри, изданную в 1864 году).

«Трудно писать о Лоуренсе. Пишу об археологии, – оживает моё, несбывшееся. Пишу о людях, с которыми он общался, – ножом по мне, ибо у меня – никого. Это писание – своего рода мазохизм из-за погружения в собственную боль. Кто еще так писал о нем? К тому же тяжело оперировать таким объемом материала, сложно анализировать, трудно излагать, но самое мучительное – натывать, как на иглы, на то, что напоминает о твоём одиночестве» (18 августа 2011 г.).

«В творчестве есть страшная власть, которая подчиняет себе и не дает успокоиться, пока не завершишь начатое. Так ненайденное слово в стихотворении мучит, прорезываясь изнутри и не давая покоя, пока не встанет на свое место. От этого плохо – до давления, до головной боли иногда. Проза – то же. Держит, пока не дойдешь до точки. Биографию пишу заведомо в ящик (стола нет!), ибо не имею возможности (а главное – целесообразности) публиковать. Здесь [в России] – не нужно, некому читать.

Трудно писать, не имея сил физических и часто – духовных. Когда просыпаюсь, думаю: “Вот у меня три языка для изучения, четыре чтения и моя книга. Как я это – могу, когда сейчас не могу даже взять воду со стула, ибо нет сил?!” Слабость страшная. Сердце скверное. Зрение все хуже. В левом глазу – коричневое пятно, иногда мешает заниматься. И – такая боль одиночества!..

Хочу испытывать привязанность, нежность, кого-то защищать, поддерживать, но нет даже возможности найти. Даже по переписке! Семь лет напрасных попыток» (25 августа 2011 г.).

«С 8.15. до 16.20. – биография! Ссылки, примечания (166), добавления. К концу уже плохо было. Потом – арабский, шведский, Флёри, Арьес. Ночью: биография (правки и начата глава 15), письма У. Лоуренса*. Усталость. Занятия с 8.25. до 6.40. (почти сутки)» (26 августа 2011 г.).

«Дни у меня столь долгие, что с трудом вспоминаю, когда встала и что сделано» (31 августа 2011 г.). «От биографии устаю больше, чем от колки дров» (1 сентября 2011 г.). «Встав, думала, как заставить себя поработать над книгой: ни сил, ни желания не было. С 4 до 5 часов мучилась над главой 20, написала одну страницу. Кончилось нервным срывом – из-за своего бессилия и невозможности преодолеть его» (3 сентября 2011 г.).

Стихи во второй половине 2011 года

Раз или два в неделю (реже, чем раньше) я писала стихи. Темы оставались теми же – Бог и одиночество. О последнем не говорила прямо:

Всяк на земле бездомен.
Как жизнь, длится боль моя.
Вечности страх огромен

* 1889-1915, брат Т.Э. Лоуренса.

Пред радостью небытия.
Бьется, считая, сердце.
Лишь вздох отделяет от смерти.
Вздох этой распятой Любви:
«Во Имя Мое – живи».

24 августа 2011 г.

Прямо было сказано только в одном стихотворении:

Душой так губительно живой –
К теплу б родного человека,
Чтобы из пропасти людской
В другом осуществиться – эхом.

А жизнь закончится, как боль,
И там – лишь тишина, как имя
Неназванное... Брат мой,
В моем небытии – любимый!..

Когда вернусь, – нет никого,
И жизни нет конца и края.
Лишь эхом зова моего
Клубится тишина иная.

18 августа 2011 г.

10 октября во сне явилось стихотворение в две строфы, из которых запомнилась первая:

А жизнь пройдет, не замечая,
И там – ни памяти, ни сна,
Лишь длится тишина иная,
Как долгий вечер у окна.

Погружение в небытие

28 августа 2011 года в третий раз повторилось то странное состояние, похожее на умирание. «К 18.30. – слабость; легла, уснула. В девятом часу переворачиваюсь с левого бока на спину, голова склонена налево; глаза открыла, по-

думала о чем-то и забылась. Тотчас: на правой щеке – словно облако желто-серого, плотного и неприятного тепла (или чего-то наподобие). Оно наползает, и вместе с этим затихает сердце и останавливается дыхание. Тело как будто отмирает, я его не ощущаю, а душа словно вот-вот упадет в некий обморок. Последней мыслью: “Надо сопротивляться.” Начинаю стонать, чтобы разбудить себя или привлечь внимание, чтобы меня разбудили. После восьмого стенания слышу, как мама в соседней комнате произносит мое имя. Открываю глаза, сажусь. Слабость. В соседней комнате – никого.

Странная связь состояния с местом. Этой зимой, около 4 часов ночи: занимаюсь за столом. Полная тишина. Вдруг слева от меня, в пространстве над кроватью, – как электрический разряд. Поднимаю голову и сижу парализованная непонятным ужасом, который словно прибил меня к стулу. Шевельнуться не могу, в глазах темно. Придя в себя, – прочь из комнаты. Ужас – это моя реакция, но что трещало?» (29 августа 2011 г.).

Это явление повторилось 31 августа: «Легла около 14.30., встала в 22 часа, со слабостью. Через полтора часа опять легла. Забылась тяжелым сном, в котором снилось, что я раз за разом выбегаю из своей комнаты. Проснулась с желанием кричать. Потом опять уснула, как в забытье провалилась – или в небытие. Очнулась с сильной болью в левом боку: от плеча едва ли не до колена. Правая рука, лежавшая сверху (я была на левом боку), онемела вся, от плеча до кончиков пальцев. И при всем этом неудобстве мне вместо того, чтобы пошевелиться, неодолимо хотелось поддаться своей странной слабости, похожей на гипноз, что лишала меня воли. Тело казалось парализованным, а душа – подчиненной некоей угнетающей силе. И та же мысль: “Нельзя поддаваться.” Страха не было, только осознание какой-то опасности. Сделала усилие. Села, и все тотчас прошло, как будто спало с меня».

Трудности, биография, несбывшееся братство

«Какая усталость, Боже!.. Смотрю в свое окно на солнечные верхушки желтеющих ясеней и светлую синеву над ними, как в прошлое, которого не было. Есть что-то ностальгически тревожащее в этих косых лучах солнца, движении листьев, темноте стволов. Как хочется быть где-то, где только этот свет и тишина!..» (2 сентября 2011 г.). Через три года даже этого не стало: ясени спилили и сделали автостоянку для двадцати пяти машин.

С начала сентября 2011 года тренировочные полеты возобновились. «В ночь на 3-е писала биографию, главу 21 (центральное место в книге, своего рода логическая посылка, остальное – ее силлогизм). Два часа усилия под рев самолета. Тщетно. Кончилось нервным срывом. А шум продолжался до восьми часов утра. Вечером, в 19.10., приступила опять, но уже в тишине. Писала, почти не отвлекаясь, торопясь воспользоваться тишиной. В 2.30. – гипертонический криз. Легла, не дописав несколько строк. Сегодня работала с 19.10. до 21.30.: завершила, наконец, этот ужас под названием “Глава 21”» (5 сентября 2011 г.).

Я пыталась спастись от шума: вставляла бируши, надевала строительные наушники и обвязывала голову натуго платком. За ноутбуком я работала в очках, и дужки больно давили за ушами. За два часа пребывания в таких «веригах» немели уши. При достаточной высоте полетов это средство немного помогало, но если самолеты проходили почти на бреющем, оно было бесполезно. «Пыталась спастись: бируши, сложенная наволочка, сложенная занавеска, поверх – строительные наушники и на всю эту “куфию” с “укалем” – платок, натуго. Тщетно!» (27 октября 2011 г.). Впоследствии я оставила попытки работать во время полетов и часами дожидалась тишины, а когда она наступала, работала до изнеможения.

«Ночью через силу – глава 23, два часа, только набросок. Утром перелистала книгу Ричардса* о Лоуренсе и об-

* Друг Т.Э. Лоуренса, написавший хорошую книгу о нем.

наружила ряд заблуждений. Решила переписать главу о Ричардсе – или же вовсе убрать ее. Жаль, конечно. Не главу – Ричардса: приятный все-таки образ» (8 сентября 2011 г.).

«Эта книга требует писания на одном дыхании, без отвлечения на что бы то ни было. У меня же – три языка и чтения. Но такая книга!.. Если ее писать одним духом, его недолго и испустить». «Сердце – каждый день. Вчера в 22 часа – тяжелые удары, каждый – как последний. Слушала спокойно» (11 сентября 2011 г.). «Хотелось “записать” эту книгу, чтобы не пропала во мне. Она и не пропадет: я, кажется, пропаду в ней!» (12 сентября 2011 г.). «Моя проза подобна поэзии: ночью 1 час 20 минут думала, чтобы написать два предложения в главу 33 (предпоследний абзац)!» (26 сентября 2011 г.).

Чрезвычайно редко биография давалась легко: «Главу 32 писала, словно под диктовку: с легкостью перевод цитат для нее и удивительно легко – размышления. Впервые так: записывала свои пассажи, следовавшие из слов Лоуренса, даже без их понимания, торопливо – как чью-то малопонятную по смыслу речь. А потом даже править не пришлось» (22 сентября 2011 г.).

В середине сентября обострился хронический аппендицит, на три дня: «Работала над биографией два часа с болью в боку» (14 сентября 2011 г.). Два раза по пробуждении обнаруживала во рту кровь, источник которой так и остался неизвестным. Однажды утром, после занятий, давление упало до 71 х 51, при пульсе 97. Часто лихорадило (так, что кровать гремела подо мной). В конце сентября явилось очередное зубное воспаление. Сердце болело каждый день. «Боли в левой стороне груди были сейчас такие, словно там что-то разрывалось... И – тихо-тихо внутри» (25 сентября 2011 г.). «В 6.10. сердце ударило и замерло на пару секунд. Полная тишина в груди, как пропасть, и я – в ожидании возобновления пульсации. Всего около двух секунд, но показалось огромным. И – полное спокойствие, как всегда» (30 сентября 2011 г.).

Не отпускала тоска одиночества, от которой жизнь казалась незначительной и призрачной: «Как в реке ощу-

щается движение воды, так я чувствую мимолетность сущего, ощущая, как оно преходит – мимо, ничего не оставляя и не забирая. Весь видимый мир – только воды, текущие мимо» (24 сентября 2011 г.). «В этой жизни – равно как и в будущей – важен и нужен только близкий человек. Без него здесь открывается все ничтожество существования, а там – длится ужас бесконечности» (30 сентября 2011 г.).

17 сентября – сон: вершина горы, каменистая земля, почти черные в сумерках деревья; слева от меня – группа иудеев, справа – Христос, в белом одеянии, левой рукой указывает в небо, правая направлена к земле, во всей позе решимость. Он провозглашает им, что некая завоеванная ими твердыня станет их оплотом на века. И я будто имею какое-то отношение к этому, могу этим владеть...

19 сентября, назло помехам, приступила к изучению арамейского языка. Это один из семитских языков, бывший языком международного общения на Ближнем Востоке в VII-IV веках до Р.Х. Использовался сирийскими христианами, которые создали на нем богатую литературу. Ныне на арамейском говорят лишь в трех селениях под Дамаском.

28 сентября составила из написанных стихотворений цикл «Время смерти», посвященный памяти павших в Первую Мировую войну.

В том сентябре читала “A Little Pilgrimage in Italy” О.М. Поттера 1911 года издания, письма У. Лоуренса, Флёрри, книгу на итальянском 1903 года издания о путешествии по Сирии. Изредка слушала музыку – Баха, Бетховена, Мод Пауэлл, Пабло Казальса, О. Респиги.

Чувство одиночества с прошествием времени не только не убывало, но, напротив, становилось острее. «Может быть, из моего безответного родственного чувства в юности развилось стремление иметь не просто друга, но – брата. Для меня это самое святое из всех слов, самое дорогое и – самое ненужное, ибо некого так называть. Оно

часто упоминается в стихах, так как во мне звучит моей тоской постоянно.

Хочу иметь равного, близкого, дорогого, хочу открыться сполна и то же получить в ответ – одной душой стать. Хочу простого, нежного, сильного чувства, без лишних слов, но постоянным осознанием, что оно есть. Помогать друг другу и защищать, если надо, быть вместе. Порознь – небытие. И нет никого. Только фотография Лоуренса. Он – стал бы этим другом» (2 октября 2011 г.).

Мои книги были возможностью в некоторой мере сделать то, что мне хотелось сделать для друга. В этой работе я была беспощадна к себе, подчиняясь ей, как инструмент. Как только идея становилась словом, она становилась не моей. Чувства собственности («мое детище») мои работы никогда у меня не вызывали. Творческие способности я воспринимала как нечто, данное мне для использования во благо другим, а то, что получалось, – как исполнение своего долга. Гордости места не было. Не терпела я гордыню и в других: «Тебе дано, и ты даешь: тебе, как руслу, ничего не остается, кроме благодарности за животворящий ток». «Творческий человек противен в своей гордыне, ибо он дает, и, делая это со спесью, обесценивает свой дар. Твои работы предназначаются для друга, который ждет от тебя теплоты и человечности, а если ты преподносишь их высокомерно, – пошел к черту, чего стоит твое дарение?» (3 октября 2011 г.).

Я в свои книги – исчерпалась.

Усилие работать

Полеты Ил-76 над Тверью продолжались всю осень 2011 года: «Встала в 13 часов. В 15 часов начались полеты, каждые четыре минуты. Час читала под это Флэри: ничего не усвоилось. К половине восьмого шум, не дающий работать, так досадил, что легла от физической и духовной слабости. В 21.30. еле встала. Только – к арабскому, – опять рев над головой. И так до второго часа ночи. К полуночи у меня было давление 136 х 94 и лихорадка.

Когда стихло, хотелось только лечь и спать. Не легла: в 4.20. приступила к биографии. Завершила главу 38 за три часа. Потом – шведский, письма У. Лоуренса: до 11 утра. Затем час правила файлы с главами (190 стр.). После этого собралась спать, да не тут-то было: на четвертом этаже – молоток, дрель. Я в 13 часов – в город, уже сутки бодрствую. Прошла по книжным. Домой – в 17 часов. Спать – в 21 час. Бодрствовала тридцать четыре часа» (5 октября 2011 г.).

Осень 2011 года оставила по себе впечатление изнурительного усилия работать в невозможных условиях. «Сами работы (биография, арабский) – дикая трудность, а у меня еще и условий для занятий нет!» (11 октября 2011 г.). «Ночью – биография, глава 39. С 2.30. до 9.30. Писала через силу – как обычно и пишу. Неужели из такой работы что-то получится?» (7 октября 2011 г.).

«23.20. Встала в 7 часов утра. С полудня – дрель за стеной. Потом – 9,5 часов занятий. Сейчас еще остается моя книга, на которую нет ни сил, ни желания. Хочу спать и пересиливаю себя, убеждая, что, если потеряю время, днем шумы не позволят работать. Я всю эту биографию, с самого начала, пишу через силу. О “вдохновении” и речи нет. И ради чего? Ни издать, ни опубликовать частями нет возможности. Не только через силу пишу, но и с осознанием тщетности своего труда» (8 октября 2011 г.). Писала я «для Лоуренса», желая очистить его имя от патины домыслов, защитить его от клеветы, согреть своим словом – ушедшего... «Лоуренс стал “воплощенным” (где плоть?) образом того друга, к которому я так стремилась. Нашла – в недостижимости» (7 октября 2011 г.). Как и Савонарола, Лоуренс не был для меня мертв: он был понятен, близок, любим, а оттого почти ощутим рядом – своей животворящей теплотой. Ни с одним из живущих у меня не было ощущения такого духовного родства – такого единства духа. И я писала – ради него, ради его памяти.

Когда выдавались тихие дни, я писала часами: «9.50. Всю ночь – биография, глава 40. С 1.15. до 9.35.! А всего занятия – с 12 часов 8-го до 9.35. 9-го (встала вчера в 7 часов). Закончив биографию, с трудом вспомнила, когда

начала заниматься» (9 октября 2011 г.).

«С 15.40. до 00.20. – биография. Завершив, легла от усталости. Спала три часа, бредя биографией. Встала без сил, в худшем состоянии...» (13 октября 2011 г.).

«Глава о лете 1914 года звучит во мне Трагической увертюрой, из которой прорываются отдельные мысли. Пока пишу начало 1914 года. Может быть, подойду к тому лету без должного настроения и без единой здоровой мысли» (10 октября 2011 г.).

«Завершена глава 42, написана 43-я (за 2 ч. 40 мин., одним духом!). Утром Флёри. Двенадцать часов работы. Всю ночь было скверно, с 9 часов до 10 – гипертонический криз, не очень сильный. Двадцать минут пыталась выпить валокордин. Собиралась посидеть, почитать... С 10 часов – рев над крышей. Очень вовремя – при моем дурном состоянии. К 12-ти нервный срыв. Радовалась, что в квартире никого. Бродила и скулила от отчаяния. Давление 162 х 100 и пульс 170. Пыталась найти выход, как работать в таких условиях (и отдыхать тоже: я под этот гул спать не могу, даже с бирушами, – как и под любой шум). Никаких идей. Вопрос в том, как герметично заизолировать уши. Мои особые уши, слышащие за полтора метра тиканье наручных часов... Горе от ушей.

Шум продолжался весь день, с периодичностью раз в четыре минуты. Иногда – в пятнадцать минут. В 16 часов легла “спать” – пытаться. Не спала, а бредила. Будильник был поставлен на 21 час: рассчитывала на тишину к тому времени. Нет! До 3 часов ночи рев! Сигнализация в машинах под окном включалась. Шум с 10 часов утра до 3 часов ночи!

В 1 час – второй нервный срыв. Узнала, что такое “рвать на себе волосы.” Хотя мои в “хвосте”: не очень вцепишься. Так, поерошила немного» (18 октября 2011 г.). А потом – работала, с 6.20. до 12.55., забываясь над столом (бодрствовала полтора суток): глава 44 биографии, Флёри, книга на итальянском.

«Хочу вздохнуть с облегчением и не испытывать никакого напряжения. Спокойно работать – писать, учить, читать: продолжать свою книгу, учить языки (я еще думала о

датском, испанском и древнегреческом!..), читать полученные “древности”... Я тоскую о друге, и работа, которая могла бы стать еще и некоторым забвением, разрушена. Жаль годы, жаль свой потенциал и идеи, стихи, ненаписанные от напряжения, – жаль. Не себя – неосуществленного чьего-то друга, поэта и кем еще я могла стать...» (18 октября 2011 г.)

«Занятия с 9 часов утра до 12 часов ночи. Днем даже пить не могла: от недосыпания было скверно, хотя и терпимо» (21 октября 2011 г.).

«Шум с 10 часов утра до 3 часов ночи. Семнадцать часов ждала тишины, а когда она наступила, уже не могла писать. Билась больше часа над началом главы 48, пока не заплакала от бессилия. [...] Не могу учить, не могу писать, думать уже не могу от напряжения. Гул почти каждый день, по двенадцать-семнадцать часов» (26 октября 2011 г.).

«Работа – с 6.25. до 1.30. [девятнадцать часов]. Глава 47 исправлена, 48-я завершена, 51-я для 1916 года написана, 49-я начата» (27 октября 2011 г.). «Эта биография страшит меня своим объемом и необходимой глубиной» (3 ноября 2011 г.).

Тогда впервые пришла мысль: «Литература – грязное занятие: добровольное предание своей души на поругание» (17 ноября 2011 г.). Выражение идеи есть ее профанация.

В ноябре 2011 года я задумала написать историческое исследование «Мир в начале XX века». Нехватка материалов, шум, усталость и осознание не востребоваемости своего труда предотвратили это новое усилие.

В том месяце читала «Продвижение паломника» Джона Баньяна, изданное в 1900-х гг., и «Святого Франциска Ассизского» Арведа Барэна, 1901 года издания; продолжала арамейский, арабский и шведский; слушала Бетховена, Тартини, симфонии Густава Малера.

В конце 2011 года вновь возникла трудность приобретения книг. В интернет-букинистах недорогих книг я больше не находила, заказывать из-за рубежа не решалась пос-

ле того, как российская почта не доставила одиннадцать бандеролей. Поэтому я обратилась к услугам магазинов-посредников. Стоимость книг возросла от этого невероятно. Так, книга, имевшая цену 480 рублей, при покупке через посредника стоила 2250 руб. Нередко запрашивали сумму в десять раз большую. Пришлось еще больше урезать свои намерения – и без того сокращенные. Скорость доставки была поразительной: одну книгу (из Швеции) я ждала год. Всего я заказала через посредников около пяти книг, в конце 2011 – первой половине 2012 гг.

Примечательные сны

В ноябре 2011 года – сны: «Лежу на правом боку. Кто-то приникает ко мне со спины, целует в шею и быстро пробегает рукой вдоль позвоночника. Просыпаюсь с оставшимся впечатлением. На следующую ночь: лежу на том же боку. Чувствую, как сзади кто-то наваливается на меня и вонзается зубами в шею. Тотчас просыпаюсь, ощущая на спине тяжесть» (5 ноября 2011 г.). «Вчера встала в 23 часа. Приснилось, что кто-то трогает меня за бок. Вскочила и окончательно проснулась уже на полу» (9 ноября 2011 г.)

Вероятно, дурные сновидения были следствием переутомления и подавленности. «Очень больно. Только друга, собеседника, общения!..

Читателя, советчика, врача!
На лестнице колючей разговора б!»*

«Очень больно было вчера ночью. В 5 часов давление 140 x 90; легла, как в забытии. Бредила, стенала, в 11 часов проснулась со стоном. Одиночество. Фотография Лоуренса – неотлучно, неотрывно рядом, день и ночь. Во сне прижимаю к себе, даже переворачиваясь» (20 ноября 2011 г.).

25 ноября – сон: темное небо, драматическое прост-

* Из стихотворения О. Мандельштама «Куда мне деться в этом январе?»

ранство, я – крошечная – стою на земле в потрепанной одежде. В облаках огромным явлением – Борис Пастернак. Обращается ко мне чрезвычайно ласково, говоря, что не стоит ни о чем беспокоиться и переживать, ибо мне на небесах уготованы золотые горы (показывает жестом). Вижу: пустыня под багровым небом и дюны, но не песчаные, а золотые. И – ни души. Я, в недоумении, почти с насмешкой отвечаю: «Зачем мне золото да еще на небесах?» И добавляю про себя: «Мне человек нужен, а не эта пустыня золотого одиночества».

28 ноября – еще один примечательный сон: узкая горная река с водой, подобной жидкой грязи, по берегам – леса, уходящие в горы, через реку проложены деревянные мостки – узкие и без перил. Я стою посреди них. Справа от меня из реки поднимаются три человека с наружностью преступников и всходят на мостки. Два проходят мимо, а третий, в шляпе и с бородой, замахивается на меня кувалдой. Мне удастся столкнуть его в реку. Он барахтается там, угрожая все равно достать меня. Я отвечаю: «Ты служишь сатане и погибнешь так же, как он. А со мною Бог, и я буду жить вечно».

Конец 2011 года

В ноябре получила Псалтирь на арамейском, 1825 года издания, за 4 000 руб. Это было большой удачей. Читала книгу о соборах Франции, на французском, изданную в 1910-х гг.

В декабре – «Жизнь Франциска Ассизского» Сабатье, на французском, 1899 года издания. Слушала записи 1910-х гг.: Пабло Казальс, Мод Пауэлл, Фриц Крейслер. Излюбленной композицией был «Похоронный марш» из Третьей симфонии Бетховена: «Средняя часть звучит, как мое одиночество. Лоуренс слушал эту вещь в 1927 году. Должно быть, для него это было в память оборвавшегося братства, для меня – несбывшегося».

Биография продолжалась с тем же усилием. «Вечером, около 21 часа, было плохо с сердцем, давление, настроение тяжелое. Писала главу о стратегии Лоуренса – через

силу, семь часов. Заставляла себя: мол, Т.Э. нашел силы создать эту стратегию*, неужели я не смогу изложить ее?» (6 декабря 2011 г.).

«С 16 часов до 22-х – полеты, с ревом и свистом. Собираюсь писать, нарочно встала раньше – и зря. С сердцем было плохо. В 00.20. приступила к главе 58, за сорок минут – восемь строк! После ожидания тишины не могла логично мыслить. Полчаса ругала себя за бессилие. Давление поднялось, 145 x 98. В 4 часа взялась снова. Работала до 6 часов. Написала всю 58-ю главу. В 7 часов – опять сердце. Такой удар был, что остолбенела и почти задохнулась. Тахикардия в последние дни» (7 декабря 2011 г.).

13 декабря сердечное давление было 116. «Вчера с 00.50. до 10 часов – глава 67 (окончание) и 68-я. Последнюю хотела бросить в 7 часов: логика подводила от усталости, но все же смогла дописать. Заканчивала со стонами от физической и умственной усталости» (19 декабря 2011 г.). Во время работы сбивалось сердце, позднее, по пробуждении, левая сторона оказалась онемевшей. «Думаю, что в попытке довести начатое до конца я доведу до конца себя».

«Работаю – как вору: когда придется, быстро и с опаской». «Моя “Via Crucis” это моя собственная Via Crucis» (11 декабря 2011 г.).

«В биографии есть места, написанные в том же умонастроении или состоянии, что у Лоуренса в момент, о котором шла речь» (16 января 2012 г.).

«Одиночество. Сплю с портретом Лоуренса. Все мое утешение – в этом портрете.

Непоправимо. Негде искать. Почта исчерпала себя, в Интернете – дрянь, в жизни – никаких возможностей» (21 декабря 2011 г.).

«Встала в два часа ночи и спешно схватилась писать – пока тихо. Два с половиной часа – две страницы (глава 81), в напряжении. Потом – полтора часа арамейского, в

* Когда Лоуренс разрабатывал свою стратегию ведения партизанской войны в пустыне, он тяжело болел.

напряжении. Даже когда тихо, невозможно расслабиться: всегда что-нибудь может прервать. Ни книг, ни тишины, ни друга!» (23 декабря 2011 г.).

«Спала четыре часа, встала в 3 часа ночи – писать. Было головокружение – как вихрь вокруг. Через час лучше. Я – только к работе, как под окном – шум. В 6 часов все же удалось приступить. В 8 часов, когда думала над трудным местом и только мысль сдвинулась с мертвой точки, – опять шум. Так до 11.30., восемь с половиной часов, с перебоями, дописывала главу 82. В должных условиях работы – на два-три часа» (25 декабря 2011 г.).

«Утром смотрела на рассветное небо – яркое, как при закате: розовато-сиреневые перья облаков на желто-лимонном фоне; и от этого было светлее. Взгляд опустишь, – серое убожество поселка, поднимешь, – это небо, как надежда» (29 декабря 2011 г.).

«Стихи пишу все реже, тяжелее. Писание стихов – не работа, но состояние. Я почти забыла его. Не могу мыслить в непрерывном напряжении» (30 декабря 2011 г.). В ноябре и декабре 2011 года было написано всего по два стихотворения.

Все проходит

Так весело смотреть,
как время идет,
будто знобящий дождь
сквозь черные ветви,
и так празднично ждать
Твоей тишины
замолчавшего от боли
сердца,
что кажется жизнь
лишь эхом изгиба
метнувшихся в волны
обессиленных крыл,
переполненных небом.

29 ноября 2011 г.

2012 год

Биография и другие занятия

Новый 2012 год я встретила с «Похоронным маршем» Бетховена и своей биографией Лоуренса. В последней я рассказывала, как Лоуренсу с его отрядом арабов пришлось однажды в Аравии пить воду из водоема, в котором находились трупы верблюдов. «Люди за столами сидят, а я о трупиках пишу!» – веселилась я.

Биографию писала в среднем по шесть часов в день. Она стала наваждением: «Вчера во сне писала “Via Crucis” на арамейском» (12 января 2012 г.). «С 1 часа до 9.30. – глава 98» (15 января 2012 г.). Неудивительно, что иногда бывали курьезы. Так, однажды я рассказывала маме эпизод о Лоуренсе в Аравии: Лоуренс возвращается из разведки к своему отряду на верблюде случайного попутчика. Как определить, на чем он ехал? «Верхом на попутчиках», – сказала я, так как фраза «на попутном верблюде» показалась еще смешнее. В другой раз подумала: «Сейчас допишу эту главу и буду делать карикатуры». Под «карикатурами» подразумевались корректуры.

«Вчера в 19.30. приступила к главе 109: простой материал, работы часа на два. Отмучилась час, – и только строк двенадцать, бедных. В мыслях – пустота, словно сознание выжато. Не отступалась и принуждала себя писать – и как можно лучше – до того, что закончила давлением 152 x 98, при пульсе 120, и нервным срывом. Через час вернулась, и к часу ночи вся глава (три страницы) была готова» (28 января 2012 г.).

Полеты после новогодних праздников возобновились. «Бодрствовала двадцать три часа, спала три, в 00.30. встала – писать биографию». До утра работала над главой 125, в 8 часов легла, в полдень поднялась: продолжать. С 13 часов до полуночи – полеты.

«Живу механически. Вчера и завтра безразличны, сегодня – будто во сне. Выполняю свою работу, когда могу, и

метаюсь в бессилии, если нет возможности. Почти никаких чувств, кроме боли. Мысли – о книге, что-то о языках... Мелею, теряюсь, схожу на нет в каких-то попытках» (15 января 2012 г.).

Самым важным делом была биография. «Лоуренс мне так близок, что саднит. Попытка объективности при дикой пристрастности. Временами я поношу его, как себя: за отношение к своим книгам, за сонмище лишних адресатов, за неуверенность в себе, за уход в армию, – и при этом ясно понимаю причины всего этого.

Мучительное чувство родства. Нет ни расстояний, ни времени: он рядом. То ли он – здесь, то ли я – там, но мы – вместе» (28 января 2012 г.).

«В работе над биографией нередко борюсь со слабостью слова: есть понимание, нет понятия. Так с эпизодом о погрузке угля в Порт-Саиде (глава 103 «Столпов»): сознаю ощущение Лоуренса, но не могу перевести его на слова. [...] Я понимаю Лоуренса, как если бы его сущность была моей» (9 февраля 2012 г.).

Весь февраль досаждало новое зубное воспаление: «С 1.20. до 5.15. – глава 121, сквозь жар и боль: воспаление обострилось, лихорадка, слабость, челюсть будто налита болезненным свинцом и опухла снизу, глотать больно. “Как всегда в таких случаях, мысль прояснилась” [слова Лоуренса из «Столпов»], и работа шла весело, хотя и со стонами от боли и разлома в теле» (14 февраля 2012 г.).

Подумывала об автобиографии: «Едва ли напишу и едва ли стоит. Пустая жизнь, а все внутреннее бытие – в дневниках» (13 февраля 2012 г.). В феврале обработала свои афоризмы, исправила все стихи: подготовила сборник, издание которого, как и все остальное, собиралась завещать тверскому отделению Союза писателей («Доделать, что начато, привести в порядок написанное, в ящик сложить и ждать конца»). Мало верила, что кто-то исполнит, но сама не надеялась издать, а тем более – распространить.

Читала на французском «Донателло» Арсена Александра, 1904 года издания (в 2014-15 гг. перевела эту книгу). Начала читать Библию на латинском – огромную, в красном переплете, заказанную в Москве за три тысячи

рублей. Продолжала арамейский (в среднем по три часа в день), арабский и шведский. Слушала Равеля и «Патетическую симфонию» Чайковского. Изредка писала стихи:

Как спуск во тьму, стучит живое сердце,
И Каиновым взмахом длится век,
Но с нежностью глядит из-под усталых век
Нас понявший до самой глубины смерти
Непониманием распятый Человек.

11 января 2012 г.

В феврале я позвонила Т.А. о своих английских переводах – в шестой или седьмой раз за четырнадцать месяцев. Тому отступать было уже некуда, и он признался, что переводы потеряны в редакции. Я отнеслась к этому спокойно, решив, что смогу лишний раз поработать над ними, а пока отправила на публикацию одиннадцать своих стихотворений 2011-12 гг. Со стихами тоже начались странные проволочки, и я отозвала их (по электронной почте). В сентябре 2012 года они были молча напечатаны. За нарушение воли автора можно было бы отсудить у редакции такую сумму, что журнал закрылся бы. Я же, по своему невероятному милосердию, простила их и, в письме, обратила все в шутку («Другие просят, но их не печатают, а я запретила, – напечатали!») и предложила на выбор материалы для новой публикации. Ответа не последовало. Так закончилось сотрудничество с этим журналом, продолжавшееся три года.

Восхитительное знакомство

29 февраля я познакомилась с превосходным шведским композитором немецком происхождения Йозефом Мартином Краусом. Он отличался живостью и бодростью духа – при том, что с юности страдал чахоткой; был целеустремлен, горд и независим; а самое главное – наивысшей ценностью для него был Друг. Я влюбилась в него с

первого взгляда. Беда была в том, что он жил в восемнадцатом веке (1756-1792). Осталась только его музыка – страстная, трагическая и глубокая, как его душа.

Его симфонии, сонаты, песни под фортепиано, квартеты для струнных, христианские оратории, оперы на древнегреческие сюжеты завладели моим воображением. «Краус занял место в моем бытии со всей решительностью своих fortissimo» (12 марта 2012 г.).

«Был Савонарола: моя сила. Затем Лоуренс: ощущение братства. Теперь – Краус: очарование» (24 марта 2012 г.). Суровый, но в глубине мягкий Савонарола пришел неожиданно и всеподчиняюще, став учителем; с Лоуренсом сближение было постепенным, как медленное узнавание себя в другом, и сходство оказалось настолько полным, что он стал для меня не другом, но – мною самим в другом облике, времени и условиях; с Краусом «завязалась» страстная дружба. Она легко могла бы произойти в действительности. Представьте себе композитора, ценящего и понимающего поэзию, и поэта, так же относящегося к музыке. Оба слабы здоровьем, оба увлечены своим делом, оба считают, что цель искусства – нести добро... Они оживленно обсуждают музыку и литературу, радостно знакомят друг друга со своими новыми произведениями, а однажды отправляются вместе в культурное путешествие по Европе – за счет покровительствующего им высокообразованного шведского короля Густава III...

Так я в третий раз встретила в прошлом человека, который мог бы стать моим другом. В жизни таких людей я не встречала никогда.

«Для поэта нет пространства и времени... Несколько дней назад ночью вышла в соседнюю комнату – в темноте, с мыслями о Краусе и от восхищения врезалась со всего маху в стол, посшибав чашки и тарелки. Пространство же исчезло!» (5 марта 2012 г.). «Его музыка увлекает, как живое существо: ее любишь, не просто предпочитаешь». «Удовольствие от Крауса – как от точной поэтической строки, что вдруг удалось найти. Ликую!». «Музыку Бетховена я нашла холодной и отстраненной, Баха – торжественным и незатрагивающим, Малера – неистовым и бо-

лезненным, Шуберта – слабым в духе, Йозефа Гайдна – однообразным... Все это проходило мимо, не затрагивая ни мысли, ни чувства, и только Краус “ответил” мне» (9 июня 2012 г.). «Краус в моих ушах превзошел всех» (27 марта 2012 г.).

Краус стал моим любимым композитором. Все, что я слышала до него, было чужим, ничто не говорящим именно мне. Его же композиции казались живым отображением его порывистого духа. Красота музыки – в совершенном выражении глубокой мысли и сильного чувства. Каждая вещь Крауса обладает этим. У него нет произведений, созданных из соперничества, в угоду публике или от любования своей виртуозностью. Даже оперы, написанные по просьбе короля, отличаются искренностью: ведь король был его другом. Ответственность, отсутствие зависти и бескорыстие (своего рода творческая гордость) были свойственны ему как композитору.

Ценность его музыки – в выраженной ею личностной силе. Отсюда присущая ей редкостная глубина мысли и чувства – то, чего достигали в своем творчестве лишь очень немногие из музыкальных виртуозов, ибо недостаточно иметь талант композитора – необходимо обладать талантом Человека.

Созвучия неявленной печали,
Соцветия вселенской чистоты,
Блеснувшие из озаренной дали
Над миром безысходной немоты,
Спасающим теплом души остались –
Блаженнейшим из ликів красоты.

4-5 марта 2012 г.

И так же, как было бы с живущим человеком, мне захотелось сделать что-то для «новообретенного друга»: «Около полудня полтора часа пыталась написать стихотворение для Крауса, добавив еще три строки к злосчастной от 4 марта. Написала. Через три часа: “Вот это слово надо заменить, вот эту строку...” И опять осталась только

та фраза. Еще час умоисступления: третья строка, вторая, первая... Слава Богу! Нет, два слова надо заменить... И еще на полчаса». Так за семь часов получились четыре строчки, о музыке Крауса:

Так страстна нежность в отсветах промера,
И жизни ткань так трепетно тонка.
Что до тоски внезапной глубока
Твое тепло изведавшая мера.

28 марта 2012 г.

Занятия и снова странные сны

В марте 2012 года я прекратила изучение арабского, увидев непригодность словаря. Читала Библию и «Путешествие из Парижа в Иерусалим» Шатобриана (на французском), перечитывала Иду Пфайффер и историю средневекового монашества (на итальянском). Продолжала упражняться в шведском и учить арамейский. Отыскала в Интернете биографию Крауса (на шведском) и приступила к ее чтению. Составила список книг из своей библиотеки и старинных предметов, доставшихся от предков, – как приложение к завещанию.

Весь март 2012 года меня утешал Краус – его музыка, портрет и биография. Вокруг всего этого была та же пустота. «Привязываешься, нежишься в иллюзии общения и в том, что приносят эти трансцендентальные знакомства (языки, новые интересы, мои работы), а чуть спадет наваждение, открывается ужас пустоты. Боль, боль, боль... Всю сознательную жизнь – внутренний плач о друге. Это износило меня. Хочу равенства и теплоты, хочу разделять свои увлечения, дарить работы, обращать нежность на другого, себя отдать – брату. И никого. И боль невероятная – сквозь все дни, все существо, все занятия. Крик в пустоте» (24 марта 2012 г.).

«Полное отлучение от человека настолько тяжело мне, что даже упоминание о теплоте, дружественности, привя-

занности, встречающееся в книге, вызывает такую тоску, что я, оторвавшись, сжимаюсь в комок боли и сижу в оцепенении» (21 марта 2012 г.). «В моих работах кто-нибудь мог бы найти утешение. А эти работы лежат в ящике. Вот, в чем мое крайнее одиночество» (22 марта 2012 г.).

Биография Лоуренса продвигалась с тем же усилием. «Эта биография исчерпала меня, и теперь, кажется, я скребу по дну, пытаюсь найти найти хоть что-то и из этого сделать нечто отличное. Что получится из всей этой махины? Гора рассеянных идей? Усталость, а я еще выбираю что-то из нее» (24 марта 2012 г.). «Я пишу биографию, сознавая осмысленность и необходимость этой работы – при обесмысленности ее как материала для публикации. Вещь нужна, но как ей дойти до того, кому она нужна?» (22 марта 2012 г.). «Спала плохо: снилось, что пишу биографию» (29 марта 2012 г.).

В том марте мне снились интересные сны. 4-го числа: «Я в костеле, больше похожем на холл библиотеки. Много людей (одна молодежь). Вижу там маму. Она говорит мне, что “теперь все сделано, и можно уходить.” Я – с горечью: “Неужели все это для меня ничто, или я – ничто, чтобы так скоро уходить?” И бросаюсь в отчаянии на стоящую там скамью. Присутствующие устремляются ко мне и начинают утешать, уверяя, что они со мной и я не одна. Я смотрю в смятении на это сонмище (насчитываю сотни две) и думаю, как мне всех отблагодарить...

Другое: серая известняковая скала высотой в пятиэтажный дом, отвесная и почти гладкая. Я, как ящерица, быстро взбираюсь по ней, хотя цепляться почти не за что. Добравшись – не без страха – до вершины, обнаруживаю, что на нее не влезть: над ней – будто каменный потолок. Тогда я беру небольшой искрящийся камень – белый в мелкую черную крапинку – и с ним в кармане, довольная, спускаюсь».

24 марта: «Я в Пухтиной Горе, в доме. Там же – отец. Слышу гул в небе. Смотрю в окно и вижу, что небо померкло, точно затянутое белесым дымом, и с него летят огромные горящие камни, оставляя огненный след. Один упал возле дома. Я думаю, что начинается светопрестав-

ление, пытаюсь позвонить маме, потом говорю отцу что-то бодрое, добавляя: “Полагайся на Крест!” Камни продолжают падать, как огромные угли, но все – в стороне. Я опять выглядываю в окно и обнаруживаю, что перед домом все затоплено водой – спокойной и синей, как море в погожий день. Понимаю, что исхода нет, и не тревожусь».

2 апреля – в пятый раз: «Вечером полеты. В 21.30. легла: работать невозможно. В 23.30. проснулась, собралась встать. Тотчас: “нечто” наваливается на меня (лежала на левом боку), давит и как будто забирает силы. Лежала, словно парализованная, около часа».

Корректурa биографии, взрыв за окном и эссе о музыке

В начале апреля 2012 года я завершила два казавшихся безнадежными дела: 1-го числа – арамейскую грамматику, 2-го – биографию Лоуренса.

То, что я закончила биографию, я еще не понимала. Она была написана с самого начала по 1922 год (год ухода Лоуренса в армию, за чем последовали тринадцать обесмысленных лет). Я предполагала написать вторую книгу – с 1922 года до конца. Позднее, когда я приступила к работе, то увидела, что событий и источников слишком мало, чтобы получилась книга. Поэтому я описала последние тринадцать лет жизни Лоуренса в большом «Эпилоге». По сути они и были эпилогом – к осмысленной жизни.

Всего в биографии оказалось сто пятьдесят глав, каждая в среднем в три машинописных страницы. Число получилось произвольным, но значимым: как по количеству псалмов. Разве жизнь этого редкостного человека не была своего рода «псалтирью», воспевающей Бога и Друга?

3 апреля я начала править биографию. «Я настолько исчерпана, что, зачеркнув неточное слово, не могу найти нужное». «Добиваюсь совершенной логики внутри пассажа, главы и ряда глав, вместе с тем правлю язык» (11 апреля 2012 г.). «Очень устала. Словно все жизненные токи остановлены. Заглушены чувства, притуплены мысли. И ни-

чего не изменить. Ни человека не найти, ни работать должным образом – для него же. Стала одной тягостной болью. “Брат мой, брат!” – кажется, так сердце бьется. Когда замолчит от безответности?

Стихи сошли на нет, биографию уже через которую си-
лу пишу – как тяжесть тащу. Устала невероятно, вся – у-
стала» (4 апреля 2012 г.).

«Весь день полеты. Днем – сердце, давление 132 x 100» (6 апреля 2012 г.). «Тринадцать часов работы, ложусь спать, а вместо сна – слезы одиночества и острая боль в сердце. [...] А с 9 часов – полеты, каждые пять-семь минут. Не спала совсем до 12.30., когда забылась слабым сном, из кото-
рого до и дело вырывали эти шумы. В 15.30. встала».

(Касательно шумов интересно отметить, что 17 апреля 2012 года над соседним домом, то есть в метрах пятнадца-
ти от моего окна, взорвалась шаровая молния. Очевидцы описывали ее как красный шар. Мама в это время была в ванной; говорила, что звук взрыва был оглушительным, металлическим. Я спала возле самого окна, с бирушами. И даже не проснулась!).

«Для меня жить – значит работать. Бездействие равно-
сильно духовной гибели. [...] Я чувствую, что моя мера ис-
полнена только наполовину». «Сердце стеснено и бьется с
усилием. В левом глазу – непреходящее коричневое пят-
но, мешающее смотреть, суставы стали болеть. И – уста-
лость!..» (10 апреля 2012 г.).

А 10 апреля я приступила к изучению немецкого язы-
ка: чтобы прочитать письма Крауса. Учила арамейский и
шведский словари; читала Псалтирь на арамейском, Ша-
тобриана и книгу на английском о теории музыки. Состав-
вила цикл стихотворений для Крауса «Любящая тепло-
та». Исправила переводы с английского. 13 апреля задумала написать повесть о дружбе, сделала набросок и нашла название «У Бытия твое тепло». Впоследствии замысел был полностью изменен, а название осталось.

18 апреля начала писать исследование о музыке Крау-
са «Созвучия вечного»: «...“Траурная кантата” [композиция Крауса в память Густава III], несмотря на многообразие испол-
нения (ария, трио, хор), звучит как чувство отдельного челове-

ка, оставшегося в одиночестве. Особенно ясно его опустошенность явлена в инструментальной IX части. Захлебывающиеся рыдания перемежаются с призывом, мольбой и страстным признанием ушедшему в том, насколько он необходим, – чтобы затем неожиданно смениться надеждой. От этого внезапного проблиска становится еще острее следующий далее безысходный стон в пустоте, где вздымаются и опадают кажущиеся бесконечными волны тоски, – стон, возвращающийся от некоей преграды в свою обреченность. И после – тот же плач... Пожалуй, ни одно из музыкальных произведений не передает с большим точностью и силой состояние одиночества. Эта мятущаяся пустота – мир, где нет близкого человека, это твоя комната в предрасветных тенях, где ты провел бессонную ночь, это само твое сердце с обесмысленностью ненужной любви – собственное небытие, ибо без друга жизни нет [так я случайно нашла название повести о Краусе, которую написала в начале 2013 года]. [...]

Завершается композиция взрывом боли (трагическое пение хора с инструментальным апогеем), за которым сменяющиеся печаль, страх и тревога постепенно стихают в *pianissimo* – вечный покой отлетевшей души».

Я написала семь страниц, оставив небольшие лакуны – дописать позднее. Позднее возвращалась к этой работе, но так и не завершила ее, не видя возможности опубликовать.

Краус оставался моим утешением: «Под утро удалось послушать его музыку. Целый час чувствовала себя хорошо физически и духовно!» (17 апреля 2012 г.). «Лежала с портретом Крауса. Был бы у меня такой мальчик, друг, и могла бы жить... Такой или как Лоуренс – равный мне мировоззренчески. Тот, кому отдал бы всего себя, кого любил бы, защищал, оберегал. Тот, кто стал бы осуществлением моих духовных способностей. Нежное, страстное братство: вот, в чем я нуждаюсь» (23 апреля 2012 г.).

«Я улыбаться хочу, радоваться, любить, знать, что мое дело востребовано, и работать спокойно и с воодушевлением. Создавать и любить – вот возможность моего бытия. И я лишена этого» (24 апреля 2012 г.).

29 апреля – сон: брожу одна по кладбищу в Пухтиной

Горе. Оно иное, чем в действительности, много каменных надгробий. Я читаю надписи на них, выбирая, кому написать. Нахожу погребение некоего мальчика (черно-серый памятник) и что-то пишу. Потом, вдруг осознав свое одиночество, плачу навзрыд, одна среди могил.

Творчество и невероятный поиск книги

Стихи, которые всегда были для меня изнурительны, весной 2012 года стали сущим мучением: «Утром пыталась написать стихотворение. Набросала две строфы. Сократила до одной. Еще сжала, сократив вторую и четвертую строки. Плохо! Кончилось нервным срывом от своего бессилия, после полутора часов выжимания сознания. Пыталась изложить то же самое на английском, шведском, итальянском, даже арамейском языках – в надежде, что найдутся рифмы и подберутся нужные слова...» (4 мая 2012 г.).

Не лучше дело обстояло и с корректурой биографии: «Правка главы 15: один час – один абзац» (6 мая 2012 г.). «С 17.20. до 21.35. – правки глав 32-35, до изнеможения» (18 мая 2012 г.). Иногда правки становились кардинальными: «С 5 до 9 часов – правки глав 28-29 (фактически переписаны)» (15 мая 2012 г.).

Несмотря на умственное и физическое изнурение, приходили новые замыслы: «Художественная вещь, задуманная еще в прошлом году, приобрела ясные очертания 13 мая, когда я записала сюжет и первые полторы страницы. С того дня выявляются одна за другой подробности: словно независимо от моей воли вещь оживает» (14 мая 2012 г.). Так начиналась моя первая повесть – «У Бытия твое тепло», о Краусе.

В мае 2012 года я изучала теорию музыки, продолжала арамейский и шведский словарь и немецкую грамматику (которая давалась без труда). Весь месяц отчаянно искала письма Крауса, ради которых взялась за изучение немецкого. После продолжительных поисков в Интернете удалось отыскать книгу. Где ее заказать – это оставалось не-

решенным.

Книга была издана в Германии в 1978 году и, видимо, небольшим тиражом. В книжных магазинах Европы и Америки ее не было. Я просмотрела некоторых букинистов: ничего. Тогда я стала писать во все концы, спрашивая, где можно приобрести эту книгу. Писала я и в посольство Швеции в Москве, и в Союз композиторов России, и в немецкий музей, в коем есть отдел, посвященный Краусу, и даже в специализированное музыкальное издательство Германии – с предложением переиздать редкую книгу: все безответно. Самым курьезным стало обращение в Королевскую музыкальную академию Швеции, которую основал еще Густав III, а директором при нем был Краус. На сайте Академии была представлена ее история – без единого упоминания о выдающемся композиторе. Когда мое письмо не получило ответа, я не удивилась. Великих забывают, мелких помнят, ибо сами – мелкие. Краус является лучшим шведским композитором восемнадцатого века (даже сказала бы – вообще лучшим шведским), но, как писал Ж.-Ж. Руссо, «публика предпочитает довольствоваться плохими услугами, нежели прилагать усилия к тому, чтобы стать лучше».

Письма Крауса были изданы также в переводе на шведский. Конечно, перевод не позволяет услышать живое слово, но после таких исканий я была бы рада и ему. Поэтому я попробовала заказать эту книгу через российские магазины-посредники. Один из них мне посоветовал преподаватель ТвГУ. Ответ из магазина был следующим: «К сожалению, ничем не можем помочь. Мы работаем, в основном, с англоязычной литературой, а эта книга, как видим, на шведском. Так что мы потерпели полнейшее фиаско».

В те дни мне удалось найти в Интернете три письма Крауса на шведском. «Глубоко, трогательно, нежно: человек, который мог бы стать моим другом. И – какая вера, какая устремленность к иному бытию!.. “Благословенно страдание, что несет провозвестие лучшего мира,” – Краус. “В земном страдании рождается небесная радость,” – я. Двести двадцать шесть лет между. А могли

быть бы одно – в братстве по духу, в том самом братстве, отсутствие которого и есть моя боль, мое изничтожение.

Легла в четыре часа, с портретом, смотрела на него, пока не забылась в тоске. Проснулась в 9.30. Все утро боль. Солнце, зелень под окном, небо яснейшее: ничего не вижу, кроме одиночества.

Около 14 часов – нервный срыв: такая тоска, и даже не могу достать книгу... Пришла в себя – и опять искать эти письма. Потом – к биографии, и тотчас – полеты. Бросила» (22 мая 2012 г.). (Вечером все-таки ухитрилась завершить корректуру главы 39 и написать часть предисловия).

«Сутки болит желудок: последствие нервного напряжения последних полутора недель. Вчера ночью проснулась от этой боли, попыталась встать за молоком, но так закружилась голова (после пяти часов поисков в Интернете), что тотчас легла. В забытии грезилась о молоке и... вспоминала, как Лоуренс в 1911 году во время болезни так же грезил о том же!» (26 мая 2012 г.). Нервное напряжение отразилось на зрении: в середине июня увеличилось кровоизлияние в левом глазу.

После тринадцати безуспешных попыток я 24 мая обратилась к американскому музыковеду, издавшему несколько дисков с музыкой Крауса. Он посоветовал искать письма Крауса (в оригинале) в одном букинистическом магазине Швеции. Там и удалось, наконец, найти их. Это был один из моих самых трудных поисков книг.

Мои сны и воспоминания погибшего ребенка

1 июня 2012 года – еще один интересный сон: ясное бледно-голубое небо после захода солнца. В зените, меж тонких перистых облаков, – россыпь звезд. Смотрю на них и вижу, как они пришли в движение и собрались – восемь штук – в круг надо мною... А в конце мая и в начале июня я слышала во сне похоронный марш – наподобие бетховенского из Третьей симфонии, но в более быстром темпе.

4 июня написала рассказ под странным названием «Воспоминания погибшего ребенка». С детства моя па-

мать хранила непонятные, словно чужие «воспоминания». С шести до девяти лет, перед засыпанием, на грани яви и сна повторялось такое явление: в памяти вдруг вспыхивал – отчетливо и мучительно – какой-нибудь предмет, казавшийся странно и остро знакомым, истинно моим, тогда как существовавшее мне не принадлежало... Что это был за предмет, я забывала тотчас, и лишь однажды мне удалось «рассмотреть» связку шерстяных кистей, лежащих на земле. Позднее в памяти стал проявляться какой-то дом – двухэтажная усадьба с двумя флигелями и балюстрадой. Мне виделась кладовая там – приоткрытая высокая коричневая дверь, луч солнца в проем и я, ребенок, за игрой на полу... «Помнился» взгляд с крыльца на просторную лужайку перед домом, убегающую полого к сокрытой кустами реке... И – непонятное, жуткое: качели в полусотне метров от дома и бросающаяся навстречу чернота. При попытке вспомнить это яснее меня охватывал непонятный ужас, даже если я была не одна... Может быть, эти картины передались мне от кого-нибудь из предков?

Работа сквозь трудности

После весеннего сбоя в стихописании стихи стали приходиться довольно часто (несколько раз в месяц), но всегда с невероятным усилием: «Писание стихов: самоубийственные 1 час 40 минут – лоб в руки и напряженно ищущая мысль. Слово за словом, оттенок за оттенком – с трудом – из темноты своей беспомощности, чтобы в итоге получилось шесть строк!» (6 июня 2012 г.). И это стихотворение позднее было мною отброшено.

В июне я продолжала писать эссе о музыке Крауса, упорно и мучительно. «Спала тяжело: снилось, что правлю эссе» (15 июня 2012 г.). Корректировала биографию – до восьми часов подряд. «Спала опять скверно: снилось, что правлю биографию» (18 июня 2012 г.).

Биография оставалась моим основным делом. «Иногда во время работы над ней я особенно ясно представляю, как она будет читаться, и испытываю теплоту к своему

читателю» (7 июня 2012 г.). «Я пишу для немногих. Может быть, только для одного читателя. И, если я найду его, это будет моим успехом» (6 июня 2012 г.).

18 июня я закончила корректуру биографии и 19-го приступила к задуманной второй книге о Лоуренсе. «Час провела за выбором материала и размышлениями, а написала – одну строку! Нервный срыв. Неприятный материал, отсутствие сил физических и духовных, отсутствие смысла (это тоже в ящик). К тому же оставшийся период – агония. Описывать его невыносимо. Да еще в таких условиях: полеты по двенадцать часов ежедневно, каждые четыре-семь минут, с ревом» (20 июня 2012 г.). Тогда я и решила написать вместо отдельной книги подробный эпизод.

Он тоже оказался испытанием: «Ночью пыталась писать эпилог – час, до мигрени: один абзац! Нервный срыв от невозможности работать. Устала – от шумов, книжной проблемы, биографии (полтора года), одиночества; устала до бессилия и пытаюсь что-то вытянуть из своей усталости. Не получается, – злюсь на себя, заставляю, пока не дойду до срыва, успокаиваюсь – и снова заставляю... Всего лишь неделя отдыха дала бы мне сил» (23 июня 2012 г.). Отдыхать в тех условиях было столь же затруднительно, как и работать.

«С 15 часов до 3 часов – биография. Устала – ни мыслей, ни чувств. Поговорить хочу – о музыке, поэзии, творчестве – с равным. И – помолчать рядом. Брата хочу, до боли» (24 июня 2012 г.). В тот день, после двенадцати часов писания эпилога, подвожу итоги: «Об этом написано столько-то... О том столько-то... Общим *чертом*, четыре страницы».

«Биография, арамейский – через силу. Хотела позаниматься немецким, около получаса принуждала себя понять новые правила: тщетно, при таком изнеможении. Нервный срыв от усталости и усилия. [...] Сон после был напряженный: снилось, что пишу эпилог к биографии» (26 июня 2012 г.).

«У меня нет тех книг, которые необходимы; нет практического смысла моей работы (все, что создаю с таким

трудом, складывается в ящик); я постоянно ощущаю боль одиночества, которая словно парализует все мысли и чувства, и все, что я делаю, делаю с усилием сквозь нее; у меня нет возможности отдохнуть, мне почти постоянно плохо. Ладно, я продираюсь сквозь это и занимаюсь – без сил, без желания, без смысла: из одного бессознательного убеждения в какой-то трансцендентальной необходимости моей работы. Но, черт возьми, как я могу что-то делать, если это усилие прерывается ревом самолетов, криками под окном и т.п. каждый день?! Я встаю около 13 часов и до 2-3 часов ночи жду тишины, а потом, одуревшая и сонная, пытаюсь что-то сделать – и поспешно, а то днем шумы не позволят» (26 июня 2012 г.).

В июне я, кроме творческой деятельности, продолжала изучать теорию музыки по книгам на английском и итальянском, читала Берлиоза на французском, учила немецкую грамматику, занималась арамейским и шведским словарями.

«Ждала тишины восемь часов. К 3 часам ночи дождалась, позанималась немецким и легла без сил, около 5 часов. В 7.30. встала – заниматься! Сидела с головокружением и думала, что лучше: в таком состоянии работать, а потом не спать, или спать, а потом опять ждать тишины» (27 июня 2012 г.). И, конечно, работала: шведский, арамейский...

«Иногда мне кажется, будто нечто не дает мне жить... Будто что-то, какая-то враждебная и превосходящая сила, выталкивает меня из жизни, но не в вечное Бытие, а в небытие безверия и отчаяния» (28 июня 2012 г.). В тот день я узнала, что мне придется заняться изданием своих работ: полагаться на завещание и чью-то добрую волю было нельзя.

А на следующий день – сон: стою у входа в храм. Две тонкие колонны по сторонам его сияют золотом, на фасаде золотые ветви – сплошным наложенным узором...

Поиск издательства, вторая корректура биографии, повесть

Иногда мне поразительно везет – или же мне оставляется отдушина, чтобы не задохнулась совсем. Если бы мне пришлось решать возникший издательский вопрос в условиях, заставивших меня жить в состоянии нервного срыва, я наверняка не выдержала бы – физически или духовно. Однако обстоятельства улучшились: 26 июня назойливый Ил-76 при заходе на посадку не выпустил шасси и приземлился на брюхо. Была создана комиссия по расследованию происшествия, и полеты приостановились. Возликовала не только я – весь город.

Но работа не стала легче: «Черт возьми, читать письма Лоуренса, когда сам не имеешь ни одного человека, которому мог бы написать! Эта проклятая биография полтора года – как острое в моей боли» (30 июня 2012 г.). К духовному изнеможению добавилось новое кровоизлияние в левый глаз, остановившее на один день работу с книгой.

2 июля я занялась поисками издательства – для биографии, сборника стихотворений и «Божества сада». Три года я рассчитывала, что найду своего читателя после смерти. В моем непоправимом одиночестве даже этой надежды было довольно. Теперь мне предстояло увидеть, могу ли я дойти до своего читателя и, главное, есть ли он вообще. «Если бы у меня был друг, все отдала бы ему, и не надо никакого издания»: я часто повторяла эти слова на протяжении поисков издательства. Я хотела приносить своими работами благо: спасти кого-то от одиночества и так спастись самому. Идея славы была мне противна, и я ни разу за весь свой творческий путь не пожелала приобрести широкую известность. Тем более мне не хотелось зарабатывать на своих книгах: я собиралась назначить для них минимальную цену. Только достучаться до одного-единственного сердца: больше я не желала ничего.

Искала я через Интернет, часами, в добавление к работе над биографией и языками. В этом неприятном занятии мне очень помогло то, что я всегда руководствовалась своей совестью и знаниями, а не чужими замечаниями.

«Творцу необходимо знать себе цену, иначе задавят. Любой критик – человек со своим мировоззрением и соответствующими предпочтениями. Таким образом, немало зависит от его вкусов, а не только от качества предлагаемых произведений. Так, для критиков когда-то и Коро был бездарем, и Курбе шарлатаном, и Бетховена не воспринимали» (4 июля 2012 г.).

В московских издательствах цены оказались непомерно высокими: в среднем 70 000 руб. за книжечку в 84 страницы (перевод Рейда). Тогда я принялась за провинциальные.

Состояние здоровья в то время было удручающим: «С вечера болело сердце: боль из груди сосредотачивалась в горле, мешая дышать, левая рука немела. С этим – всю ночь занятия. С 5 часов – боль в левой стороне груди такая, что было трудно шевелить левой рукой. Не проходило до 9 часов, когда получила бандероль из Стокгольма – письма Крауса... Даже не могу сполна осознать эту радость – обладать живым словом Крауса» (6 июля 2012 г.).

7 июля поняла, что придется еще раз корректировать биографию: обнаружила недочеты. «Осталось дописать эпилог, обработать его и... черт возьми! – еще раз просмотреть – пройти – эту “Via Crucis”».

«“Есть счастливицы и счастливы, петть не могущие...” [слова из стихотворения М. Цветаевой]. А я уже не пою – хриплю из последних сил, выжимая отдельные куски этой изнурительной книги, как чахоточный выкашливает обрывки легких... Вдохновение или, скорее, его подобие было в первые две-три недели, а позднее – редчайшими проблесками: отдельный абзац, предложение, определение. Все остальное – через силу. Раза два каждую неделю – состояние внутреннего тупика: попытка сказать что-то в отсутствии сил, мысли и желания, из одной только необходимости продолжать. Преодолевала! Нервный срыв – и к работе, полтора года, изо дня в день, урывками между шумами» (8 июля 2012 г.).

Снились кошмары: «Приснилось, что обнаружена некая симфония, написанная Лоуренсом, и я должна ее разобрать, что и делаю – долго и с трудом. Проснулась с

облегчением» (14 июля 2012 г.).

14 июля я приступила к работе над повестью, наброски для которой сделала еще в середине апреля. Теперь замысел прояснился, и оставалось только выразить его – в неподходящих условиях. Удивительная эта моя работоспособность: в то время, когда физические и духовные силы были на исходе, а обстоятельства вынудили заняться поисками издательства, мне еще хотелось написать что-то новое!.. «Новая вещь оживила меня: вчера продолжала ее с увлечением, улыбаясь, – будто готовила подарок другу». Я собиралась посвятить повесть Краусу.

Издательский вопрос (или, как я его назвала, «издательский») разрешаться не собирался. После упорных поисков я нашла в середине июля какое-то издательство в Ростове. В его условиях отмечалось, что оно издает за свой счет и само распространяет тираж по магазинам. Для рассмотрения следовало направить несколько глав и синопсис. Я выслала семь глав, а синопсис расширила до четырех страниц, подробно пересказав всю книгу. К этому я добавила историю и мотивацию написания и детальное изложение построения книги. Ответ издателя был замечательным: он попросил прислать оглавление. И я, смеясь, прислала:

Глава I

Глава II

Глава III

...

Глава CXLIX

Глава CL

FINIS

Издатель удивился, что главы не названы. Хотелось посоветовать ему посмотреть те же «Семь столпов мудрости» Лоуренса или «Иисуса Неизвестного» Д.С. Мережковского. К середине августа стало понятно, что в том издательстве рассчитывать не на что, и я продолжила поиски.

Я обращалась во многие издательства. Тех, что были готовы издать за свой счет, было очень мало, и биографию

они издавать не собирались (если бы я предложила детектив или бульварный роман, это взяли бы охотно). Те же издательства, которые взымали плату с автора, могли издать что угодно, но у меня не было средств платить им. К концу июля мне пришла мысль обратиться напрямую в типографию. Но что делать с полученным тиражом? Я видела, как тверские поэты продавали свои книги на улицах. Вставать туда же? Для меня это было подобно проституции, только не слишком успешной. И эта идея отбрасывалась раз за разом.

«Когда я писала, я не помнила ни об издательствах, ни о магазинах, но только – о моем неизвестном друге; писала – будто говорила с ним, говорила о вере, любви, бытии, жила этим. Почти видела, как он читает, видела благодарную улыбку... А теперь – только препятствия, за которыми, может быть, пустота... Конца хочу – как объятий брата» (17 июля 2012 г.).

Продолжались полеты, с ревом и свистом, с полудня до часа ночи, все дни недели, с редкими исключениями; нередко раздавался шум дрели от соседей. Продолжалось напряжение в квартире, взрывающееся время от времени спровоцированными В. скандалами. Продолжались мои недомогания – подъемы давления со всем сопутствующим, боли и сбои в сердце, слабость. Длилась тоска одиночества, обостренная поиском издания («Дойду ли я до друга? И есть ли он вообще?»). И при этом – дописывала биографию – по три-пять часов в ночь, продираясь сквозь тяжелый материал (предсмертные годы Лоуренса, его опустошенность и подавленность); писала повесть о Краусе – по два-четыре часа. Учила немецкий и заканчивала шведский и арамейский.

Повесть продвигалась бы легко, если не изнурение и тяжелое настроение: «Хотела с двух часов ночи писать повесть. Лежа, составляла главу 11: неплохо получалось. Записать не хватило сил» (24 июля 2012 г.). «Еще неплохо было, когда работала на усилия воли и резерве сил. Теперь – на обрывке воли и остатке резерва» (23 июля 2012 г.).

22 июля закончила эпилог биографии и обработала его. 23-го приступила к заключительной – второй – кор-

ректуре всей книги.

24 июля нашла музыку замечательного испанского композитора Хуана Крисостомо де Арриаги (1806-1826). «Тоскующая, тревожная музыка. По лиричности, порывистости и драматизму напоминает Крауса, но темнее, мрачнее. Впечатление смутного пространства, где происходит – будто пылает – что-то тревожное» (25 июля 2012 г.). Арриага стал моим вторым любимым композитором.

26 июля при взгляде на портрет Крауса в его биографии, изданной в 1928 году, мне пришла мысль, которая за два часа оформилась в рассказ «Когда портреты говорят»: о моем «общении» с портретами. Повесть о Краусе приостановила в тот день: было слишком сложно работать над нею и биографией одновременно – из-за несхожести материала. В каких условиях работала, говорят мои дневники: «15.55. Вчера спать не пришлось: дрель. Потом – корректура глав 90-109 (2 часа 40 минут). Затем: немецкий, шведский, арамейский. Спать опять не пришлось: полеты» (1 августа 2012 г.).

27 июля – опять странный сон: как будто лежу на своей кровати, а кто-то (или что-то) впивается сзади когтями в шею – с двух сторон. Дернулась в неимоверном усилии освободиться, словно из-под некоей подавляющей силы, и проснулась.

Конец учебы в ТвГУ

В конце июля 2012 года я поняла, что надо взять академический отпуск: я не смогла бы даже ездить в университет (минут сорок на троллейбусе). Я обратилась в кардиологию. Во время обследования были сбои и рези в сердце. Выяснив, зачем я пришла, врачи написали: «Все хорошо». Мне было так «хорошо», что я не ушла – убрела из больницы. Позднее узнала, что так поступали не только со мной.

Учиться не было сил, и я бросила учебу, не доучившись одного года. Сама по себе эта учеба не давала мне ничего: отечественная история, логика, методика преподавания, история православия и т.п. – чуждые и ненуж-

ные мне предметы. Единственным, из-за чего стоило учиться, был диплом о высшем образовании. Эта формальность ничего не значила для меня, но многое значила для работодателей. Бросить учебу подразумевало поставить под вопрос свое будущее. Однако я не тревожилась о нем так сильно, как могла бы. Во-первых, у меня было знание языков, а следовательно, мне оставалась выгодная переводческая деятельность. Во-вторых, я чувствовала себя достаточно плохо и могла рассчитывать на инвалидность по сердечно-сосудистым заболеваниям. Инвалидность – в двадцать пять лет – при невероятном творческом и духовном потенциале!.. «Инвалид» – «негодный к работе». Я отличалась невероятной работоспособностью, но она зависела от моей упорной воли. Видя смысл, я могла сделать больше, чем было в моих силах. Но сидеть в какой-нибудь конторе, в противном мне женском обществе, среди ненужных бумаг, с утра до вечера – только ради живота своего!.. Были бы и гипертонические кризы, и сердце, и что угодно: ибо не было бы моего принуждения воли. Так получение инвалидности стало для меня утешительной идеей.

31 июля явилось новое недомогание: боли в правой стороне груди, сухой кашель, одышка временами и температура $37,2^{\circ}\text{C}$ – $37,4^{\circ}\text{C}$ по ночам. Подъем температуры сопровождался странной вспышкой оживления. По утрам бывала испарина. Это можно было счесть за обычную простуду, если бы я была им подвержена и если бы недомогание не длилось равномерно нескольких недель. Предполагаю, что оно происходило от некоего абсцесса в правом легком, где были спайки. Легочные спайки имеют свойство разбалчиваться и даже обращаться в каверны.

Изучение туберкулеза

3 августа 2012 года у меня появился новый предмет для изучения: туберкулез легких. С моим собственным недомоганием это не было связано: я не подозревала его у себя. Также и заболевание Крауса не объясняло этого при-

Завершение биографии, повесть и новый замысел

6 августа я завершила вторую корректуру биографии Лоуренса, а вместе с тем – работу над ней. «Ни облегчения, ни радости – очередное напоминание об одиночестве, ибо книга писалась для друга, а я теперь вижу, сколь ничтожна возможность обрести его, – если он вообще существует» (7 августа 2012 г.).

Итого на биографию потребовались год и семь месяцев: с 6 января 2011 года до 6 августа 2011-го – черновик, с 11 августа до 2 апреля 2012-го – основной вариант, со 2 апреля до 18 июня – первая корректура, с 20 июня по 22 июля – эпилог, с 23 июля по 6 августа – вторая корректура. Объем черновика равнялся десяти общим тетрадям, объем готовой книги составлял 524 машинописных страницы. Летом 2014 года я перевела на английский часть этого материала, собираясь издавать биографию билингвой, но так и не обработала, занявшись другими делами.

При всем этом длилась та же тоска: «Представила на мгновение друга (какого-нибудь милого мальчика) у себя в комнате, его взгляд, улыбку, и таким опустошенным все увиделось, столь обесмысленным – без этого. Только рядом с другом можно почувствовать себя живым» (5 августа 2012 г.). «Хочу быть опорой, защищать, помогать, дарить радость... Молчать вместе, прикинув друг к другу в сумерках... Делить все те хорошие вещи, что доставляют мне удовольствие – музыку, стихи, истории... Говорить – о поэзии, музыке, творчестве, бытии... Быть вместе, быть. Чем кончится это стремление? Смотрю вперед и вижу зияние» (9 августа 2012 г.).

10 августа я возобновила работу над повестью о Краусе. «Часть 11, три часа, – в жару и с тем же кашлем». 13-го завершила ее, через силу: «Ни удовлетворения, ни облегчения от окончания этой работы: сожаление и горечь одиночества. Эту вещь – в руки бы друга и увидеть его радость... Думать об издании невыносимо, равно как и о том, что она будет лежать неприкаянно в ящике. [...] Жаль эту вещь, как живое существо, нежное и любящее, которое я вбросила в этот мир на одиночество, а то и поругание».

14-го и 15-го я выполнила корректуру повести. «Один из абзацев правила полчаса!..» (14 августа 2012 г.). Повесть составила пятнадцать машинописных страниц, с небольшим предисловием.

17 августа была завершена немецкая грамматика, 22-го приступила к изучению немецкого словаря. Продолжала словари арамейский и шведский (более 10 000 шведских слов уже было выучено). Весь август читала стихи Шьоберга и историю Европы в начале XX века (на итальянском), слушала музыку Крауса и Арриаги, иногда – похоронные марши (Й. Крюгелл, О. Клемперер, О. Оллсон). Составила список старинных предметов для завещания.

28 августа пришел замысел повести о молодом человеке, который живет в свое удовольствие, но, заболев (конечно, чахоткой!), пересматривает отношение к жизни. Эту повесть я осуществила в октябре того года. В тот же день, 28 августа, был написан рассказ «Обретенная любовь» – о невестребованном поэте, заболевшем... разумеется, тоже чахоткой.

Курьез с издательством

Вместе с другими занятиями продолжался поиск издателя. «Вчера утром начала немецкий словарь, продолжила шведский. Шумы прервали, ушла к компьютеру. Первое: письмо от книжного посредника – ответ на мой заказ биографии Арриаги. Из 300 руб. стало 1000 руб., отказалась. Далее – поиск книг в электронном виде. Пять часов – и ничего. Четыре года нерешаемая книжная проблема. Вечером опять шум. Пришел ответ из издательства “Молодая гвардия” – глупейший...» (23 августа 2012 г.). С этим уважаемым прежде издательством был такой курьез. Я выслала, как запрашивалось, несколько глав биографии (а именно – четыре) и синопсис на трех страницах. Вскоре пришел ответ от редактора – с советом «осветить подробнее» ранний период жизни Лоуренса, о котором он не читал, и с упреком в том, что я написала так много глав. Я посмеялась и отправила письмо главному редактору –

фактически сатиру на этого работника:

«Во-первых, изумляет внимательность – качество столь необходимое в непростом деле издания. Г-ну N. оказалось достаточным прочитать только часть присланного материала, о чем свидетельствует его недоуменный вопрос: “Вы написали уже всю книгу?...” – при том, что в описании говорилось о *завершенной* вещи.

Во-вторых, как вижу, познания г-на N. относительно жизни Лоуренса значительно превосходят мои собственные. Я описала последние тринадцать лет жизни своего героя на девятнадцати страницах – за отсутствием как обилия источников, так и скольконибудь значимых событий в данный период (эти годы Лоуренс служил рядовым). Г-ну N., напротив, названный период представляется весьма важным и “неплохо документированным.” Полагаю, он имеет доступ к неким секретным архивам Великобритании, где хранятся невероятные материалы о послевоенной жизни Лоуренса? Я, как и мои предшественники, этого, к сожалению, лишена. Что же до его замечания о необходимости “подробно осветить ранний период жизни Лоуренса,” то это просто мистика: г-н N. не прочитал из данной части моей книги *ни одной главы* (предоставленные его вниманию главы начинались с XV).

В-третьих, о его словах касательно числа глав. Какая жалость, что моего бедного Лоуренса уже нет в живых: этот совет чрезвычайно пригодился бы ему, ибо в его автобиографическом произведении “Seven Pillars of Wisdom” – 122 главы, для отрезка в два года!

И последнее, маленькое, замечание: стоило бы г-ну N. как человеку, имеющему дело с литературой, знать, что вежливое обращение “Вы” пишется с заглавной буквы...»

Как я потом узнала, редактор был переводчиком с английского (а у меня-то на тот момент – шесть языков!) и автором биографии известного режиссера, которую читатели высмеяли за недостаток знания и скверный язык. С завистью я часто сталкивалась. На это мне всегда хотелось ответить так, как Лоуренс сказал об одном человеке, который желал прославиться, выдавая себя за Лоуренса: «Я с удовольствием отдал бы ему все то, что подразумевает это имя». Я с удовольствием отдала бы вам, господа завистники, все свои трудности, изнурение, нездоровье и крайнее одиночество!..

Поиск издательства продолжался полтора года.

Седьмая поездка на Кавказ

5 сентября 2012 года я отправилась во Владикавказ – в седьмой и последний раз. С собой взяла маленький портрет Крауса, арамейский псалтирь 1825 года, карманную Библию на латинском, «Историю Древнего Израиля» М. Гранта, карманный немецко-русский словарь – продолжать учить слова, книгу на шведском о римских катакомбах, жизнеописания святых на итальянском и книгу по истории католической Церкви на немецком – для практики.

Во Владикавказе мы с мамой остановились в сравнительно недорогой гостинице, на четвертом этаже. Вид из окна был фантастический, особенно при лунном свете: в метре от окна находилась заброшенная стройка: бетонные остоны и перекрытия, заваленные мусором. Я веселилась.

Свою комнату я переоборудовала: поставила рядом с кроватью два низких столика – для сна и придвинула к ним письменный стол, чтобы не упасть. «Хорошо расположилась», – порадовалась я и зачем-то посмотрела на потолок. «А вот и решение издательского вопроса и вообще – всех проблем»: над столом, за которым я собиралась работать, находился кусок штукатурки сантиметров десять на двадцать, готовый упасть. Оторвали его при помощи антенны.

Вечером вышли на прогулку. Мне не терпелось пройтись вдоль Терека и посмотреть на горы, но сначала я решила зайти в книжный магазин на пешеходном проспекте – поискать учебник испанского языка, который не нашла в Твери. На проспекте была современная музыка. Я поморщилась и ускорила шаг, думая, что она доносится из какого-то кафе. Музыка не отставала. В чем дело? Я подняла голову и обнаружила, что на каждом фонарном столбе висят по два динамика. «Еще бы на набережной повесили!» – усмехнулась я и пошла дальше. Учебника я, конечно, не нашла и отправилась на набережную. Издали я слышала мелодичное воззвание муэдзина с минарета мечети, вносившего странно ностальгическую ноту в спокойствие летнего вечера, с серым стремительным Тереком и голубыми горами на горизонте. Когда я подошла ближе,

к призыву с минарета примешалось то же завывание, что на проспекте: на каждом фонарном столбе набережной висели по два динамика!

Гулять было негде. Мрачно вернувшись в гостиницу, мы принялись думать, что сделать, чтобы отдых не пропал. У мамы предложений не было, зато в мою идейную голову пришла характерная мысль: прогуляться по кладбищам. И мы стали обзванивать ритуальные бюро, выясняя, где располагаются примечательные кладбища. К моей радости, таковых оказалось довольно много. Одним из них был Город Мертвых в Даргавсе.

«Но, может быть, сначала попробуем устроиться в какой-нибудь санаторий?» – спросила мама. Это было не столь заманчиво, как побродить по кладбищу, но я согласилась. 8 сентября мы отправились на такси осматривать базу отдыха на Кобанской дороге. Путь туда пролегал через сумрачные долины – еще более унылые в пепельном свете пасмурного дня. Как оказалось, именно по этим долинам 20 сентября 2002 года пронесся ледник Колка, погубив съемочную группу Сергея Бодрова и еще около сотни местных жителей. Мне запомнилось сообщение о сходе ледника: как я услышала его по телевизору, возвратившись с колхозного поля. Фильмы Бодрова я смотрела год спустя, что-то нравилось.

База отдыха располагалась на склоне над широкой серой долиной. Она состояла из нескольких домиков, напоминавших сараи, между которыми вились разбитые асфальтированные дорожки. При этом проживание стоило полторы тысячи рублей в сутки. Мы поехали обратно. Таксист (Хасан Рудаев, добродушный человек лет тридцати семи) предложил осмотреть санаторий близ Владикавказа. Мы заинтересовались.

Санаторий располагался в живописном месте, откуда открывался восхитительный вид на темно-зеленые мохнатые горы. Там мы встретили двоих мальчишек лет одиннадцати. «Хорошо здесь отдыхать?» – спросила мама у них. «Хорошо!» – радостно ответили они. «А вы давно здесь?» – «Да только что приехали».

Наверное, там действительно было хорошо: все номера

оказались заняты. Хасан посоветовал базу отдыха в Дзенаге. Это было нечто красивое, полезное и высокогорное. Путь туда занимал два часа. Мы задумались.

Вечером мы сходили в армянскую церковь, где, как обычно, было безлюдно и уютно. Я поставила свечу в серый песок на поддоне перед большим темным распятием. Оттуда мы прошли к осетинской, православной церкви. Бело-голубая, она возвышалась на крутом холме, по одному из склонов которого цвели розы. Мама зашла в церковь, я не захотела.

На следующий день мы отказались от затеи ехать в Дзенагу (далеко и высоко) и по моему предложению отправились в Даргавс.

Был туманный, но теплый день, горы окутывала серая мгла. Мы выехали с Хасаном в 13.43. Сначала путь пролегал по уже знакомой Алагирской дороге – прямой, хорошо асфальтированной, проходившей по равнине. Затем мы свернули на проселочную дорогу, что медленно и с крутыми поворотами поднималась на высоту. По сторонам рос кустарник – еще зеленый, а на отдалении виднелись горы – темно-синие, смутные, как во сне. Постепенно кустарник уменьшался, а горы надвигались. Вскоре мы уже ехали по настоящему серпантину меж отвесных скал.

В одном сквозном ущелье Хасан остановил машину. Мы вышли. В ущелье был пронзительный холод. С одной стороны вздымалась отвесная черная скала, отделенная от дороги расщелиной глубиной метров двадцать. Высота скалы была таковою, что сосны на ее вершине казались легкой бахромой. Вдоль подножья мчался ледяной поток, выбивавшийся из расселины в скале – узкой, как будто пробитой гигантским мечом. Я осторожно заглянула вниз, стоя на самом краю дороги. Прозрачный, белый от пены поток стремился по крупным острым камням. Почему-то мне стало не по себе. Подошел Хасан. «В Средние века, – сказал он, – с этой скалы сбрасывали неверных жен».

Дальше путь пролегал вдоль обрыва глубиной метров триста, по узкой неасфальтированной дороге, лишенной ограждения. Горы окутывал туман, все было охристо-серо-

«В Средние века с этой скалы сбрасывали неверных жен...». На вершине скалы – высокие сосны. За краем дороги – обрыв в двадцать метров, по дну которого мчится ледяной поток. Северная Осетия, дорога на с. Даргавс. На фото – автор. 10 сентября 2012 г.

В Даргавсе: по пути в Город Мертвых. На фото – автор, ее мама и местный песик. 10 сентября 2012 г. Фото: Х. Рудаев.

Город Мертвых

В Городе Мертвых

В Городе Мертвых

На фото - автор. Город Мертвых, 10 сентября 2012 г.

"Город Мертвых (Даргавс)". Ольга Кавецкая, масло на холсте 18 х 24 см. Июль 2015 г.

го цвета. Спустя два часа после выезда из Владикавказа мы прибыли в Даргавс. Это было небольшое селение, раскинувшееся на возвышенности в ущелье. Возвышенность огибала узкая серая речка Мамисон. Неподалеку, на склоне высокой горы, располагался Город Мертвых. Он представлял собою девяносто надземных склепов в виде белых домиков с четырехгранными крышами из плиток черного сланца и с одним зияющим прямоугольным оконцем. Издали склепы казались селением.

Окрестные горы окутывал клубящийся серый туман, а под ногами желтела довольно высокая трава, в которой изредка мелькали синие цветы.

Вслед за Хасаном я с интересом заглянула в оконце одного из склепов. Мне удалось различить в серой темноте лежащую на полу берцовую кость. Вокруг были какие-то обломки. В другом склепе возле окна стоял темно-серый гробик, выдолбленный в дереве. В нем находилась мумия ребенка двух-трех лет, истлевшая до немногих частей. Подобные гробы, но большие, виднелись еще в нескольких склепах. В одном из строений мой взгляд встретился с глазницами черепа, взиравшего с пола, заваленного вековым мусором.

«Я ходила, думая о душах тех, чьи останки – столь скудные и жалкие – лежали в этих мирных “домиках.” Пожалуй, ничто, кроме болезни и взгляда на кости, не позволяет со всей полнотой осознать отделенность вечной души от тленного тела» (10 сентября 2012 г.).

Пока мы бродили от склепа к склепу, начал накрапывать мелкий дождь, поэтому пришлось уйти раньше, чем хотелось. Когда мы отъезжали, я оглянулась. Над склоном сплошные тучи немного разошлись, и в просвете виднелось ясное небо.

На обратном пути Хасан вспомнил о некоем старом кладбище с «резными памятниками», которое он видел лишь один раз. Я, конечно, заинтересовалась, и 12 сентября, в 14.03., мы, вместе с Хасаном, отправились в «дальний угол Осетии» – селение Лисри, расположенное почти на самой границе с Грузией.

Добравшись знакомым путем до Алагира (сорок пять

минут), мы свернули на Транскавказскую магистраль. Эта дорога была мне известна по сводкам новостей. Сели, оползни, засыпанные фуры, сходы ледников... Я увлеченно смотрела в окно. По обеим сторонам высились горы, большею частью покрытые мохнатой растительностью. Осенние краски были изумительны: здесь можно было увидеть одновременно все оттенки желтого, красного и зеленого, а также бурый и охристый. Вершины гор, изрезанные и голые, сияли на солнце ледниками. С правой стороны дороги неотступно тянулась глубокая пропасть, от которой нас отделяли два метра и ненадежное металлическое ограждение. Навстречу то и дело попадались фуры. По пути мы миновали семь длинных тоннелей, некоторые из которых были освещены тусклыми фонарями. По одному струилась вода.

«А вот в этом месте сходят самые большие лавины», – Хасан остановил машину и показал глубокую ложбину меж двух серых гор, местами покрытых зеленью. В начале ложбины виднелась заснеженная вершина, а по дну мчался небольшой поток.

Проехав еще немного, Хасан показал нам удивительный источник: вода в нем была серовато-голубого цвета с сильным запахом сероводорода. По словам Хасана, эта вода весьма полезна для желудка. Мама попробовала ее, отметив, что она даже вкусна, несмотря на резкий запах. Я же пить некипяченую воду не решилась.

Позднее на пути встретилось странное ярко-синее озеро, окрестности которого были пусты – ни кустика, ни птицы. Это был сток от завода «Электроцинк». По непонятной причине возле него у меня внезапно поднялось давление.

Немного позднее мы остановились, чтобы я отдохнула. У меня было давление 130 х 94 и пульс 120. С усилием и бравым видом я добралась до Бурона, где находился пропускной пункт. Бурон располагался среди высоких живописных гор, здание пункта было очень приличным и чистым, пограничники (среди них – одна женщина) – весьма приветливыми. Получив пропуск, мы продолжили путь в сторону селения Зарамаг. Там в 2010 году при строитель-

«Здесь сходят самые большие лавины...». Северная Осетия, Транскавказская магистраль. На фото – автор. 2012 г.

"Покинутое селение (Калак)". Ольга Кавецкая, масло на холсте 18 x 24 см. Июль 2015 г.

стве ГЭС затопили древнее погребение. Я молча сожалела.

Петляя меж огромных гор всех оттенков зеленого, желтого, коричневого и серого, мы добрались до покинутого селения Калак. Местность, иссушенная и каменистая, напоминала мертвую долину в Кадеш-Барнеа, которую посещал Лоуренс в 1914 году во время экспедиции на Синай. Затем – еще немного по серпантину, и мы прибыли в Лисри. Было пять часов вечера, тепло и солнечно.

Селение располагалось в широкой долине с отвесными склонами охристого цвета. С запада долину перегораживали острые в очертаниях горы, выглядевшие против солнца почти черными. На северной стороне долины находилось собственно селение, выделявшееся своей древней сторожевой башней. Воздух был чистейший, напоенный легкими ароматами трав.

Посреди долины, на возвышенности, находилось старое кладбище. По дороге к нему мы обнаружили источник газированной воды. Мама попробовала ее и сказала, что вода очень вкусная и похожа на газировку, продающуюся в магазинах. Я опять не решилась попробовать.

Путь к кладбищу вел по высокой – почти по колено – траве. Мама была в туфлях и не отважилась идти, опасаясь змей. У меня были сапоги – довольно тонкие, но я змей привычно не боялась и смело отправилась с Хасаном к захоронениям.

Хасан давал кладбищу лет пятьсот и описывал какие-то удивительные резные памятники, смутно запомнившиеся ему. Когда мы приблизились, я увидела совсем иную картину.

На небольшом участке (примерно пятнадцать метров на двадцать) из густой и высокой травы поднимались коричневато-серые обломки скал (сланец), местами покрытые яркой желто-оранжевой плесенью. Одни из них представляли собою прямоугольные куски высотой около метра, другие – четырехгранные неровные столбы метра четыре высотой, третьи были невысокими острыми зубьями. Меж них стояли несколько серых каменных крестов – крупных и тяжелых, бывших скорее камнями, чем крес-

тами. Почти все высокие памятники покосились, и только маленькие и незаметные гордо стояли прямо. По предположению Хасана, высота надгробий зависела от социального положения погребенного. Посреди кладбища находились руины какого-то небольшого строения из каменных кирпичей, около 170 см. высотой: должно быть, то была часовня.

Ничего резного, ничего художественного на кладбище не было: был сонм обломков гор – над могилами горцев, подобный множеству человеческих теней, устремленных к востоку, в даль, где горы уходили в небо.

Я осмотрела все надгробия, неспешно бродя от одного к другому по высокой спутанной траве, в которой скрывались каменные плиты. Я не только ни разу не запнулась, но даже не подцепила паутину, которую не люблю.

Надгробия были лишены надписей («Писать не умели», – объяснил Хасан). Только на одном памятнике значилось: «Елкань...» – и дальше что-то неясное. Дата была «... сентября 1918». Примечательно, что это имя встретилось мне накануне ночью при чтении «Истории Древнего Израиля»: «Самуил, сын Елканы...». На мой взгляд, кладбище относилось к девятнадцатому веку – началу двадцатого.

Несмотря на то, что кладбище являлось относительно новым, могилы не посещал никто – кроме пауков. Пауки были замечательны: размером с крестовика, толстые, круглые, с короткими лапками, коричневато-серой окраски и вида чрезвычайно ленивого. Паутина их была удивительно велика и прочна (я приняла ее за леску), а сами они жили в тщательно сплетенных круглых жилищах на памятниках и чертополохе. При всем своем нерасположении к таким созданиям я не могла не восхититься этими горцами.

Обратно мы выехали в 18.30. Солнце садилось, на горы легли глубокие синие тени, а в воздухе сильнее проявилось благоухание трав.

Мне запомнился путь по Зарамагскому ущелью: неасфальтированная дорога вдоль пропасти, до которой было

"Осетинское кладбище (Лисри)". Ольга Кавецкая, масло на холсте 18 x 24 см. Июль 2015 г.

Осетинское кладбище конца XIX - начала XX вв. с. Лисри, Алагирский р-н, Северная Осетия.
Фото автора, сентябрь 2012 г.

В с. Лисри, Северная Осетия. На фото – автор. 2012 г.

Лисри. 12 сентабры 2012 г.

около полутора метров и... никакого ограждения. Напротив, через глубокое и широкое ущелье, возвышалась гора, вершину которой окутывали облака – легкие, как туман. Мы находились почти на их уровне.

К восьми часам вечера стемнело. В гостиницу мы вернулись в 20.50. Таксист взял за поездку сумму, достаточную только для того, чтобы покрыть расходы на бензин.

Больше я не видела гор, к которым стремилась еще до того, как узнала их. «За что я люблю горы? Есть в них драматическая сила – как в “Реквиеме” Михаэля Гайдна: некое надмирное начало, сопряженное с трагедией земного существования» (12 июля 2013 г.).

Кладбища для изучения были и во Владикавказе. 15 сентября мы прошли по православному кладбищу на ул. Дзержинского. Желтая церковь, красная часовня, вокруг – под деревьями – погребения. Большею частью они были 1940-х годов, самое старое из увиденных относилось к 1896 году. Когда осматривали кладбище, из церкви доносилось возвышенно-печальное пение, исчезающее в тени ветвей. Неподалеку от церкви в земле зиял провал, примерно 30 x 40 см., черный при свете солнца. Возможно, там был склеп.

На следующий день мы обследовали кладбище по ул. Пушкинская (Новоосетинское). Огромное пространство тесно расположенных захоронений XX века под пирамидальными тополями. Новые чудовищно роскошные памятники: из черного мрамора с большими изображениями покойных (иногда – в полный рост), местами – скульптуры и барельефы, над некоторыми надгробиями была устроена крыша вроде беседки. Очень редко можно было увидеть крест – и то не очень верилось в искренность.

После таких прогулок – вполне закономерный сон: мама работает в похоронном бюро. Приезжает некий иностранец, говорящий по-английски, чтобы выбрать себе место погребения. Я должна переводить, но от волнения позабыла английский. Придумываю какое-то объяснение, но оно оказывается ненужным: иностранец знает русский.

Мама готовит для него торжественный ужин. Где-то там присутствует бабушка. Я говорю ей: «Зачем ему ужин, если он собирается умирать?»

18 сентября мы посетили Иноверческое кладбище. Тишина, покой, скромные надгробия 1940-50-х годов, немного современных. В одном углу – иудейские погребения конца девятнадцатого-начала двадцатого века: белые камни с закругленной вершиной и надписями на иврите (иногда – на иврите и на русском). На некоторых была высечена звезда Давида. На одном, почти незаметном в траве у тропинки, значилось: «... пришелец к Израилю, умерь в 1894 году, 40 лет от роду». С другой стороны кладбища, под сенью старых деревьев, находились мусульманские захоронения.

Позднее тем днем мы бродили по университетскому парку. Было тепло, пасмурно и тихо. Оставалось еще много зелени, и только с некоторых деревьев спадали листья – словно золотой трепет был в воздухе...

14 сентября я написала небольшое эссе «Суть мироздания». Писала во Владикавказе также и стихи – пять.

Плач полночный,
Вой межстрочный:
Слышишь, Отче? –
О живом.
Страхи, страхи
Вкруг огнем.
В рвущем мраке –
Всё о нем.
Все одним пылает: «Брат!»
Одному – что в рай, что в ад.
Час полночный,
Мир межстрочный:
Видишь, Отче?
Слышишь, брат?

20 сентября 2012 г.

Перед отъездом у меня приключилось очередное зубное воспаление, с температурой, лихорадкой и болью в челюсти. С тем и уехала.

Мысли об издании

В Тверь мы прибыли в 23 часа 24 сентября. Зубное воспаление держалось, температура была 37,5° С. Первым делом я прибралась в своей комнате и вымылась, а ночью два часа просматривала свой сборник стихотворений.

К 26 сентября все мои работы были приведены в порядок: сборник стихотворений с января 2008 года, биография Лоуренса, повесть о Краусе, афоризмы, рассказы, переводы стихотворений и повести Рейда. Можно было издавать их. Но как?

«Мысли об издании, одиночество, почти отчаяние. Пять лет назад занялась самообразованием, чтобы иметь возможность создать мой дар любви “неизвестному другу”; пять лет усилия и занятий урывками, ибо в таких условиях себе не принадлежишь... И все для того, чтобы оказаться в тупике, без возможности издания – пути к этому другу!» (25 сентября 2012 г.).

Я не верила, что смогу найти читателя среди современников, и желала сохранить свое слово для будущих поколений. Невозможность издания перекрывала путь даже к «посмертному» другу. «Еще в одном издательстве отказали, без объяснения причины. Так раз за разом: ожидание – отказ, ожидание – отказ... Надежда хоть немного приглушала боль, а теперь будто все внутри выдрано и болит невыразимо» (26 сентября 2012 г.). «Пять лет усилия, а итогом всему – усталость и обостренное осознание одиночества. Подавленность, как на похоронах, и конца этому нет» (7 октября 2012 г.).

Меня постоянно мучила моя неосуществленность как человека (одиночество), теперь к этому добавлялось осознание своей невостребованности как литератора. У меня всю жизнь внутри сплошная незаживающая рана, которую обстоятельства и тщетные знакомства раздирают раз

за разом.

27 сентября мне пришла идея издать свои работы минимальным тиражом в типографии, а затем разместить их в Интернете. Идея нравилась мне только наполовину: интернетовские публикации я считала ненадежным способом сохранить произведения. Таким образом, вопрос распространения все равно остался бы открытым, и я отказалась от этой затеи.

Я скверно себя чувствовала: воспаление в челюсти прошло быстро, но продолжали держаться возникшие в начале августа слабость со вспышками оживления, субфебрильная температура (не постоянно) и легкий кашель. О болях и сбоях в сердце, а также о повышении давления говорить излишне: это было неотступным.

Несмотря ни на что, я продолжала занятия: немецкий и арамейский языки, шведский словарь, «История Древнего Израиля», книга о положении в Европе в начале XX века, изучение «влияния туберкулеза на культуру».

Вторая повесть

29 сентября я приступила ко второй повести. Замысел пришел еще 26 августа, я написала тогда одну страницу и потеряла интерес к этой вещи. Теперь взялась за нее с воодушевлением. Сюжет был следующим: молодой человек, живший бездумно и тщетно, узнает, что болен чахоткой. Поначалу это подавляет его, он чувствует себя мертвецом среди живущих, но постепенно начинает задумываться о своей жизни, что приводит к его духовному преображению. Так повествование движется от страха, тоски и смятения к умиротворению, от смерти духовной – к Бытию. Действие я поместила в конец девятнадцатого века.

«Как всегда, пишу, не задумываясь, как буду издавать. Вижу только читателя» (2 октября 2012 г.). Писала по три-четыре часа в день – то с необычайной легкостью, как если бы части приходили готовыми, то с привычным усилием, через скверное состояние и умственную усталость. 6 октября повесть была завершена. Объем ее составлял двад-

цать три машинописных страницы. Самым трудным было придумать название. Перебрав дюжину вариантов, я выбрала «За пределами страха».

7 октября я приступила к переводу новой повести на английский язык – без ясной цели, почти безотчетно. Переводить – все равно, что заново писать. Слова подбирались с такой же тщательностью, чтобы сохранить выразительность оригинала. Скорость перевода равнялась скорости написания. Так я, сама того не зная, положила начало длительному труду, итогом которого стали переводы моих работ и новые вещи, написанные на английском. Английский язык являлся *lingua franca* – языком мирового сообщества. Если моего читателя не было в России, то где-нибудь в мире он мог быть.

Нерешаемый вопрос и мое упорство

Однако то, что казалось тогда выходом, просто поставило проблему под другим углом: надо было искать издателя уже не в России, где мои книги были «неходовым товаром», а за рубежом. Я приступила к поискам. Самой привлекательной для англоязычного читателя книгой мне представлялась биография Лоуренса. Она и была предложена к изданию.

«22.55. Уснула в 9 часов, в 12 была разбужена ревом самолетов. До сих пор не отлетали. Днем – головная боль. Вечером – поиски издательства за рубежом. Ощущение ненужности и своей, и своих работ» (10 октября 2012 г.). «Чего я хочу? Человеческого и творческого осуществления, что для меня одно и то же (друг – читатель)» (11 октября 2012 г.). «Я так нуждаюсь в том, кого могла бы называть братом; так хочу любить его и оберегать, все делить с ним, быть с ним – *быть*... Касаться руки, прижиматься плечом, молчать вместе... Неужели это столь велико, что не может быть дано мне?» (22 октября 2012 г.).

На мои предложения не отвечали, и после десятка попыток я поняла тщетность новой затеи. Тогда я отыскивала какого-то мелкого издателя в Тверской области, который

занимался распространением своей продукции. Я предложила ему издать мои книги (биография, сборник стихотворений, Рейд, мелкая проза) по десять экземпляров и в простейшем виде. Он принялся подсчитывать стоимость, чем и занимался несколько недель.

Издательский вопрос казался нерешаемым. «Желая помочь своим словом, завела себя в тупик». «Когда пишешь о Боге и человеческих трагедиях, желаешь помогать своим словом и при этом мечешься в отчаянии, не имея пути к читателю, а кто-то кропает благочестивое ничто о “каблуках и землянике” или откровенную nepотpeбнoсть и при этом процветает, – это, мягко говоря, бесит». «Я хочу полноценно работать, а не мучиться среди шумов своей невостребованностью и чувством унижения, которое у меня вызывает это хождение по миру со своими работами» (24 октября). Неоднократно у меня возникало желание уничтожить свои книги, – «пока связанные с ними проблемы не уничтожили меня. Уничтожить – как живые существа, порожденные мною и, как я, ненужные» (24 октября 2012 г.). «Я устала, до безмыслия устала. Пытаюсь что-то делать, по привычке, сквозь боль и, исчерпавшись через три-семь часов, ложусь без сил. Сплю с бредом. Тянусь на обрывке воли. Зачем?

Я очень нуждаюсь в сочувствии, понимании, поддержке. “И спичка серная меня б согреть могла...” Мне хотелось быть опорой, защищать и поддерживать; теперь сама в этом нуждаюсь, устав от этих борений. Прильнуть к груди друга, брата – вот, что спасло бы меня, остановило бы эту поглощающую темноту» (27 октября 2012 г.).

«К груди брата»: для меня дружба подразумевала братство – с человеком, равным мне мировоззренчески и лично. При этом он должен был быть слабее меня: «Оберегать и поддерживать для меня неотъемлемая часть побуждения любить (дружески). Отсюда мое тяготение к юношам, не ко взрослым. Моя активность требует предмета для себя, и я едва ли могла бы создать братский союз с человеком самодостаточным и энергичным. То было бы столкновением двух порывов, мне же необходимо принятие, пассивное и благодарное» (28 октября 2012 г.).

Нездоровье, неуют, шумы, нехватка книг, трудность издания, одиночество: 12 октября 2012 года я принялась за изучение восьмого языка, испанского. Упорство мое невероятно.

В середине октября пришла затея написать еще одну повесть о Краусе. Я осуществила ее в начале 2013 года.

18 октября завершила перевод второй повести и приступила к его корректуре. «Правила пунктуацию 2 часа 15 минут, до головокружения» (20 октября 2012 г.). Корректурa была завершена 24-го.

23 октября повторилось странное состояние: «Борение, после чего сползаю на пол (так вижу во сне), пытаюсь кричать, но нет голоса, тогда я сажусь в углу и плачу от отчаяния, одна в серых сумерках – сумерках страха...».

В октябре, кроме перевода второй повести и занятия испанским, я продолжала изучать немецкий и арамейский языки, шведский словарь, дочитала «Историю Древнего Израиля», читала книгу о положении в Европе в начале XX века, внимательно и с живейшим интересом исследовала туберкулез как заболевание и культурный феномен. Я даже написала тогда очерк о нем, на трех страницах, предполагая расширить его когда-нибудь до небольшой книжицы, но так и не осуществила свое намерение. Самой примечательной книгой, связанной с чахоткой, стала биография Армана Ле Белли (1838-1864), забытого ныне французского поэта и писателя, некогда оцененного Ламартэном.

Из музыки слушала тогда любимых мною Крауса и Арриагу, добавляя иногда разнообразные похоронные марши.

Стихи конца 2012 года и Мережковский

Умонастроения того времени отобразились в моих стихах, которые шли, как кровь в перетянутой жиле:

Ночью

Перед видящим равнодушьем
Какой-то стены каменной
Бьюсь в безысходном удушье
Меж огненных змей сознания,
И ночь пыль человечью кружит
Над обломками мироздания...

28 октября 2012 г.

На краю

Чьи-то дальние отзвуки боли
Отдаются в бессильную грудь,
Будто выпетый на гобое
Катакомбный изветливый путь,
И яснее вселенская суть
За последним усилием воли.

31 октября 2012 г.

Имя

Пока блуждать между чужими,
Пока хрипеть между глухими,
Пока – не быть... В конце пути
Останется одно лишь Имя,
Как вечность, скрытая в груди.

13 ноября 2012 г.

В ноябре 2012 года я читала Д.С. Мережковского: «Я бы вынес все муки жизни, но как вынести грубость жизни?». «Туземцам острова Борнео светляки на острых спицах служат свечками: судьба писателей». «Много читающих – мало читателей. Чтобы прочесть книгу как следует, надо писать ее снова вместе с автором». «Печатать хуже, чем писать; писать хуже, чем говорить; говорить хуже, чем молчать» (и мое примечание в дневнике за 3 ноября 2012 г.: «Обо всем, что я хочу сказать своими книгами, я предпочла бы молчать с равным»).

Среди этих «Маленьких мыслей» Мережковского есть интересное замечание: «Вглядитесь в человеческие лица, мелькающие в современных толпах больших городов: какое озверение! [...] Горилла, лесная зверушка, с телеграфами, телефонами, аэропланами и броненосцами». То было сказано в начале двадцатого века, когда ценились хорошее воспитание и образованность, когда искусство привлекало многих (посещение театров или концертов было естественным для просвещенной части общества), когда новых поэтов замечали (как, например, Цветаеву), когда человек чего-то стоил... А что могла видеть я, в начале века двадцатого первого? Почти ни одного осмысленного лица в толпе, почти ни одной мыслящей и человеческой личности, – только жажда удовольствий и легкой жизни, похвальба внешним блеском, поражающее невежество, *равнодушие*... Могла ли я надеяться найти в таком обществе равного, читателя, друга? «Для кого я пишу?» – вновь и вновь спрашивала я себя и... продолжала писать, в постоянном борении с собой и обстоятельствами.

Если его нет сейчас, он может прийти завтра. Даже у одичавших может родиться кто-то настоящий, кто последует своему пути.

У пророка Амоса есть идея об «Оставшихся», которые выживут и унаследуют Царство Божие. Из нынешнего разъединенного равнодушного множества останутся живые единицы. Надеюсь...

Тоска, работа, новые странные случаи

В ноябре 2012 года мое физическое состояние ухудшилось. Появились резкие боли в правой стороне груди (как нож воткнутый), сильная одышка, жжение в трахее и бронхах – при той же субфебрильной температуре. Предполагаю, что причиной были спайки в легких.

Телесные недомогания я привычно преодолевала, но духовно держалась с трудом: издательский вопрос, наложившийся на усталость от биографии, и неотступное одиночество медленно уничтожали меня. «Все мои способ-

ности, все стремления сосредоточены на одном – друге. И это – простейшее, скромнейшее желание – неосуществимо!» (17 ноября 2012 г.). «Боль уже все мыслимое превзошла. Пытаюсь что-то читать, что-то еще учить, но сквозь все – она. Слезы каждый день» (15 ноября 2012 г.). «В тринадцать лет я спрашивала: “Что значит быть здоровым?” И при всех своих недомоганиях я ни разу не пожелала себе здоровья. Друг – вот, что было моим единственным желанием» (25 ноября 2012 г.). Друг стал бы и моим здоровьем, ибо все болезни происходили от тоски по человеку.

«Всю жизнь – стремление к человеку, и всю жизнь внутренний вой невыносимого одиночества, неестественного для меня. Я не могу, не умею быть одна, ибо хочу любить, защищать, дарить теплоту – стать ею для друга. И с того осеннего вечера начала 90-х, когда я в деревне, тоскуя по Рачику, смотрела в разделявшую нас темноту за окном – невероятную, непостижимую для меня темноту, – с того взгляда длится внутри это мучительное: “Друг, где же ты?” Тогда мне было пять лет, теперь – двадцать пять, а я так же смотрю в черноту, в которой для меня больше нет никаких Рачиков – даже вдали. “Брат, где же ты? Я люблю тебя, брат...”» (21 ноября 2012 г.).

«И я хочу писать. У меня три замысла повестей, несколько работ, пригодных для перевода, затем идеи меньших вещей: все это живо и мучительно внутри. Оказываюсь в глупейшем положении: с одной стороны – настойчивое творческое побуждение (с целью нести благо), с другой – подавляющие обстоятельства» (17 ноября 2012 г.). «Нести добро своим словом: благословить. И, если бы в ответ услышать: “Твое слово спасло меня (от боли, отчаяния, сомнения),” – это было бы моим осуществлением» (19 ноября 2012 г.).

В ноябре я перевела на английский свои рассказы «Обретенная любовь» и «Воспоминания погибшего ребенка», часть афоризмов и эссе «Когда портреты говорят». 25 ноября пришло название для сборника стихотворений – «Только слово живет».

Я продолжала изучать языки, читала биографию Армана и о туберкулезе как явлении в литературе, а также о методах его лечения в восемнадцатом веке. Из музыки слушала Крауса, Арриагу, Джорджа Пинто (1785-1806), похоронные марши, пробовала Б. Бриттена («Военный Реквием»). Почитала немного проповеди Ж.-Б. Массийона из книги, изданной в 1848 году: «Доброжелательность является неотделимой чертой и признаком величия. [...] Самые высокие места всегда ниже великих душ, ибо нет ничего выше них. Гордыня берет начало в посредственности. Люди прикрывают ею свои недостатки и слабости, которые эта гордыня выдает и являет сама собою...».

В том месяце были два примечательных случая. 7-го просыпаюсь в 15 часов с мыслями о знакомой по переписке. Сквозь полусон думаю: «Если ты делаешь мне что-то дурное, это тебе и отзовется. Зря ты это делаешь!». Вечером обнаруживаю в электронной почте скверное письмо от нее, отправленное в 15 часов.

Вечером 23 ноября воздух потряс некий взрыв. «Где-то цистерна взорвалась», – предположила я. Так и оказалось: в другом районе города взорвалась цистерна с пропаном. (У этого происшествия были такие подробности: огонь от взрыва перекинулся на четыре пустых автобуса и несколько припаркованных маршруток. Молодежь, жившая в окрестностях, с удовольствием фотографировалась на фоне пожара, попивая пиво. А ведь не было известно, не погибли ли в пожаре люди. Сравните это с фактом из истории: 1918 год, аравийская пустыня, восстание арабов против турок-поработителей. На горизонте – зарево бомбардировок, наносимых союзниками-англичанами по турецким расположениям. «Помоги Аллах тем, кто находится под этим огнем», – молятся арабы за своих врагов...).

28 ноября снился интересный сон: я с мамой нахожусь в каком-то большом доме. К нам кто-то рвется. Я выхожу в коридор и вижу, что мама пытается прогнать некоего человека. Я беру кол и нападаю на него. Он отступает вглубь коридора, мама остается позади; я ударяю его колом по плечу, в грудь, живот и, к своему ужасу, обнаруживаю, что он неуязвим и не человек вовсе. Тогда я отбрасываю свое

орудие, беру щепотку соли и бросаю ему в глаза. Это действует, и я продолжаю, пока не нахожу, что вместо глаз у него – пустые черные глазницы...

Повесть о румынском гении и небывалый снегопад

24 ноября 2012 года я «познакомилась» с Карлом Фильчем – гениальным румынским музыкантом, что был любимым учеником и другом Шопена. Фильч родился в 1830 году, был последним из шестнадцати детей в семье священника. С четырех лет обучался игре на фортепиано. Трогателен случай, как он, четырехлетний, играл на фортепиано, а старший брат, Йозеф, позвал его на прогулку. «Я не могу, – ответил Карл, – я работаю». К Шопену он поступил, когда ему было одиннадцать лет, а композитору – тридцать один год. Мальчик оказался наделен не только музыкальными способностями, но и даром понимания. Однажды Карл играл одно из произведений Шопена в присутствии композитора и Йозефа. В какой-то момент Йозеф заметил, что Шопен плачет. «В чем дело?» – растерялся Йозеф. «Он играет так, как сыграл бы я сам», – был ответ. Может быть, из всех знакомых Шопена лишь Карл Фильч понимал – чувствовал – его. Карл умер от перитонита, не дожив до пятнадцати лет.

28 ноября я проснулась с мыслями о Фильче и приступила к новой повести, главным героем которой стал он (или, точнее, его образ). Идеей повести было противопоставление детской изначальной чистоты и взрослого мира калечащих условностей и предрассудков.

Работе способствовала тишина... 27 ноября я, глядя в окно на голую землю, произнесла задумчиво: «Опять зима без снега начинается». На следующий день началась метель. За день 29-го выпала месячная норма осадков. Автомобилисты выкапывали свои машины из сугробов, чтобы, отъехав, застрять в других; фуры с окружной дороги пустили через город, и они встали; снегоуборочной техники не хватало, к тому же ей мешали фуры. «Техника не про-

шла потому, что встали фуры, а фуры встали потому, что не прошла техника». По всей Твери произошел замечательный транспортный коллапс, отчего объявили чрезвычайное положение. Тишина была неслыханная.

Повесть создавалась легко только несколько дней, а затем возобновились шумы. Я закончила ее через силу 5 декабря. «Вместо удовлетворенности – боли в сердце (руку не поднять) и мысли о том, что еще одна работа ляжет в ящик». В повести получилось одиннадцать страниц. Название долго не приходило. «Полтора часа думала. Невыразимая идея! Надоело искать» (14 декабря 2012 г.). 15-го осенило: «Там, где совершаются таинства».

Удивительные сны и мои занятия

1 декабря 2012 года – сон: на небе, в самом зените, полупрозрачными облаками сложены изображения Девы Марии с младенцем Иисусом в окружении святых – наподобие работ Рафаэля. Взоры изображенных обращаются на землю, и лица их искажаются страхом и скорбью... Затем я иду по улице и, будто пророк иудейский, со страшной радостью возглашаю о бедствиях, от которых однажды будут «крик и вой по всей земле»...

12 декабря видела во сне начерченный на небе льдыстыми линиями круг с расходящимися во все небо лучами.

19 декабря еще один удивительный сон: в ясном небе переливаются льдистые перистые полосы – от зеленого к ярко-синему. Смотрю на них в изумлении и очаровании. Позднее оказываюсь в помещении наподобие дворцовой залы, где вновь вижу это мерцание и замечаю, что оно исходит от пребывающего там Христа. В простом одеянии вроде плаща серо-песочного цвета, в головном уборе наподобие арабской куфии, с небольшой бородкой, Он сидит по-турецки на постеленной на полу ткани и смотрит на меня с неизъяснимой добротой, даже улыбается мне, тем самым привлекая к Себе. То мерцание присутствует в Нем и вокруг Него. Я с готовностью приближаюсь. Он встает, обнимает меня и вместе со мною возносится – прямо с ме-

ста, без каких-либо движений. Одежды Его приобретают отчасти зеленовато-синее мерцание. Я в некотором замешательстве вспоминаю, что на земле осталась мама. На небесах вижу Бога в образе старца с белой бородой (вроде изображенного у Микеланджело). Он решает вернуть меня обратно – то ли из-за моей неподготовленности, то ли оттого, что какие-то дела остались незаконченными. Прижав меня к себе, как ребенка, он мчит меня по переходам и лестницам, пока я не оказываюсь на земле...

Со сном в то время было почти столь же скверно, как в 2008 году. Сначала я два-три часа не могла заснуть, затем на час-полтора забывалась в смутную грезу, после чего резко просыпалась еще на час-два – и так все время, отведенное для сна.

С 10 по 26 декабря переводила на английский «У Бытия твое тепло», с 27-го по 30-е декабря корректировала: «Вчера все утро и полдня – за этими проклятыми корректурами. Закончила. 13, 5 страниц. Дикий труд, ненужный никому» (30 декабря 2012 г.).

Вернулась к эссе о музыке Крауса. Читала о туберкулезе на итальянском и английском, учила арамейский словарь и испанскую грамматику, практиковалась в немецком. Начала читать письма Крауса: «С восторгом, будто сама их получила» (20 декабря 2012 г.). Слушала Крауса, Арриагу, Фильча, Шопена, Дж. Пинто.

Физическое состояние немало мешало работе: «Утомляемость раздражающая: хотелось поработать день (тихо!), но нет сил. Одышка: прошлась по квартире и минут пять – запыхавшись. Грудь словно сжата» (25 декабря 2012 г.). «С 10 до 11 часов – уборка у себя, через силу – едва сознание не теряла от слабости» (24 декабря 2012 г.). «Одышка до удушья (сидела за столом, работая, запыхавшись – как будто из последних сил бежала; вся грудь стянута)» (26 декабря 2012 г.).

2013

Работы и трудности

Новый год я встретила с «Мститель грядет» из оратории Крауса и чтения на итальянском о туберкулезе.

Издательский вопрос перекочевал в новый год: «Все утро – мысли об издании. Даже такое ничтожество как издать несколько экземпляров в простейшем виде с самостоятельной реализацией стоит диких денег. И это при том, что я не могу купить интересную мне книгу и, черт побери, вставить зубы!» (2 января 2013 г.). Следствием многократных тяжелых абсцессов и невозможности обратиться к врачу из-за гипертонических кризов и строжайшей экономии стало то, что я лишилась многих зубов на нижней челюсти, кроме передних. Выпадать они стали в 2009 году. С виду здоровый зуб при несильном нажатии крошился, как скорлупка. Нередко по пробуждении я выплевывала кусочки зубов. Верхние зубы держались и не боле-ли. Врачи предполагали, что причиной была водопроводная вода с высоким содержанием фтора.

«И платить за то, что я хрипела от боли, при гипертонических кризах, в тоске, в слезах; хрипела, как молитву – к Богу и брату, о Боге и брате: за это свое “Я” полуживое – платить!.. Вот, что бесит, хотя я знала об этом еще в самом начале. [...] И злость, и боль, и отчаяние. Чертово время, чертово побуждение приносить добро! Много я его принесла...» (2 января 2013 г.).

Стихи почти покинули меня: я не писала с 15 ноября до 6 января, затем последовал перерыв до 12 февраля.

С 7 по 16 января переводила на английский «Там, где совершаются таинства», с 17-го по 20 января корректировала.

14-15 января перевела со шведского стихотворение Э.Ю. Шьоберга «Весенняя фантазия».

16 января завершила изучение испанской грамматики, начатое 12 октября 2012 года, и, основательно повторив ее, приступила к испанскому словарю. Продолжала немецкий

и арамейский словари.

19 января начала писать четвертую повесть – о Краусе, озаглавленную «Без друга жизни нет». Писала бы с воодушевлением, если бы не слабость (давление, сердце и легкое) и шумы: в середине января возобновились полеты, прекратившиеся на время новогодних выходных. Мешали и соседи: «В полдень – сердце, слабость; легла, не имея сил продолжать занятия и надеясь, что часа полтора отдыха принесут пользу. И эти полтора часа – шум с нижнего этажа. Встала через силу, с давлением 149 х 84 при пульсе 132, поколотила медной ступой в пол – через силу, после чего там притихло» (27 января 2013 г.).

«Сердце спотыкается каждый день. Тоска невыразимая. Глаза закроешь, – и в пустоту шепотом: “Брат мой!” – как будто он услышит, коснется руки, и больше не будет никакой боли» (26 января 2013 г.).

В январе начала очередную корректуру повестей, рассказов и афоризмов, а также их переводов, – того, что должно было составить сборник меньшей прозы (“Minor Prose”). Эта работа заняла сорок часов за две недели. Макет сборника был выслан в феврале издателю, найденному еще в июле в Тверской области. Он насчитал 20 тысяч рублей за 20 экземпляров. Издаться у него не удалось и, как показало время, это было к лучшему.

5 февраля я приступила к изучению девятого языка – датского, по учебнику на английском языке. 17 февраля грамматика была завершена (за двенадцать дней!), и я приступила к чтению и словарю. Благодаря сходству датского со шведским, изучение словаря давалось легко: так, при чтении из четырнадцати страниц текста незнакомых слов было только шестнадцать.

Я продолжала совершенствоваться арамейский, немецкий и испанский, перечитывала Арьеса, читала письма Крауса, слушала музыку его и Арриаги.

Повесть «Без друга жизни нет» писала с усилием: «Я до сих пор не отдохнула от биографии. Повесть сегодня: за 1 час – пол-страницы, потом полчаса – правки. Закончила с головной болью» (14 февраля 2013 г.). «Сорок минут пыта-

лась писать повесть (с 18-го – ни слова): три строчки!!! Чувство внутреннего тупика» (26 февраля 2013 г.). «С 2.10. до 5.10. – повесть: 2,5 страницы, безотрывно, до головной боли и давления. Но хоть что-то сделано» (28 февраля 2013 г.).

13 февраля произошло очередное кровоизлияние в левый глаз, отчего я не могла некоторое время читать.

В марте я принялась за очередную корректуру перевода своих работ на английский. Продолжала четвертую повесть, с трудом. Читала на французском о Венгрии и на испанском об искусстве, перечитывала Арьеса и письма Крауса, интересовалась костницей в Седлеце и мумиями монахов-капуцинов под Римом. Из музыки слушала Крауса, Арриагу, М.-А. Шарпентье, Й. Йохима.

Вечером 21 марта – очередное примечательное явление. Происходят два долгих сбоя в сердцебиении. Ложусь со слабостью и вскоре засыпаю. Почти тотчас возникает состояние сильного головокружения. Вижу (во сне), что лежу так, как легла, – на правом боку, горит лампа. Ощущение мучительного быстрого полета – что-то вроде падения. Хочу проснуться, но не могу. Приходит мысль, что я умираю. Мысленный крик: «Господи, избавь меня от страха!» Внезапно вспоминаю: «И Краус умирал, не боялся...» Все останавливается, прихожу в себя (или просыпаюсь). Сердце не нащупать, пульса нет (или, скорее, они столь слабые, что неощутимы). На следующий день за час – двадцать один раз острая боль в сердце, словно от шила. 25-го давление было 71 x 43.

13 апреля, в свой двадцать шестой день рождения, я закончила повесть «Без друга жизни нет». Она составила шестьдесят пять страниц. С 14 по 18 апреля корректировала ее. По завершении работы вместо удовлетворения – привычная усталость.

В апреле читала на иностранных языках, продолжала испанский и немецкий словари, слушала Крауса, Арриагу, Луиджи Джанеллу (1778-1817), Леонардо Джустиниани,

Жоскэна Дебре (1450-1521), М.-А. Шарпентье, Глюка, Джандали, Франсуа Девьена (1759-1803).

Издательский вопрос оставался неразрешенным. «Столько искала, что вроде и продолжать негде» (21 апреля 2013 г.). «Ищу, кому отдать деньги за свой труд» (26 апреля 2013 г.).

21 апреля – сон: четыре ангела в образе стройных, красивых юношей утешают меня. Я прижимаюсь в поиске защиты к одному из них – со светлыми полудлинными локонами, в темном одеянии – коричневом с пурпурным...

29 апреля приснились мои похороны. Я лежала в гробу в желтых, розовых и белых цветах. Гроб стоял на четырех низких металлических столбиках над черной мраморной плитой. По какой-то причине он опрокинулся, и я выпала. В то же время я, живая, наблюдала со стороны. «Вы хоть одеялко подстелите, – сказала я в шутку присутствующим, – а то еще раз выпадет – ушибется!»

26 апреля – новое кровоизлияние в левый глаз.

В мае читала на французском о готической архитектуре и о классической музыке, на шведском – о Стокгольме. Нашла композицию Н. Йоммелли, которую искала год. Слушала Крауса, К. Фильча, Джанеллу, Луиджи Керубини, Ч.В. Стэнфорда, Томаса Луиса де Викторию. Познакомилась с творчеством Михаэля Гайдна (1837-1806) – брата известного композитора, которого он превосходил. Его «Реквием» (1771) стал одной из моих любимых композиций.

9 мая начала переводить на английский «Без друга жизни нет». Работе мешали те же шумы: «Полеты до 2 часов ночи, с оглушительным – до вибрации в полу – ревом» (15 мая 2013 г.).

Препятствовало занятиям и душевное состояние: «С каждым годом становится все больнее, хотя, кажется, больнее быть не может: словно падение в пропасть, где нет дна – только бесконечность ужаса» (22 мая 2013 г.). «Как проблески – какая-то музыка, какое-то чтение, а потом опять темнота, и страшно, страшно... Всего-то! – живого – равного – рядом... Всего-то – и я была бы жива»

(24 мая 2013 г.).

12 мая от одиночества, неуют в квартире, усилия работать в плохих условиях и переживаний об издании случилось еще одно кровоизлияние в левый глаз, почти лишившее меня возможности читать. Правый глаз тоже был поражен: еще зимой 2012 года там появилась плавающая «сетка» – от меньших кровоизлияний. «Бродила по поселку, едва видя дорогу» (16 мая 2013 г.).

20 мая состояние усугубилось: «Сердце: удар в грудь, затем – остановка сердцебиения и мрак в глазах, от которого опустилась на пол». После этого кровавое пятно в левом глазу не позволяло мне читать несколько дней.

22 мая приснился Шопен. Мы стояли под березами на высоком берегу реки и смотрели на ее спокойную гладь...

Поездка в Белоруссию

В конце мая мы с мамой собрались, наконец, в Гродно. Об этой поездке мы подумывали еще в 2003 году. Накануне отъезда я писала стихи – на итальянском:

E sia la Tua volontà
In terra come nei cieli...

И да будет Твоя воля
На земле, как в небесах...

В то время я писала крайне мало: за семь месяцев, с ноября 2012 года, было написано лишь пять стихотворений.

29 мая мы выехали в Гродно. С собой я взяла «Божество сада» в оригинале, стихи Шьоберга, книгу на французском о музыкальных инструментах, на английском – о чахотке и «Путешествие из Парижа в Иерусалим» Шатобриана, в оригинале. Я надеялась, что поездка отвлечет меня, и зрение улучшится. На момент отъезда я едва видела из-за плавающих в глазах кровавых клочьев.

Ехали поездом, с пересадками. Сначала добрались до

Москвы, оттуда прямым поездом – на Гродно. В Гродно прибыли 30-го в 8.30. Утро было солнечным и теплым, город – спокойным и уютным, люди показались приветливыми. Я с трудом могла осознать то, что нахожусь на земле, которую мои предки покинули девяносто лет назад.

После размещения в недорогой гостинице мы отправились осматривать город. Меня прежде всего интересовали кладбища, где я надеялась найти могилы своих предков. Как нам объяснили, в городе было одно примечательное кладбище, но довольно далеко от гостиницы, и мы отложили его посещение до следующего дня. А пока направились в костел святого Франциска Ксаверия (Фарный), изумрудно-зеленые купола которого виднелись вдалеке.

Собор оказался замечательным памятником архитектуры. Возведенный в семнадцатом веке в духе барокко (разумного барокко), он возвышался над обширной площадью, как белые летние облака, и на фоне ясного неба казался невесомым и свободным – от всяческой суеты, от всего земного... На одной из колоколен часы пятнадцатого века отбивали время каждые четверть часа. В храм вела длинная извилистая лестница – почему-то странно знакомая. На крыльце стояла бронзовая фигура Христа, несущего крест и указующего в небо.

Внутри собор был в белых, коричневых и золотых тонах: белые стены, колонны и свод, коричневые исповедальни и скамьи, золотые статуи святых на главном алтаре. Возле каждой колонны – тусклые алтари святых, с большими иконами и статуями, украшенные искусственными и живыми цветами. Впереди – мерцание главного алтаря, с изобилием фигур и колонок. С потолка – три люстры в виде многолучевых звезд с лампочками по кругу.

Я поставила свечу перед образом Девы Марии (за неимением Распятия), и мы, немного пройдясь по храму, вышли. Однако, отойдя, мы решили вернуться и послушать службу: в тот день был праздник Тела Господня.

Людей в костеле собралось довольно много. Мы заняли место в последнем ряду. Служба началась с пения в сопровождении хорошо звучащего органа. Пение перемежалось чтением отрывков из Библии на польском языке. По-

слушав немного, мы тихо ушли.

Только собор, в который могла ходить моя прабабушка, напомнил мне о том, что я нахожусь на родине предков.

На следующий день мы, наконец, отправились на кладбище. Было душно, смутное солнце пробивалось сквозь пелену облаков. Мы прошли по Виленскому переулку до костела, оттуда – вниз к Неману до драматического театра, неподалеку от которого на постаменте стоял танк. Затем – поворот налево и – внезапное видение светлого желтовато-коричневого костела Обретения Святого Креста, стоявшего на высоком обрывистом холме, поросшем короткой травой и небольшим кустарником. На фоне смутного неба четко вырисовывался типичный бароккальный фасад, который показался бы чрезвычайно безынтересным где-нибудь в Италии, но здесь выглядел превосходно.

Обогнув холм, мы прошли Подгорной улицей (трассой) до улицы Подольной – обычной сельской, только с асфальтированной дорогой, причем плохой. По пути встретили лишь одного человека. Продвигаясь Подольной улицей, мы миновали железнодорожный мост и, наконец, завидели старую каменную ограду, тянущуюся по холму. Это и была цель прогулки – старое католическое кладбище.

Мы поднялись по старинной каменке, мимо деревянных домиков с одной стороны и высокой краснокирпичной ограды – с другой, и оказались перед новыми решетчатыми воротами. Открыв их, мы вошли. Кладбище располагалось по большому холму, на вершине которого возвышалась белая готическая часовня. К ней вела дорожка шириной метра два с половиной, выложенная белой и красной плиткой. Все остальное было надгробиями – обширным полем крестов, плит, стел и прочего. За часовней сгустились тучи. Прекрасное то было зрелище: надгробия, уходящие по холму в небо. Редко можно увидеть кладбище, горизонтом которого были бы не деревья, не стена, не дома, но только небо, ничем посторонним не затененное.

Было тихо, ни единой живой души, и только ветер шуршал листвой низких кустарников.

Мы медленно двинулись по дорожке. Я с удивлением и восхищением рассматривала памятники. Они были необыкновенны: трогательная белая фигурка скорбящего ангела, склонившегося на крест в коленопреклоненной позе; кирпичного цвета стела с барельефом, изображающим Христа в Гефсиманском саду; гранитные стволы с обрубленными ветвями; трехметровые круглые башни, облицованные камешками и черепками; черная ребристая чугунная колонна с нарочито обломленной вершиной; полуразрушенный кирпичный «домик» с выросшей на нем рябинкой... Фамилии были тоже удивительны, будто со страниц старых романов о дворянстве: Денкер, Денгель, Эльсмонт, Легри, Лерше, дель Кампо-Шипио... Кладбище являлось замечательным произведением искусства, усовершенствованным Временем.

Это старое кладбище и было Гродно тех лет, когда в нем жили мои предки. На погосте лежали те, кто их окружал: их соседи, знакомые, прохожие, которых они могли встречать на улицах... Я полагала, что там погребены и наши родственники. Медленно проходя по кладбищу, я читала надписи на надгробиях, ожидая увидеть знакомые фамилии. Их не было.

На кладбище было около двух тысяч захоронений. Если исследовать все, то наверняка можно найти искомое... Так я поставила цель отыскать могилы своих предков.

Когда я находилась рядом с запертой часовней, с нее внезапно раздался бой часов – мелодичный, глухой, беспешный, напоминающий похоронный марш. Странно было слышать его, стоя посреди пустынного кладбища! Небо было затянуто тучами, и порывистый ветер бродил меж могил...

Из тишины надмирной – мерный бой,
Как часа третьего отдавшаяся сила
По всем сердцам – по всем Твоим могилам,
Исполненным последней глухотой.

Католическое кладбище в г. Гродно (Белоруссия). Фото автора. 2014 г.

Уголок католического кладбища в г. Гродно. Две колонны на заднем плане возведены над погребениями 1830-х гг. Могилы посещать уже некому, но город заботится о кладбище: на колоннах сделаны крыши, чтобы уберечь их от разрушения.
Фото автора, сентябрь 2014 г.

Нет ничего: все будет или было.
Нет никого, но через мглу земную
Стучит к душе, оставшейся живой,
Из тишины надмирной мерный бой,
Как будто плач о всех живущих всеу.

2 июня 2013 г.

Католическое кладбище в Гродно было открыто священником Йозефом Мучиньским в 1792 году, а закрыто в 1939-м. Часовню возвели в 1822 году (колокольню – в 1907-м).

Особенностью кладбища является то, что погребения осуществлялись в подземных склепах. Склепы обычно составляют три метра глубиной, три длиной и два с половиной шириной. Потолок склепа сводчатый. Свод и стены выложены из красного или белого кирпича. Умершие покоятся в закрытых каменных саркофагах. Монументы стоят над стеной, не на своде. Некоторые погребения накрыты массивной каменной плитой. Могилы расположены просторно, оград вокруг них обычно нет.

Эпитафии подробны: можно узнать не только имя покойного и годы его жизни, но и род его занятий и причину смерти. «Кароль Денкер, студент Петербургского университета, умер в 1907 году, двадцати трех лет...». «Франциск Боровский, студент Виленского университета, умер в 1803 году...». «Такой-то, ученик III класса гимназии, умер тогда-то, семнадцати лет...».

Около четверти погребенных в девятнадцатом веке скончались в возрасте от двадцати до тридцати пяти лет, что дает основание предполагать, что одной из основных причин смерти являлась чахотка.

Погребенные были священниками, военными, врачами, служащими, студентами, гимназистами... Почти все они принадлежали к дворянству. На кладбище есть также несколько могил немцев и французов.

Я обнаружила четыре эпитафии на стенах часовни. Две, на западной стене, были выцарапаны по свежей штукатурке; одна из них датировалась 1828 годом. Мне не

удалось разобрать эти надписи. Еще две эпитафии находились с восточной стороны храма. Одна – едва различимая, длинная, неровно выведенная по штукатурке – располагалась на высоте двух метров, длась вдоль слабо-заметного углубления вроде замурованной ниши. Я смогла прочитать только имя, год смерти и возраст погребенного. Это был мальчик тринадцати лет по имени Матеуш, умерший в 1830-х годах. Я собиралась исследовать надпись позднее, но, к моему сожалению, ее основательно заштукатурили, не заметив.

Исчезло твое имя в пустынной немоте
Людских сердец, – чтоб навсегда остаться
Над торжеством крестов в Господней высоте
Святою тишиной возлюбленного Брата.

Другая эпитафия на той же стене находилась в нескольких метрах левее и выше Матеуша. Это была черная каменная табличка с изображением креста и надписью: «Тадеуш Ясинский. Погиб при обороне Гродно в сентябре 1939 года. Жил 13 лет». Даже зная о бессмертии души, мучительно было видеть эти «13 лет» на надгробной табличке.

Захоронения при церквях считались почетными. По всей вероятности, Матеуш был служкой, а Тадеуш совершил какой-нибудь героический поступок.

Познакомившись с кладбищем 31 мая, мы вернулись туда на следующий день. Я верила, что смогу отыскать могилы своих предков – тех, кого видела на старых фотографиях в толстом альбоме девятнадцатого века, и мне не терпелось приступить к поискам. Особенно мне хотелось найти погребения кого-нибудь из семейства Кавецких, а то и самих Борисика и Женейку (так их называли).

По дороге на кладбище мы зашли в костел Обретения Святого Креста. Там, меж стен XVI-XVIII веков, царила полная тишина, хотя холм, на котором стоял храм, огибала оживленная дорога. Интерьер костела был в бежевых и

коричневых тонах. Возле колонн нефа располагались темные алтари с иконами и фигурами святых. Впереди сиял красный главный алтарь. Над входом помещался небольшой орган. У левой стены находилось погребение под лакированной деревянной крышкой.

На левой стене была прикреплена табличка с именами упокоенных в храме. Среди них значилась фамилия Мороз. Она относилась к некоей Петрунелле (1780-1806) и еще двум-трем женщинам. Может быть, они были из нашего рода.

Придя на кладбище, я прошла от часовни вниз к окраине и обнаружила черный прямоугольный памятник. На нем крупно значилась фамилия Кавецкий. Я с любопытством и некоторым благоговением приблизилась. На надгробии было выбито по-польски:

Францишек Кавецкий.

Жил 27 лет.

Умер 10 июня 1901 г.

Далее следовало трогательное четверостишие от близкого человека, начинавшееся характерным оборотом: «Угас Францишек в расцвете лет». Так в то время писали об умерших от чахотки.

Могила Францишека была обнесена низким бетонным бордюром. Ее покрывала недавно скошенная трава: за кладбищем ухаживали. Никаких следов пребывания близких на погребении не было. Рядом располагались две отгороженные могилы, памятники на которых были без надписей.

Кем он был, этот Францишек Кавецкий? В семейном архиве такое имя не упоминалось. С равной вероятностью его можно было считать родственником, как и не считать. Независимо оттого, кем он мне приходился, я почувствовала расположение к погребенному – за его фамилию и возраст.

Я бродила по этому кладбищу несколько дней, но знакомых имен больше не встречала. Тогда мы решили поис-

кать их на другом погосте и направились в Занеманский форштадт (как назывался тот район города во времена моих предков). Там располагалось большое кладбище, захоронения на котором производились примерно с конца девятнадцатого века.

Первое впечатление от кладбища было – неуют. Нескошенная высокая и густая трава, теснота захоронений в тени старых кряжистых деревьев (почему-то пронумерованных), неухоженные покосившиеся памятники... Некоторое оживление вносили фамилии погребенных. Трогательно было прочесть на надгробиях: Комар, Капуста, Баран, Козел, Соболь, Сорока... Или увидеть мирное соседство Зайчика и Волка. Это было белорусское кладбище.

Мы честно просмотрели около половины погребений, но не обнаружили ни одной знакомой фамилии. Тогда мы отправились исследовать старое православное кладбище, расположенное рядом с католическим.

То было обширное пространство живописных покосившихся монументов в хаосе разноцветных оград, густого кустарника и цветов, живых и искусственных. Близ окраины стояла белая часовня с золотым куполом.

Погребения большею частью относились к концу девятнадцатого века – началу двадцатого. Самое старое из увиденных мною захоронений было 1814 года – генерал-лейтенанта Сергея Ланского.

Фамилии там тоже оказались достопримечательны: Лось, Кисель, Пузыня... И меж них: барон фон Бреверн (ум. 1886 г.). Морозов, Кушиковичей и Кавецких не было и там. Создавалось впечатление, будто мои гродненские предки в Гродно и не жили – или жили временно.

С интересом осмотрев этот погост, мы вернулись к католическому кладбищу и продолжили исследовать его – каждый день, по несколько часов, до самого отъезда. «Что я буду читать в Гродно?» – спрашивала я себя по пути туда, сожалея о том, что взяла мало книг. В Гродно я читала эпитафии!

Даже видя тщетность поисков, я не теряла надежды найти могилы предков, узнать даты их жизни и «познакомиться» с теми из них, свидетельств о которых у нас не

сохранилось. И я упорно бродила меж старых погребений, около трети которых скрывала еще не скошенная густая трава. Там приходилось ставить ногу наугад, не зная, куда ступаешь – на землю, могильный камень или – в пустоту: некоторые из погребений провалились. Незаросшие провалы зияли чернотой, особенно жуткой и печальной в солнечный день. Над зиянием гордо возвышались аристократические памятники, меж которых деловитые паучки ткали серебристые паутинки.

В некоторые провалы проникал свет. В одном из них луч солнца высветил в сером пыльном пространстве закрытый каменный саркофаг. В другом, довольно большом, но незаметном на поверхности, свет растворялся в неизвестной глубине...

Если бы я провалилась, выбраться без посторонней помощи было бы невозможно: склепы имели ровные, гладкие стены. Звать же на помощь было бесполезно: маму я оставляла возле часовни, а больше никого на кладбище не было. Как бы то ни было, я ходила там столь уверенно, словно по ровной площади, и не только не разу не оступилась и не запнулась, но даже не подцепила на себя паутину. Так было со мною на всех кладбищах: и в далеком Лисри, и в Пухтиной Горе, и на мемориальном кладбище под Тверью... Казалось, покойные охраняют меня, приходящего к ним, как к своим...

Кладбище было для меня уютным и дружелюбным пространством, отрешенным от нечистоты и суетности земного мира. Стоило мне войти за кованые ворота, как заботы покидали меня, а одиночество прекращалось. На кладбище, среди останков, я никогда не чувствовала себя одиноко.

К тому же кладбище является особым завораживающим миром. Бродить там – все равно что читать увлекательную книгу. Поколения жили, страдая и радуясь, и исчезли, но остались имена. Читая их внимательно и участливо, словно молитву, мы возвращаем их к жизни, и они отвечают – странным благоговением в нашей душе, как в храме...

10 июня я прекратила поиски родственников и просто

бродила по кладбищу, радуясь спокойствию, аромату жасмина, бабочкам, цветам и зеленой траве. По какому-то неодолимому велению я оказалась возле могилы Францишека Кавецкого. Я немного постояла там, мысленно обращаясь к погребенному, а потом опустилась на край бетонного бордюра, достала наушники и плэйер и... принялась слушать музыку: Крауса, Фильча, Джустиниани, Глюка... После этого пребывания на могиле я чувствовала себя столь хорошо, словно исчезло все дурное, что ощущалось обычно.

На следующий день «мы» опять слушали музыку, – и так до самого отъезда. Музыка была соответствующая: реквиемы, мизерере, похоронные марши... Я шутила в дневнике: «В прошлом году были похоронные марши, погребения (Арбес), чахоточные... В этом еще примечательнее: похоронные марши на погребении чахоточного!» (12 июня 2013 г.). Одной из композиций было «De profundis clamavi» Глюка. «De profundis clamavi» в переводе с латинского означает «Из глубины взываю». Только позднее я поняла, сколь забавно было слушать композицию с таким названием, сидя над склепом и рискуя в самом деле воззвать из глубины!

Кроме того, я читала «с Францишеком» латинский Псалтирь.

Мне было всякий раз жаль уходить с кладбища, как из гостеприимного дома. «Мне теперь даже гор не надо – лишь уголок на погребении рядом с черным памятником, овеваемым ветвями небольшого куста. Там нет одиночества» (17 июня 2013 г.).

Из жизни возвращаясь в темноту,
Я, как псалмы, твержу одно и то же,
Но ощущаю ту же пустоту,
Где – только шаг неосторожный...
И плоскости разъятого пространства
Глухую боль несбывшегося братства
На эхо обессиленное множат.

12 июня 2013 г.

Автор читает Библию на латинском у могилы Францишека
Кавецкого. Гродно, июнь 2013 г.

Костел Обретения Святого Креста в г. Гродно.
Фото автора, июнь 2013 г.

Прогулки по кладбищу пошли мне на пользу. 7 июня, первый раз с конца мая, я смогла читать: следы кровоизлияний в глазах уменьшились. Кроме того, вернулись стихи: за шестнадцать дней пребывания в Гродно я написала шесть стихотворений.

Кроме кладбищ, меня интересовали храмы – как памятники архитектуры. Мы осмотрели снаружи древнюю Борисоглебскую церковь, выстроенную в двенадцатом веке на высоком берегу Немана, затем побывали в небольшом и уютном костеле Матери Божией Ангельской (1635 г.), зашли в костел Благовещения, напомнивший из-за единственности нефа зал, посмотрели на кирху, которую стоило бы отреставрировать...

15 июня мы выехали в Тверь. В поезде, ночью на 16-е, мне приснилось, что мы на кладбище. Мама поставила кому-то два белых православных креста, после чего настала моя очередь поставить крест на могиле Францишека – или хотя бы положить маленький крестик... На этом я проснулась.

Возвращение в Тверь было неприятным. После покоя кладбища и уюта на погребении Францишека обычные трудности казались невыносимыми. Всю ночь по приезде (на 17-е) я плакала. Было что-то еще, кроме одиночества, неуют и издательского вопроса, что смутно угнетало меня... Через несколько дней я узнала, что 18-го утром скончался муж моей троюродной бабушки, к которому я привыкла с детства. Ему было восемьдесят шесть лет.

Генеалогические изыскания

Вернувшись в Тверь, я возобновила свои занятия: перевод «Без друга жизни нет» на английский, чтение о туберкулезе, чтение на иностранных языках... Работе, как всегда, мешали шумы – в частности, полеты, длившиеся часами.

19 июня мне захотелось найти какие-нибудь сведения о Францишеке Кавецком. Я принялась искать в Интерне-те.

Случайно я наткнулась на списки выпускников Литовской духовной семинарии и Виленского духовного училища. В первом мне встретился Игнатий Мороз, выпускник 1855 года, мой прапрапрадед; во втором – Степан Кушикович, выпускник 1881 года, брат моей прапрабабушки. Так начались генеалогические изыскания, при которых я за месяц просмотрела около сотни «Памятных книг» – Гродненской, Виленской, Подольской и других губерний.

Именно в ходе этих изысканий мне удалось раскрыть семейную тайну, установив, что отец моей прабабушки Елены Михайловны был не учителем гимназии, как она говорила, а полицейским. Я встретила упоминание о нем в «Памятной книге» Гродненской губернии за 1899 год. Там значилось: «Михаил Игнатьевич Мороз, имеет медаль “За спасение погибавшего,” окончил Виленское духовное училище, женат, на службе 1 год, в должности с 1897 г.». Запись о нем находилась в разделе «Волковский уезд, Уездное полицейское управление». Михаил Игнатьевич был там в то время регистратором. Я смогла проследить его карьерный рост до 1909 года, когда он стал полицейским надзирателем г. Пружан (Гродненская губерния) с титулом «коллежский секретарь». В годы советской власти упоминать об родственниках-полицейских было опасно, и прабабушка превратила полицейского в скромного учителя гимназии.

По крупицам, которые я извлекала из «Памятных книг», мне удалось установить годы рождения и смерти некоторых из своих предков, узнать о них новые факты, «познакомиться» с неизвестными дотоле родственниками. Так, например, я узнала, что дед Борисика и Женейки Кавецких, Даниил Петрович, был ревизором Контрольной палаты с титулом статского советника, а отец Михаила Игнатьевича Мороза, который служил полицейским, был уважаемым священником, имевшим церковные награды. Я даже смогла расшифровать инициалы на фотографии 1916 года, подаренной моему прадеду Николаю Ивановичу Галахову неким В.В., с которым он учился в Духовной семинарии. В.В. прочиталось как Валерий Воскресенский.

Отсутствие сведений тоже давало пищу для размыш-

лений. Почему в «Памятных книгах», в которых записывали служащих, военных и духовенство, не упоминались Кушиковичи, кроме некоего священника Маркиана из Гродненской губернии конца девятнадцатого века? Простыми людьми они не были. Это отсутствие сведений навело меня на мысль о том, что они являлись помещиками – и, может быть, даже не в Гродненской губернии. В Гродно родилась моя прабабушка Елена Михайловна. Но в те времена перемещали всех – и служащих, и военных, и священников. Вполне возможно, что Гродно было только одним из мест жительства Михаила Игнатьевича.

Францишека в «Памятных книгах» не было: видимо, он не успел поработать. Не было в Гродненских книгах и других Кавецких – до переезда туда Даниила Петровича в 1902 году. Кем мог доводиться ему таинственный Францишек, я так и не узнала. Но установила, что Кавецкие Польши и Белоруссии были ветвями одного дворянского рода.

Найденные сведения о родственниках я аккуратно выписывала и упорядочивала. Я привожу их в Приложении.

Изучение «Памятных книг» было занятием не только увлекательным, но и веселым. Чего стоили фамилии! Ватман, Штемпель, Путрамент из Ковенской губернии 1840-х гг., Плющевский-Плющик и Наплющиц из Витебской 1833 г., Слижень и Пергамент из Виленской (1860 и 1915 гг. соответственно), Попохристо из Минской 1896 г., Около-Кулак из Могилевской 1898 г. и превосходный Твербус-Твердый из Ковенской 1847 г. А имена! Никтополион, Сервилий, Доримедонт... А как восхитительно звучало: Амфилохий Бука (Черниговская губ., 1833 г.), Ахилес Медузский (Келецкая губ., 1880 г.)... Или: Фридрих Иванович, Яков Францевич, Василий Емельянович фондер-Лауниц (Виленская губ., 1870 г.)...

Бывали и необъяснимые курьезы. Я не знала старых названий гродненских улиц. Но при упоминании в «Памятной книге» улицы Александровской (адрес Д.П. Кавецкого) мне представилось нечто вроде плана, на котором эта улица тянулась вдоль железной дороги. Я нашла план старого Гродно. Александровская улица проходила вдоль железной дороги.

Однажды мне приснилось, что я усердно просматриваю «Памятные книги». Вдруг – звон. Просыпаюсь: будильник. Сонно отключаю в досаде оттого, что он мешает работать, ложусь и... продолжаю поиски!

Работы, тоска и сны о Христе

Генеалогические поиски продолжались до 10 июля. В том месяце я, как обычно, много читала на иностранных языках и работала над изнурительным переводом «Без друга жизни нет». Кроме того, был написан рассказ «Собратья» и переведен на английский; сделан перевод на английский эссе «Начало красоты»; откорректировано эссе 2009 года «Пространство слова»; переведено со шведского стихотворение Э.Ю. Шьоберга «Голоса духа» («Переводила до изнеможения»), с английского – стихотворение Ч.Г. Сорли (1895-1915) и три стихотворения с итальянского. Читала на французском о музыке и на английском о чахотке; слушала Крауса, Шопена, М. Джандали. Занятия прерывались шумами.

Оживление, вызванное поездкой, быстро прошло, и мне опять стало скверно. Досаждала боль в правой стороне груди (в сопровождении субфебрильной температуры и одышки), легкий кашель, сбои и боли в сердце, тоска одиночества. «“Брат, брат!” – и никого. А время идет... Все это так, как если бы смотреть из окна вагона на прекрасные места, которые есть, но ты не можешь там быть, и они скользят, скользят мимо – безвозвратно» (7 июля 2013 г.).

Из-за нервного напряжения от одиночества, плохих условий работы и безнадёжного поиска издательства у меня случилось новое кровоизлияние в оба глаза. «Почти до 2 часов ночи ждала тишины (полеты), теперь пытаюсь продолжать перевод повести, почти не видя текста из-за темной паутины в обоих глазах» (10 июля 2013 г.).

21 июля – сон: довольно большой современный город, мгла, тающий снег на улицах. По городу ходит Христос, весь в черном, и что-то проповедует, но никто Его не слушает... Затем: старое католическое кладбище, обширное и

сумрачное. Иду по нему с бабушкой. Впереди – четыре могилы, где якобы погребены наши родственники: все темные, а один – белый каменный крест. Появляется Иисус, опять в черном, и ведет нас к могилам. Там показывает на захоронение с крестом. Это вроде бы могила Францишека. Указав, исчезает.

23 июля 2013 года я приняла фамилию Кавецкая как литературный псевдоним. «Трудно сознать своей фамилию, связываемую с надгробием и старинными фотографиями».

В том месяце удалось найти какое-то издательство в Воронеже, условия которого были приемлемыми. 24 июля я пересмотрела в третий раз сборник стихотворений, решив издавать его первым. По ходу просмотра мне пришла мысль пополнить переводы в нем, сделав их со всех моих девяти языков. На сей раз я не преследовала какой-либо «человечной» цели: мне просто хотелось позабавиться, удивив того, кто может однажды увидеть мой сборник.

26 июля я начала очередную корректуру переводов в сборнике “Minor Prose.”

Снова необъяснимое

В конце того июля произошел странный случай. Ночью 24-го я работала над сборником стихотворений, когда в сознании мелькнуло название «Сантьяго де Компостела». Это название города в Испании, знакомого мне по книге о церковной архитектуре, которую я читала до середины июля. На следующий день я узнала, что вечером 24-го в 6 км. от этого города скоростной поезд, двигавшийся на скорости 190 км./ч., врезался на крутом повороте в бетонное ограждение моста. Локомотив, оторвавшись, опрокинулся на бок и промчался так некоторое расстояние (машинист при этом выжил), а следовавшие за ним несколько вагонов на всей скорости врезались в ограждение...

Неожиданность и стремительность катастрофы поразили меня. «Одно мгновение – неразличимость – как лез-

вие упавшее: подними, поэт! Невозможно. А что для тебя возможно? Слово Божие не сохранило мир, а ты – его слабое эхо, пытающееся достучаться до сердец. И даже в них звуча, что ты можешь? Одно мгновение – между жизнью и смертью, между смертью и Жизнью: всё в воле Божией. *Requiem aeternam dona eis, Domine!**» (26 июля 2013 г.).

Даже в сердце живом отдаваясь,
Что ты можешь, поэт? Что ты есть?
Боль проходит своя, как чужая,
И приходит чужая, как смерть.

И мгновения – неразличимость –
Рвут тончайшую ткань бытия,
Будто лезвия между живыми:
Вот где истинно гибель твоя.

Что ты можешь? Немым криком биться,
Крест, сваливший Его, поднимать...
Силясь словом спасающим стать,
Эхом Слова неспасшего длиться.

26 июля 2013 г.

За тем последовало продолжение. Ночью на 29 июля я лежала, вспоминая испанскую катастрофу. Почему-то мне подумалось, что в это время где-нибудь тоже может что-то происходить, – и в мыслях смутно прошло: «Неаполь». Вечером я узнала, что в ночь на 29-е на трассе Неаполь-Бари автобус с сорока восемью паломниками из Неаполя сорвался в пропасть с высоты в 25 м. Тридцать восемь погибших...

Верстка первой книги и зрение

На воронежское издательство я не надеялась. Искать другие было уже негде. Я чувствовала себя в тупике. «Произойшла катастрофа в Испании: смотришь видеосъемку

* «Даруй им вечный покой, Господи» – лат.

крушения – раз-другой-третий – и ничего не можешь. Так, может быть, сейчас кто-то петлю на шею накидывает от одиночества, ты хотел бы его спасти, но тоже – не можешь» (1 августа 2013 г.). «Брат, вся моя боль, все мои дела – о тебе. Сквозь все дни мои – ты, несуществующий. От того черного окна вечернего, у которого тосковала о друге – пятилетняя! – до сих пор: ты. Как жизнь моя небывшая» (2 августа 2013 г.).

Как бы то ни было, я готовила свои книги к изданию – продолжала очередную корректуру меньшей прозы и подыскивала верстальщика для сборника стихотворений (верстка в издательстве стоила дороже самого издания). Найти такового удалось. Он запросил сумму в 4 тыс. руб., которая меня устроила. За несколько дней он выполнил свою работу. Когда я увидела макет, то пришла в изумление. Стихи были просто скопированы в шаблон, без нумерации и соблюдения полей. Опять искать?..

3 августа, в три часа ночи (когда под окном усердно взрывали асфальт), мне пришла идея сверстать книгу самостоятельно, подобрав в Интернете шаблон. В тот же день у меня случилось новое кровоизлияние в левый глаз. С этим я отыскиала 5-го нужный шаблон и приступила к работе.

Шаблон был выбран, исходя из «удоболистаемости», вида обложки и формата моей фотографии перед титульным листом. Титульный лист я оформила весьма замысловато, используя картуш 1738 года. Шрифт для него выбирала сорок минут. С таким же тщанием подобрала виньетки для блока. Неудивительно, что через шесть часов верстки, умываясь, я спросила себя о чистке зубов: «Точила ли я вечером зубы?».

На следующий день я тоже занималась версткой шесть часов, сделала 250 страниц. На третий день – семь часов, после чего хотела послушать музыку, но сломался проигрыватель. «С досады еще два часа занималась со сборником».

Кроме верстки, я читала на иностранных языках, а 13 и 14 августа добавила в сборник новый перевод с английского – стихотворение Леона Геллерта «Чохоточный», пару

стихотворений с немецкого («Сквозь головокружение, примерно за полчаса») и один перевод с датского, выполненный за 18 минут.

В таком темпе я работала восемь дней. Каждая страница сборника, каждое стихотворение, каждая виньетка тщательно выверялись; части соотносились с целым; я снова и снова пересматривала получившийся макет... Он составлял 342 страницы. Я постоянно помнила о глазах, давая им отдохнуть каждые четверть часа.

Верстка была завершена 14 августа, заняв 41 час чистого времени. После работы, в половине восьмого утра, я легла спать, но спать мне не пришлось. Я чувствовала себя скверно. К 11 часам началась сильная тахикардия – на полчаса, после чего явилась ломящая боль в сердце. Она длилась, без единого перерыва, до 6 часов вечера. Я лежала на правом боку, не шевелясь. В 18.30. встала и, помня о том, что 15-го – день рождения Лоуренса, прибралась у себя: вымыла и заново оклеила окно, помыла пол. Все это заняло два с лишним часа.

Тем же вечером действия воронежского издательства вызвали у меня сомнения в их компетентности, и я отказалась от их услуг. Надо было искать опять.

Пытаясь облегчить душевное состояние, я возобновила поиски в «Памятных книгах» и чтение материалов о чухотке. Но даже этого утешения я вскоре лишилась: 17 августа произошло новое и самое серьезное кровоизлияние в оба глаза, бывшее последствием верстки. Я не могла читать. Положение усугублялось тем, что надо было продолжать решать издательский вопрос. У меня началась острая депрессия.

Но мое упорство безгранично. Пребывая в отчаянии из-за невозможности работать, я принялась поправлять свое положение. Я усердно питалась черникой, пила отвары крапивы и брусники, выполняла упражнения для зрения и убеждала себя в том, что все преодолимо. «Причина этого явления – психологическая; следовательно, лечение должно быть соответствующим. Главное – поддерживать хорошее настроение. Вот это трудно» (21 августа 2013 г.).

Что-то из моих приемов помогло, и 22-го зрение стало проясняться. 23-го я посетила окулиста. Обнаружилось, что близорукость достигла -5,75 дптр. для правого глаза и -6 дптр. для левого. Кроме того, было диагностировано истончение сетчатки. Удивлением стало для окулиста то, что я обходилась без очков. А я просто не испытывала в них необходимости, кроме как при работе за компьютером.

24 августа я вернулась к корректуре "Minor Prose," выполняя работу с частыми передышками. Кровавая «паутина» в глазах почти рассеялась. Спустя несколько дней вследствие переживаний из-за издания и одиночества опять стало повышаться давление, отчего помехи в глазах появились снова, однако не лишили меня возможности работать.

31 августа приснился странный сон: старая черно-белая фотография белой каменной усадьбы в сумерках. Перед усадьбой – четверо детей от трех до шести лет. Через снимок выведено крупно детским почерком: «Мама, мы все умерли»...

«Издевательский вопрос»

С издательствами я вновь и вновь терпела неудачу. Одни, издающие за свой счет, отказывали, называя мои книги «неходовым товаром», другие, что издавали за счет автора, запрашивали слишком высокую цену (70 тыс. руб. за простое издание книжицы в 84 стр.). В последних числах августа я принялась искать типографию, чтобы издать свои работы тиражом 20-30 экз. и распространить их за свой счет по библиотекам.

Идея казалась блестящей: так я могла миновать нечистоту коммерции и разнообразных критиканов – от издателей до авторов рецензий в литературной периодике. Верстать я уже умела, а значит, издание обошлось бы тысяч в 10-15. Распространение книг по библиотекам было несравнимо благороднее и надежнее, чем вбрасывать их на рынок – продавать неизвестно кому.

Первая же попытка обратиться в типографию окончилась неудачей: мне ответили, что «таким малым тиражом

не издаются», и пытались заставить увеличить тираж, что повлекло бы увеличение стоимости издания.

Поиски продолжились. «Как бы мне хотелось, чтобы тот, для кого я все это писала, был рядом и я могла бы отдать ему свои работы!» (21 сентября 2013 г.). Невозможность дойти до своего читателя казалась последним одиночеством: «Брат мой, я плачу о тебе каждый день. Мальчик мой, мне хочется смотреть на тебя, видеть твою улыбку, касаться тебя, ощущая родную теплоту, разделять с тобой все, всего себя отдать, чтобы тебе было хорошо... Я гасну, брат, но все еще надеюсь, что однажды смогу сказать тебе, как люблю тебя» (1 сентября 2013 г.).

«Сердце. Позавчера в нем – боль, будто когти вцепились. Усталость такова, что даже запись в дневнике трудно делать» (2 сентября 2013 г.).

«Еще с одной типографией неудача (слишком много запросили). Днем давление, пульс 124, боли в правой стороне груди, значительная “паутина” в глазах» (3 сентября 2013 г.).

3 сентября я опять отправилась в Гродно – отдохнуть на могиле Францишека от одиночества и бесплодных усилий.

Вторая поездка в Белоруссию

И вот я опять «сизжу на погребении Францишека, вдали от всяческого шума. Все вдали: и шумы, и заботы, и даже мое одиночество. Здесь, на его краю (у могилы! – вместе груди друга), я его не ощущаю» (4 сентября 2013 г.).

Там я слушала М. Гайдна, Крауса, Депре, Шопена, А. Лобо; читала про себя или шепотом псалмы на латинском и «Божество сада» в оригинале; разговаривала с погребенным, как с другом. Вокруг зеленела густая трава, подросшая после косьбы, порхали бабочки, изредка жужжали пчелы, отыскивая на могилах медоносные цветы... На кладбище не было боли.

5 сентября я сажала на погребении Францишека цветы. По своей привычке не жалеть рук я делала ямки без помощи каких-либо орудий. Мама решила мне помочь и

принялась искать какой-нибудь острый предмет для копания. Вскоре она обнаружила в паре метров от могилы Францишека странный чугунный обломок в форме буквы тау. «Что это?» – спросила мама. Я, не отрываясь от работы, ответила: «Крест». Потом, заинтересовавшись находкой, подошла взглянуть на нее. Крестом она и оказалась, а точнее – его фрагментом: недоставало верхней части. Предполагая, что это крест с надгробия Францишека, я приложила его туда. Он подошел.

На следующий день я прощупала ножом землю там, где был обнаружен этот обломок, и спустя минуту нашла вторую часть. Сложив их вместе, я положила их на погребение Францишека. Вспомнился сон, в котором кто-то говорил мне, что хорошо бы положить на эту могилу крест.

Мне хотелось вернуть крест на памятник и покрасить их. Для этого требовалось сварить детали и приварить целое на место. Мы с мамой принялись искать сварщика.

Утром 6-го числа у меня из-за переживания от скорого отъезда (то есть возвращения к неприятностям) случился гипертонический криз, с лихорадкой и головокружением, длившийся три часа. Я торопилась поскорее приступить к поискам сварщика и встала через силу, продолжая нюхать валокордин от дурноты.

Мы позвонили в ритуальное бюро, автосервисы и даже депо. Первые либо не занимались ремонтом вовсе, либо работали только с камнем; вторые не отвечали, третьи чего-то боялись. Видя тщетность поисков, я решила задачу самым простым путем: скрепила крест проволокой и поставила к памятнику – с горькой досадой от невозможности лучшего.

Кроме посещения кладбища, мы бродили по улицам. Мне хотелось осмотреть те из них, где жили Кавецкие, а именно Даниил Петрович и два его взрослых сына (все – в разных домах). Мы начали с Александровской улицы.

Нужный дом удалось отыскать не сразу. Он оказался крепким строением конца девятнадцатого века, в два этажа, с высокими окнами и старинной деревянной дверью.

Его реставрировали, и фасад был затянут зеленой сеткой. Мы с мамой принялись осматривать дом, бродя перед ним взад и вперед. Вдруг мама остановилась и мечтательно вздохнула: «Эх!» – «Что такое?» – заинтересовалась я, подходя. Мама указала на стену рядом с дверью. Там, на высоте двух метров, красовался замечательный фонарный крюк – чугунный, кованый, весом килограммов шесть. «Снять бы!» – сказала мама, глядя на него. «Снять бы!» – повторила я заворуженно, потирая руки и представляя крюк с дома Кавецких у себя в комнате. «Но он займет целый чемодан», – произнесла мама с сомнением. «Ничего, я возьму его в отдельном пакете», – заверила я, продолжая восхищенно созерцать крюк. «А куда ты его поместишь?» – мама продолжала сомневаться в целесообразности снятия крюка. «Положу под книжный шкаф», – и я опять потеряла руки, воображая эту реликвию под шкафом. Мама перестала сомневаться и подергала крюк. Он не шевелился. Тогда я ухватила за него сама и почти повисла на нем, пытаясь оторвать. Крюк сидел неколебимо. «Эх!» – вздохнули мы в унисон, стряхивая с рук ржавчину и прощаясь с возможностью заполучить кусочек от дома Кавецких.

Потом мы осмотрели другие улицы, связанные со знакомыми именами. Прошел век, но там мало что изменилось. Стояли те же двух- и трехэтажные дома, шелестели деревья, прохожих было мало, и только машины нарушали иллюзию от пребывания в Гродно начала двадцатого века.

10 сентября мы уехали в Тверь. В Гродно опять начался беспросветный дождь, удивительным образом приостановившийся на время нашего пребывания там.

Пятая повесть и ее обстоятельства

По приезде я вернулась к работе: завершила корректуру “Minor Prose” и 16 сентября приступила к ее верстке; перевела за полчаса с латинского стихотворение Коммодiana «О конце века сего»; сделала перевод с арамейского

стихотворения Эбеда-Иисуса Собенского (ум. 1318 г.) «О разрушении мира и скончании века сего»; просмотрела еще раз сверстаный сборник «Только слово живет»; возобновила чтение на иностранных языках; продолжила искать типографию. Для отдыха слушала Дж. Пинто, Юлиуса Рёйбке (1834-1858), Т.Л. де Викторию, М. Кардозо...

29 сентября я начала писать пятую повесть, «Белый цветок над темным потоком»: о юном английском поэте Д.А.С. Мэкворте-Доулбене (1848-1867).

То был возвышенный юноша из аристократической семьи, отрешенный от земных сует и аскетически обращенный к непреходящему, Божьему. Его стихи на удивление глубоки и драматичны: живая мятущаяся душа. Целью моей работы было показать эту внутреннюю жизнь и... попрощаться с моей мечтой о равном мне мальчике.

Я с детства, лет с пяти, ощущала себя мальчиком. В юности я сознательно вырабатывала или укрепляла свойственные мальчикам черты характера; у меня были соответствующие интересы и устремления; я тянулась к мальчишкам, отчаянно тоскуя по их обществу. Мысленно я нередко говорила о себе в мужском роде и отчаянно ненавидела свое женское выражение. Это было одной из моих непоправимых неудач – родиться в образе, противоположном духу.

Эта мальчишеская душа жила во мне, как птица в клетке, бьющаяся от голосов и образов других, словно от напоминания о некоем неповторимом счастье... Средоточием этой сущности стало неистовое и трагическое стремление к другу, с которым можно было бы создать братский союз. Я обычно представляла своего друга мальчиком, и только недолгое время (в 2010-12 гг.) хотела видеть его лично развитым юношей.

Повесть началась оживленно. «Пишу семь дней с ощущением присутствия в том, о чем рассказываю. Кажется, мои мальчики [герои повести] рядом, и от этого радостно. Так – час-полтора после завершения работы. Потом – одиночество» (5 октября 2013 г.). «Удивительная вещь, приносящая радость» (6 октября 2013 г.).

Писала я каждый день по часу-полтора, на подъеме, иногда – с некоторым усилием. После работы нередко чувствовала себя скверно: болело сердце, повышалось давление. Относительная легкость работы исчезла после дикой ссоры в квартире, затеянной В. «Постоянное напряжение. Нежелание лишний раз выходить из своей комнаты, ходьба на цыпочках в коридоре – под дверью В., как в детстве – мимо цепного пса. Постоянная ненависть ко мне и к маме. За что? За наше существование. Живешь, как на минном поле. Тяжело. И – противно: когда столь ценишь человечность и теплоту, быть рядом с теми, кто относится к тебе, как к скотине» (6 октября 2013 г.). «В 23 часа появляется В. Я – в ванной, закрывшись. Тотчас – плохо с сердцем. Пережидаю, когда уйдет к себе. Уходит на несколько секунд, после чего идет в кухню. Решаюсь выйти: раздается брань в спину. До сих пор давление и пульс 123» (7 октября 2013 г.). «Писала повесть, не понимая, что пишу: сквозь разбитость и боль в сердце. Возможно, перепису» (7 октября 2013 г.).

Самочувствие, улучшившееся в Гродно, опять стало скверным: случилось новое кровоизлияние в левый глаз (7 октября, после ссоры), болело сердце, досаждали аритмия и тахикардия («Сердце – колоколом во все тело...»), часто держалось повышенное давление с сопутствующими недомоганиями. Нарушился сон: сначала было не уснуть около двух часов, потом забывалась тяжелой дремотой на 40-50 минут, чтобы после проснуться и бодрствовать почти столько же. И так – все время сна.

7 октября приснилось, что я нахожусь в некоем зале. Там стоят четыре креста в ряд: три светлых и один, крайний справа, черный. Перед ними должно молиться: перед светлыми – о живых, перед черным – об ушедших. Я стою перед последним, с черным же крестом в руках... Потом иду прочь и по дороге произношу, обращаясь к кому-то умершему, отсутствующему: «Не приходи больше ко мне».

12 октября – еще один примечательный сон: вижу в пасмурном небе клубы дыма с огнем. Внезапно происхо-

дит какой-то взрыв, и над землей прокатывается волна удушающего жара. Затем с неба начинают падать крупные камни. Я оказываюсь в доме в Пухтиной Горе. Один из камней пробивает крышу. По полю рядом с домом катятся огромные коричневые каменные шары – по направлению от дома. Возникает мысль: «Все, что происходит дурного, не от Бога, но от нечистого. А Бог не останавливает того потому, что силы равны». И я обращаюсь к этому исчадию, почти ласково, умоляя не вредить. Все прекращается.

Препятствие издания и «Святой Иуда»

Издательский вопрос не разрешался, и одиночество казалось непоправимым. «А я нуждаюсь в друге – нуждаюсь так, как пить хотят» (11 октября 2013 г.). «Меня подавляет мысль о том, что мои работы, стоившие такого усилия, осядут в нескольких библиотеках; что я не только не найду того, кто сказал бы: “Это написано обо мне,” – но даже простого доброго слова могу не получить. Все канет в немоту» (13 октября 2013 г.).

Попытки с типографиями не удавались, и я вернулась к воронежскому издательству. Там попытались схитрить, заставляя меня указать в книге не фактический тираж, а больший. Я отослала их к п.2 ч.1 ст.14 Закона «О защите конкуренции», согласно которой не допускается введение в заблуждение посредством указания неверных сведений, в том числе – о количестве продукции. Мама, работавшая в то время в Антимонопольной службе, была изумлена: «Это же самый трудный закон, у нас его никто до конца не знает!» А я не знала законы вовсе.

В издательстве ничего не могли противопоставить моему доводу. Но хитрить продолжали: несмотря на то, что ISBN, УДК и ББК были присвоены самостоятельно, там не только включили их стоимость в цену, но еще и надбавили 700 руб. Я потребовала детального расчета затрат на материалы и работу. Мне отказали – и в расчете, и в издании. Я обратилась к типографиям. Они промолчали. Я опять принялась искать издательства. Последовали долгие пере-

говоры, итогом которых стал неприемлемый расчет. «Сегодня днем плакала навзрыд, лежа с портретом Крауса (в квартире никого не было). Я смогу когда-нибудь сказать другу, как люблю его?» (23 октября 2013 г.).

В середине октября я попыталась осуществить свою давнюю затею: положить свои стихи на музыку (классическую). Первая попытка была в мае 2013 года, когда я обратилась к одному известному французскому контртенору и руководителю музыкального коллектива с просьбой подсказать композитора. Ответа не последовало. В октябре я написала одному английскому композитору, тоже именитому. Он промолчал. Я повторила обращение. Он опять промолчал... 28 октября у него намечалось выступление, которое должно было принести ему кругленькую сумму. В тот день на Англию обрушился грандиозный шторм «Святой Иуда». Были повалены сотни деревьев, закрыты аэропорты, автомобили встали в пробках, прервалось железнодорожное сообщение... Шторм получил свое название оттого, что накрыл Англию в день св. Иуды – покровителя тех, кто находится в отчаянном положении.

Сквозь трудности

Продолжали досаждать шумы: «С 9 часов до 23.30. – полеты. Нарушенные сон и занятия. Шум был такой, что по кровати шла некоторая вибрация. Около 18 часов – затишье. Спала. Приснилось, что пишу стихи. Проснулась в 18.05. и сквозь дремоту нацарапала их в тетради. Вот, что получилось:

Мой брат, для Бога сохрани мои молитвы,
Чтобы в последний час моей последней битвы¹
К Нему воззвать, как тот Безвестный² из хабиру³,
В воззвании⁴ своем Его явивший миру».

¹ Речь идет о смерти.

² Патриарх Авраам.

³ Древняя семитская народность.

⁴ Во сне думалось, что Авраам в минуту скорби обратился к еще неизвестному Богу и оттого был избран Им.

Это стихотворение, написанное 15 октября 2013 года, стало моим последним стихотворением на русском языке.

Я продолжала писать «Белый цветок над темным потоком»: «Повесть писала, – кровь носом» (19 октября 2013 г.). «Вчера опять бессоница. В 1.35. еле встала – делать верстку и писать повесть» (20 октября 2013 г.). 27 октября завершила часть повести и приступила к ее правке. Работа была постоянным преодолением обстоятельств: «Уснула в 11 часов, в 17 часов встала заниматься. Ни к чему не успела приступить: полеты, до 23 часов. В полночь легла без сил. Проснулась в 9 часов: “Поработаю, пока тихо.” И опять полеты» (29 октября 2013 г.).

Чувствовала я себя плохо: «Сердце: тяжесть в нем, тахикардия, резкие боли – все одновременно» (25 октября 2013 г.). В левом глазу опять расплылась кровавая «паутина». Беспокоило давление. Болело в правой стороне груди. Иногда являлась лихорадка. Бывало сильное головокружение. Но хуже всего было одиночество. «Тоска о друге – до боли телесной. И эти бесплодные усилия что-то сделать... Я внутренне – в клочья. Уже не иду – ползу, надеясь, что впереди – человек. А если нет?» (25 октября 2013 г.).

«Я еще поборюсь. Упорства у меня больше, чем сил. Только боюсь, что никогда не смогу посмотреть в личико своего друга» (26 октября 2013 г.). «Он мне необходим сейчас, сейчас я хочу обнять его, сказать, как сильно люблю его, – чтобы в этом объятии исчезли все напряжение, тяжесть, боль; хочу воскреснуть в этом объятии – сейчас! И вынуждена биться, искать, ждать...» (26 октября 2013 г.).

В октябре, кроме повести, я продолжала корректуру с версткой “Minor Prose” и читала на иностранных языках. Слушала Арриагу и Крауса («Мало кто сравнится с ним по выразительности и чувству гармонии»). Написала рассказ «Видение жизни». «Вот, чем мои работы оплачиваются: после рассказа – давление 140 x 85, и так плохо, что не мо-

гу принять валокордин – один глоток. Тупые боли в сердце и учащенное сердцебиение» (28 октября 2013 г.). Так же я писала и стихи: почти все мои русскоязычные стихотворения оплачены гипертоническими кризами или духовными спадами. Странное дело, но позднейшие стихи, написанные на английском, давались намного легче – и умственно, и физически.

Ноябрь прошел за работой над повестью «Белый цвeток над темным потоком», переводом повести «Без друга жизни нет» (возобновила 18-го) и версткой с корректурами “Minor Prose.” «Три часа верстки с корректурами – и только пять страниц. Плакала от усталости, после чего сделала еще пару страниц. Всю ночь и утро пролежала без сил» (3 ноября 2013 г.). 4 ноября закончила правку части повести и продолжила ее писать. «С 18.25. до 6.10. – повесть. Предполагая, что потом шумы не позволят, старалась сделать как можно больше. К часу ночи устала так, что едва могла продолжать, а в 3 часа заболел крестец. Я работаю, сидя перед кроватью на низкой табуретке, подавшись вперед. Ноутбук – на кровати (которая у меня, как стол: доски под простыней и покрывалом). От напряженной позы спина и заболела – так, что я больше не могла сидеть. Дописывала то стоя на коленях, с прямой спиной, то сидя на пятках, так же прямо» (8 ноября 2013 г.). 10 ноября повесть была завершена. Ее объем составил 46,5 страниц.

Много читала на немецком, итальянском, английском, французском. Слушала Крауса («Совершенное чувство гармонии было у него»), Арриагу, Т.Л. де Викторию... Переводила свои стихи на итальянский язык: «Попытки надеть перчатку не на ту руку. В стихотворении важно каждое слово, каждое слово – кусочек целого, вроде как часть мозаики. И пытаешься из других кусочков создать то же самое!..» (23 ноября 2013 г.). Было переведено около восьмидесяти стихотворений (из 227, не считая циклов), дальше работа не продвинулась из-за трудности и бессмысленности: из иностранных языков я решила пользоваться одним английским.

Работа была моим бытием. Был еще и быт: «Повесть,

музыка, красота, а что вокруг!.. Вечером произошла такая чудовищная ссора В. со своим отцом, какой я еще не видела. Двери сорваны В., и в его комнате все разгромлено им. Была какая-то брань в адрес мамы; она, опасаясь, вызвала милицию: не приехали. Я выходить из своей комнаты боюсь. С 20.05. до 22.25. занималась “Minor Prose”: 3 страницы!.. Ничего не могу, только пытаюсь, убеждая себя, что должна, ради своего невестреченного друга должна, и напоминая, что завтра могут быть шумы. Полеты – каждый день, кроме выходных. С глазами нехорошо: в левом значительно увеличилось пятно, и острота снизилась еще больше – за один этот вечер. Я устала. Износились телесно и духовно. Существую надеждой, что однажды смогу найти его, моего равного, моего брата» (10 ноября 2013 г.).

«Величайшее из страданий – Христа распятого. Но рядом с Крестом стоял Иоанн. Отец Его покинул, и мать Он назвал “женщина,” но там же: “Вот сын твой, вот мать твоя,” – признал того братом. В крестном страдании, на вершине человеческого существования, граничащего с божественным, одно, негласное: *Брат*» (13 ноября 2013 г.).

Я надеялась, но уже почти не верила, что смогу обрести своего друга. «По природе своей я сложен», – признался однажды Т.Э. Лоуренс. То же я могу сказать и о себе. Мое мировоззрение, образ жизни, увлечения слишком отличны от того, чем существует большинство, и искать в этом мире бездумных, бездушных крупниц себе подобного все равно что искать иголку в стоге сена.

«И кто знает, что лучше: быть счастливым глупцом или несчастным гением. Ясно то, что достигнуть определенной высоты гораздо легче, чем спуститься. Последнее невозможно без надлома личности. И стоит ли спускаться? И – стоит ли удерживаться на своей леденящей вершине – голгофе полного одиночества?» (16 ноября 2013 г.).

Еще хуже было от внешнего неуютя: «Ночи – головы не поднимая, днем – почти никакого отдыха. Засыпаю с трудом, в дурных мыслях, чтобы быть вскоре разбуженной шумом...» (21 ноября 2013 г.).

27 ноября, около 21 часа, я проснулась с рыданиями. Это было едва ли удивительно при моих обстоятельствах. Но затем, когда я уже окончательно проснулась, меня охватила необъяснимая мучительная тоска. Я приписала это переутомлению. А 30 ноября узнала, что 27-го, между 21 и 22 часами, умерла Мария Алексеевна Васильева (Шмелёва) – бабушкина двоюродная сестра, которую я хорошо знала. Ей было восемьдесят шесть лет.

Эта смерть – четвертая – окончательно лишила меня сил. «Настроение скверное. Вчера утром, когда легла, – тоска по другу, до слез; тоска такая, что, кажется, одной силой своей способна его вызвать – хоть с небес... Спала плохо: шум внизу. Ночью – мрачно. Ожилась от Крауса.

Очень одиноко. Слишком устала – духовно, телесно. Слишком одиноко и – безнадежно» (2 декабря 2013 г.).

«Сделано больше возможного: столько изучено, чтобы писать (девять языков, история, литература, музыка и др.), столько усилий приложено к писанию (биография полтора года – под рев самолетов, урывками; за стихи расплачивалась гипертоническими кризами и депрессиями), – столько сделано и ничего не достигнуто. Хотела помочь своим словом, посредством этого обрести друга, – и ничего. Работы в ящике и полтора года бесплодных поисков. Ощущение ненужности и беспомощности: вот мое достижение. И внутри – все то же, неумолчное, отчаянное, любящее: “Брат мой!..”» (5 декабря 2013 г.).

6 декабря начался новый абсцесс в челюсти. Беспокойло сердце и давление. «Слабость, тахикардия, едва сию за столом...» (7 декабря 2013 г.).

Издание первой книги

Но как всегда, когда я была готова поддаться отчаянию, нашелся выход. После полутора лет поисков издателя – в России и за рубежом – я нашла его в Твери. То была маленькая, но довольно претенциозная типография. Мой сборник там согласились издать за 7150 руб. Цена была более, чем приемлемой, но мне не понравилось качест-

во печати: тонкий картон для обложки, на котором едва держится краска. «Гибель полиграфии», – отметила я. Размышляла всю ночь, а к утру решила поступиться своим художественным вкусом и издать книги в этой типографии: «Будет тонковата обложка, – подклею скотчем!»

В последний день 2013 года был издан сборник «Только слово живет». Внушительного вида (342 страницы при формате 127 x 198 мм.), в тускло-зеленой обложке с фотографией забытого кладбища в Лисри, он включал мои стихотворения 2008-2013 гг. и поэтические переводы с девяти языков. Тираж составлял 46 экземпляров.

После стольких усилий, приложенных к написанию, верстке и поиску издателя (длившемуся полтора года), издание первой книги могло бы немало меня порадовать. Но радости не было: «Тираж получен. Чувство, как у гроба». Не было того, кто мог бы порадоваться за меня, как не было и того, для кого эта книга создавалась. Была только новая трудность: разослать книги по библиотекам.

Обмен благодарностями и новый странный случай

В декабре я продолжала перевод «Без друга жизни нет» и верстку с корректурой “Minor Prose” (завершила 18-го). Слушала Крауса, Л. Джанеллу, Депре, Л. Джустиниани, Михаэля Гайдна (мессы).

В середине месяца я нашла «Реквием» австрийского композитора восемнадцатого века Й.Б. Хохрейтера. «Столь необычен этот скрипучий “Реквием,” что я его с первого раза не оценила. Со второго поняла: превосходно. Прелесть маленьких созвучий. Соразмерно, выразительно, глубоко. Хотя несколько мешает подразделение на слишком мелкие части» (10 декабря 2013 г.). Эта музыка воодушевила меня на написание благодарственного письма австрийскому дирижеру Гунару Лецбору, по чьей инициативе «Реквием» был исполнен. В письме я упомянула австрийского архивариуса, разыскавшего партитуры «Реквиема» в одном из монастырей:

«[...] Цель искусства – нести добро, и Хохрейтер был одним из тех, кто передавал теплоту своей души посредством своих работ. Его композиции глубоки, выразительны и соразмерны. Только вслушайтесь в его “Реквием”! Каждая часть его – жемчужина мелодичности и логики. Ни одного лишнего звука, ни одного недостающего: это образец гармонии, увлекающей нас к непреходящей Красоте».

Письмо было выслано 11 декабря в английский магазин аудио-дисков, где был представлен диск с музыкой Хохрейтера. Работники магазина любезно и с благодарностями переслали письмо издателю диска, а тот – самому дирижеру. Ответ от него пришел 12-го, с выражением признательности за добрые слова и радости оттого, что музыка нашла благодарного слушателя. А 17-го я получила неожиданное письмо от архивариуса, который подробно рассказывал историю партитуры и радостно благодарил меня за отклик: «Вы нашли верные слова, чтобы описать музыку Хохрейтера!»

Утром 13 декабря произошел еще один интересный случай. Мне почему-то вспомнился английский актер Питер О'Тул, сыгравший роль Т.Э. Лоуренса в фильме 1962 г. Подумалось что-то о возможности его смерти, я посчитала, сколько ему лет... А 16-го, включив новости по радио, я услышала: «14-го скончался английский актер Питер О'Тул»...

2014

Шумы, корректуры и поиск библиотек

«Четырнадцатый год!.. Как будто вернулся на сто лет назад». 2014 год напоминал мне о 1914-м – истоке всех бедствий XX века, политических и культурных. Я предполагала издать в этом году биографию Т.Э. Лоуренса – в память павших в Первой Мировой войне. Но прежде следовало завершить перевод «Без друга жизни нет», выпол-

нить его корректуру, закончить корректуру “Minor Prose” и издать эти книги.

На второй день нового года соседи снизу затеяли ремонт и принялись усердно трудиться каждый день, в будни, выходные и праздники (даже Рождество), два месяца. С самого утра до позднего вечера раздавался скрип каких-то отдираемых досок, металлический скрежет, рев дрели и грохот молотка. Я переводила по ночам «Без друга жизни нет», ложилась в семь-восемь часов утра, а через час-другой, еще не успев уснуть, вставала из-за шума. Усталость (переводить – это заново писать) и невозможность отдыха вызывали у меня нервные срывы. Я плакала, швыряла стул об пол, проклинала сумасшедших соседей, пила валокордин от сердца и мрачно ждала тишины. Вечером ложилась, но только на несколько часов, чтобы успеть поработать ночью.

«4 января, в 20 часов, – нервный и физический коллапс, пульс 142. Спустя полчаса – у подъезда “скорая”: приехали к человеку, живущему этажом ниже того дятла... Позднее нашла силы помыться и прибраться у себя. С 22.30. до 5.30., с усилием, – перевод».

8 января: «Вчера уснула ок. 9.30., с мыслями о Краусе. Через три часа была разбужена тем же шумом. Еще раз нервный срыв. В 14.30. – в город. Сердце болело почти непрерывно. На улицах – смог. Ездила по городу. Вернулась в 18.30. – тот же шум. Около 21 часа легла, в 00.30. проснулась. “Nor peace within, nor rest without...” [“Ни мира внутри, ни покоя снаружи”]. Телесная разбитость и режущая тоска о друге и – покое».

9 января: «Вчера опять дрель и молоток, уже в унисон. Лежала, с дерущей болью в нижней челюсти. С 21.30. до 5 часов: завершён перевод “Без друга жизни нет,” перечитано письмо Крауса от 31/VII-1784 г.; чтение на шведском, французском, испанском и арамейском».

12 января: «Легла в 8-м часу утра, с мыслями о Краусе и о музыке. Как всегда, долго не спалось. В 11 часов – дрель и молоток. В 16 часов выбрела из своей комнаты, рухнула возле стула и сидела так с четверть часа, боком к сиденью, перед шкафом с моей библиотекой и коробкой с

экземплярами моего сборника».

18-го: «Эти каналы опять не дали спать. Уснула ок. 9.30., в 10.50. была разбужена, в 3-м часу дня ушла спать в гостиницу в роще, где до 21 часа мучилась из-за евро-ремонта: резкий запах, из-за которого пришлось держать окно приоткрытым. – 14° С...». С середины января к этим шумам присоединился рев самолетов над крышей.

Завершив перевод «Без друга жизни нет», я приступила к его корректуре – при тех же обстоятельствах, только с тем отличием, что корректура – дело гораздо более ответственное, чем перевод (подстрочник), и требующее максимальной концентрации внимания. Первая корректура была завершена 10 марта, на следующий день начата вторая.

Кроме того, я рассылала по электронной почте письма российским библиотекам с предложением своего сборника «Только слово живет». Большинство библиотек промолчали, в том числе – владикавказская. Откликнулись двенадцать. «Когда писала стихи – до депрессий, до гипертонических кризов, – казалось, что они изменяют что-то к лучшему – не в мире, конечно, а в чьей-нибудь душе. И вот – 7 тыс. руб. заплачены, две коробочки получены, и я чешу затылок, думая, куда это пристроить. Одни не отвечают на предложение, другие – на полученные бандероли, читать некому: как будто и не писала. Лучше бы не писала». «Плохое время для поэта не то, когда его убивают, а когда не замечают: казнь равнодушием». «“Моим стихам... разбросанным в пыли по магазинам...” [М. Цветаева]. У вас хотя бы пыль была!..». «Вмешательства денег я избежала, критиков тоже; увы, и – читателя вместе с тем». «Если я останусь незамеченной, это будет даже не поражение – небрежение».

Книги были разосланы за собственный счет – в библиотеки Ставрополя, Ярославля, Пскова, Великого Новгорода, Нижнего Новгорода, Воронежа, Ростова-на-Дону, Иркутска, Иванова, Калининграда, Брянска и Белгорода. Кроме того, два экземпляра были отданы в Областную библиотеку Твери, шестнадцать отправлены в Книжную Палату и ею разосланы по библиотекам России, включая Российскую Государственную библиотеку. Позднее сбор-

ник был подарен библиотеке Гродно, Русской Библиотеке Мюнхена и Национальной Библиотеке Берлина. Только пять библиотек (Берлин, Мюнхен, Ставрополь, Ярославль, Тверь) из шестнадцати, которым я дарила книгу, ответили *полагающимся* благодарственным письмом, остальные промолчали. «Хотела найти читателя для своих работ. Потом – хотя бы услышать доброе слово о них. Кончилось тем, что даже не получила должной благодарности за свою “благотворительность”».

Перелом в стихописании

Стихотворение с просьбой «сохранить мои молитвы», приснившееся мне 15 октября, стало последним стихотворением, написанным на русском языке: 12 января 2014 года я начала писать на английском. Причиной этого было гибельное положение поэзии в России: ее почти не читали. Английский язык, являясь средством международного общения, предоставлял большие возможности обрести своего читателя.

Переход на другой язык был внезапным и легким: после молчания в полтора месяца я просто стала выражать свои мысли в иной форме.

I am growing dumb, un-revived, petrified:
the mussel of an idea –
a mussel, which is squeezed in an aggregate of
limestone,
is deprived of the nacre of words
and of the meaning of its own core
yet struggles to tell through the mute crystals of pain
how splendid a glimpse of the world was.

[Немею – мертвею – каменею:
раковина идеи,
зажатая в толще известняка,
лишенная перламутра слов
и смысла собственной сущности,

но пытающаяся рассказать сквозь немые
кристаллы боли,
сколь прекрасен был мельком увиденный мир.]

Писала я и верлибры, и стихи в рифму. Они вошли в мой второй сборник “Crystals of Pain” («Кристаллы боли»). Кристаллами названы мои работы, в которых я сквозь «известняк» своего существования пытаюсь рассказать о красоте Бытия.

Создание сайта, переписка, одиночество

В январе 2014 года я занималась созданием своего сайта (на английском языке). Восемь месяцев я искала работчика, который мог бы открыть сайт по доступной цене, и вот таковой был найден. Сайт стоил четыре тысячи рублей – сумму, которую я однажды не решилась заплатить за интересовавшую меня книгу на немецком языке.

Еще в 2007 году я утверждала, что не буду иметь дела с интернетовскими публикациями как чем-то нечистым и незначительным. Теперь, видя невозможность найти читателя – друга – посредством своих книг, исчезающих по библиотекам, я надеялась обрести его через сайт. Шестнадцать дней я занималась подготовкой материалов и оформлением сайта. В конце января записала в дневнике: «Бутылка в море брошена: сайт открыт». Для того чтобы привлечь к нему внимание читающей публики, я принялась рассылать приглашения отдельным лицам и соответствующим организациям. Лица молчали. Организации тоже. Я стала размещать объявления с приглашениям в социальных сетях. Тот же результат. Тогда я махнула рукой на сайт и приступила к поискам своего читателя и друга в социальных сетях. (А на сайт пришли только два отклика, причем бесполезных. Я закрыла его в ноябре того года).

День за днем, в дополнение к корректуре и обширному чтению на разных языках, я часами искала в Интернете человека, перечитывая множество объявлений, написанных от скуки и желания развлечься. «Хочу новых друзей,

старые надоели...». «Ищу друга на 2-3 письма...» Не стоит говорить, что мои поиски были тщетны, и переписка прекращалась после одного-двух сообщений.

В начале февраля я познакомилась с девятнадцатилетним парнем из Южной Америки, переписывалась с ним почти три месяца в упоении от возможности разделить то, что самой было приятно, посвящала письмам по пять-шесть часов почти каждый день (в дополнение к работе), пересказывала ему биографию Лоуренса и свою жизнь, а кончилось все смехотворно. Он солгал, я не поверила, он оскорбил меня за это и бросил писать. «Я оценила его, как только взглянула на его фотографию. Почему общалась? Из-за отсутствия лучшего. Опять пыталась разглядеть в пустяке человека».

Одиночество обострилось до нестерпимого. «Не музыку, не стихи, не могилу – живого мальчика! – пока не поздно...». «Боль, боль, боль, на поверхности которой плавает какая-то мелочь, за которую цепляюсь, пытаюсь спастись. Боль – до умоизнурения. Слова сказать некому. Мысли о конце». «Можно найти силы взойти на Голгофу, чтобы умереть, но – жить там?...». «Настроение страшное. Все утро просидела, как приговоренная. Друг: больше я ничего не хотела с детства, с той недетски-страстной привязанности к армянскому мальчику. Друг: больше ничего. А если не найду?». «Если бы пришлось выбирать между любовью и другом, выбрала бы друга; если бы пришлось выбирать между собственным счастьем с любимым существом и счастьем за друга, выбрала бы второе». «Горечью – переполнена». «Духовно – стерта». «Мертвею, немею, каменею: раковина в толще непреодолимого известняка». «В глазах “паутина,” и сердце не дает лишний раз шевелиться». «Всего себя истрепал, все сделал, и – ничего. Грандиозное ничто». «Иногда кажется, что я уйду, сделав все, но не достигнув ничего». «Другой с собой покончил бы, а я не хочу, ибо слишком хочу обнять того, кого можно было бы назвать братом». «Для меня нет утешения в религии. Что религия? Попытка спастись. А если желаешь – спасти?...». «Обнять друга и молчать в животворящей неж-

ности: одно желание – через всю жизнь, как нож в сердце». «“Все приму, кроме одиночества,” – писала я раньше. И вот – либо принять его и прозябать, либо биться, пока не кончатся силы». «Чтобы с этим смириться, надо всю сущность свою уничтожить, все мировоззрение и духовные способности разрушить, духовное самоубийство совершить...». «Попытка жить».

Чувствовала себя я плохо: боли и сбои в сердце каждый день, головокружения, давление то слишком высокое, то очень низкое, пульс в среднем 125. В начале марта внезапно явился сильный кашель с обилием мокроты, продолжавшийся неделю. Странное дело, но болезнь почему-то вызвала оживление.

7 февраля я получила сотрясение мозга. Нагнулась поправить коврик под открытой дверцей комода и, разгибаясь, со всей силы ударилась теменем об эту дверцу – так, что не устояла на ногах. Тотчас – головокружение и глухота в ушах. Потом лежала с медным пестом на голове, твердя вслух псалмы на арамейском. Состояние было нескверным, но после три недели досаждали противная слабость и затруднение при умственной работе (что-то вроде непреодолимой рассеянности).

Музыка и МНЗ70

При всем этом я ухитрялась уделять внимание музыке. Зимой записывала в дневнике: «Слушала “Реквием для хора и оркестра” М. Гайдна. Бескровно. Реквием хору и оркестру». « $\frac{1}{4}$ “Johannespassion” Хомилиуса. Чувство ритма несомненно, а вот мелодичности недостает». «Из музыки – кусочки “Ein Lämmlein.” Какая вещь!». «С 3.30. – мистерия: “Missa pro defunctis” Хосе Мельхиора Балтазара Гаспара де Небра Бласко (1702-1762) – столь же удивительная, как его имя. Вещь, как будто не на земле написанная. Вневременная композиция. Самодостаточное явление, что могло возникнуть только в Испании – на земле соединения христианства и мусульманства, Запада и Востока, шишковатых пинаклей – с готическим стилем и “че-

шуек” – с куполами. Превосходно. Особенно хороша инструментальная партия в “Dies irae.” В “Libera” a capella напоминает песнопения сирийской Церкви. Может быть, не очень удачно соединение этих молений с инструментальными мотивами того века: без этого a capella звучала бы убедительнее». «Слушала К.-и-Бертрана. Исполнение (Escolania de Montserrat) лучше музыки».

Я продолжала следить за событиями в мире. 2 марта подумалось: «Давно ничего не происходило с самолетами...». 7-го вечером – сон: большое помещение, толпа народа, я, в черном одеянии наподобие рясы, решительно прохожу сквозь нее (передо мной расступаются) и говорю: «Готовьтесь хоронить». Позднее я узнала, что в тот вечер над Южно-Китайским морем бесследно исчез Боинг-777 малайзийских авиалиний, с 239 пассажирами на борту. Он не найден до сих пор.

Занятия, пятая смерть и кладбище в Медном

В марте я выполнила четырнадцатую корректуру “Minor Prose,” в апреле и мае – вторую «Без друга жизни нет». В апреле был получен сигнальный экземпляр “Minor Prose,” по которому сделала в том же месяце пятнадцатую правку (текста и верстки), а в июне – шестнадцатую и последнюю. 30 июня “Minor Prose” была отдана в печать, тираж был получен 22 июля (26 экземпляров).

Май посвятила верстке «Без друга жизни нет» и переводу на английский биографии Лоуренса. Кроме того, перевела на тот язык десять страниц повести «Белый цветок над темным потоком». Понемногу пополняла начатый в январе второй сборник стихотворений “Crystals of Pain.”

В начале апреля мама вспоминала что-то о здравствовавшей жене своего брата и почему-то сказала про нее: «Была». Я подумала, что та умерла. 10 апреля прошла мысль: «Кольцо смертей вокруг меня». Через два дня я узнала о смерти тетки. Мы не общались, я мысленно виныла ее в преждевременном уходе брата моего Алексея,

но, тем не менее, эта смерть произвела неприятное впечатление.

24 мая я посетила польское мемориальное кладбище в Медном (32 км. от Твери), где в тихом сосновом бору покоятся останки шести тысяч поляков, безвинно убиенных в 1940 году. Весь бор – одна братская могила, оформленная с примечательным художественным и человеческим пониманием. Меж мирных сосен вздымаются металлические кресты цвета запекшейся крови, высотой около пяти метров, образуя вместе с деревьями рощу скорби. На входе стоит бурая железная стена с бесчисленными рядами имен погибших. Над нею – крест. Под крестом – колокол. Ударишь в него, и он стонет в землю – обо всех мертвых, а еще более, может быть, – о живущих – беспамятных, уничтожающих друг друга равнодушием...

По дну

31 мая 2014 года я написала в порыве наития:

Иди искать жизни на улицах диких,
Проси теплоты, как хлеб просит нищий!
Нет ничего – только гибели блики
На пустырях своеволия. Иди же! –

Чтобы упасть и уже не подняться
Из-под ног ближних. Нет дороги назад.
Блуждай до тех пор, пока звук Божьей рати
Не пробудит застылые глыбы предаться
Суду за твой умоляющий взгляд.

Удивительным образом эти стихи сбылись в моей жизни – по крайней мере, наполовину: 1 июня 2014 года я отправилась искать друга на улице – среди подростков.

Это была крайняя попытка найти человека. Я уже не верила, что обрету при жизни своего равного – того, кто был бы подобен мне мировоззренчески и лично, и

желала встретить хотя бы простое доброе и отзывчивое существо. У взрослых я доброты не отмечала. Независимо от пола, возраста, образования и интересов, все они были завистливы, себялюбивы и (говоря словами Б. Пастернака) «вежливо жалили, как змеи в овсе». Подростки, те самые мальчишки, к которым я тянулась в юности, должны были оказаться лучше, должно были иметь в себе что-то настоящее, надежное, верное... Конечно, все они разные, но – как таковые!.. С детства влюбленная в них как в идею, тоскующая о них своей непоправимо-мальчишеской сущностью, я надеялась найти своего.

... Перед выходом на улицу осматриваю себя в зеркале. Мужская рубашка, черные брюки, простая черная куртка, волосы, длиною почти до бедер, собраны в «хвост», челка тщательно уложена, на лице – усмешка от своего намерения. В прошлом году мне давали шестнадцать лет*. Думаю, не повзрослела... И это хорошо: будет проще знакомиться, если он не будет знать, что я вдвое старше.

Полчаса еду из своего пригорода унылых пятиэтажек в центр города. Серые тучи заволакивают небо. Ничего, успею найти кого-нибудь до дождя...

Выхожу на случайной остановке и иду в произвольном направлении. Навстречу попадают мои покрашенные ровесницы, парни с бездумными глазами, старухи, маленькие дети... Мальчиков нет. Резкий, почти осенний ветер свистит по загазованным улицам.

Брожу час, другой и уезжаю ни с чем. Наверное, я вышла в неудачный час, и все были дома. Завтра мне повезет.

Завтра – та же история. Тучи, ветер, чужие лица случайным потоком мимо, ни одного мальчика.

Так брожу второй день, третий, четвертый... Никого. По ночам корректирую английскую часть “Minor Prose” –

* В марте 2015 г. я была с мамой в Тверской областной библиотеке. Она давно стала бесполезной для меня, и я не продлевала свой читательский билет. Проходила по маминому. Администратор предложила: «Если девочке уже исполнилось четырнадцать, мы можем ее записать».

в шестнадцатый раз. Шум, нездоровье, неизбывная тоска мешали работе, и при каждой новой правке я совершала оплошности. Приходилось их поправлять, раз за разом. Шестнадцать раз. Я что угодно сделаю – ради него... Сквозь кровавую паутину в обоих глазах, сквозь черные строчки, сквозь безысходную пустоту моих бессонных ночей мне видится благодарная улыбка моего читателя, моего неизвестного друга. Если я не нашла тебя при жизни, я найду тебя после смерти – своим словом. Словом своей любви.

Отдыхая, слушаю в темноте через наушники мальчишеские сопрано и альты – вслушиваюсь в них, как в звучание жизни – моей другой жизни. Роберт Пиль, с горделивой осанкой и грацией юного аристократа, воспекает из 1927 года ангельскую красоту; Фредерик Фёрч старательно и печально исполняет «Серенаду» сквозь шум почти девяти десятилетий; и милый Грэхам Пейн поет «Я слышу, как ты зовешь меня». Я сижу, закрыв глаза. Мои мальчики где-то совсем близко, стоит лишь протянуть руку, и можно коснуться их – коснуться жизни... Запись заканчивается, и глухая чернота обступает меня.

... 8 июня, половина девятого вечера. Городской сад, почти пустая набережная. Красное солнце опускается в белесые густые облака. Стою возле чугунной ограды, пристально глядя на вход в сад. Ну же!.. Но никого нет. Отворачиваюсь к реке. Чего-то жду, глядя в темную воду далеко внизу. Уже поздно, надо уходить. Поворачиваюсь с надеждой и вижу в нескольких метрах неспешно идущего мальчика. Худенький, беленький, в светлой футболке и синих шортах, он мило улыбается взрослому спутнику. Стою на месте и смотрю, как он проходит мимо и удаляется по аллее, растворяясь в закатном свете. Присутствие другого не позволяет подойти.

28 июня. 147-я годовщина со дня гибели Мэкворта-Доулбена. "Here in the flats that encompass the hills called Beautiful, lying, // O Beloved, behold a Pilgrim who fain would be sleeping..." «Здесь, на равнине, окружающей горы Пре-

красного, // Взгляни, о Возлюбленный, на Пилигрима, потерявшего сон...» Его паломничество к Прекрасному – к братству – закончилось в девятнадцать лет, в черном омуте узкой английской речушки, сомкнувшей свои воды над ним, потерявшим сознание от неизбывной тоски о друге. Сколько времени будет длиться мое?

Когда я думаю о тебе,
настойчивые крылья жизни
бьются внутри, как в клетке боли.

Весь вечер блуждаю по городу. Пестрые шумные толпы, ревушие динамики, цветные шары, остекленевшие глаза: День Города. Захожу в Городской сад. Толпа течет вокруг меня, подхватывает, как щепку, увлекает за собой – в шум, пестроту, пустоту... Лица, лица, лица – молодые обесмысленные лица, сливающиеся в один чудовищный лик плебейского бездумья. Вырываюсь из потока и остаиваюсь на ветру возле чугунной ограды на набережной сумрачной Волги. Кружится голова и противно ноет сердце. Надо уходить, здесь нечего делать.

Так проходит июнь. “Minor Prose” сдана, наконец, в типографию. Несуществующие мальчики поют по ночам о недостижимой красоте. Днем метаюсь по городу. Каждый день захожу в Городской сад в надежде увидеть того беленького мальчика. Не сплю сутками. Прежде не спала, желая создать что-то хорошее и посредством этого обрести друга, теперь не сплю от отчаяния найти его.

1 июля – больше 30° С. Но разве это жара – после 54° С в тени, которую я не заметила в 2006 году в Северной Осетии? Продолжаю поиски. Ночью через силу перевожу на английский биографию Лоуренса.

2 июля. Легла в десять утра, поднялась вскоре после обеда. Тьма, внезапный дождь стеной. В привычной спешке (искать!) соскакиваю с кровати и опрокидываю стоящую возле кровати полную бутылку воды для питья. По-

ток – под кровать, где хранятся коробки со старыми фотографиями, моими дневниками, документами. В ужасе вытаскиваю коробки, вытряхиваю намокшие бумаги на кровать, вытираю пол. После мчусь в город. Блуждаю по пустому Городскому саду, по безлюдным улицам, под мелкой моросью, сыпящейся из давящего свинцового неба. Никого – ничего: пустота. Опираюсь на дорожный знак и плачу от одиночества. Потом иду на остановку на пронизывающем ветру с дождем. Никого – ничего: сама – пустота.

На следующий день опять еду в город. Неожиданный ливень. Стою полчаса под крышей Главпочтамта. После дождя иду бродить по улицам. Никого.

Следующий день: улицы, Городской сад, набережные... Поиски в двадцатый раз. Покупаю босоножки: ботинки проносились. Никого нет. Ночью перевозжу биографию под грохот под окном: во дворе, на месте спиленных весной ясеней, трактор рассыпает гравий для автостоянки. Дробное сухое эхо раскатывается в пустом колодце двора.

5-го – опять по городу. И 6-го по городу: по Городскому саду, по улицам – под колокольный звон, почему-то заставляющий идти вперед, к неизвестной цели, пока я не замечаю, что улица – пуста. И снова – по Городскому саду, по набережной, раз за разом... Внезапный дождь из черной тучи. Прочь. Впереди – двойная радуга над торжествующим собором, сияющим мне навстречу позолоченным крестом...

8 июля начала править свой перевод «Божества сада» Форреста Рейда. История взаимной привязанности двух мальчиков, закончившаяся гибелью одного из них, пожертвовавшего жизнью ради другого. «И так лежал он у его могилы, чувствуя, как жизнь выгорает пламенем в ночь...». Выгорает – в ночь... Слезы одиночества – до изнеможения.

Поиски повторяются каждый день. Никого нет. Звоню в несколько школ: услуги репетитора по иностранным языкам. Новый путь к другу... «Хорошо, мы, может быть, передадим Ваше предложение. Но не раньше сентября». Путь безнадежный. Опять бегаю по городу.

К середине июля «Божество сада» трижды откорректировано и сверстано. Дойдет ли когда-нибудь до него?..

Опять жара. Часами по улицам. 42-й размер одежды стал велик. Каждый день – рези в сердце. «Паутина» в глазах расплывается и сгущается. Никого нет.

«Никогда еще одиночество не виделось мне столь ясно. Эти улицы, где нет ни одного одухотворенного лица!.. Движущаяся обесмысленность. Кого я здесь ищу? Для кого пишу? Явленное отсутствие равного – читателя – друга. Метаюсь кругами, ожидая встретить жизнь за поворотом и понимая, что это невозможно. Отчаяние. Уже не край – за краем: мучительно долгий полет в никуда».

Каждый день – слезы от нестерпимого одиночества и мучительного желания быть с другом, заботиться о нем, радовать и чувствовать ответ. «Переводя “Божество сада,” надеялась подарить однажды ему эту книгу; перелистывая свой сборник стихотворений, представляла, как он будет читать его; слушая музыку, размышляла, что могло бы понравиться ему... Хотелось делать ему подарки, слушать вместе музыку, читать, молчать, быть вместе... И – никого. Безысходный крик в пустоте».

15 июля – по другому берегу Волги: никого. По пешеходной улице – никого. В парк – никого. Там сдали нервы, плакала от усталости и одиночества. Потом – опять на пешеходную улицу: никого. В Городской сад: никого. На том месте, где встретила беленького мальчика, такая боль прошла сквозь сердце, что надеялась, это – конец...

17 июля, преодолевая гнетущую слабость и боль в сердце, под надвигающимися тучами еду в город: в тридцатый раз. Опять по Городскому саду: никого. По пешеходной улице: никого. Синие тучи, проблески солнца в разрывах, отчаяние...

Когда уходила с пешеходной улицы, встретился мальчик лет четырнадцати. Он мимоходом, говоря по телефону, написал адрес своей электронной почты для связи с ним, сунул бумажку и равнодушно двинулся дальше. Ночью составила ему письмо, рассказав о себе и задав

несколько вопросов о его увлечениях. Ответ не пришел.

18 июля – опять в город. В троллейбус садится молодая женщина, пытаясь втащить в салон детскую коляску. Колесо зацепилось за ступеньку, и ее усилия напрасны. Сухенький добродушный старичок, сядивший на той же остановке, с готовностью спешит ей на помощь. Худыми, немало поработавшими руками направляет коляску так, что та легко вкатывается в салон, – направляет, словно к чему-то священному прикасается. На дантовском лице – мягкая улыбка: «Будущему помогаю!»

Пассажиры расположились в салоне, двери закрылись, и я снова погружаюсь в свои мысли – в свое непоправимое одиночество. Коляска, из которой вынут младенец, катается взад и вперед передо мною в ход движению. Старец сидит справа от меня, через проход, крепко держась обеими руками за поручень перед ним. Его худой профиль четко выделяется на фоне меняющейся картины мутного окна. – Проезд, кто вошел! – раздается издали сквозь шум голос пожилой женщины-кондуктора. – Что у вас? – обращается она к старику.

– Проездной, – отвечает он голосом твердым, но надтреснуто-высоким.

– Предъявите! – слова кондуктора тонут в звуках работающего мотора.

– Что она спрашивает? – обращается старец к соседу.

– Предъяви проездной, – объясняет тот. Судя по голосу, он тоже немолод.

– Проездной у меня с собой, в кармане, – громко заверяет старец кондуктора, не отпуская поручень. Женщина добродушно машет рукой:

– Ладно! Но предъявлять все-таки надо.

Разговор отвлекает меня от размышлений, и я прислушиваюсь к тому, что происходит вокруг.

– Здесь он, в кармане, – обращается старец к соседу, как будто желая уверить того в правдивости своих слов. – Я давно езжу по проездному. Мне уже много лет.

– Сколько?

– Даже забыл! – усмехается старик. – Восемьдесят с лиш-

ком.

– А в каком году родился? – сосед явно расположен к беседе.

– В двадцать девятом.

– Значит, восемьдесят пять. Много... А мне семьдесят шесть.

– Да, тоже немало...

Я невольно вслушиваюсь в разговор. Спокойные голоса стариков отвлекают меня. Как я узнаю, старец живет один, семьи у него нет, единственная сестра забыла о нем («Чувства охладели», – объясняет он со вздохом смирения). Он едет на дачу, где его никто не ждет.

Постепенно звуки опять становятся глуше, солнце тусклее, привычная подавленность снова охватывает меня.

– Да, немало тягот, – слышу я, как произносит старец, все с тем же смирением. – Беда, что поговорить не с кем.

Покачивающаяся коляска, бездумные чужие лица, белые поручни, черные сиденья; все смешалось в один грязно-серый калейдоскоп. Я стискиваю руки, как старец на опоре.

Через десять минут собеседник старца поднимается выходить. Он оказывается крепким полным стариком в белом летнем костюме. У него гладкое безмятежное лицо довольного жизнью человека.

– Спасибо, что поговорили со мной, – произносит старец с глубокой благодарностью, все так же держась за поручень усталыми руками и глядя на уходящего ясными, глубокими глазами. – Может, встретимся еще, – добавляет он с затаенной надеждой.

– Вряд ли! – вежливо улыбается его собеседник и выходит, тотчас забыв о нем. На его место опускается пожилая женщина с невыразительным лицом.

– Жаркое лето в этом году, – говорит ей старец, как будто продолжая разговор с прежним собеседником.

– Да, – безразлично соглашается женщина, глядя в окно.

– На даче все сохнет, приходится часто поливать, – продолжает старец, надеясь разговорить незнакомку.

– Да, – отвечает она, не поворачиваясь.

– Ну, это не самое страшное... – упавшим голосом добавляет старец и умолкает, погрузившись в свое привычное одиночество. Женщина молчит. Полуденное солнце кажется черным.

Мы выходим на одной остановке. Я бросаю взгляд вслед старцу. С дорожной сумкой в руке, чуть ссутулясь, он твердым шагом направляется прочь и вскоре исчезает в движущейся безликой толпе, спеша на свою пустынную дачу. Я отправляюсь в другую сторону – искать человека.

Легкомысленные девушки, шумные молодые люди, женщины с колясками... Лица сменяются, текут мимо меня смутным безразличным потоком под ярким июльским солнцем. Внезапно из толпы выныривают четверо подростков. Оживленные, с веселыми лицами и легкой походкой, они самым своим видом внушают уверенность, убеждают, что все хорошо, что мир – живой. Я вспоминаю старца, помогавшего молодой матери. «Будущему помогаю!» – застенчиво говорил его растроганный взгляд. С затаенной надеждой присматриваюсь к компании...

– Ольга Кавецкая, писатель, поэт, военный историк, переводчик... Будете общаться?

– А нам за это заплатят?

Бездумно улыбающиеся юные лица – пустые глаза – глазницы будущего... Прочь – до конца улицы – назад – в Городской сад – обратно – снова в сад... Внезапные слезы отчаяния возле лжеклассических колонн библиотеки, хранящей мой сборник стихов. «Своим словом нести добро своему равному», – мое старое убеждение, некогда заставлявшее меня работать до изнеможения, бьется гулкой кровью в ноющих висках. Мой равный, «другая жизнь рядом со мной» – моя жизнь... «В твоих глазах я видел вечность», – всплывают слова из автобиографической повести голландского балетмейстера, вспоминавшего, как в двенадцать лет, в 1945 году, он в отчаянии метался по ликующим улицам Амстердама в поисках уехавшего американского солдата-освободителя – своего друга. «А нам за это заплатят?» – доносится из серого потока. «Будущему помогаю!» – сияет улыбка на дантовском лице един-

ственно живого старика...

Мои блуждания ни к чему не приводят. Брожу уже бездумно. На одной из улиц слышу позади шум велосипеда. В сознании возникает образ: мальчик лет тринадцати, в белой футболке, с темными волосами. Велосипедист выныривает из-за спины: мальчик лет тринадцати, в белой футболке, с темными волосами...

Через несколько часов встречаю еще одного, лет пятнадцати, получаю адрес электронной почты. Ночью два часа, сквозь сон, пишу ему письмо с рассказом о себе и простыми вопросами к нему. Днем внимательно перечитываю письмо несколько раз, но отправить его не удастся: видимо, ложный адрес.

И опять – по городу. На пешеходной улице встречаю мальчика лет тринадцати. Он остановил велосипед возле скамьи и присел выпить воды. Довольно крупный и пухлый, он одет в мешковатые джинсовые шорты и красную футболку, подчеркивающую румяную полноту его щек.

Мы знакомимся, и я получаю адрес его почты. Пузырик застенчиво улыбается, глядя в сторону. Я сижу рядом с ним, не стараясь разговаривать его из-за ощущения безнадёжности этой новой попытки. Посидев минут пять, мы дружески прощаемся. Пузырик с трудом влезает на свой велосипед, бормочет «Ну, я поеду» и вскоре растворяется в толпе. Ответ на письмо не приходит.

Комарик

Вечером 20 июля 2014 года я опять шла пешеходной улицей. Солнце скрылось за крышами старых малоэтажных домов, прохожих было немного, по розовым плиткам неспешно расхаживали серые голуби, издали доносились монотонные звуки незамысловатой музыки. Я присела на свободную скамью через дорогу от кафе. Это был тридцать пятый день поисков, не принеших пока ничего.

Через несколько минут на противоположной стороне

улицы, за побеленными искривленными стволами лип, появились два мальчика на велосипедах, ехавшие друг за другом. Переднего я не рассмотрела, зато успела мельком, сквозь пелену близорукости, отметить ехавшего позади. На вид лет тринадцати, он был маленьким, худеньким и светловолосым, а его легкая одежда имела неопределенный табачно-серый цвет. Яркими пятнами мелькали салатные задники кроссовок и такого же цвета полосы на велосипеде.

«А теперь – налево», – донеслось до меня его сипловатое, но звучное сопрано, и оба велосипедиста скрылись за углом, оставив меня с ощущением выпущенной из рук веревки. Вот и все. Можно выискивать взглядом других.

В какой-то надежде я не сводила взгляда с угла, за которым исчезли ребята. Из-за него появлялись мужчины, женщины, дети и шли мимо меня – такими же ненужными случайностями, какой была я сама.

Вдруг оттуда вынырнул мой светловолосый мальчик, а за ним – его товарищ. Мне было видно, как они спешили за стволами лип возле дверей кафе, беленький мальчик быстро привязал велосипеды под темным навесом, и оба скрылись в дверях.

Помню, как второй мальчик стоял у прилавка, спиной ко мне: неподвижная фигура в темно-синей футболке, с копной каштановых волос, стриженных по кругу. Его более расторопный приятель делал покупки.

Помню, как они миновали меня, выходя на улицу: мальчик в синем, ростом с меня, прошел деревянной походкой игрушечного болванчика, а другой – поменьше – юркнул мимо маленьким комариком.

Помню, как меньший на вопрос, будут ли они «общаться с писателем, поэтом и историком», с радостной готовностью ответил: «Будем!» Первый мальчик, так отозвавшийся.

Помню его деловитое копошение возле велосипедов: снующие острые локотки, светлая опущенная головка, белые пакеты с покупками, укрепляемые на руле. Второй стоял прямо и недвижимо подле него.

Комарик назвался Игорем. «Правда, что ли?» – Некий

Игорь был накануне. «Ну не Вася же!» – улыбнулся мальчик, бросив темный взгляд поверх своих пакетов. «А тебя как зовут?» – последовал вопрос к его товарищу. «Вася», – ответил тот альтом, стоя прямо и неподвижно. – «Да никакой он не Вася, он Коля», – тотчас поправил его Игорь. Я отметила его честность.

Как с ними связаться? «А мы есть “ВКонтакте” и в “Одноклассниках,” – живо сообщил Игорь, продолжая хлопотливую возню на руле. – Только я там пароль забыл. Давайте я Вам свой номер телефона дам. Только у меня на телефоне деньги закончились». – «Как же тебе помочь?» Игорь задумался на мгновение. Я предполагала, что он воспользуется представившейся возможностью. Но вместо этого он дал свой номер и попросил позвонить на следующий день. Я отметила его порядочность. Условившись о звонке, мы попрощались.

Помню долгий путь в пыльном автобусе, серые сиденья, навязчивую музыку и ликующий солнечный свет. Небо было необычайного ясно-синего цвета. Или просто я впервые за долгое время заметила это? В сумке лежала бумажка с телефонным номером нового знакомого. Радостное «Будем!» звучало в ушах.

На следующее утро я проснулась с сильнейшим головокружением. Я лежала на спине в солнечной комнате. Хотелось пить. Возле кровати стояла бутылка воды. Надо было только протянуть руку, чтобы взять ее, но у меня не было сил даже на это. Так я и пролежала три часа, наблюдая утомительное кружение желтой люстры и чувствуя угнетающую тяжесть во всем теле.

В полдень Игорь, к моему удивлению, согласился прийти на встречу. В Городском саду. Тем же вечером, в 18 часов. Один. Я едва верила этому.

За пару часов я рассказала ему о себе, своих книгах, поездках на Северный Кавказ, стоянии там на краю незамечаемой мною пропасти, своем катании на лыжах в бабушкином вымирающем селе, изобилии там волков и кровавом скелете съеденной ими собаки на моей лыжне и

закончила беседу своей версией о причинах Первой Мировой войны. Мальчик заинтересованно слушал, смирно сидя рядом со мной на скамье возле ажурной чугунной ограды, за которой синела волжская гладь и серебряными вспышками мелькали чайки.

Внезапно хлынул холодный дождь. Я с готовностью дала Игорю свой зонтик. Он мило поблагодарил меня и съежился на пронизывающем ветру. Я с восторгом отдала ему свою куртку, оставшись в одной рубашке. Теперь ему стало тепло, а мне – радостно.

... Так отрепетировав встречу, я отправилась на нее, захватив зонт и для Игоря.

Долгое ожидание на остановке, переполненная маршрутная «Газель», сгущающиеся тучи, порывы ветра. Наконец, Городской сад. Солнце сквозь сизые тучи, шум листьев, волнение, новый приступ головокружения. Серые дорожки, светотени, набережная. Мальчика нет.

«А я у бабушки... В поселке... На море...» – сдавленный от слез голос в трубке. Обратно шла, как с похорон.

Так вместо ликования общения опять – напрасные метания по улицам, сердце в горле, кровь в висках набатом, привычная боль... От тоски по другу плакала весь вечер.

В тот день вышла в свет “Minor Prose.” Накануне в типографию отправилось «Божество сада». Я продолжила переводить на английский свою книгу о Лоуренсе.

Мысли о комарике Игоре не покидали меня. Решив, что он не пришел потому, что его не пустили, я позвонила ему. Он объяснил, что его увезли к бабушке, а потом он поедет к морю. Я спросила, можно ли иногда звонить ему, получила согласие, и на том мы попрощались – без надежды увидеться. Я была рада даже возможности звонков.

Художник и небесное видение

25 июля знакомлюсь в Городском саду с местной знаменитостью. Художник, шестьдесят семь лет, грузная высокая фигура, полное гладкое лицо, холодные глаза за сте-

клами очков, пышные седые усы, кепка на таких же пышных седых бровях, мешковатая одежда. Медлительность и неповоротливость. Рисует портреты всех желающих, беря за карандашный набросок две тысячи рублей.

Я не раз видела его там. Он приветливо подмечал мою подавленность, я молча отвечала мимолетной усмешкой. Сегодня решила подойти. Все средства хороши, лишь бы ничего не чувствовать...

– Здравствуйте! – тянет он из-под раскидистого ясеня, всматриваясь в мое замученное хождениями существо.

– Добрый день! – радостно-почтительно откликаюсь я и направляюсь к нему, как будто туда и шла.

Мы говорим о российской культуре, русских людях, жизни в Белоруссии, современной живописи, творческом процессе... Художник сидит, вымеряя каждое слово и пристально глядя в пространство, где бродят гипотетические клиенты. Я стою перед ним с уверенной почтительностью. – Надо же, тоже творческий человек... Я сразу понял, что Вы – человек особый.

Смотрит мой сборник стихотворений, удивляется его толщине и знанию девяти языков. Собирается познакомиться с Дементьевым. В конце – с той же вымеряющей неторопливостью:

– Я хотел бы, чтобы кто-нибудь написал мою биографию... За долю гонорара...

Я, учтиво:

– Если бы это оказалось интересным, я написала бы и даром.

Художник явно слышит в моем ответе только бескорыстие. «Хитер дядя! Чтоб тебе писали прижизненную биографию – да еще за долю! А остальное кому? Тебе – за то, что послужил предметом? Черта-с-два!

Еще не умер ты,
Еще ты не один... *»

* Из стихотворения О. Мандельштама.

И, произнося любезнейше «Всего доброго!», откланиваюсь искать человека.

Спустя несколько дней художник, сидя в Городском саду, неожиданно берется писать мой портрет. Опускаюсь перед ним уныло, отвлеченная от своих поисков. «Классическая форма головы», – неторопливо вымеряет он пальцами набросок моей головы на большом листе. Да Бог-то с ней! Вон какого милого мальчика упустила из-за этой головы! «А вот у Рембрандта...» – отмеряет художник, водя неторопливо карандашом по большому листу. Да оставь ты нас с Рембрандтом в покое! Вон еще один прошел мимо... «А Рубенс...» Оставь, дядя, мне надо бежать. И я, вспомнив ему о какой-то срочной встрече, сбегаю.

Не успеваю отойти и на сто метров, как вижу – ангела. Лет одиннадцать. Стройная маленькая фигурка, горделивая осанка, уверенная походка, правильный профиль, белая кожа и – волосы! Пышные, полудлинные, аккуратно подстриженные по кругу, ниспадающие на лоб, необычайного светло-золотистого оттенка. Сияют на солнце старинной позолотой. Зачарованно следую за ним, желая полюбоваться подольше. А вы – «дамы Рубенса, Саския на коленях»! Вот, где истинно ангельская прелесть! Осторожно обхожу мальчика, чтобы посмотреть на личико. Личико фарфоровой куколки и огромные серые глаза с редкостными длинными черными ресницами. Видение небесной красоты.

Рядом шествует папа. Лет сорок пять, выразительная плешь, упитанное брюшко, руки за спиной, профессорские очки. Твое будущее, небесное виденье...

Поиски днем и перевод биографии Лоуренса ночью продолжают. Теперь к этому добавляются настойчивые звонки художника, желающего увидеть меня – или, скорее, свою биографию. Я отделяюсь занятостью.

Как-то раз просматриваю номера на своем телефоне. Мама, Игорь, художник. Бездумно нажимаю вызов художнику. Половина второго ночи. С тех пор он почему-то больше не желал меня увидеть.

Безнадежность

Каждый день хожу до изнеможения, преодолевая усталость и боль в сердце. Коричневая «паутина» в глазах все гуще. Каждый день – повышенное давление. Никого не удается найти: нужных мальчиков нет.

Однажды вечером, после целого дня бесполезных поисков, встречаю на той же пешеходной улице двух ребят лет пятнадцати. Довольно упитанные, аккуратно постриженные, с неторопливыми движениями. Покупают в киоске сладости и отходят. По их благопричесанности и лености понимаю: не то. Но того нет, поэтому...

«Писатель, поэт, переводчик, военный историк...» – «Знаете ли, мы не настолько интересуемся литературой», – звучит в ответ саркастически-снисходительно, как будто им предложили покататься на трехколесном велосипеде. От усталости и отчаяния взрываюсь: «Да вы вообще теперь ничем не интересуетесь!». Они пытаются скрыть замешательство беззаботностью и удаляются с жалким смешком.

Неудача становится последней каплей. Дохожу по улице до здания университета, где училась, останавливаюсь под старой липой и плачу, опираясь одной рукой о теплый морщинистый ствол. Липа возле самого здания, прохожие идут по центру улицы, так что меня никто не видит, а разухабистая музыка, рвущаяся из открытых дверей какого-то магазина, скрывает мои всхлипывания. В отчаянии бездумно ударяю рукой – запястьем – о ствол, пока не разбиваю ее в кровь. Не чувствуя боли, висну на стволе и сквозь плывущую сумятицу улицы вижу только твое участливое личико, мой не встреченный друг...

Ночью что-то перевозжу, что-то пишу. Просто так.

В последний день июля 32° С. Опять еду в город, на троллейбусе. Духота, теснота, заторы на дороге. Троллейбус едва движется. У меня внезапный гипертонический криз: приступ сильного головокружения и слабости с острыми болями в сердце и пульсом около 140 ударов в минуту. Нюхаю валокордин (накапать некуда) и мысленно

твержу «Отче наш» на итальянском языке.

Выхожу за Старым мостом, по которому затравленный, больной, но все еще гордый Осип Мандельштам – один из лучших поэтов – ходил в свою предпоследнюю зиму на съемную квартиру. Отдыхаю в пустом дворе. Рядом – забытый крест в память снесенного храма.

Затем – поиски. Удушливые волны горячего воздуха от асфальта, сизое небо, никого.

В тот день получаю сигнальный экземпляр «Божества сада». Ночью правлю его, сквозь сон и усталость, наутро отправляю в типографию для печати тиража.

1 августа 35° С. Все равно иду искать, в сорок пятый раз. В парке вынырнули двое на роликах, лет пятнадцати. Оказались настолько безнадежны, что от знакомства с ними стало скверно. Ушла к тумбе лиловых петуний. Насколько мордочки цветов бывают осмысленнее и приветливее человеческих!

Вечером – перевод биографии, сквозь слезы о моем недостижимом друге.

3-го перевод завершен. Осталось сделать четыре корректуры и сверстать книгу. Начала, через силу и без желания. Откорректировала макет повести «Без друга жизни нет». Кашель. 33° С в моей комнате.

4-го небо с запада до половины заволокло грязно-желтым дымом от горящих торфяников. Солнце – бледно-оранжевый шар. Ирреальный бронзовый свет. В воздухе неподвижность.

Столетняя годовщина с начала Первой Мировой войны. Демагогия в российских и зарубежных СМИ. Все вспоминают, никто не помнит. Перевожу на английский свой цикл стихотворений, посвященный памяти павших в ту войну, «Время смерти»:

Это время во всполохах боли –
Как в зрачке остановленный страх.
Голос крови на взорванном поле
Застывает на мертвых губах...

That time enveloped in the fire of pain
Is like fear frozen in pupils.
The voices of blood from the blown world plain
Fade on the lips into heavenly hues – –

Высылаю перевод в Англию, Францию, Германию: в ведущие издания и на сайты, посвященные Великой войне. В восемь адресов. Оригинал отправляю в два адреса по России. Оригинал с переводом – в посольство Англии в Москве. Не отзывается никто.

6 августа получен тираж «Божества сада». Еще одна книга, которую некому подарить, кроме библиотек. В тот же день в типографию сдана повесть «Без друга жизни нет».

Задымление на улице усиливается. Жара не спадает. В Тверской области горят 143 га лесов и торфяников.

В начале августа я принялась искать зарубежные библиотеки для "Minor Prose." Начала с немецких и шведских – оттого, что в книгу была включена повесть о Краусе. Библиотеки не отвечали.

15 августа почти не спала. Рев тренировочных полетов Ил-76 над головой, напряжение в квартире, отсутствие ответа из библиотек, чувство творческой и человеческой не востребоваемости, плохое самочувствие, переутомление были невыносимы. Вечером ушла к Волге. Прошла через березовую рощу, в которой не было никого, обогнула расположенную там трехэтажную гостиницу и по длинной узкой деревянной лестнице спустилась к воде. Над водою была устроена просторная деревянная площадка с ограждением, на которой летом проводились празднества. Сейчас там было пусто и чисто. На противоположном берегу с охристой осыпью зеленел лес. По обеим сторонам от меня простиралась занесенная высохшим илом полоса булыжников. Над головой склонялись ветви старых берез, судорожно ухватившихся искривленными корнями за осыпающийся песок. Нигде не было ни души.

Я остановилась у ограждения и, опершись о него грудью, посмотрела в воду. Мутно-желтая, темная подо

мною, немного поодаль она казалась совершенно черной. Еще дальше в ней отражались легкие, как роспись старинной фрески, перистые облака. Где-то там, в глубине спокойной реки, лежал остов давно затонувшей баржи, городской мусор, чьи-то останки... Какую грязь, и страх, и безысходность скрывало это спокойствие, отражавшее изящные летние облака!.. Не метафора ли это моей жизни? Что мои музыка, поэзия и остальное как не слабое отражение недостижимой Красоты на поверхности непоправимой усталости и страха? Сколько под ней затонувших обломков, которые лежат, невидимые другим, но ощущаемые мною, и будут лежать там до самого конца... А свет гаснет, и белые отражения становятся все более смутными, почти иллюзорными, пока не исчезнут совсем в бесконечной темноте. В уютной темноте, где не будет усилия и напряжения – этого смертного борения всего моего существования в попытке удержать обманчивые отсветы, прикоснуться к Жизни, которой для меня нет...

Весь вечер были сбои в сердце. Плакала от усталости и отчаяния. Легла в пять часов, в девять встала – звонить Игорю. Звонок не дошел. Снова – искать, по всему городу, из конца в конец. Почти час, под дождем, провела возле кафе, где встретила Игоря: надеялась увидеть его. И опять – улицы, Городской сад... До Игоря вызов не доходил.

Рези в сердце, дерущая тоска, в квартире – коробки с моими нерасосланными – ненужными – книгами. Как литератор – не нужна, как человек – не нужна. «Вы знаете, что такое – увидеть свою жизнь в руинах?» – девяносто лет назад спрашивал Т.Э. Лоуренс, «непостижимый кристалл» своих способностей, ранящий самого себя своими отточенными гранями. «Жизнь в руинах» – и такое спокойствие внешне, такая безмятежность над невидимыми миру обломками!..

В тот день – сон: грозовые синие тучи, и в них – как надежда – золотой разрыв с веером лучей.

Просвет

На следующий день, 17 августа, еду с мамой в город за новой картой к телефону, чтобы дозвониться до Игоря. Мелкий серый дождь. Возле железнодорожного вокзала с удивлением вижу новую белую церковь с золотыми куполами, смутно напоминающую снесенный Софийский собор в Гродно.

На гремящем трамвае – по проспекту. Я немного успокоилась и рассуждаю о предстоящей поездке на отдых. В Гродно или Владикавказ? Говоря о Владикавказе, вспоминаю Хасана: «Все от него зависит. Надо выйти на связь». Мама: «Это нетрудно, он ведь не сменил СИМ-карту». – «Но он мог потерять телефон». – «С чего бы ему терять?» – «Всякое бывает. А без него мы в горы не поедем». – «Без Игоря?!» Оказалось, мама продолжала предыдущий разговор о моем знакомом. Я задумываюсь о нем, и тут – звонок: Игорь. «Плохо слышно тебя: мы едем в трамвае». – «В синем?» – «Да». – «Так мы вас видим!»

Мы вышли. Вскоре подошел Игорь с Колей.

Я почти месяц думала об этом мальчике – единственном, кто отозвался на предложение общаться. Представляла нашу дружбу. Мысленно беседовала с ним. Видела его во сне. И вот он стоит передо мной (теперь близко и на свету): удлиненное личико с упрямым подбородком, большие карие глаза с невинно-беззастенчивым выражением, тонкие светлые брови изящными дугами, выпуклые щечки-нектаринки, высокий лобик, аккуратный прямой носик с маленькими ноздриками, умеренно пухлые губки (своенравная нижняя), атласная кожа. Нежный боттичеллевский образ, умилительно дополненный некоторой веснушчатостью, розовой облупленностью на носу, ячменем на глазу, оттопыренным левым ушком и отросшими необычайно-желтыми волосами, ниспадающими на лоб и шею.

Продолжая зажевывать чипсы, он становится перед нами. Его приятель, молчаливый и незаметный, неотлучным истуканчиком – рядом с ним.

– Никак ты покрашенный? – удивляется мама и трогает

изучающе пушистые волосы Комарика.

– Это я выгорел за лето, – объясняет он, стоя покорно.

– Да, выгорел, – степенно подтверждает его товарищ. Мама сомневается и пытается отыскать следы окраски. Затем, оставив прическу Комара в покое, спрашивает, отчего у него так облупился нос.

– На море был, – отвечает он, дожевывая чипсы и боком придвигаясь к другу в своей невозможности покоя. Тот стоит истуканчиком.

– А что ты все моргаешь? – мама рассматривает глаза Комара. – Никак у тебя ячмень?

Комар соглашается, запуская лапку в почти пустой пакетик.

– Плюнь ему в глаз, – советует мама Коле.

– Зачем? – настораживается Комар, переставая жевать.

– Старинный способ избавиться от ячменя.

Мама шутит, и Комар успокаивается. Я рассмотрела его и теперь присматриваюсь к Коле. Оранжевая футболка, красные шорты, темные кроссовки, недвижимое лицо, глубоко посаженные небольшие серые глаза, широковатый нос, заметные скулы, прическа под двойной горшок со светлым пятном на лбу. Я вижу эту прическу смутно, и это хорошо.

Игорь заканчивает поедание, привычным движением незаметно вытирает губы рукавом товарища и отбирает у того пакетик с чипсами.

– Я не доел... – пытается протестовать Коля. Игорь, не обращая внимания, деловито засовывает свой пустой пакетик в Колин и вручает все это ему:

– Выбрось.

Коля покорно следует к урне. Игорь провожает его взглядом и поворачивается к нам. Ему явно неуютно одному. Он замирает и ждет товарища. Коля бросает пакетик в урну и возвращается. Игорь опять начинает придвигаться к нему и вскоре оказывается перед ним, прижимаясь к тому спиной, как к стене. И что-то щебечет в ответ на вопросы. Затем мы договариваемся о встрече на следующий день на том же месте и прощаемся.

Тем вечером я обнаружила в электронном ящике ответ из библиотеки Майнца – единственный ответ на двадцать писем. В нем, без обращения и подписи, значилось крупным жирным шрифтом: «Нам не нужна Ваша книга». Радостная после встречи, я даже не обратила на это внимания.

Беседа с Комаром

На следующий день, 18 августа, сплю четыре часа. В 14.30. звонит Игорь: «Мы придем в 15.20.» Я быстро собираюсь и еду в город к назначенному месту. По дороге – опять звонок: «Придем в 16 часов: не успеваем».

В 16 часов – никого. Яркое солнце и холодный ветер. Жду. Проходит пять минут, десять, двадцать. Я теряю терпение. Звоню Игорю: «Вы где?» Отвечает женский голос. Спустя несколько минут – повторный звонок. На этот раз отзывается Игорь. Оказывается, они на пешеходной улице. Иду туда. Комар и Коля трогательно сидят за пустым столиком в летнем кафе и смотрят на меня с надеждой. Этому не придается значения.

– Кто отвечал женским голосом?

– Я, – гудит Коля.

– А я ел сухарики, – очаровательно поясняет Комарик, положив локти на столик и глядя умильно в ожидании нового пропитания. В воспитательных целях пропитание не поступает. Более того, предпринимается попытка увести их от греха подальше.

– Не-е, нам здесь нравится, – пищит Комарик.

– Зато мне не нравится, – отвечаю я и направляюсь прочь. Новообретенные товарищи покорно следуют за мной. По пути Игорь обгоняет нас с Колей и выбирает место – скамью в начале довольно людной аллеи старых ясеней, пересекающей пешеходную улицу. Усаживаемся: Игорь – сгорбившись с краю, Коля навывтяжку – возле него, я – нога на ногу и сцепив на колене руки – рядом с Колей.

Беседа начинается принужденно. Мне трудно говорить

с двумя людьми одновременно, к тому же – с разными людьми, каковыми являются Игорь и Коля. Более того, выясняется, что они не интересуются ничем, кроме футбола. С горечью ощущаю пропасть между мной и ними.

– А что Вы пишете? – спрашивает Игорь, склоняясь ко мне через Колины колени.

– Стихи, исторические повести, рассказы... Кстати, я захватила свои книги, чтобы показать вам.

Я достаю из сумки сборник стихотворений и «Боже-ство сада». Комар хватает обеими лапками сборник – видимо, оттого, что он внушительнее. Коля осторожно принимает другую книгу. Я наблюдаю за ними. Маленькие лапки Комара тянутся сразу ко всем страницам.

– На обложке моя фотография одного старого кладбища в Северной Осетии, – замечаю я.

Комар закрывает книгу и внимательно смотрит на изображение, после чего принимается жадно, но аккуратно листать ее. Коля, в отличие от него, нетороплив. Он вдумчиво читает какой-то пассаж на одной из первых страниц.

– А почему так называется? – спрашивает Комар, указывая на одно стихотворение. Я не хочу объяснять и отвечаю, улыбаясь:

– Подумай – поймешь.

Он думает и, кажется, понимает. Он действительно немало понимает, этот забавный Комарик с желтыми волосиками и облупленным носиком... Я уже не чувствую пропасти.

Мальчики заканчивают просмотр книг и бережно возвращают их.

– А Вы – известная писательница? – с интересом спрашивает Комар, глядя на меня искоса своими замечательными большими глазами.

– Пока – не очень.

– А собираетесь стать?

– Это не зависит от моей воли, – смеюсь я.

– А как Вы издаетесь? – продолжает спрашивать Комар.

Я рассказываю о допечатной работе, типографии, рассылке книг по библиотекам за свой счет – оттого, что магазины их не берут.

– Неужели библиотеки берут за деньги? – ужасается Комар.

– Слава Богу, еще не додумались.

– А почему магазины не принимают?

– Неходовой товар. Если бы это были детективы или бульварные романы, тогда брали бы охотно.

Мальчик никак не может этого понять.

Незаметно он переходит на «ты». Я не возражаю. Беседа продолжается, становясь все более оживленной. Я рассказываю о том, как устроила взрыв в квартире при попытке починить настольную лампу. Комар в восторге. Коля сидит между нами навтытяжку и молчит. Мы стрекочем наперебой, нагибаясь друг к другу то через его колени, то у него за спиной. Наконец, Коля не выдерживает: – В оба уха!.. – стонет он и, закрыв уши руками, нагибается, спасаясь от нас. Колина спина становится опорой для наших локтей.

– Лучше иди сюда! – зову я Игоря из сострадания к претерпевающему Коле. Игорь немного сопротивляется, но потом радостно сталкивает Колю на свой край и занимает его место. Коля опирается локтями о колени и закрывает глаза:

– Посплю пока.

Мы снова начинаем стрекотать – теперь о футболе.

– «Реал» или «Барселона»? – в азарте пищит Комар, желая узнать мои предпочтения. Я сама их не знаю и тычу пальцем в небо:

– «Реал».

Комар в восторге давит Колю:

– Слышишь? Моя любимая команда!!!

– Я спа-а-ть хочу...

– Роналдо или Суарес? – продолжает Комар с горящими глазами.

– Роналдо, – с нарочитым почтением отвечаю я, и Коле опять достается.

Затем инициативу перехватываю я и рассказываю о средневековых наземных склепах в горах Северной Осетии.

– Пологий склон, на нем – девяносто склепов, подобных

маленьким белым домикам, в склепах – небольшие прямоугольные окошечки...

У Коли проходит сонливость, и он смотрит на меня заинтересованно. Я рассказываю негромко, и Комару приходится ему пересказывать:

– Склон, а в склоне окошечки...

После склепов Комар неожиданно спрашивает:

– А что ты думаешь о современной архитектуре?

Я ничего не думаю о современной архитектуре, и тема не развивается.

– А что ты любишь носить? – задает Игорь еще один удивительный вопрос и, не дожидаясь ответа, начинает со знанием дела рассуждать о гардеробе. Это не моя тема, и я заговариваю о военной истории. Теперь неинтересно Игорю. Некоторое время Колины уши наслаждаются тишиной.

Потом Игорь спрашивает меня о наличии вредных привычек и на все получает отрицательные ответы.

– А я пробовал курить, – признается он. – Мне не понравилось.

Я горячо поддерживаю его в том, что это действительно не может понравиться и, вдруг обнимая его за плечи, говорю:

– Берегите здоровье. Однажды потеряв, не вернете.

Оба клопа задумываются. После молчания Коля спрашивает меня глубокомысленно:

– А ты не хочешь завести детей?

Я отвечаю словами Т.Э. Лоуренса:

– Я не нахожу эту жизнь достаточно хорошей, чтобы дарить ее кому-нибудь еще.

Клопы опять задумываются и, кажется, соглашаются. Затем Игорь уточняет:

– А ты вообще не собираешься жениться?

Мы с Колей смеемся. Игорь смотрит то на него, то на меня, не понимая, чего смешного мы нашли в его вопросе. Коля объясняет.

Потом Комар интересуется названием моего телефона. После замечает проезжающую мимо модную машину и, толкая сонного Колю в бок, называет ее марку. Комару ин-

тересно все.

Так проведя вместе час, мы договариваемся о встрече на следующий день и прощаемся.

Необыкновенный товарищ

Так началось общение, необычайное по доверительности и прямоте, но не перешедшее в настоящую дружбу из-за личностной ограниченности Игоря. Мы привязались друг к другу (я – сильнее), но, несмотря на это (или, скорее, из-за этого) нередко ссорились. Я желала, чтобы Игорь стал лучше, он ревновал меня к каждому знакомому; мы оба были слишком живыми и беспокойными. Общение иногда становилось противостоянием двух неравных, но схожих сил. Если бы он был равен мне интеллектуально и личностно, это сходство природы привело бы к яростным, но полезным спорам – вроде тех, что бывают меж людьми творческими. Но ему было только тринадцать лет и он был слишком неглубок, поэтому противоречия прорывались, как протуберанцы, пылкими и бесполезными ссорами.

Игорь мог вывести из себя любого. Так, моя невозмутимая мама, отработавшая семь лет в сельской школе, выражала мне удивление после беседы с ним: «Как ты его терпишь?»

Для него не существовало условностей, он был откровенен до бесстыдства, мог сказать вам, что угодно, не стеснялся сквернословить и держался, как настоящий уличный мальчишка. Добавьте к этому невероятную неусидчивость, почти постоянную поспешность и поразительное невежество, и вы получите некоторое представление о катастрофе по милому прозвищу Комарик.

Об обстоятельствах его жизни мне было известно мало. Он отказался познакомить меня со своими родителями, долгое время скрывал, в какой школе учится, увеличил свой возраст на год и с увлечением рассказывал об участии в первенстве России по футболу, где он выступал вратарем – при том, что в действительности подавал мячи в

молодежной сборной Твери... Имя тоже оказалось вымышленным: спустя четыре месяца после знакомства я отыскиала этого мальчика в одной соцсети через страницу его двоюродной сестры и узнала, что его зовут Артём К.

Тогда же выяснилось, что он учится в гимназии, считающейся элитной. Как он мог учиться вообще, являлось непостижимым: невежество Артёма было даже не удручающим – необычайным. Еще можно было понять то, что он писал «говари» и «позванить» и спрашивал, что значит «эксплуатировать», но он не знал даже, что такое опушка леса и сумерки...

Он не прочитал ни одной книжки, кроме учебников (в которых явно мало что понимал) и не имел никаких значимых интересов. Все его существование сводилось к футболу, просмотру не очень приличных фильмов и времяпрепровождению с Колей. Коля, старше его на восемь месяцев, был молчаливым и довольно умным парнем. Я была однажды немало удивлена, когда в беседе он опередил меня, ответив Артёму, что такое «Памятные книги». Артём обращался к нему, как к справочнику, а также использовал его как мягкую игрушку. На встречах он то и дело затевал с ним возню, тиская его или борясь. В этих играх он, более слабый, всегда главенствовал, обращаясь с другом подчас весьма грубо. Коля все молча сносил. Не знаю, чем объяснялась эта удивительная терпимость. Едва ли он стеснялся отвечать Артёму в моем присутствии: стеснительностью он тоже не отличался, а сквернословил даже больше Артёма. Должно быть, он был настолько сильно привязан к своему товарищу: они считали друг друга братьями.

На встречи они всегда приходили вместе. Виделись мы во дворе, расположенном в получасе езды от моего дома и в нескольких стах метрах от Дома поэзии, где собирались мои «собратья по перу» и куда я ни разу не заходила. Не знаю, почему мальчишки выбрали именно то место, но чувствовали они себя там вольготно.

На встречах Коля держался отстраненно, обычно молчал. Я пыталась разговаривать с ним, подружиться с ним так же, как с Артёмом, но все было тщетно. Он сдержанно от-

кликался и опять замыкался в себе, наблюдая за нами с Артёмом.

А мы оживленно беседовали. Темы для беседы были обширны – от моей литературной деятельности до спорта. У Артёма было примечательное умение поддерживать любой разговор, независимо оттого, насколько близок и понятен был ему предмет. Его выручала способность задавать вопросы. В этом он был бесподобен и сыпал вопросами нередко так, что заглушал своего собеседника.

Эта особенность Артёма при его неумной подвижности и постоянной взволнованности вызывала поначалу напряжение. Я была переутомлена умственно и изнурена телесно, мне почти постоянно было плохо (боли и тяжесть в сердце, сбои в сердцебиении, головокружения, лихорадки от давления), разум был перегружен работой и разрешением трудностей, возникавших, как грибы после дождя. И при таких обстоятельствах вести беседу с этим подсакивающим сорванцом!..

По своей привычке стараться в любом деле, особенно если оно касалось другого, я тщательно готовилась почти к каждой встрече: выбирала, что рассказать, и мысленно проговаривала это, представляя возможное поведение своих товарищей. Однако Артём был непредсказуем и мог сорвать любой план. Поэтому мне приходилось постоянно следить за тем, чтобы он не потерял интерес к беседе и не бросился в свою безудержную грубую возню с Колей. Но сохранять способность логично мыслить в его присутствии... Стоило мне замолчать, как раздавалось нетерпеливое: «Ну, говори! Что ты молчишь? Ну, говори!» Он нечасто позволял мне собраться с мыслями, что-то припомнить или придумать какой-то вопрос, он нервозно подстегивал, ерзая и глядя отчаянными глазами, готовый сорваться и бежать неизвестно куда.

Он редко рассказывал что-нибудь сам, Коля молчал отстраненно, и вся беседа зависела только от меня. «Ну, говори!» Я в мучительной спешке стараюсь вспомнить какую-нибудь увлекательную историю. Что-то было подходящее... «Ну, говори!» Что было? Ах да... «Ну, говори!» Черт тебя возьми, дай вспомнить! «Ну же!» И я начинаю

что-то лихорадочно рассказывать, то и дело теряя нить от напряжения и вызванного им высокого давления. Сердце в горле, в глазах плывет, пульс наверняка 140, руки не меют: пытаюсь забавлять этого сорванца – противного, как зубная боль. И это удастся: Артём смотрит на меня с живейшим интересом и усердно сыплет вопросами...

Держался он обычно грубо и даже развязно, однако внутренне был мягок и всегда чувствовал черту, которую не следует переходить. Меня легко обидеть, но Артёму этого не удавалось. Как бы он ни вел себя, какими бы бурными ни были наши споры, у меня не оставалось на него обиды. Напряжение, досада, мимолетный гнев: вот все, что он мог у меня вызвать. На него невозможно было таить зло, ибо он не желал злого. Безвредность была одним из его лучших качеств.

Однако потребовались месяцы, чтобы привыкнуть к этому непоседливому беззаботному чертенку. Поначалу мне досаждали его ограниченность и невоспитанность, а некоторые случаи, казалось, являлись подтверждением того, что он не может стать мне другом. Однажды, 29 августа 2014 года, он с Колей смотрел на стадионе футбольный матч. Я была на улице, расположенной в десяти минутах езды, когда мне стало плохо с сердцем. Опасаясь дурного, я позвонила Артёму, объяснив, в чем дело, и попросила выйти на пару минут. Он отказался. Я повторила просьбу, но опять получила отказ. Только после четвертого звонка он согласился выйти. К тому времени засверкали молнии, и хлынул холодный ливень. Я переждала непогоду в укрытии, после чего отправилась к стадиону. После грозы температура резко понизилась, и я порадовалась, что одета тепло. Когда я подъехала к стадиону, там уже почти никого не осталось: матч прекратили из-за дождя. Артём с Колей появились из ворот стадиона в одних футболках и, насквозь мокрые и дрожащие, сосредоточенно устремились в неизвестном направлении. «Куда спешим?» – поинтересовалась я, беря съезженного Артёма под руку. «К-к-куда-нибудь... п-п-погреться», – ответил он, стуча зубами. Я отвела их в ближний сквер и там, прижав Артёма к себе и укрыв полами куртки, согревала его,

пока мой свитер не стал влажным от его одежды...

Каким бы он ни казался мне поначалу, я не хотела верить в его совершенную испорченность и желала отыскать в нем человека. В других знакомых я тоже стремилась найти что-то хорошее, но отступалась, как только понимала, что это невозможно. В Артёме что-то было, а главное, он был привязан ко мне. За его досадной глупостью и грубостью скрывалось что-то человеческое, и я, чувствуя это, прощала его вновь и вновь.

Как уже вскользь упоминалось, я не сносила его промахи молча. Обычно я сдержанно упрекала его за плохое поведение, а он молча слушал и потом вел себя несколько лучше. Иногда доходило до курьезов. Так, накопив за шесть первых встреч немало недовольства, я все подробно и спокойно объяснила Артёму. Эта воспитательная беседа продолжалась больше часа. Коля, скучая, негромко сказал другу: «Пойдем!» На это последовал неожиданный и твердый ответ: «Посидим еще!»

Но если мое терпение лопалось, я бурно ссорилась с Артёмом. Здесь тоже не обходилось без смешных моментов. Так, однажды я предположила ему, что, если он не исправится и не возьмется за ум, то когда-нибудь стоять ему возле пивного ларька. И добавила возмущенно: «Алкоголик!» Артём не употреблял спиртного: просто у меня закончились все возможные эпитеты – от «недотыкомки» и «шпаны» до «гада» и «паразита».

Нашей общей чертой была способность быстро забывать обиды. Нам даже не приходилось мириться: мы просто не помнили о том, что поссорились, и возобновляли общение как ни в чем не бывало. Несколько раз я пыталась положить конец этим довольно изнурительным отношениям, но по взаимному тяготению мы опять оказывались вместе, причем инициатором примирения был Артём. Однажды, на седьмой встрече, я сказала ему: «Вам это общение, наверное, ни к чему». – «Нет, к чему», – неожиданно твердо ответил мальчик.

После ссор мы не виделись иногда полтора-два месяца. В это время я тщетно пыталась найти новых друзей. Артём догадывался и на встрече первым делом обеспокоенно

спрашивал: «Нашла кого-нибудь?»

Немного «подкорректировав» Артёма и пообщавшись с его сверстниками, которые при всей своей «благоприличности» были гораздо хуже, я оставила скучные попытки воспитания и стала забавляться с ним и Колей, участвуя в их играх и предлагая свои. Так мы играли в снежки, жмурки и бадминтон; мерились силой (с обоими была ничья), закидывали с Артёмом Колин ботинок на дерево и веселились, наблюдая, как тот невозмутимо карабкается за ним... Немалое удовольствие мне доставляло отбирать у Артёма шапку и убегать от него. То же он проделывал со мной. В нашем общении с самого начала не было чопорности: Артём относился ко мне, как к ровеснику, и даже называл «братан».

Каким бы ни был Артём, он был у меня полтора года, оказавшись лучшим из моих знакомых-подростков. Он стал моим вдохновением: ему посвящены шестнадцать стихотворений, вошедших во второй сборник и еще не изданный третий, о нем написана отдельная повесть, нарисован карандашный портрет и два портрета маслом... Жаль, что его развитие не позволяло ему оценить то, что делалось для него: единственным его откликом было выражение удивленной радости.

Библиотеки, Комар и польское кладбище

Весь август 2014 года я рассылала предложения “Minor Prose” в библиотеки Германии и Швеции. К концу месяца их число достигло тридцати. Отозвалась только одна – Русская библиотека Мюнхена. Я выслала туда два экземпляра “Minor Prose,” добавив «Только слово живет» и «Божество сада». В сентябре мне прислали благодарность.

С Артёмом я виделась в августе восемь раз. Встречи были оживленными, но надежды на то, что мы подружимся, было мало. С 22 до 28 августа он с Колей куда-то уехал; 29-го не соглашался выйти, когда я просила; 30-го внезапно проявилась его неумная природа, и я предложила

им прекратить общение. Коля согласился, Артём ушел от ответа. Из-за этих сбоев я продолжала искать по улицам других. Число этих попыток достигло к сентябрю пятидесяти пяти. Никого не удалось найти.

1 сентября произошла серьезная и неожиданная размолвка с Артёмом и Колей из-за их дерзости. Я сказала им, что прекращаю общение.

Следующим днем, дождливым и темным, я с мамой уехала на польское кладбище в Медное. Там должна была пройти поминальная церемония с участием делегации из Польши.

Прибыло около двадцати пяти человек, включая генерала от полиции. Когда мы приехали, они продвигались к стене с именами погребенных. Мы стали в стороне. За спиной послышался спор поляка и русского о наличии на кладбище могил. Мы отошли: то же. Мы опять отошли. Пожилая женщина с измученным лицом говорила рослому русскому мужчине:

– У нас слезы на глазах, а вы говорите такое... – тот же спор.

В 13 часов у стены имен началась месса. Проливной дождь, сосны органичным строем, черная стена, несколько лампад, польская речь, отрывки из Евангелия, холод... Собравшиеся стоят в три неровных ряда, я во втором. Выступление генерала. Благодарность к тем, кто ухаживает за кладбищем, память поляков и русских: «Все здесь едины, все невинно убиты...» Речь на польском. Неожиданно позади раздаются грубые выкрики с требованием говорить по-русски. Генерал продолжает речь, выкрики перерастают в настойчивое скандирование. Люди молча обращаются, женщина в военной форме хочет навести порядок, ее удерживают.

– Неужели не могли направить полицию на такой случай? – говорю я маме. Крики не смолкают. Генерал ждет. Я вполголоса ругаюсь. На мгновение крики стихают, и генерал пытается продолжить. Его снова перебивают. Я обращаюсь:

– Выучите язык! Или уходите!

Мама что-то осторожно добавляет. Кто-то из поляков

повторяет мои слова. Хулиганы – тот рослый мужчина и еще несколько человек – исчезают. Я стою среди поляков. Та пожилая женщина – передо мной. Речь продолжается, дождь стих. Чужие кажутся своими, – пока горит лампада перед кровавой стеной...

Поиски и новое знакомство

6 сентября позвонил Артём, сказав, что хочет увидеться со мной. Я неохотно согласилась. На встрече он был взволнован, но сдержан. Нервно поедая печенье, он объявил, что мы не будем общаться. Я рассмеялась: «Это и так понятно!» – и ушла. Он несколько кварталов тайком следовал за мной. Заметив его, я остановилась. Он подошел, глядя виновато. Я заговорила с ним нарочито мягко. Он пробормотал: «Тебе же будет без нас скучно». После их грубой выходки 1 сентября я не поверила в искренность его сожаления о нашей дружбе, и оставила его.

Безнадежные поиски по улицам продолжились – день за днем, по пять-семь часов, сквозь боль в сердце и нестерпимую боль духовную. По вечерам плакала от одиночества и усталости. Ночами через силу работала над своими книгами. Сон был почти потерян.

Так как зарубежные библиотеки, кроме мюнхенской, промолчали, я 9 сентября принялась верстать сокращенный вариант “Minor Prose” для российских библиотек, желая сохранить хотя бы часть работ, вошедших в эту книгу. Подготовку макета закончила 14 сентября.

В тот же день я познакомилась с И. Это был ровесник Артёма и полная противоположность ему. Тихий и скованный, он что-то читал, собирал монеты, решал задачи по математике и мастерил модели самолетов.

Первая встреча с ним, во дворе его дома, произвела на меня удручающее впечатление. Он робко стоял передо мной, съезжившись и потупив взор, на вопросы отвечал почти шепотом, а когда я предложила ему пройтись немного вдоль дома, он двинулся с такой скованностью, словно что-то мешало ему идти. Казалось, что в этом стран-

ном создании были остановлены все жизненные токи.

Эта безжизненность, столь странная для мальчика, оттолкнула меня от него. Но по размышлении я решила дать ему возможность проявить себя и предложила переписку. Он с готовностью согласился. В тот же день я вспомнила его, подумав, какая у него может быть фамилия. В сознании мелькнуло: «Щ-н». Спустя три дня я получила от него письмо по электронной почте. В строке отправителя значилось: «И. Щ-н»...

Я получила от него лишь несколько писем, после чего он внезапно перестал писать. Я не сожалела.

Третья поездка в Белоруссию

16 сентября я опять была в Белоруссии. В Гродненской области волнистые охристо-серые поля, пересеченные редкими пролесками с желтой и зеленой листвой, были сокрыты густым низким туманом. Казалось, еще немного, — и поезд доставит мне к белому кирпичному вокзалу с сандриками над окнами, и я, перейдя от него через дорогу, зайду в двухэтажный дом с высокими окнами поприветствовать статского советника Даниила Петровича Кавецкого, а потом отправлюсь побродить по городу с его внуками Борей и Женей... Но туман рассеивался, поезд останавливался напротив безликой стекольной массы, столпившиеся таксисты наперебой предлагали свои услуги, старый дом был затянут черной сеткой, а от мальчиков Кавецких оставалась только фотография 1918 года, лежавшая у меня в сумке.

Днем, ясным и жарким, я первым делом отправилась на польское кладбище, сожалея, что не приехала раньше: я собиралась посетить Гродно в мае и посадить на погребении Францишека маленькие белые гвоздики. Когда я пришла на кладбище, то была немало изумлена. По всей заросшей могиле Кавецкого цвели невысокие мелкие ромашки, а возле его памятника поднимался их тяжелый куст около метра высотой. Нигде поблизости их не было.

Я провела там почти пять часов, размышляя, читая и

слушая в наушниках музыку, и ушла только когда солнце зашло за белый францисканский костел, видневшийся на другом берегу Немана.

В Гродно я жила двенадцать дней. Погода стала теплая и солнечная, в кладбищенской траве не появилось ни одного желтого пятнышка, на незабытых могилах цвели фиолетовые хризантемы, желтые и оранжевые бархатцы, розовая эхинацея и красные георгины, над которыми порхали крапивницы, павлиний глаз и редко встречаемый адмирал. На кладбище я приходила каждый день, слушала Дебре и Михаэля Гайдна, читала псалмы на латинском, писала стихи... С собой был взят мой сборник стихотворений «Только слово живет»; несколько дней я вполголоса читала Францишеку стихи из него.

Несколько раз я заходила в костел Святого Франциска Ксаверия, садилась на скамейки за колонны в боковых нефках и слушала отрывки службы или, если там не было никого, читала латинскую Библию и писала стихи. В дневнике сохранилась инструкция к валокордину с записанным на ней стихотворением:

... У меня нет другого храма,
кроме Твоей красоты.

Костел был для меня только прекрасным произведением искусства. Божье сильнее ощущалось на «моем» кладбище – удивительном произведении Времени и памяти.

Живописность старинного погоста навела меня на мысль о создании альбома художественных фотографий. И я принялась бродить меж проваливавшихся могил и покосившихся памятников, снимая наиболее красивые уголки. А таковых было множество. “It is a paradise for a photographer” – «Это рай для фотографа», – привела я в дневнике слова Лоуренса, сказанные им об одном французском соборе и столь подходившие к моему кладбищу.

23 сентября, бродя по кладбищу с фотоаппаратом и заново вчитываясь в полустершиеся, мхом сокрытые надписи, я наткнулась неподалеку от часовни на покосившийся

Автор в Гродно, возле старинного замка польских королей.
Сентябрь 2014 г.

Автор в Гродно

черный крест без навершия. Отполированный до блеска, он отражал голубое небо с летними мягкими облаками. На сером гранитном постаменте, с одной стороны увитом хмелем, было выбито: «Witold Kulbacki. Ur. 15 lipca 1904. Zm. 18 marca 1918» – «Витольд Кульбацкий. Родился 15 июля 1904 года. Умер 18 марта 1918 года». Кроме памятника, не было ничего – ни бордюра, ограничивавшего бы погребение, ни цветов. На соседних могилах значились иные фамилии.

Опустившись на колени, как перед священным образом, я долго смотрела на крест и непотревоженную короткую траву перед ним. И в какое-то мгновение мне показалось, что всеми забытый мальчик рад мне...

В последний день, 27-го сентября, я решила огородить его погребение, чтобы по нему не ходили. Неподалеку были срублены молодые клены; я выстругала четыре палочки, отмерила нужные кусочки веревки и принялась за дело. Земля оказалось жесткой, и палки в нее не входили. От усилия у меня началось тяжелое сердцебиение. «Помоги мне! – мысленно обратилась я к покойному мальчику. – У тебя хоть какие-то силы были, а у меня их теперь вовсе не осталось». Палки вошли, как в пух...

Тем же вечером, с семью новыми стихотворениями и почти девятью десятками фотографий, я уехала в Тверь.

Удачи и не только

Впечатление от поездки быстро прошло, и я опять почувствовала себя плохо: сердце, давление, падение зрения. «Боли в сердце весь вечер» (7 октября 2014 г.). «Ночью сильное головокружение, боли в сердце» (26 октября 2014 г.)...

Возобновились попытки найти друга: какие-то встречи, какие-то письма, на которые не приходят ответы... «Как будто во тьме крошечной натыкаешься на что-то живое, думаешь, что человек, а оказывается звереныш».

Продолжался поиск зарубежных библиотек: Амьен, Кессель, Линчопинг, Бильбао... Полсотни обращений.

Молчание. Тогда я оставила провинциальные библиотеки и забавы ради написала в крупнейшие мировые. И тут как занавес поднялся: 8 октября мое предложение с благодарностью приняли Библиотека Конгресса, Бодлеанская (Оксфорд) и университета Южной Флориды; 11-го пришло радостное согласие из университетской библиотеки Иллинойса; 15-го – из Национальной Библиотеки Шотландии. «Какие великолепные гробницы для моих книг!» – шутила я. Позднее я получила благодарности из этих библиотек за свои книги.

23 октября я закончила третью корректуру “There is no Life without a Friend.” С 8-го по 13 октября составила альбом кладбищенских фотографий “The Glimpsed Eternity:” 184 страницы, предисловие и эпилог на английском. Перевела почти все свои стихотворения с английского на русский в двуязычном сборнике “Crystals of Pain.” Обработала сокращенную “Minor Prose.”

16 октября – сон: перехожу по шаткому мосту глубокий и широкий овраг. Молюсь на латыни: “Domine, audi vocem meam, percipe auris tuis orationem meam; adiuva me, Domine...” [Господи, услышь мои молитвы, внимли мне и помоги мне, Господи...]. После – другое: мальчик лет одиннадцати преподносит мне маленькую буханочку белого хлеба. Сам доволен тем, что дает хороший хлеб. Позднее пробую: хлеб необычайно вкусный, какого наяву и не бывает...

5 октября звонил Артём, но я не услышала звонка. А 18-го мы встретились – первый раз за полтора месяца.

Артём сидел с Колей на обледеневшей скамейке под березой, с которой ветер срывал последние листья. Белая шапочка, темно-синяя облегающая курточка, голубые джинсы, маленькие остроносые кроссовочки, нежное бело-розовое личико. Увидев меня, он просиял. Мы поговорили немного о моих и его делах.

Когда я рассказала ему о том, что мои книги отправились в Вашингтон, Оксфорд, Эдинбург и другие важные библиотеки, он, сидевший все это время, почтительно встал. Потом забрался на скамью и продолжил беседу оттуда, счастливо улыбаясь и пританцовывая. Неужели он

радовался за меня?

От встречи осталось почти физическое ощущение тепла: долгожданное отдохновение... А приехав домой, я узнала о гибели моей единственной школьной подруги, Кати Мельниковой: она сгорела в своем доме*. Пожарище ее мережило чернотой всю ночь – сквозь все...

На следующий день – сон: высокая строящаяся церковь, белая с золотыми куполами...

7 ноября Британская Библиотека (Лондон) выразила согласие принять “Minor Prose.” 8-го Государственная Библиотека Берлина с готовностью согласилась на мое предложение. Таким образом, число зарубежных библиотек достигло восьми. Поскольку почти все принадлежали к числу крупнейших в мире, я была удовлетворена итогом и больше не искала. В ноябре “Minor Prose” была разослана по этим библиотекам. В том же месяце вышел тираж сокращенного варианта этой книги – сорок пять экземпляров для российских библиотек.

Новые работы и старые обстоятельства

7 ноября, после семилетнего перерыва, я взялась за кисть: начала писать портрет Артёма. Его передо мной не было, подходящих фотографий тоже. Был один снимок, сделанный моей мамой с расстояния в сто метров через серую железную ограду, когда мы с ним сидели летом во дворе. Половину фигуры закрывала металлическая полоса. Оставались видны только крепкие изящные ножки, руки – одна покойно на колене, другая – под щекой – и задумчиво склоненная светлая головка: мраморный ангел над могильной плитой.

Мне он виделся в саду, под кустами с бело-розовыми – как его щечки – соцветиями, возле чуть видимой тропин-

* Желая выяснить подробности случившегося, я писала к бывшим одноклассникам, но они промолчали.

ки, ведущей в зеленую тайну сада...

По мере того как я писала, сад исчезал. Скамейка превратилась в темный камень, тропинка стерлась, цветущий куст над сидящим мальчиком обратился в сожженное молнией дерево, летние облака – в надвигающиеся грозовые тучи... Так я ощущала Артёма – бестревожное существо, не замечающее приближающейся черноты этой пустынной жизни.

Портрет был завершён 19 ноября. Дописывала через силу, до головной боли: опасалась, что, если отложу, уже не вернусь к нему.

15 ноября я приступила к переводу «Донателло» А. Александра – по изданию 1904 года, в мраморном сиреневом переплете. 22-го начала писать автобиографию, на английском. 23-го занялась четвертой и последней корректурой перевода «Без друга жизни нет». Разослала сокращённую «Minor Prose» и «Божество сада» по российским библиотекам – тем самым, куда высылала «Только слово живет».

Из музыки в ноябре слушала Крауса, А.-Ж. Ригеля (1741-1799), «Iphigenie en Tracía» де Небра Бласко и маронитские песнопения в исполнении М. Кейруз.

На этом мирном фоне продолжалось мое одиночество. С Артёмом мы сильно поссорились 9 ноября – из-за его нестерпимой развязности. Дальнейшее общение представлялось невозможным, и поиски друга возобновились.

«Обнять любимое существо, одарить его теплотой и почувствовать ответную, молчать вместе – быть вместе – быть живым: желание всей моей жизни. И никого нет, несмотря на все попытки и усилия. Ничего нет, кроме пустоты, в которой можно плакать до изнеможения. Устала так, что дальше некуда. Дальше только смерть» (24 ноября 2014 г.). Дальше была не смерть – новые попытки и усилия отвратить ее, как камень от Гроба Господня.

«Портрет мальчика» (Артём)
Ольга Кавецкая, масло на холсте 25 x 40 см., 7-19 ноября 2014 г.

August 7, 2015

Ms. Olga Kawecka
Tver Chiminstnuta, 19-14
170032 Moscow
RUSSIAN FEDERATION

The University of Illinois Foundation gratefully acknowledges your recent gift in support of the University of Illinois.

Your gift is greatly appreciated and does make a difference in strengthening the excellence by which the University is nationally and internationally known.

Gifts from alumni and friends of the University of Illinois are increasingly essential for the University to fulfill its educational mission of producing talented scholars, employees, citizens and leaders of the future. Much of the University's reputation has depended on, and will more and more depend on, private gifts and your own valued participation. Again, thank you.

Walter K. Kaerr
Treasurer

PLEASE KEEP THIS RECEIPT FOR YOUR RECORDS

Questions regarding this gift receipt should be directed to the Gift Administration Office at (217) 333-0675.

Ms. Olga Kawecka
Tver Chiminstnuta, 19-14
170032 Moscow
RUSSIAN FEDERATION

Date	Gift Designation
------	------------------

07/30/2015

UL - Collections Enhancement Fund;
Three copies of "Crystals of Pain", three copies of "There is No Life Without a Friend",
and two copies of "The Glimpsed Eternity".
The University of Illinois Foundation did not provide any goods or services in return
for your gift. (Receipt Number: 2967125)

Благодарность автору за ее книги
из библиотеки Университета Иллинойса, август 2015 г.

В школах

На улицах я искала около семидесяти раз, с июня по начало ноября. С установлением холодной погоды эти поиски пришлось оставить. В конце ноября я принялась ходить по школам, с сокращенной “Minor Prose” и сборником «Только слово живет» как удостоверением личности. В первой из них директор не возражал, и завуч была не против, так что вполне можно было ожидать успеха. И я ожидала его, стоя в директорской, тогда как завуч отправилась в один из восьмых классов с предложением «пообщаться с писателем, военным историком и переводчиком». Дети «посмотрели странно» и не согласились.

На следующий день, вместо сна – в другую школу, в своем поселке, по пути выхватив из почтового ящика благодарственное письмо из Национальной Библиотеки Шотландии.

Завуч подержала мои книги отрешенно, исчерпала предположения относительно моей личности, заявила на желание поддерживать потенциального друга, что у меня нет лицензии психолога, и я удалилась с усмешкой донателловского пророка.

После – в третью школу. Директриса заинтересовалась моими книгами, попросила оставить, предложила провести мой творческий вечер и обещала семиклассника на следующий день.

На следующий день она заставила долго ждать, после чего показала своего кандидата – нечто уныло-вытянутое и старше, чем требовалось. Его унылость была не столь удручающей, как неожиданно поставленное директрисой условие общаться в присутствии учителя. Я отказалась, существо с облегчением ушмыгнуло, директриса оскорбилась. Больше я в школах не искала.

Публикация, корректуры, стихи

2 декабря в газете «Верхневолжье православное» напечатали мой рассказ «Собратья» и статью о заброшенной

церкви в с. Кукорево Осташковского района Тверской области, где служил священником мой прапрапрадед Михаил Галахов. Это было заведомо тщетной попыткой привлечь внимание к погибающему памятнику истории и архитектуры. «Гибнущий мир» равнодушно прошел мимо.

В декабре я продолжала последнюю корректуру «Без друга жизни нет» (завершила 29 декабря). Переводила «Донателло». Работала над автобиографией. Получила сигнальный экземпляр “The Glimpsed Eternity” и откорректировала его. Изредка писала стихи и переводила их с английского на русский для своего двуязычного сборника “Crystals of Pain.”

Смотреть во тьму за мертвенным окном,
Смотреть, будто в глаза родного человека,
Пока немая смерть обманчивого снега
Остатки сил не скроет тихим сном,
И все пройдет. И ты будешь со мной,
Мой мальчик, брат, не встреченная жизнь.
Смотреть бездумно в мерзлое окно
И гаснуть в темноте любимых глаз твоих...

12 декабря 2014 г.

Последнее стихотворение 2014 года было обращено к Витольду Кульбацкому – мальчику с гродненского погоста:

Забывтое имя на черном кресте,
который отражает небо,
покосившись в своем непреходящем
мучительном уединении:
все, что осталось после тебя.

Несколько книг,
отразивших Его небеса
в высшей боли одиночества:
все, что останется после меня.

26 декабря 2014 г.

В декабре я сверстала этот сборник, получила сигнальный экземпляр и откорректировала его.

С 3 по 12 декабря писала маслом второй портрет Артёма, который помирился со мной (а именно – пригласил на встречу, как ни в чем ни бывало). «Портрет (глаза) – три часа, с невероятным усилием» (7 декабря 2014 г.). «Три часа рисования – все равно что двенадцать часов перевода: до изнеможения» (9 декабря 2014 г.). Я не была удовлетворена тем, что получалось, и правила вновь и вновь. Только фон был переписан трижды. Мне так хотелось сделать приятное своему товарищу... «Хочу выполнить для Артёма копию первого портрета. Подарить второй сборник с посвящениями ему. Подарить “Божество сада” и четвертую повесть. Написать новые портреты. Что угодно готова сделать, но что пользы от этого?» (12 декабря 2014 г.). Артём не понимал, сколь многое делается для него, и принимал подарки как должное, не давая взамен ничего. Того взаимобмена теплотой, взаимопонимания, полной духовной близости, в которых я нуждалась, у нас не было. Поэтому, даже общаясь с ним, я продолжала тосковать о своем не встреченном друге и отчаянно искать его.

О больших и малых

В декабре я посетила музей камня при Тверском Техническом университете, где не была с 2001 года. На сей раз причиной моего визита был не интерес к минералогии, а желание порадовать очередного знакомого из мальчишек: я надеялась достать для него какой-нибудь камешек. Этот знакомый был слишком мал, чтобы стать мне другом, но даже от него можно было получить столь необходимое человеческое внимание. В феврале ему исполнилось одиннадцать.

В музее было все то же, запомнившееся: сказочные друзья аметиста и кальцита, сияющий золотом пирит, волшебный фиолетовый чароит... Новое – простой серый камень с вершины Эвереста (простота на вершинах!) и черный округлый кусок лавы, застывшей миллионы лет на-

зад и сохранившей на себе отпечаток черепа динозавра. (Мы – поэты, музыканты, художники – не такие ли отпечатки на черной лаве уничтожающей нас повседневности?..).

За возможность увидеть – ответное: дать. В сумке – экземпляр моего первого сборника. «А Вы любите поэзию?» – спрашиваю я директора, пожилого профессора в очках и с белыми, как снег, волосами. «Разумеется!» И сборник остается в лаборатории, заваленной окаменелостями и обломками поделочных камней. «Отнесу на кафедру, – обещает директор. – Пусть и там почитают». Для знакомого я получаю целенького брахиопода в известняке и обезызвествленный коралл.

Этот знакомый был рассудителен и серьезен, но увлечение компьютерными играми и так называемым общением в соцсетях уже начало вытеснять здравый смысл. Мы беседовали, играли в обычные детские игры, я дарила ему старинные и зарубежные монетки, приносила шоколад: возможность порадовать его была для меня радостью. Он откликнулся – из еще сохранявшейся детской открытости. Как-то раз в декабре он спросил, как называется место, где я живу. Я ответила. Он поинтересовался, в какой это стороне. Я показала. «А сколько километров отсюда?» – «Километров восемь». Мальчик задумался. На следующий день во время беседы он вдруг погрузился в какие-то размышления, после чего произнес: «Интересно, есть ли зимние шины для велосипеда?». Поскольку он любил кататься на велосипеде, я не придавала значения его вопросу. На третий день он изумил меня такой задачей: «Если я поеду со скоростью километр за двадцать секунд, сколько времени мне потребуется, чтобы проехать восемь километров?». Оказалось, он собрался приехать ко мне на велосипеде! То, что существовал городской транспорт, а у его матери была машина, не имело значения: настоящим достижением ему представлялась езда на велосипеде по заснеженной трассе со скоростью велогонщика. Конечно, я не поддержала его затею. Тогда он спросил, не желаю ли я перебраться поближе...

Это его расположение удерживало меня подле него,

несмотря на то, что он был совсем ребенком и я не могла поговорить с ним на волнующие меня темы.

Однажды я оставила его матери – претенциозной дамочке лет тридцати трех – свой сборник «Только слово живет», по ее просьбе и с большим сомнением. На другой день она вернула его, – держа, как нечто нечистое меж маникюренных пальцев и улыбаясь своей змеиной улыбкой: «Скучно и неинтересно». Я, в изумлении на бестактность, переспросила с легкой улыбкой: «О, даже скучно?» – «Да. Я ничего не поняла. Там все об одиночестве. Почему Вы об этом пишете?». Я, не желая объяснять, бросила негромко в сторону: «Оно – мое наказание». Ее сын, молча сидевший передо мной, вскинул на меня глаза: «Почему наказание?» – «Да, почему? – добавила женщина с искренним удивлением. – Что Вы находите в этом плохого?». И заметила беззаботно: «А ко мне люди так и тянутся». Мальчик почему-то покраснел и, опустив голову, пробормотал с каким-то тихим упрямством: «Ты, мама, может быть, тоже одна, только не чувствуешь этого». Женщина не обратила внимания на его слова, а я еще раз отметила, насколько больше понимают дети – пока они не испорчены. Уже через несколько месяцев мальчик стал глухим и изворотливым. Остается лишь пожалеть о том, какие души поглощает Интернет. А ведь эти души – будущее. Эта изворотливость и глухота – будущее...

Ссора дома, новогодние подарки и чудесные сны

23 декабря произошла крупная ссора с отцом. В 23 часа я поговорила по телефону с этим новым мальчиком: он спрашивал, как сделать желтую краску (в тот день я отвезла ему позабавиться масляные краски и холст, а желтую краску забыла). После разговора я пошла в ванную к маме и передала беседу, умиляясь тому, что ребенок забавляется, и сожалея о забытой краске. Отец стучал в кухне на разбитой пишущей машинке, В. лежал у телевизора в своей комнате. Вдруг стрекот машинки прекратился и раздался раздраженный приказ замолчать, так как я «ме-

шаю В. спать». Я молча закрыла дверь в кухню и ушла. Отец бросился следом. Дойдя до своей двери, я услышала его дикую брань. Обернувшись, я увидела безумные глаза и перекошенное полное лицо. Он схватил меня за горло, лишив возможности дышать, и с силой отбросил на пол – на коробки, на чугуны с цветами...

Потом я лежала с медным подсвечником у виска и думала о том мальчике, о встрече с ним... Квартира наполнилась табачным дымом: отец и В. обсуждали произошедшее. Приехали врачи «скорой помощи»; те пытались отослать их прочь. Вмешалась мама, врачи прошли в комнату. Немолодая женщина принялась расспрашивать о случившемся. Я отвечала, с иронией наблюдая, как она с презрением рассматривает бедную обстановку квартиры. «Работаете?» – «Нет». – «Учитесь?» – «Нет». Выражение пренебрежения усиливается, и я едва сдерживаю улыбку. «Чем же Вы занимаетесь?». Я, отсутствующе глядя в потолок, произношу равнодушной скороговоркой: «Поэт, писатель, переводчик, историк; восемь книг, девять языков». Врач переменялась в лице – и в поведении.

С подозрением на сотрясение мозга меня увезли в нейрохирургию. Сотрясения не нашли. «Моя упрямая голова все выдержит», – пошутила я, выходя с головокружением из кабинета врача. Следствием потрясения стали гипертонический криз и боли в сердце.

В декабре я три раза виделась с Артёмом, не всегда удачно. На Новый год подарила ему и Коле по одинаковому подарочному пакету со сладостями и елочными шарами. Оба были рады, но не ответили ничем. Я, привыкшая к чужой ограниченности, не обратила на это внимания и радовалась корявому «С Новым годом», что вывел Артём на открытке, купленной моей мамой за них.

31 декабря видела сны: Борис Пастернак листает мой сборник “Crystals of Pain” и обещает мне широкое признание. Затем во сне получаю письмо от Бальзака (которого, между прочим, не читала). Он хвалит мою прозу. В конце письма значится: «Искренне Ваш, Оноре де Бальзак».

Комар принимает подарки

Новый год начался с Артёма и Коли, с которыми я встретилась 1 января.

А 5 января у Коли был день рождения. За два дня до того я провела несколько часов в поисках подарков. Если бы мне предстояло сделать подарок Артёму, это не составило бы труда, но что подарить Коле, которого я знала хуже? В конце концов, я купила ему шоколадку, пачку печенья и фонарик. Все это я тщательно упаковала в золотую бумагу. Чтобы Артём не оставался ни с чем, я подготовила ему его любимый шоколад и пачку такого же печенья, и завернула подарки в фольгу за неимением лучшего. Фонарик, конечно, не добавила: все-таки праздник был не у него.

Мы встретились накануне дня рождения, в том же дворе. Комар прямым ходом направился ко мне в предвкушении интересностей. Я неторопливо вытащила золотой сверток и подала Коле. Тот принял его молча, с некоторым задумчивым удивлением. Затем последовал подарок Артёму. «Спасибо!» – радостно пропищал довольный Комарик, ухватив сверток обеими лапками, и тотчас принялся разворачивать его – наощупь, так как все его внимание сосредоточилось на Колином подарке. Коля неспешно и по-прежнему молча распаковал свой сверток, аккуратно отложил обертку, рассмотрел фонарик, убрал его в карман и, взяв в каждую руку оставшееся, принялся любоваться. Комар не глядя отогнул последний лист фольги и, оторвавшись от созерцания, обратился к своему подарку. «Ух ты, мой любимый шоколадик! – восторженно воскликнул он и засунул плитку под мышку. – И еще печенье!» – добавил он удовлетворенно и отправил пачку в бездонный карман, после чего вдруг посерьезнел и принялся перебирать пустые листки. «А где мой фонарик?!» – он выронил фольгу из рук и уставился на Колю с видом обнаружившего пропажу. Коля не слушал, любуясь своим подарком.

Недостачу следовало возместить, поэтому Комар, оживившись от осенившей его идеи, ловко выхватил шоколад из руки Коли со словами «Такого я не ел» и засунул под другую подмышку. Коля остался стоять в молчаливом негодовании. Комар, не обращая на него внимания, развернул свою плитку, откусил пару кусочков и с выражением наслаждения обратил свой взор на печенье, все еще покоившееся в Колиной руке. Не успел Коля и глазом моргнуть, как оно сгнуло в другом бездонном кармане. И Коля заговорил. «Отдай обратно! – вполголоса произнес он, красный от возмущения, но совершенно недвижимый. – Отдай мое обратно, гад!» «Гад» не слушал, увлекшись поглощением своего шоколадика. «Отдай, сволочь!» – продолжал шипеть Коля, гневно взирая на обидчика. «Сейчас откушу твоей шоколадки и отдам», – миролюбиво отозвался Комар, начиная открывать ее. «Отдай немедленно!» – негодовал Коля. «Сейчас, сейчас...» Комар развернул плитку, отгрыз кусочек и протянул шоколад Коле. «Да чтоб ты подавился!» – рывкнул тот, по-прежнему оставаясь неподвижным. Игривость Комара исчезла. «На, подавись!» – обиженно пропищал он и возмущенно бросил плитку в Колю. «Пойдем поговорим», – сдерживая гнев, процедил Коля и двинулся прочь. Комар в растерянности взглянул на меня. «А я только вчера подумала: “Надо же, ни разу не поругались!”» – сказала я с невольной усмешкой, и Комар бросился вслед за Колей.

Не знаю, что они говорили. Пищание Комара раздавалось на весь соседний двор: он явно отстаивал свою правоту. Я, подождав несколько минут, позвонила ему: «Ну что?» – «Коля говорит, чтобы ты купила ему другую шоколадку», – спокойно доложил тот. – «Пусть мама ему покупает, – отрезала я. – Поросяенок твой Коля. Ты играешь, а он шуток не понимает». Вскоре оба вернулись, и Комар, как ни в чем ни бывало, воззрился на меня в ожидании новых приятностей. При этом он продолжал зажевывать шоколадик – так, что обе щеки были толсты от запасиков за ними, мордочка была розовая и неописуемо довольная, глазенки сияли. Коля, с виноватым видом, остановился немного поодаль.

Я вручила Комару посвященное ему стихотворение, затем мы поиграли в снежки и на том расстались.

После 5 января Комар стал отказываться приходить на встречи. Получив третий отказ, я сказала, что, если он не придет, я прекращу общение с ним, и отключилась. С тех пор телефон Комара перестал работать.

В середине января Комар исчез и из соцсети, куда часто заглядывал. После двух дней его отсутствия я забеспокоилась. «Может быть, что-то случилось?» – подумала я в тревоге и перешла на страницу Коли, надеясь найти там какой-нибудь ответ на свой вопрос. А там значилось: «Прощай, мой друг! Покойся с миром». Я так и обмерла. Как потом выяснилось, это не Комар преставился, а морская свинка умерла у Коли.

А Комар объявился в сети на следующий день. Но приходить на встречи по-прежнему отказывался. Мы увиделись только 1 февраля. Лишь тогда я узнала, что у него был выбит зубик: должно быть, за очередную блестящую идею. А телефон он разбил с досады после моей угрозы прекратить с ним общение.

Сны и работы

14 января приснился сон: мне выстроена часовня. Нужен крест на купол. Иду с мамой искать. Заходим в некий монастырь. Длинный широкий коридор, коричневая дубовая дверь в освещенную свечами залу. Предполагая, что там никого нет, открываю дверь. Внутри – месса. На скамьях – монахи. Перед алтарем – Папа Юлий II вместо священника. Проходим с мамой к нему, он приветливо здоровается с ней, она идет дальше по некоей галерее, я остаюсь с Папой. Беседуем о моих занятиях, Папа замечает о первом сборнике стихотворений, что он будет признан...

На следующий день снится, будто я еду на машине с мамой и Артёмом. Проезжаем наш дом в селе. Я смотрю на него и плачу: «Как спокойно мне здесь жилось, никого не искала!» Машина останавливается где-то в бору. Мы с мамой выходим, Артём остается. Идем к какому-то маль-

чику. Тот радостно встречает меня, неожиданно целует руку, ласкается ко мне, как котенок. Провожу с ним пару счастливых часов, после чего решаю познакомить его с Артёмом, до сих пор ожидающим в машине. На этом прощаюсь.

В январе я продолжала писать автобиографию, переводила биографию Донателло, корректировала “Crystals of Rain,” готовя к изданию; написала девять стихотворений, тем самым положив начало третьему сборнику – под латинским названием «Nycticorax in ruinis» – «Ночная птица в руинах». В конце месяца была издана повесть о Краусе “There is no Life without a Friend” [«Без друга жизни нет»] – оригинал и мой английский перевод под одной обложкой, тиражом 23 экземпляра. На обложке была я – в роли Крауса и своей собственной...

Возврат

Внезапная остановка в общении с Артёмом заставила меня возобновить поиски друга. Они оказались безуспешными, и 17 января я вернулась к И., с которым познакомилась в сентябре.

Поначалу мы встречались в его подъезде: заходить в квартиру я не решалась, с трепетом воображая то шумное множество, которое населяло ее: в семье, кроме И., было еще шестеро детей, все младше него. Родители пребывали в упоении от своего многочисленного потомства, будто не ведая о трудностях жизни, которые однажды выпадут на долю их детей. (Позднее Артём при упоминании нужд этой семьи логично спросил: «Зачем же они столько нарожали?»).

И. значительно вырос и стал немного увереннее, хотя мальчишеской живости в нем все равно не было. Мы довольно скованно разговаривали минут десять о его интересах, после чего я с облегчением сбегала.

Спустя неделю я стала заходить в его квартиру. Я рассказывала И. забавные случаи из своей жизни, он вспоми-

нал свои, мы беседовали о нумизматике, шахматах, книгах... И. был ласков и приятен в общении, и я привязалась к нему. Он проводил со мною полтора-два часа почти каждый день. Я рассказала ему часть биографии Лоуренса и переписала для него «Белый цветок над темным потоком», он подарил мне пять примечательных монет и собирался сделать мне письменный стол... Мы были вполне довольны друг другом.

Однажды в конце беседы И. поднялся приготовить чай. «Мне не надо чая, – вполголоса проговорила я. – Если хочешь, можешь выпить, я подожду». – «Нет, я хочу с Вами», – смущенно ответил И., стоя передо мной и слегка улыбаясь. Я осторожно взяла его руку. И., растроганно улыбнувшись, мягко сжал мои пальцы. «Какие у Вас руки холодные, – прошептал он, ласково глядя на меня. – Может быть, все-таки чаю?» – «Нет, спасибо», – отозвалась я, поглаживая другой рукой его руку. «Но на улице Вы совсем замёрзнете...» Из признательности я согласилась на чай.

После чаепития И. проводил меня до выхода на улицу. Мы дружески попрощались, я отступила от И. на два шага. Он, счастливо улыбаясь, помахал мне ладонью с заснеженного крыльца...

Вечером 3 февраля мы с мамой привезли семье И. телевизор, который отдала нам моя тетка: мне хотелось сделать что-нибудь хорошее для И., мама меня поддержала. Не было никакой необходимости везти его в тот день: просто я чувствовала себя одиноко и хотела пообщаться. К тому времени, когда мы поехали на такси с телевизором, у меня было давление 160 х 100.

В квартире И. я почувствовала себя совсем скверно: сильно кружилась голова, темнело в глазах, и очень болело сердце. Мама вызвала «скорую». Мать И. и его одиннадцатилетний брат были при мне. И. скрылся, не подойдя. Меня устроили в одной из комнат. В открытую дверь я видела, как И. безразлично проходит мимо. Я попросила маму позвать его. Он пришел, отрешенно и молча сел ря-

дом. Я взяла его руку. У меня кружилась голова, и ломило сердце, колоколом отдававшееся во всем теле, а я была счастлива. Прежде, когда от тоски одиночества меня валили с ног гипертонические кризы, мне хотелось, чтобы рядом был друг. И вот – он сидел со мною: моя мечта сбылась!..

Когда через двадцать минут приехали врачи, я чувствовала себя почти хорошо. Еще спустя десять минут мы с И. весело смеялись и баловались, как дети...

А через несколько дней, 7 февраля, И., вопреки всем ожиданиям, поставил мне по СМС неприемлемые условия общения – зная, что они для меня неприемлемы. Я не приняла их, и все было кончено.

Снова поиски

8 февраля в полусне – томительная мысль: «Если бы позвонил Артём и пригласил на встречу!» Через час – звонок и приглашение: «Приезжай к часу!» – «К часу не получится. Приеду к трем». В ответ – бесподобное, Комариное: «Хорошо, к трем. Только – пораньше!» Встреча с Артёмом оказалась хорошей, но он был все-таки не тем, в ком я нуждалась, и я снова принялась искать друга.

Теперь поиски велись в гипермаркетах, где мальчики иногда бывали с родителями. Час на дорогу с пересадками, после чего – пять-семь часов блуждания среди праздной толпы, в сусальном блеске торговых галерей, под звуки бессмысленной музыки и навязчивой рекламы. Переговоры с родителями. «Писатель, ищу персонажей для книги...» – таков мой предлог. Кто-то соглашается и потом исчезает, кто-то отказывает сразу. Модная дамочка выбирает духи, давая понюхать сыну: «Я занята». Другая поспешно набирает сырки, бездумно отвечая на вопросы, соглашается позвонить и, конечно, не звонит. Так же легко и бездумно они отказали бы и Мандельштаму, и Данте, и самому Христу, и пошли бы смотреть хоккей или красить ногти.

Я уже не думала о том, как нелепо было мое положение

ние среди этого стада потребителей, не думала ни о чем, кроме своего невстреченного друга. «Мне больно без тебя, – мысленно твердила я, бродя вдоль витрин. – Помоги мне, найди меня сам, я ничего не могу сделать...» Бесполезная мольба и долгие перебои в сердце...

По ночам работала, преодолевая мертвящую усталость и тоску: писала автобиографию и стихи, переводила «Донателло», правила написанное и переведенное... Потом слушала арии в исполнении солиста Голландского хора мальчиков, выключала ноутбук и ложилась смотреть сны о невстреченном друге.

Под железной дверью

Число магазинных попыток доходило до тринадцати в день. Искала я ежедневно, невзирая на усталость и нездоровье. 17 февраля я наконец-то смогла найти подходящего мальчика. 21-го была назначена встреча с ним в областной библиотеке. Я взяла показать метеорит, немецкую гильзу и окаменелую ракушку, подготовила несколько занятных историй и отправилась на встречу, почему-то не ожидая ничего хорошего.

Ничего хорошего и не оказалось: отец мальчика, с надломленной психикой, не позволил нам поговорить наедине (в библиотеке!) и увел его.

... Справившись с изумлением, выхожу на улицу – в отчаянный колокольный звон, бьющийся в холодном черном пространстве, как встревоженное сердце. Что делать? Где искать? Кого искать? И вдруг – внезапной тоской: И.! Вернуться – хотя бы на десять минут...

Еду к нему. «Только побудь со мной! – мысленно молю его. – Совсем немного побудь рядом, поговори, улыбнись мне, обними, на десять минут избавь от боли! Я только прошу: помоги, ради Христа!» Я только хочу посмотреть в лицо живого человека...

Приезжаю к его дому. Звоню в домофон. В ответ – его недовольный голос. «Можешь выйти?» – «Не знаю. Сейчас спрошу». Через пол-минуты – невозмутимо-сытый ба-

ритон его отца: «Не надо». – «Только десять минут, – прошу я спокойно. – Я не возвращаюсь – лишь немного поговорить. В подъезде, десять минут...» – «Нет», – с той же интонацией. «Только десять минут!» – «Нет». Я не выдерживаю и – сквозь внезапные слезы из своей боли и темноты – в домофон, в непроницаемое равнодушие: «Очень плохо, неприятности, сердце, не к кому сейчас обратиться. Только – десять минут, ради Христа, в Которого вы же верите!!!» – и оседаю без сил. «Нет!» – и тишина.

Стою еще несколько минут под железной дверью, не веря в безмерность людского равнодушия. Странное спокойствие и повторяющиеся перебои в сердце – как будто оно захлебывается болью. «И Тебя распинали...»

Напротив – дом одиннадцатилетнего мальчика, к которому я приезжала в декабре. Звоню ему. Откликается, готов выйти. Подхожу, – он уже стоит на крыльце.

Приняв бодрый вид, захожу с ним в его подъезд. Немного расспрашиваю о его новостях, об учебе. «Как с немцем?» – «Неплохо. Недавно получил двойку на контрольной». Стоит передо мной – приветливый, спокойный, уютный. Боль исчезает.

Мы говорим о чем-то, как вдруг он, прервав меня, сообщает: «Я узнал кое-что про И. (он был знаком с его братом). Родители на него давят. Он даже свои самолеты оставил». Я упоминаю о внезапном завершении общения с И. «Родители вмешались», – уверенно предполагает мальчик. Я оправдала И.

«Вулкан потухший»

«Столько времени что-то делала, через силу, преодолевая обстоятельства, видя смысл, и вот – сижу в оцепенении, без чувств, без мыслей: изнуренная оболочка» (11 февраля 2015 г.). «Чувство беспомощности и режущая тоска о друге» (15 февраля 2015 г.). «Всю ночь сижу в оцепенении, не желая ничего делать. Надоело усилие, напряжение, опустошающий труд, что не принесли ничего, кроме глу-

бочайшей горечи. [...] Устала – физически, духовно; вся выгорела: вулкан потухший. Ничего не хочу – только спать, долго, без снов, спать...» (19 февраля 2015 г.). «Вчера задремала от усталости в троллейбусе, и приснился И.: делала его художественную фотографию» (25 февраля 2015 г.). «Только друга, дорогое существо! – и то невозможно. Пытаюсь что-то создать на своих руинах, но все равно находится тот, кто эту малость разрушает...» (26 февраля 2015 г.). «Слезы, сбой в сердце, поиски» (28 февраля 2015 г.).

Физически мне было очень плохо. На протяжении полутора месяцев давление держалось на отметке в среднем 140 x 90; слабело зрение, боли в сердце были невыразимые. «Вчера проснулась от гипертонического криза и сильной ломоты в сердце» (27 февраля 2015 г.). «Сердце – как мотор в нашем школьном автобусе» (28 февраля 2015 г.).

Несмотря на трудности, мне удавалось продолжать автобиографию (по несколько часов в ночь) и перевод «Донателло». 20 февраля был издан второй сборник стихотворений “Crystals of Pain” (69 экз.). В него вошли одиннадцать стихотворений для Артёма, обозначенные одной буквой «А.». Кроме того, в книгу были включены две репродукции его портретов.

28 февраля приснился мальчик, которого увел от меня его отец. Между нами – тот человек, стеной. «Я так хочу человеческой теплоты!» – кричу я, срывая голос, и просыпаюсь. 1 марта: какой-то светлый худенький мальчик и его мать возле дверей незнакомой квартиры. «Нам новую квартиру дали», – говорит мне женщина, открывая дверь. Входим. Пустая большая комната, электрический свет из-под потолка, чернота за окнами. Отхожу с мальчиком к окну, его мать остается у входа. Обняв мальчика, прижимаю его к себе: «Я тебя никому не отдам». Внезапно распахивается дверь, и врывается толпа – взрослые и дети. Они обступают нас, пытаются оторвать мальчика от меня, ударяют его по спине. Я закрываю его руками, понимая, что этого недостаточно, а потом вдрут с неистовой силой

выгоняю всех прочь, как нечисть. Тишина.

К 16 марта число магазинных попыток достигло пятидесяти пяти. «Вчера – восемь часов поисков. Семь бесполезных попыток» (16 марта 2015 г.). Сами мальчики обычно откликались, противились родители. Плохо было, когда отказывали не сразу, а позднее. Эти неоправданные надежды исчислялись десятками. Еще хуже было, если мальчики, начав ходить, исчезали после первой-второй встречи. Это было объяснимо: все они были поглощены видеоиграми и общением в соцсетях. Что им были мои рассказы о Первой Мировой войне, о поездках в горы и волках в деревне; мои гильзы и окаменелости; зарубежные и старинные монеты, которые я им дарила? Все то, что я могла дать, было для настоящих, живых мальчишек, а не для этих окормленных существ с остекленевшими от бездумья глазами. Им не нужны были и сверстники: некоторые, не видя товарищей неделями, не скучали по ним. «Мое основное отличие от других – не способности, не мировоззрение, не знания, а настойчивая потребность в друге. Для остальных дружба – пустяк» (29 марта 2015 г.).

«Сердце – колоколом, в теле свинцовая тяжесть, частый пульс, разбитость, ни мыслей, ни чувств. Медленно уничтожаюсь. [...] Только дорогое существо, и больше ничего! Разговаривать, играть, дарить что-то, быть вместе; слышать его голос, видеть его... Всего лишь – мальчишку, не поэта, не композитора, не моего читателя – шпану двенадцати-тринадцати лет!...» (13 марта 2015 г.). «Моя потребность в друге может быть удовлетворена только в дружбе с мальчиком – с тем, кто близок мне духовно (в отличие от женского пола) и к кому можно относиться покровительственно, бережно (в отличие от взрослых). Меня всю жизнь тянуло к ним, как к равным, а теперь к этому добавилось еще и творческое, эстетическое устремление, равно как и желание заботиться о них, оберегать, радовать. Писать портреты, посвящать стихи, обмениваться рубашками, подарить колечко... Видеть, слышать голос, быть рядом... Неужели это – столь простое, малое – невозможно?!» (16 марта 2015 г.). «Ночью рези в сердце, слезы...» (27 марта 2015 г.). «Проснулась от гипертонического

криза. Лежала без сна, в лихорадке и с валокордином у носа, полтора часа. Днем – поиски» (30 марта 2015 г.).

В марте я продолжала автобиографию и перевод «Донателло», сделала пять карандашных портретов знакомых мальчиков.

Два раза виделась с Артёмом. Однажды отвела его и Колю в магазин, где продавался мед. Его разрешалось бесплатно пробовать. Мальчишки запаслись кучкой разовых ложек и приступили к делу. Баночек с медом было много, и питались они долго. Наконец, насытились. «Или, скорее, пресытились», – подумала я. Мы вышли на улицу. И тут Комар спрашивает меня: «А не одолжишь ли ты мне тридцать рублей? Эклер хочется!»

В конце марта мы поссорились: мой маленький Отелло обнаружил на моей странице в соцсети нового знакомого мальчика и разразился в личных сообщениях гневной речью, в которой не было ни одной мысли – только выражения. Я прекратила общение с ним.

Благодарности и ничтожества

9 апреля пришли ответы из Национальной Библиотеки Польши и Ягеллонской Библиотеки (Краков) – с благодарным согласием принять мою “The Glimpsed Eternity.” «Уважаемая госпожа Кавецкая! Спасибо за то, что обратились в Национальную Библиотеку Польши. Мы будем очень рады принять Вашу книгу...». «Спасибо за Ваше предложение. Мы очень заинтересованы в том, чтобы получить Вашу книгу...» Эти отклики были для меня наиболее значимыми в поисках библиотек, ибо они были из Польши...

В тот день я, собрав монеты, гильзы, книжки, а также взяв что-то сладкое и что-то примечательное в подарок, отправилась к очередной попытке друга. Я познакомилась с ним в середине марта, он с подобострастным выражением слушал мои рассказы о горах, волках и Первой Мировой, рассматривал монетки (некоторые из которых пе-

реходили к нему) и вежливо задавал вопросы. Его добрая мать была рада, что он отвлекается от компьютера.

На звонок в домофон он ответил, что занят с мамой ремонтом. По голосу я поняла, что он лжет. Через несколько минут его мать вернулась с работы.

«Сегодня я получила благодарные отклики из крупных библиотек Польши, – не глядя на нее, сказала я вполголоса. – Это большая радость. Общение с живым человеком было бы для меня гораздо большей радостью...» Женщина попыталась вызвать упряма. Я молча стояла на пороге. «Друг» сердито забрался в дальний угол. Как выяснилось, он был увлечен видеоигрой. Больше я к нему не приезжала.

Этот пример характерен для многих современных подростков, среди которых я надеялась найти своего мальчика, но не нашла ни одного вообще.

Потерпев неудачу, я с бравым видом поехала к знакомому – в надежде, что простая беседа отвлечет от тоски. Знакомый поспешил в бассейн.

Дома – опять слезы. Уснула я в час ночи, прижав к себе сложенный плед и представляя друга. В половине пятого проснулась, чтобы налить воды божьим коровкам, жившим у меня. Встала с головокружением, выбралась из своей комнаты в соседнюю, включила настольную лампу, с трудом отошла от стола на два шага, чувствуя дурноту, и все исчезло.

Удивила подушка: ровная и холодная. Неохотно открыв глаза, я обнаружила, что лежу посреди комнаты, а надо мной склоняется мама. «Мамуля, все хорошо, – пробормотала я, с уверенностью, что надо убеждать в этом. – Я сейчас встану...»

Днем – новые поиски и новые неудачи, ночью – слезы о ненайденном друге. А 11-го я узнала, что тот любитель плавания слег с высокой температурой...

Ожидания

Никого не было, и я в ночь на 13 апреля решила: встре-

чусь с И. и поговорю с ним. Что если действительно виноват не он, а его родители?.. Ехать к нему домой было бесполезно: дверь опять не открыли бы. Поэтому я, после пяти часов беспокойного сна, отправилась ждать его возле школы (около сорока минут езды на автобусе с пересадками). Я не знала, когда заканчиваются уроки, и приехала на всякий случай пораньше. День был холодный, с пронзительным порывистым ветром и мелкой моросью. Сначала я ходила взад и вперед по дорожке, потом ушла греться в магазин. Через два с половиной часа, так и не дождавшись И., я уехала.

На следующий день я опять отправилась ждать И. – на этот раз на остановке у школы. Проведя там двадцать минут, я увидела его. Словно не замечая меня, он быстро прошел мимо и стал на краю тротуара. Я подошла в неприятном волнении и негромко поздоровалась. И. стоял молча, неподвижно, отрешенно глядя вдаль. Я приписала столь странное поведение растерянности и спокойно заговорила: «Я нарисовала твой портрет... Посвятила тебе главу в автобиографии...» Он молчал, продолжая смотреть мимо меня. «Мне жаль нашего общения», – пробормотала я, вглядываясь в его каменное, недетское лицо. Он молчал. Не понимая, что с ним, я на всякий случай добавила: «Если я нечаянно обидела тебя чем-то (чем?!), извини». Он молчал. Подъехала его маршрутка. «Бывает, позвони», – сказала я. «Ладно», – тихо ответил он, садясь в машину. Дверь закрылась, и машина мелькнула мимо.

Через сутки я почувствовала себя плохо, но, привычно не обращая внимания на свое состояние, поехала искать. В троллейбусе, сквозь головокружение и стеснение в сердце, сложились две строфы на английском:

I shall find you among the living,
I shall find you among the dead...

Я найду тебя меж живущих,
Я найду тебя меж иными...

В ночь на 17 апреля у меня поднялась температура до

38, 8° С, явился сильный кашель с мокротой, давление было 140 х 90, потом – резко – 61 х 42. Я опять едва не потеряла сознание.

А спустя неделю я опять приехала на ту остановку и ждала И. больше часа, надеясь выяснить, что с ним произошло и, может быть, возобновить общение. Он не появился.

Поиски, работы и Комар

Поиски человека продолжались. «Дождь, холод. Весь вечер – поиски в магазинах. Никого. Слезы о друге и отчаянное желание прижать к себе любимое существо, ощутить его тепло и сказать: “Я люблю тебя.” Только и всего» (22 апреля 2015 г.). «Вчера – к 51-й школе. Стояла 1 час 20 мин. Ветер с дождем, шквалами. Никого не нашла» (24 апреля 2015 г.). «Пять часов поисков, семь напрасных попыток» (26 апреля 2015 г.). «Пять часов поисков, шесть попыток (итого 111)» (27 апреля 2015 г.).

В апреле я через силу продолжала писать автобиографию, 28-го завершила перевод «Донателло», 30-го получила тираж “The Glimpsed Eternity” – 29 экземпляров. С 24-го по 30 апреля писала добрую повесть об общении с И.

25 апреля – новый удивительный случай. Мне приснилась незнакомая местность с ландшафтом наподобие индийского. Пышная тропическая растительность, смутность во влажном воздухе, люди, похожие на индийцев; широкая асфальтированная дорога, по которой едут легковые машины. Внезапно дорога проваливается полосами, начинается хаос... 28-го узнала, что 25-го произошло катастрофическое землетрясение в Непале.

К 4 мая число магазинных попыток (то есть при родителях) достигло ста двадцати трех. Удачной не стала ни одна: взрослые либо отказывали сразу (самое лучшее), либо давали номер телефона и потом не отвечали (хуже), либо позволяли пообщаться и вскоре прерывали общение,

что бывало редко, но болезненно. Последней попыткой оказался сын летчика, упражнявшегося на Ил-76 над головами тверичан.

А в конце мая вернулся Комар. Однажды я набрала его номер, любопытствуя, не заработал ли сломанный телефон. Вызов прошел. Я отключилась. Позднее Комар спросил в соцсети, зачем я звонила. Я ответила, что проверяла номер. 27 мая он пригласил меня на встречу: «Хоть на полчаса!» И мы опять были рады друг другу... А потом опять поссорились из-за его глупости.

В мае я сверстала перевод «Донателло», сделала две корректуры, сдала книгу в типографию и получила два сигнальных экземпляра (я обычно заказывала два сигнальных, а не один: чтобы выверить верстку как можно лучше). Весь месяц писала повесть об Артёме – «Комарик», сверстала ее и повесть об И. под одной обложкой (получилось 236 страниц) и сделала четыре корректуры. Разослала “Crystals of Pain,” “There is no Life without a Friend” и “The Glimpsed Eternity” по библиотекам Англии и Польши. В конце мая получила благодарности из польских библиотек, в июне пришли благодарственные письма из библиотек Англии. Но даже это не приносило радости – без друга.

Занятия и мое очередное благодеяние

В июне я продолжала автобиографию, сделала пару карандашных рисунков. Был издан «Донателло» – 45 экземпляров.

В июле написала маслом три осетинских пейзажа – Калак, Даргавс и Лисри; продолжала писать автобиографию; разослала “Crystals of Pain,” “There is no Life without a Friend” и “The Glimpsed Eternity” по библиотекам Германии и США. Душевное и телесное состояние было скверным.

С середины мая я ездила к мальчику двенадцати лет, сыну уборщицы с маминой работы. Я узнала о нем от мамы еще осенью. Она рассказывала, что он пережил

испуг, отчего стал заикаться. Ничто ему не помогало. Я поняла, что страх остался в нем, и пока он остается, речь не восстановится. Мне захотелось поговорить с ним, но я не решилась, боясь, что тоже не смогу помочь. В мае, когда магазинные попытки были оставлены из-за тщетности, а других вариантов поиска не было, я решила познакомиться с этим мальчиком – теперь ради общения. Он оказался несамостоятельным, изнеженным и ленивым. У него были приятели, в которых он не нуждался.

Я играла с ним в его игры, говорила на его темы, рассказывала истории, которые могли его заинтересовать... На весь июнь его увезли в деревню под Тверью, и я четыре раза ездила туда – на такси, что было дорогим удовольствием. Спустя два месяца его речь восстановилась.

Даже это унылое знакомство отвлекало от постоянной тоски о друге. Но он не нуждался в общении – ни со мной, ни с ровесниками: у него были видеоигры. Однажды, в ответ на какое-то мое предложение, он сказал, что мы увидимся нескоро. Значит, опять слезы одиночества, боль в сердце, поиски?.. У меня внезапно поднялось давление. Я попросила его мать вызвать «скорую». Она с ужасом отвечала, что это невозможно, так как им надо спать (было 21.20.). Я ушла – точнее, убрела – под проливной дождь, где едва добралась до такси.

Через неделю я приехала, чем отвлекла своего знакомого от видеоигры. Он выразил неудовольствие. Я от души назвала его хлюпиком, сказала его матери, что следовало бы меньше нянчить его, и с облегчением ушла.

Непревзойденный фокус Комара

В конце июля возобновилось общение с Артёмом. 25 июля, впервые за год знакомства, я увидела его рассудительным и вежливым, без обычного безудержного куража. Во время беседы он даже бережно убрал упавшую мне на лицо прядь волос. Все это, наверное, объяснялось тем, что я нашла ему и Коле выгодную работу, а именно – разбор археологических находок в подвале университета (они

хотели заработать на игровую приставку). Оплата составляла 150 руб. в час. Для школьников устройство на работу было сложным делом: их принимали только с четырнадцати лет, а платили им номинально. Мое предложение стало для мальчишек необычайной удачей. 23 июля я отвела их в университет на собеседование к археологу Е.В. Они были деловиты и аккуратны. Е.В. приняла их. Первым рабочим днем было назначено 27 июля.

До этого дня Артём исправно ходил на встречи. 26-го я предложила ему поиграть в бадминтон. «Не знаю, получится ли, – усомнился он. – Я не играл целый год». Я не стала признаваться, что сама не играла семнадцать лет, и принесла ракетки. Коля, посмотрев на них, поинтересовался: «А сколько им лет?» – «Столько же, сколько и вам», – сочинила я. «Думаю, что они все-таки постарше...» – прогудел Коля, с сомнением глядя на ручки ракеток, замотанные изолентой. Мы с Артёмом расположились посреди двора, Коля устроился наблюдать поодаль. Я подала – и даже неплохо. Комар ловко отбил. Я, невзирая на близорукость, из-за которой волан был только смутным пятном, ответила. Комар опять ловко отбил, и... волан исчез. Мы все принялись недоуменно озираться по сторонам: посмотрели вверх, поискали на земле, заглянули на ветви росшей поблизости березы... Волана нигде не было: он испарился. «Да где же он?» – выразил общее недоумение Коля. И тут сообразительный Комар взглянул на свою ракетку, которую держал в руке. «Да вот же! – объявил он, весело рассмеявшись. – Застрял в дырке!» Это было лучшим фокусом, который только можно придумать.

Комар в университете

27 июля я спала 1 час 40 минут. В 8 часов утра, в ливень, поехала в университет – проследить, чтобы не было никакой несправедливости в отношении моих мальчишек. Пока добиралась до места, ноги промокли насквозь.

Артём и Коля уже были в подвале ТвГУ. Вскоре подошли другие работники – три студентки и М., младший брат

одной из них. Я не была знакома с ними. В 9 часов началась работа. Все налили воды в тазы, надели перчатки и расположились на длинных скамьях – кто попарно, кто по одному. Я хотела поработать немного с Артёмом, но он возразил: «Я – с Колей». Я устроилась одна, пару часов поскребла щеткой коричневые черепки и ушла, не видя никакой необходимости в этой работе. К тому же нудно болело сердце, и кружилась голова от высокого давления. Деловитый Комар и невозмутимый Коля остались скрести дальше.

Дома я спать не легла, бодрствовала почти сутки, после чего спала пять часов, а потом опять отправилась в ТвГУ – увидеться с Артёмом. Вызвала его по телефону, он вышел. За несколько минут я обсудила с ним дальнейшие встречи, и мы расстались. Я скучала без него. Артём был небрежен, но он был живой человек.

29 июля мы встретились у входа в магазин неподалеку от «нашего» двора. Только что прошел дождь, половину неба скрывали черные тяжелые тучи, продолжали падать редкие капли, но с запада сияло солнце, а на востоке виднелась двойная радуга – полная и яркая. Комар нырнул под мой зонт, Коля надел капюшон, и мы отправились во двор. Я внимательно следила за тем, чтобы на Комара не попадал дождь, и от усердия четыре раза стукнула его зонтиком по макушке. Он не заметил. После пятого раза он вдруг остановился, замороженно глядя в небо. Радуга была как раз перед нами. «Коля, смотри! – восхищенно воскликнул Комар, указуя рукой в небо. – Но почему она двойная?» Намокший Коля прогудел шутливо: «Это к твоей смерти». Комар любовался еще, Коля намок сильнее, и мы отправились дальше. Встреча прошла дружелюбно и весело.

На следующий день мы виделись в ТвГУ: я вызвала мальчишек по телефону на двадцать минут в коридор. Мы шутили и веселились. Когда я возвращалась из университета, на меня смотрели прохожие: я улыбалась...

Утром 31-го я опять встретилась с ними в коридоре университета. Артём был дурашливо-веселым, кокетничал, затевал возню с Колей... Через несколько часов я при-

Автор и... ее товарищи: Коля и Комар (в центре). Август 2015 г.

Автор на Волге (Тверь).

Автор в Твери, возле военной техники
времен Великой Отечественной войны.

Обе фотографии –
2015 г.

ехала опять: получить свои 300 руб. за те два часа работы и поговорить с Е.В. об Артёме: я собиралась попросить для него некоторую надбавку. В этом не было необходимости: просто я считала его своим другом и хотела делать все, что могу.

Когда я приехала, Артём и Коля, закончив работу, куда-то направились с ведром и шваброй. Я осталась ждать их в коридоре. Через минут ожидания я заинтересовалась у студенток, работавших в подвале: «Куда вы отправили ребят?» Те ответили, что их послали мыть туалет. «С какой стати?!» – воскликнула я и бросилась вверх. Там я застала Артёма отжимающим тряпку над ведром посреди туалета. Брызги летели во все стороны, а он, по своей манере, что-то без умолку болтал. Коля молча мыл руки. «Как смели направить вас сюда? – возмутилась я с порога. – Вы что, чернорабочие?» Артём, прикрепляя тряпку к швабре, ответил смиренно: «Ничего, мы можем и помыть». Видя его полную глупость, я развернулась и отправилась вниз ожидать Е.В.

После того, как Е.В. выдала зарплату работникам (в том числе Артёму и Коле по 3600 руб. за четыре дня), я осталась переговорить с ней. Для начала я показала свой первый сборник стихотворений и переводов с девяти языков, потом – книгу с повестью об Артёме, а затем мягко заинтересовалась, не может ли она прибавить ему в виде исключения хотя бы 10-20 руб. Е.В. удивилась и отказала. Не видя необходимости просить, я, столь же мягко, перешла к более важному вопросу: «А почему мои мальчики мыли туалет?» – «У нас все моют, по очереди, – ответила Е.В. – Ведь выливают грязную воду после мытья керамики, летят брызги...» – «Но в университете есть уборщица», – осторожно напомнила я. Ответ был примечательный: «Но мы не можем оставлять ей грязь». Я усмехнулась и уже более резко сказала: «Я устраивала ребят на мытье керамики, а не туалетов». Е.В. ответствовала небрежно: «Ничего, пусть привыкают», – как если бы они не были годны к чему-либо лучшему. Это вывело меня из себя. Сохраняя спокойствие, я отошла к дверям, где круто развернулась и, воздев руку, как гневный проповедник на

кафедре, прогремела на весь подвал: «Я до вашего начальства дойду: пусть знают, что у вас дети моют туалеты!» И ушла.

Через шесть минут Е.В. позвонила мне и сообщила, что обдумала ситуацию: мои мальчики больше не будут мыть туалеты.

На встрече я объяснила Артёму и Коле о правилах трудоустройства и правах ребенка: «Вас просто использовали, а вы это молча сносили». Артём, кажется, так ничего и не понял, а Коля призадумался*.

На следующую встречу я обещала им много интересного, включая фокусы. Артём сорвал мои планы, я высказала ему все, что думаю, он ответил в обиду, что не считает меня другом, и так мы опять поссорились.

3 августа я заболела чем-то вроде дизентерии. Сначала состояние было сносным, но 6-го мне стало совсем плохо. К моей досаде добавлялись пронзительные боли в сердце и высокое давление. Я пила настой мяты и крепкий чай с молоком и пыталась справиться с недомоганием, чтобы вечером встретиться с Артёмом. Каким-то чудом я преуспела в этом, но ехать не пришлось: он отменил встречу, перенес ее на следующий день.

На следующий день у меня оставались только повышенная температура и с ног валяющая слабость. От каждого движения сердце билось колоколом. Так и я поехала, подготовив два фокуса.

Артём был нервозен. Мне было плохо. Я поговорила с Колей о работе, показала обоим фокусы (с успехом) и попрощалась. Не успели они отойти и на пятьдесят метров, как мне стало скверно с сердцем. Я позвонила Артёму, чтобы он вернулся. Он прибежал: «Только недолго, я тороплюсь». Торопился он почти всегда, не имея, куда торопиться. Я попросила побыть со мной пару минут. Он умчался. Я позвонила еще раз, повторив просьбу. Он промолчал.

* Немного позднее Коля проштудировал кодексы, чтобы узнать о своих правах.

Неудача в подвале

Я опять помирилась со своим несносным Артёмом, и 13 августа мы вместе пришли на работу. Коли не было: он уехал в деревню. Радуюсь возможности побыть с Артёмом, я осталась поработать с ним, хотя чувствовала себя плохо: с раннего утра у меня было сильное головокружение.

Без Коли Артём был мрачен. Мне тоже не хотелось говорить, и мы молча скребли щетками осколки кувшинов. Через час в подвале возник Т. – ровесник Артёма, устроенный мною на работу. Я познакомилась с ним прошлой осенью и, быстро оценив, оставила. Это был ловкий лицемер, не имевший в себе ничего мальчишеского. Не было никакого смысла заботиться о нем, но я чувствовала неловкость перед Е.В. за неявку Коли и хотела заменить его.

Заметив меня, Т. поздоровался. Я кивнула. «Друг?» – хмуро спросил Артём, бросив в его сторону недружелюбный взгляд. «Знакомый», – ответила я, и Артём принялся яростно скрести отбитое днище кувшина.

Через три часа я уехала домой – налить воды своей божьей коровке, после чего вернулась продолжить работу.

Зайдя в подвал, где была только одна из студенток, я почувствовала себя дурно от давления и достала валокордин. Справившись с недомоганием, я пробормотала: «Приехала еще поработать», – и направилась к своему месту. Вослед неожиданно послышалась насмешка.

Вскоре подошли остальные работники – М., Т., две студентки и С. – серьезный молчаливый мальчик четырнадцати лет, знакомый моего приятеля по переписке.

Я приступила к работе. Другие, кроме М. и С., не спешили. Студентки бравурно распевали во весь голос, дефилируя между картонок, на которых лежали черепки, Т. сиял, Артём отрешенно наблюдал за происходящим.

Через двадцать минут эта клоунада мне надоела, и я решила уйти. Но прежде мне хотелось поговорить с Артёмом. Я попросила его выйти со мной. Он отказался. Я настаивала. Мы вышли. Артём был нервозен. Я мягко попыталась выяснить, что произошло в мое отсутствие, но ничего не добилась. Тогда я спросила, будет ли мы общаться

дальше. Он небрежно отвечал, что подумает. «Не надо неопределенности, говори сейчас: да или нет». Он уходил от ответа. Мне было плохо. Сердце билось во всю грудь, в глазах плыло, кровь стучала в висках. Я хотела узнать, что случилось, и, если причиной беснования был Артём, порвать с ним раз и навсегда. Он уходил от ответа...

Через несколько минут туда, где мы стояли, прокрался Т., желавший подслушать. Я велела ему уйти и продолжила говорить с Артёмом. «У меня в жизни было мало хорошего. Общение с тобой много для меня значило. Я привязалась к тебе и к Коле и не хотела бы прекращать нашу дружбу. Но если она тебе не нужна, скажи это наконец». Он не отвечал и порывался уйти. Мне приходилось преодолевать и недомогание, и нервозность Артёма, и горячее желание дать ему хорошую затрещину. Вместо затрещины я мягко и тихо объясняла ему что-то о своей потребности в друге, мальчишеской сущности, желании братства. Он слушал, опустив голову. Его молчание было невыносимым. Если бы он прямо сказал «Нет», я с облегчением ушла бы. Но он молчал, и Бог знает, что думал. Даже теперь мне казалось, что наше общение ему все-таки нужно...

Неожиданно в коридоре опять появился Т., а с ним – студентки, шеренгой. «Артём, тебя не обижают?» – заботливо поинтересовалась одна из них. Артём просиял, как медный таз. Т. был доволен. Я напонила появившимся, что они вмешиваются не в свое дело, и они удалились.

Почувствовав себя совсем плохо, я осела на корточки. «Дай руку!» – попросила я Артёма. Очень хотелось, чтобы рядом был кто-то близкий, любящий, равный, его руки хотелось. Артём медлил. «Просто дай руку». Он подал. Не опираясь на нее, я встала. «Я не хочу хранить на тебя обиду, – сказала я, справившись с собой. – Я хочу, чтобы у тебя все было хорошо. Чтобы у нас обоих все было хорошо». И во внезапном приступе одиночества добавила: «Скажи что-нибудь доброе!» Он подумал, а потом пробормотал в сторону: «Пока». Я не удерживала его.

Оправдательный вердикт

Сначала мною овладела странная решимость противостоять очередной неудаче и назло всему сохранять бравый вид. Потом пришла горечь. А затем я решила выяснить, что же случилось. Причиной было не столько желание оправдать негодного мальчишку, сколько мое извечное стремление во всем дойти до сути и не делать поспешных выводов.

В ходе расспросов и размышлений я пришла к заключению, что зачинщиком был Т. Он знал, что Артём является моим другом и что он стал героем повести, а сборник со стихотворениями о нем поступил в крупные библиотеки. Будучи о себе высокого мнения, Т. едва ли мог принять, что ему предпочли этого «серенького» сорванца.

Наше с Артёмом пребывание друг подле друга стало отличным поводом подшутить. Артём, видевший в Т. соперника, не стерпел обиды, что только повеселило того и великовозрастных девиц, которые с готовностью поддерживали нелепую забаву. В моем опыте взрослые нередко оказывались еще более ограниченными и смешными, чем подростки.

Ревность (а следовательно, привязанность ко мне) могла в некоторой мере оправдать Артёма, сделавшего все возможное, чтобы устранить «соперника» и выйти из неловкого положения. Но сделано это было малодушно, и моя мама как бывший учитель побеседовала с ним, объяснив неразумность его поведения. Он незамедлительно вызвался попросить у меня прощения – по телефону, так как я отсутствовала. Мама велела ему позвонить при тех, кто слышал его вздор, что он и сделал весьма смиренно. Дополнительной мерой воздействия стало увольнение с работы, что лишило его возможности приобрести вожденную приставку. Однако у него не возникло ни противодействия, ни озлобления: единственным, что его беспокоило, был вопрос: «А Оля будет с нами общаться?» Это он повторил раза три, когда возвращался с моей мамой из университета: им было по пути. «Нет, не будет», – отвечала мама, продолжая негодовать. На это следовала очень

Комариная реплика: «Тогда пусть она мне больше не звонит».

Спустя две недели я пригласила его на встречу, желая посмотреть, как он себя поведет. Комар пришел робко, держался тихо, шутил нерешительно в адрес неотлучного Коли и ждал продолжения головомойки. Вместо этого я сказала, что, как выяснилось, первопричиной был Т., а он только показал свою глупость, поддавшись на провокацию. Артём расслабился и неуверенно заулыбался. А потом мы, как всегда, весело беседовали. Общение опять возобновилось.

Черное и белое

В сентябре я отправила письмо И. с рассказом о посвященных ему работах и выражением благодарности за его прежнюю дружбу – в надежде ее возобновить. Ответом благовоспитанного хорошиста было: «Чего ты привязалась ко мне?»

Почти в то же время мне опять досадил мой исключительный Артём. Досадил безвредно, но в воспитательных целях я решила пристрожить его и разместила для него на своей странице в соцсети заметку, в которой подытоживала опыт общения с подростками:

«Дело было в 1913 году. Арабский мальчик подружился с юным англичанином. Однажды соотечественник араба нехорошо отозвался об англичанах как таковых. Тот счел это оскорблением своего друга и в гневе схватился за револьвер, угрожая уничтожить обидчика.

Для сравнения: этим летом я устроила на подработку в ТвГУ 14-летнего мальчика, которого считала своим младшим товарищем. Мы были знакомы больше года, я доверяла ему, старалась всячески порадовать его и помочь, если требовалось. Когда на работе в отношении него была проявлена несправедливость, я, отстаивая его права, даже повздорила с уважаемым мною преподавателем (и добилась своего). А мальчик через несколько дней, в мое отсутствие, насочинял про меня вздора, чтобы выйти из неловкого положения, в которое его поставил один ровесник.

В юности я хотела походить на мальчика. Я считала, что им присущи самые лучшие качества: смелость, стойкость, честность, сила воли, а главное – способность быть настоящим другом. Я сознательно развивала присущие мне черты и вырабатывала новые, и наибольшей похвалой для меня было бы тогда, если бы меня сравнили с моими героями.

Ныне я сочла бы такое сравнение оскорблением. Я была знакома со многими подростками. Они не понимали, зачем воспитывать волю, боялись дождя и холода, не могли обойтись лишний час без еды, не умели поблагодарить за подарок или доброе дело, были грубыми, лживыми, неточными, лицемерными... Самое плохое то, что они даже не понимали, какими должны быть. Не знали, что должны обладать определенной выдержкой, но зато желали приобрести бицепсы. Не знали, что такое быть настоящим другом, но зато мечтали о машине. И такие существа, которых стыдно называть мальчиками, – это будущее. Я боюсь такого будущего».

Я пригласила Артёма прочитать заметку. Он молча исполнил и ничем не отозвался, а позднее радостно пришел на встречу. Он знал, что несовершенен, и не обижался на справедливые замечания. Таков был невежественный сорванец. Совсем иначе повел себя И., скромный любитель чтения и техники: он разместил на моей странице непристойные комментарии к заметке, в которых поносил все: и меня, и упоминаемого товарища, и мое самовоспитание, чем прекрасно проиллюстрировал мои слова.

Работа, поиски, Комар

В августе 2015 года я дописала автобиографию и приступила к ее корректуре с версткой, чем занималась каждую ночь до конца осени. Кроме того, я во второй половине того года пополнила новыми работами третий сборник стихотворений, выполнила несколько карандашных портретов, в октябре начала верстать оригинал “Via Crucis.” В начале сентября я получила благодарность из библиотеки Университета Иллинойса за свои книги – “There is no Life without a Friend,” “Crystals of Pain” и “The Glimpsed Eternity.”

Работа осложнялась тем, что в первых числах сентября я опять принялась искать друга: Артём в новом учебном году мог приходить только на каникулах.

Искала я по-прежнему на улицах – часами. К середине декабря (через полтора года с начала поисков) число попыток обрести друга среди подростков достигло двухсот пятидесяти четырех. Кто-то отказывал сразу, а те, что соглашались, исчезали после одной-двух встреч, несмотря на все мои старания развлечь их. Это и неудивительно: что они после своих видеоигр понимали в моих рассказах о Первой Мировой войне, военной технике, необычных кладбищах или камнях? Я искала воплощение своей мальчишеской сущности и не нашла похожего, оказавшись больше мальчиком, чем современные мальчики.

Был один Артём. В первый день осенних каникул, пасмурный и холодный, он пришел с Колей в «наш» двор, умял почти целую плитку шоколада, отметив с удовлетворением «От души!», грациозно побродил по ветвям раскидистого ясеня, показывая мне, как хорошо он умеет лазить по деревьям, понурился с другом на мои слова о поиске новых товарищей и в конце встречи весело поиграл со мной и Колей в жмурки. Веселая то была картина: хрупкий стройный Комарик в облегающей темно-синей курточке, узких джинсиках, натянутой на лицо черной шапке и в сером капюшоне, крадущийся по двору и взмахивающий маленькими лапками в черных перчатках, чтобы поймать нас...

Вместо эпилога

«Мое сердце может наполнить только привязанность к другу», – признавался великий шведский композитор Й.М. Краус. То же могла сказать я. Дружба была для меня величайшей ценностью и мучительной тоской всей моей жизни. С самого детства я отчаянно искала друга, используя каждую возможность. Я вела обширную переписку и заводила очные знакомства, я искала в России и за ру-

бежом, среди простых и меж именитых, а когда поняла, что моего равного, моего брата по духу нет, возложила упования на свои работы, надеясь обрести его посредством них. Семь лет я жила в непрерывном усилии, штудировав трудные книги, чтобы иметь право быть писателем – чтобы иметь право говорить к другу со страниц собственных книг, и одновременно писала – через силу и вопреки обстоятельствам. За этим делом я потеряла здоровье и лучшие годы, а единственным достижением стало то, что мои книги оказались в крупнейших библиотеках мира (за мой счет). Да, это немало, но это ничто по сравнению с моей целью.

Осознав невозможность обрести равного в этом техническом мире, я бросилась в отчаянии к подросткам, ожидая найти доброе, отзывчивое существо, с которым можно было бы поиграть, посмеяться, поговорить на простые темы, отвести свою мальчишескую душу и забыть о том, кто я и как должна жить.

Я нашла только Тёму – досаждавшего мне и вдохновлявшего меня; нашла маленького серенького Комарика, который был чуть более живым, чем остальные, взрослые и дети. Он вырастет, поддастся влиянию губительного мира и уйдет от меня в свою жизнь, – если я не уйду раньше из своей... Пусть он останется забавным мальчиком на этих страницах, оживляя их, как оживлял мои дни.

Я завершаю свою автобиографию, не рассчитывая, что ее продолжение будет достаточно длинным. Мне только двадцать восемь лет, но у меня ощущение, будто жизнь закончилась, мелькнув мимо, как пейзаж за окном поезда. Мое существование было отсутствием самого простого и самого важного: друга, здоровья, уютного дома, доброй семьи в детстве, покоя, востребованности... Вместо этого были одиночество, болезни, потери, непрерывное усилие. Вся жизнь прошла, как зов: «Брат мой!» Я еще надеюсь, что ты услышишь меня. Так хочется жить – назло всему!

16 декабря 2015 г.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ ОЛЬГИ КАВЕЦКОЙ

13 апреля 1987 – рождение в г. Твери.

30 декабря 1990 – смерть деда И.Ф. Михайлова.

1 сентября 1994 – поступление в школу № 37 г. Твери.

5 июня 1997 – крещение в православной церкви г. Твери (во Власьево).

10 июня 1997 – переезд из Твери в д. Пухтина Гора Фировского района Тверской области.

Май 1998 – сдача экстерном за 4 класс в Дубровской основной общеобразовательной школе (Фировский район Тверской области).

18 сентября 1998 – поступление в Дубровскую школу.

Лето 1999 – начало писания стихов.

Лето 2001 – зима 2003 – самовоспитание.

Май 2003 – окончание 9 класса Дубровской школы.

Сентябрь 2003 – поступление в 10 класс Фировской основной общеобразовательной школы, сначала – на очную форму, потом переход на экстернат.

3 апреля 2004 – первая публикация, в газете Фировского района.

Апрель 2004 – уход из Фировской школы, без окончания 10 класса.

Лето 2004 – поступление экспромтом в юридический колледж Твери.

Февраль 2005 – начала собирать домашнюю библиотеку.

5 марта 2005 – смерть бабушки Е.Н. Михайловой.

Март 2005 – учеба в колледже оставлена.

Июль 2005 – первая поездка во Владикавказ.

4 сентября 2005 – переезд из Пухтиной Горы обратно в Тверь.

Сентябрь 2005 – поступление в вечернюю школу Твери.

Осень 2005 – начало религиозных исканий. Изучение поэзии Серебряного века.

2006 – публикации в областных газетах. Изучение палеонтологии, русской поэзии и жизни Тамерлана.

Июль 2006 – вторая поездка во Владикавказ.

Май 2007 – чтение своих стихотворений на Всероссийском фестивале свободного стиха (Тверь).

Июнь 2007 – окончание 11 класса вечерней школы.
Июль 2007 – поступление экспромтом на заочное отделение исторического факультета Тверского Государственного Университета.
Лето 2007 – увлечение живописью.
Ноябрь 2007 – «знакомство» с Дж. Савонаролой. Начало самообразования.
26 июня 2008 – «знакомство» с Т.Э. Лоуренсом.
Июль 2008 – третья поездка во Владикавказ. Знакомство с североосетинским литературно-художественным журналом «Дарьял».
Август 2008 – написано «Небытие Цхинвала».
8 января 2009 – смерть двоюродного брата А.В. Михайлова.
Июнь 2009 – первая публикация в «Дарьяле». Начало сотрудничества с названным журналом.
Июль 2009 – четвертая поездка во Владикавказ. Посещение Алагира.
Лето 2010 – начало увлечения классической музыкой.
Июль 2010 – пятая поездка во Владикавказ.
Осень 2010 – завершение религиозных исканий.
Декабрь 2010 – цикл поэтических переводов с английского языка.
6 января 2011 – начало работы над биографией Т.Э. Лоуренса.
Март 2011 – перевод с английского «Божества сада» Форреста Рейда.
Конец июля – начало августа 2011 – шестая поездка во Владикавказ. Первое посещение гор (Куртатинское ущелье, Фиагдон).
29 февраля 2012 – «знакомство» с Й.М. Краусом.
Конец июня 2012 – начало поиска издательства.
14 июля-14 августа 2012 – написана повесть «У Бытия твое тепло».
6 августа 2012 – завершена биография Т.Э. Лоуренса.
Сентябрь 2012 – седьмая поездка во Владикавказ. Посещение Кобанского ущелья, Даргавса, Лисри. Конец сотрудничества с «Дарьялом» (длилось три года).
29 сентября-6 октября 2012 – написана повесть «За пределами страха».
6-24 октября 2012 – перевод на английский «За пределами страха».
Ноябрь 2012 – перевод на английский трех своих рассказов и афоризмов.

28 ноября-4 декабря 2012 – написана повесть «Там, где совершаются таинства».

Декабрь 2012 – составлено завещание.

10-26 декабря 2012 – перевод на английский «У Бытия твое тепло».

7-16 января 2013 – перевод на английский «Там, где совершаются таинства».

23 января 2013 – начата подготовка к изданию сборника повестей, рассказов, эссе и афоризмов “Minor Prose.”

Февраль 2013 – составлен сборник стихотворений 2008-2013 гг. и поэтических переводов с девяти языков «Только слово живет».

19 января-13 апреля 2013 – написана повесть «Без друга жизни нет».

Май 2013 – начат перевод на английский повести «Без друга жизни нет».

30 мая-16 июня 2013 – первая поездка в Гродно.

18 июня 2013 – смерть родственника М.П. Васильева.

Июнь-июль 2013 – генеалогические поиски.

23 июля 2013 – фамилия Кавецкая принята как литературный псевдоним.

Сентябрь 2013 – вторая поездка в Гродно.

29 сентября-10 ноября 2013 – написана повесть «Белый цветок над темным потоком».

27 ноября 2013 – смерть родственницы М.А. Васильевой.

Декабрь 2013 – найден издатель (полтора года поисков).

31 декабря 2013 – издание сборника «Только слово живет».

Январь 2014 – завершен перевод на английский «Без друга жизни нет».

Январь-ноябрь 2014 – «Только слово живет» поступает в библиотеки России (включая Российскую государственную Библиотеку), а также Берлина, Мюнхена и Гродно.

11 апреля 2014 – смерть родственницы.

Июнь 2014 – шестнадцатая и последняя корректура переводов в “Minor Prose” (полтора года работы над книгой).

Июль 2014 – подготовка к изданию перевода «Божества сада»: три корректуры, верстка, обложка. Издана “Minor Prose.”

Август 2014 – четвертая и последняя корректура «Божества сада», издание книги. “Minor Prose” появляется в Русской библиотеке Мюнхена.

Август-октябрь 2014 – поиски иностранных библиотек.

Август 2014-март 2015 – «Божество сада» поступает в библио-

теки России (включая Российскую Государственную Библиотеку), а также – Конгресса, Берлина и Мюнхена.

Сентябрь 2014 – третья поездка в Гродно.

Октябрь 2014 – составлен и сверстан альбом моих фотографий старинного польского кладбища Гродно. Известие о гибели единственной подруги. “Minor Prose” поступает в Библиотеку Конгресса, Оксфорда (Бодлеанскую), университетские библиотеки Южной Флориды и Иллинойса, Национальную Библиотеку Шотландии.

Ноябрь 2014 – издан сокращенный вариант “Minor Prose.” Начат перевод «Донателло» А. Александра и автобиография. Полная “Minor Prose” поступает в Национальную Библиотеку Берлина и Британскую Библиотеку (Лондон).

Ноябрь 2014-март 2015 – сокращенная “Minor Prose” поступает в российские библиотеки (включая Российскую Государственную Библиотеку).

Декабрь 2014 – завершена четвертая и последняя корректура перевода на английский «Без друга жизни нет» – как “There is no Life without a Friend” (полтора года работы над книгой). Подготовлен к изданию второй сборник стихотворений “Crystals of Pain.”

Январь 2015 – издана повесть “There is no Life without a Friend.”

Январь-ноябрь 2015 – составление третьего сборника стихотворений “Nycticorax in ruinis.”

Февраль 2015 – издан сборник “Crystals of Pain.”

Март-июль 2015 – “Crystals of Pain” поступает в библиотеки России, Англии, Германии, Польши, США.

Апрель 2015 – завершен перевод «Донателло». Издан альбом фотографий гродненского кладбища “The Glimpsed Eternity.”

Май 2015 – написана повесть «Комарик», сверстана и четырежды откорректирована. Сверстан и дважды откорректирован «Донателло» (полгода работы над книгой).

Май-июль 2015 – “The Glimpsed Eternity” поступает в библиотеки Польши, Англии, Германии, США. “There is no Life without a Friend” поступает в библиотеки Англии, Германии, США.

Июнь 2015 – издан «Донателло».

Июль 2015 – «Донателло» поступает в Российскую Государственную Библиотеку, Российскую Научную Библиотеку и др.

Август-ноябрь 2015 – завершена автобиография, выполнены ее четыре корректуры и верстка (год работы над книгой).

Декабрь 2015 – обработка повести «Комарик».

СВЕДЕНИЯ О ПРЕДКАХ ОЛЬГИ КАВЕЦКОЙ

Кушиковичи

(Белоруссия, Польша)

Николай (ок. 1831–2 янв. 1894). Жена – Евпраксия Никифоровна (?–после 1916). Дети: Степан (ок. 1867–15 ноября 1939), Варвара (?–28 марта 1942), Маркиан (1857–3 мая 1890), Мария. **Степан Николаевич** (ок. 1867–15 ноября 1939, д. Пухтина Гора Фировского р-на Тверской обл.). Окончил в 1881 году Виленское духовное училище.¹ Работал мировым судьей в г. Осташков Тверской области. Женат не был. Погребение – на старой части кладбища у д. Ломаки Фировского р-на Тверской обл., правая сторона могилы (слева – кто-то чужой, погребенный там же за готовностью могилы), крест из металлических трубок, без надписи.

Варвара Николаевна (?–28 марта 1942). Муж – Мóроз Михаил Игнатьевич (ок. 1872–?). Дети: Евгений, Елена (20 мая 1897–7 дек. 1972), Валериан (1899–не ранее 1944). Погребение – на старой части кладбища у д. Ломаки Фировского р-на Тверской обл., металлический крест с глухим кругом в центре, без надписи.

Мóрозы

(Белоруссия, Польша)

Игнатий Александрович (ок. 1808–25 дек. 1892).

Игнатий Игнатьевич (1835–6 апр. 1885). Окончил в 1855 году Литовскую духовную семинарию, разряд II.² Приходской священник Забржеской Преображенской церкви в Ошмянском уезде Виленской губернии (по данным на 1866–67),³ затем – церкви села Забрэзье (возведена в 1866 г.), в том же уезде, до 1879 года.⁴ В 1872 году служил еще и приходским священником в Яршевичской церкви Вилейского уезда Виленской губернии, совместно со священником названного храма.⁵ С 6 марта 1878 г. до августа 1881 г. – настоятель церкви в честь Рождества Пресвятой Богородицы (возв. в 1796 г.) села Массальяны (Массоляны) Гродненского уезда (Великоберестовицкое благочиние).⁶ В повременной церковно-приходской летописи за 1880 год значится: «По поводу исполнившегося 25-летия царствования Государя Императо-

ра Александра Николаевича, в Массальянскую церковь, Гродненского уезда усердием прихожан и заботливостью священника Игнатия Мороза, приобретены следующие две иконы, в 2 аршина вышины и 1, $\frac{1}{4}$ аршина ширины, писанные на холсте, – одна Иверской Божией Матери с надписью золотыми буквами вверху: милосердия двери отверзи нам... и внизу: в память избавления Государя императора Александра от угрожавшей ему опасности 2 апреля и 19 ноября 1879 года, и другая св. Равноапостольных царей Константина и Елены с подписью внизу: в память 25-л. царствования Государя Императора Александра, 19 февраля 1880 года. Кроме того, по ходатайству местного священника помещик имения Массальян Иван Камиллич Биспинг (римско-католического вероисповедания) сделал к иконам безденежно три красивые рамы столярской работы, покрытые лаком». ⁷ С августа 1881 года по 1885-й год – Игнатий Игнатьевич был настоятелем церкви в г. Брянск Бельского уезда Гродненской губернии. ⁸ Имел медали в память войны 1853-1856 гг. и в память усмирения польского мятежа 1863-64 гг., темно-бронзовый наперсный крест, ⁹ набедренник и скуфью. ¹⁰

Михаил Игнатьевич (ок. 1872–ок. 1920). Родился, по-видимому, в с. Забрэзье Ошмянского уезда Виленской губернии. Окончил в 1886 году Виленское духовное училище. На 1899 г. имел медаль «За спасение погибавшего». ¹¹ С 1897 года в должности полицейского, местожительство – г. Гродно. С 1898 года – г. Волковыск Гродненской губернии, служил в Уездном полицейском управлении сначала регистратором, ¹² затем – столоначальником 1-го стола, ¹³ став последовательно коллежским регистратором ¹⁴ и губернским секретарем, ¹⁵ после чего был назначен полицейским надзирателем г. Пружан со званием «коллежский секретарь». ¹⁶ Жена – Варвара Николаевна, в дев. Кушикович (?–1942). Дети: Евгений, Елена (20 мая 1897–7 дек. 1972), Валериан (1899–не ранее 1944). Погребение – где-то в Сибири.

Валериан Михайлович. Родился в 1899 г. в г. Волковыск Гродненской губернии. Работал инженером II дист. службы путей и сооружений, ст. Смоленск. 23 марта 1944 г. был арестован ОТО НКГБ Западной ж/д и 12 мая 1944 г. приговорен Военным трибуналом войск НКВД Смоленской области по ст. 58-10 ч. 2 к восьми годам исправительно-трудового лагеря. ¹⁷ После ареста связь с родственниками прервалась, и о дальнейшей судьбе его неизвестно. Реабилитирован Прокуратурой Смоленской области 16 сентября 1992 г. ¹⁸ Имел сына Игоря.

Евгений Михайлович (род. до 1897 г.), инженер путей сообщ-

щения в Сибири. Был женат. Также, как Валериан, и по подобным основаниям бесследно исчез в годы Великой Отечественной войны.

Елена Михайловна (20 мая 1897–7 дек. 1972 г., 18 час., в Кузнецовской участковой больнице Фировского р-на Тверской обл.). Родилась в г. Гродно (в то время Польша). Около 1920 г. переехала в Тверскую область, Фировский р-н, хутор Кремнице (несколько километров от д. Дубровка). С февраля 1921 года работала учительницей в школе д. Пухтина Гора. Награждена Орденом Ленина (19 ноября 1949 г.). С 14 мая 1924 года – в супружестве с Галаховым Николаем Ивановичем (28 авг. 1896–январь 1982), место регистрации – Кузнецовский ВИК. Дети: Евгения (19 окт. 1924–5 марта 2005) и Борис (5 июня 1926–25 янв. 1945). Погребение – на новой части кладбища у д. Ломаки Фировского р-на Тверской обл.

¹ Список выпускников Виленского духовного училища за 1881 г.

² Список выпускников Литовской духовной семинарии за 1855 г.

³ «Памятная книжка Виленской губернии»: 1866 г., с. 117, и 1867 г., с. 116.

⁴ «Памятная книжка Виленской губернии»: 1869 г., с. 99.; 1870 г., с. 112; и далее по 1878 г.

⁵ «Памятная книжка Виленской губернии», 1872 г., с. 103.

⁶ «Памятная книжка Гродненской губернии», 1881 г., с. 145.

⁷ Там же: «Дом у священника построен средствами прихожан, хозяйственные постройки в плачевном состоянии; для псаломщика помещение имеется».

⁸ «Памятная книжка Гродненской губернии»: 1882 г., с. 147.; 1883 г., с. 139; 1884 г., с. 141; 1885 г., с. 147. За 1886 г. книги нет, в 1887 г. И.И. Мороз не значится.

⁹ «Памятная книжка Виленской губернии», 1869 г., с. 99. Крест – на владимирской ленте.

¹⁰ «Памятная книжка Гродненской губернии», 1884 г., с. 141. Набедренный – первая награда священника, за ревностное служение. Скуфья, фиолетовая бархатная, являлась второй наградой.

¹¹ «Памятная книжка Гродненской губернии», 1899 г., с. 163.

¹² «Памятная книжка Гродненской губернии», 1899–1900 гг.

¹³ «Памятная книжка Гродненской губернии», 1902 г., с. 255.

¹⁴ «Памятная книжка Гродненской губернии», 1904 г., с. 271.

¹⁵ «Памятная книжка Гродненской губернии»: 1906 г., с. 196; 1907 г., с. 304; 1908 г., с. 312.

¹⁶ «Памятная книжка Гродненской губернии», 1909 г., с. 287.

¹⁷ «Книга памяти Смоленской области».

¹⁸ *ibidem*

Галаховы
(Тверская область)

Михаил. Священник церкви Троицы Живоначальной (возведена между 1794 и 1804 гг.) в с. Кукорево Осташковского уезда Тверской губ. Дети (из известных автору) – Иван, Василий.

Василий Михайлович. Родился ок. 1863 г. С 1881 года – священник, служил в церкви Троицы Живоначальной с. Кукорево; кроме того, законоучитель земской и церковно-приходской школ. В 1895 году награжден набедренником.

Евгений Васильевич. Родился в 1899 г., с. Кукорево. Окончил в 1913 г. Осташковское духовное училище,¹ разряд 1. В 1942 году призван, красноармеец, пропал без вести в мае 1945 г.²

Иван Михайлович. Священник церкви Казанской Божией Матери в с. Пухтина Гора Фировского р-на Тверской обл. В 1897 году принимал участие в перевозке названной церкви из с. Покровское, где она была возведена в 1740 г. Жена – Анна Петровна (в дев. Соколова, 1866–28 дек. 1955 г., с. Пухтина Гора). Дети: Михаил (ок. 1894–ок.1987), Николай (28 авг. 1896–январь 1982), Елена, Сергей (ок. 1903–?), Александра. Погребение – с восточной стороны ныне не существующей церкви в с. Пухтина Гора, меж двух сосен, без обозначения.

Михаил Иванович (ок. 1894–ок. 1987). Окончил в 1908 году Осташковское духовное училище,³ разряд 1, и в 1914 году – Тверскую духовную семинарию,⁴ I отделение, разряд 1, с награждением книгой. В Гражданскую войну 1918-1920 гг. – в Белой Армии. После эмигрировал в Америку.

Николай Иванович (28 авг. 1896 – январь 1982). Окончил в 1910 г. Осташковское духовное училище,⁵ разряд 1, и в 1916 г. – Тверскую духовную семинарию,⁶ II отделение, разряд 1. В Гражданскую войну – в Белой Армии. Позднее работал в сельских школах Фировского района Тверской области:

– с 1 января 1921 г. до 1 сентября 1926 г. в школе с. Пухтина Гора;

– с 1 сентября 1926 г. до 17 августа 1930 г. в школе д. Ракитня, заведующим школы;

– с 17 августа 1930 г. до 1 сентября 1934 г. в школе с. Пухтина Гора учителем физики, математики, русского языка;

– с 1 сентября 1934 г. до 18 февраля 1935 г. в школе д. Машугина Гора директором и учителем математики и физики;

– с 13 февраля 1935 г. до 1 сентября 1936 г. в школе д. Стан директором и учителем математики и физики;

– с 1 сентября 1936 г. до 15 августа 1940 г. в Дубровской начальной школе заведующим;

– с 15 августа 1940 г. до 26 июля 1957 г. в школе д. Пухтина Гора учителем начальных классов.⁷

С 14 мая 1924 года – в супружестве с Еленой Михайловной (в дев. Мóроз, 20 мая 1897–7 дек. 1972). Дети: Евгения (19 окт. 1924–5 марта 2005) и Борис (5 июня 1926–25 янв. 1945). Погребение – на новой части кладбища у д. Ломаки Фировского р-на Тверской обл.

Елена Ивановна. Муж – Шмелёв Алексей Александрович, священник церкви Казанской Божией Матери в с. Пухтина Гора, в 1930-е гг. репрессирован. Пятеро детей (выживших). Погребение – на старой части кладбища у д. Ломаки Фировского р-на Тверской обл.

Сергей Иванович (ок. 1903–?). Проживал в Саратовской области, г. Ртищево, ул. Телеграфная, 28. Жена – Александра.

Александра Ивановна. Младшая из детей Ивана Михайловича. В замужестве Синюкова. Жила в г. Осташков Тверской обл.

Евгения Николаевна (19 окт. 1924–5 марта 2005). Родилась на хуторе Кремнице (несколько километров от д. Дубровка Фировского р-на Тверской обл.). Окончила семилетнюю школу с. Пухтина Гора Фировского р-на, затем заочно в 1946 г. – Педагогическое училище в г. Лихославль Тверской обл. с присвоением звания учителя начальной школы.⁸ Работала в школе с 20 августа 1943 г. по 15 августа 1986 г. С 20 ноября 1948 года – в супружестве с Михайловым Иваном Федоровичем (10 июля 1923–30 дек. 1990). Дети: Виктор (29 сент. 1949–февр. 1989) и Галина (25 сент. 1951). Погребение – на новой части кладбища у д. Ломаки Фировского р-на Тверской обл.

Борис Николаевич (5 июня 1926–25 янв. 1945). Родился на хуторе Кремнице Фировского р-на Тверской обл. Учился в Зоотехникуме г. Бологое Тверской обл. В 1944 г. призван в СА Бологовским РВК Калининской обл. Командир отделения 1126 стрелкового полка 334 стрелковой дивизии, младший сержант. Погиб во время боевых действий, которые 1126 сп 334 сд вел в районе населенного пункта Клайн-Гупа, располагавшегося в 11 км. Северо-западнее г. Ангербург (ныне Венгожево Сувалкского воеводства, Польша). Погребение – на западной окраине господского двора Пасвальт, Восточная Пруссия.⁹

Михайловы

(Тверская обл., Фировский р-н)

Федор Михайлович (1897-1948), крестьянин из д. Кузнецово Фировского р-на Тверской обл. Жена – Александра Васильевна (1900-1992). Дети: Иван (10 июля 1923 – 30 дек. 1990), Николай, Алексей, Виктор, Мария, Вера, Анатолий. Погребение – на кладбище с. Покровское Фировского р-на Тверской обл., там же и его жены.

Иван Федорович (10 июля 1923–30 дек. 1990, с. Пухтина Гора). Родился в д. Кузнецово. В 1935 году окончил Кузнецовскую начальную школу. До 1941 года работал в колхозе. 10 декабря 1941 г. был призван в армию, воевал на Дальнем Востоке (с 10 декабря 1941 г. по 9 мая 1945-го – в составе 90 артиллерийского полка, 52 гвардейского минометного полка, командир артустановки). Демобилизован 21 марта 1947 г. За отличные боевые действия в боях с японцами приказом Верховного Главнокомандующего Генералиссимуса Советского Союза т. Сталина от 23 августа 1945 г. № 372 объявлена благодарность. Имел награды: орден Отечественной войны II степени, медаль «За отвагу» (вручена 18 февраля 1946 г.), медаль «За победу над Японией» (вручена 9 мая 1946 г.), медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.» (вручена 25 сентября 1946 г.), а также медали юбилейные («Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Тридцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.», «Сорок лет победы в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг.»). В 1947-1952 гг. работал в Дорожном отделе Фировского р-на; с 1952 г. до 1961-го – в органах милиции Фировского р-на; с 1961 г. – в Верхнецининском сплавном участке Вышневолоцкого Леспромхоза; с 18 декабря 1961 г. до 9 сентября 1969-го – по найму в колхозе «Восход»; с 4 сентября 1969 г. по 21 августа 1970 г. – в Вышневолоцком районном узле связи; с 21 августа 1970 г. по 1 августа 1971 г. – возчиком в с. Пухтина Гора; с 1971 г. по 1977-й – бригадиром колхоза «Восход»; с 15 июня 1977 г. по 7 февраля 1986 г. – в Цнинском лесничестве в должности лесника. Жена – Евгения Николаевна (в дев. Галахова). Дети: Виктор (29 сент. 1949–февр. 1989), Галина (р. 25 сент. 1951).

Виктор Иванович (29 сент. 1949–февр. 1989). Родился в д. Кузнецово. Учился в восьмилетней школе в с. Пухтина Гора, 9-10 классы – в школе п. Фирово. Окончил Сахаровскую академию в Твери. Работал главным инженером Управления сельского хозяйства Фировского районного исполнительного комитета. Же-

на – Валентина Леонидовна (1951–2011). Дети: Алексей (15 апреля 1972–8 янв. 2009), Юрий (р. 12 апреля 1975).

Галина Ивановна (р. 25 сент. 1951 г.). Родилась в д. Кузнецово. Училась в восьмилетней школе в с. Пухтина Гора, 9–10 классы – в школе п. Фирово. Окончила Тверское Культпросветучилище, позднее – Харьковский юридический институт (1978–1982). Должности: с 1 авг. 1971 г. до 3 сент. 1974-го – библиотекарь в детской библиотеке п. Фирово; с 3 сент. 1974 г. до 28 авг. 1978-го – ответственный секретарь фировской районной организации общества «Знание». С 2 авг. 1982 г. – в Прокуратуре Калининской области: с 2 авг. 1982 г. до 1 авг. 1983-го – стажером на должность помощника прокурора Сандовского р-на, с 3 авг. 1983 г. до 18 янв. 1984-го – помощником прокурора Сандовского р-на, с 18 янв. 1984 г. до 25 июля 1985-го – следователем прокуратуры Сандовского р-на, с 25 июля 1985 г. до 15 июля 1986-го – следователем Конаковской межрайонной прокуратуры. С 25 ноября 1986 г. до 13 окт. 1988-го – старший юрисконсульт в предприятии оптовой торговли «Росхозторг»; с 5 авг. 1992 г. до 24 янв. 1994-го – юрисконсульт в Баталинском леспромпхозе (Тверск. обл.); с 19 сент. 1998 г. до 1 сент. 2005-го – в средней общеобразовательной школе д. Дубровка Фировского р-на Тверской обл. (учитель и завуч); с 15 мая 2006 г. до 16 ноября 2007-го – экономист 11 разряда в Территориальном органе Федеральной службы государственной статистики по Тверской области; с 19 ноября 2007 г. до 2 июля 2008-го – ведущий специалист-эксперт в Управлении Федеральной регистрационной службы по Тверской области; с 21 июля 2008 г. до 25 сент. 2013-го – главный специалист-эксперт отдела контроля органов власти Управления Федеральной антимонопольной службы по Тверской области (Тверское УФАС России); с 17 июня 2014 г. – главный юрисконсульт в филиале федерального государственного бюджетного учреждения «Российский сельско-хозяйственный центр». 28 ноября 2012 г. за большой личный вклад в проведение государственной политики в области развития конкуренции, предупреждения, ограничения и пресечения монополистической деятельности и добросовестный труд объявлена благодарность руководителя Федеральной антимонопольной службы.

¹ Книга Памяти, Осташковский район.

² Список выпускников Осташковского духовного училища за 1913 г.

³ Список выпускников Осташковского духовного училища за 1908 г.

⁴ Список выпускников Тверской духовной семинарии за 1914 г.

⁵ Список выпускников Осташковского духовного училища за 1910 г.

⁶ Удостоверение № 367 от 27 февраля 1925 г., выданное 5-й Тверской Советской трудовой школой, где хранились документы упраздненной Духовной семинарии.

⁷ Все сведения о работе в школе – из Трудовой книжки Галахова Н.И.

⁸ Аттестат № 54, выданный 24 авг. 1946 г.

⁹ Сведения о службе и месте погребения – из архивной справки № 9/128214, выданной Центральным архивом Министерства обороны Российской Федерации 14 мая 2004 г.

КНИГИ ОЛЬГИ КАВЕЦКОЙ

ИЗДАННЫЕ

- **«Только слово живет»**: сборник стихотворений 2008-2013 гг. и поэтических переводов с девяти языков на русский;
- **“Minor Prose”**: сборник, включающий три исторические повести, рассказы, эссе, афоризмы; в русском оригинале и в переводе автора на английский. Издано в двух вариантах;
- **«Божество сада»**: перевод с английского повести ирландского писателя Форреста Рейда (1875-1947);
- **“There Is No Life without a Friend”** [Без друга жизни нет]: повесть о шведском композиторе Йозефе Мартине Краусе (1756-1792); в русском оригинале и в переводе автора на английский;
- **“The Glimpsed Eternity”**: альбом художественных фотографий, сделанных автором на старинном дворянском некрополе в г. Гродно (Белоруссия);
- **“Crystals of Pain”**: сборник стихотворений 2014-2015 гг., на английском языке и в переводе автора на русский;
- **«Донателло»**, Арсен Александр: биография итальянского скульптора Донателло (1386-1466), перевод с французского.

НЕИЗДАННЫЕ

- **«Via Crucis: жизнь Томаса Эдварда Лоуренса»**: биография британского археолога, писателя и военного Т.Э. Лоуренса (1888-1935);
- **“The White Flower by the Dark Stream”** [Белый цветок над темным потоком]: романтическая повесть об английском поэте Д.А.С. Мэкворте-Доулбене (1848-1867).
- **«Комарик»**: повесть о друге автора Артёме Кузнецове.
- **“Nyticorax in ruinis”**: сборник стихотворений 2015 года.

ЧТЕНИЕ АВТОРА*

Июнь 2002 г. – А.С. Макаренко, «Педагогическая поэма».

Август-сентябрь 2002 г. – Ю. Герман, «Дело, которому ты служишь».

Сентябрь 2002 г. – С. Есенин, стихотворения.

Март 2003 г. – А. Фадеев, «Молодая гвардия»; Н. Островский, «Как закалялась сталь»; Дм. Фурманов, «Чапаев».

Май 2003 г. – Э.Л. Войнич, «Овод».

Июнь 2003 г. – Г. Белых, Л. Пантелеев, «Республика ШКИД» (за четыре дня); Н. Островский, «Рожденные бурей».

Ноябрь 2003 г. – А.С. Макаренко, «Флаги на башнях».

Октябрь 2003 г. – Н. Бирюков, «Чайка»; А. Куприн, «Олеся».

Декабрь 2003 г. – Д.С. Лихачев, «Заметки и размышления»; А. Солженицын, «Раковый корпус»; сборник «Гражданская война в лирике и прозе»; А. Конан Дойль, «Собака Баскервилей», «Приключения Шерлока Холмса», «Пестрая лента».

Март 2004 г. – Д.Л. Мордовцев, «Наносная беда» (о чуме в Москве в 1771 г.), «Сидение раскольников в Соловках»; А.Н. Толстой, «Гадюка»

Июнь 2004 г. – А. Ахматова, стихотворения; А. Калинин, «Цыган».

Июль 2004 г. – сборник «Три века русской поэзии».

Ноябрь 2005 г. – Ариадна Эфрон (дочь М. Цветаевой), «О Марине Цветаевой»; Зинаида Гиппиус, «Дневник»; Г. Уэллс, «Машина времени», «Человек-невидимка», «Остров доктора Моро»; М. Белкина, «Скрещение судеб».

Декабрь 2005 г. – В. Швейцер, «Быт и бытие Марины Цветаевой»; Коста Хетагуров (осетинский писатель и поэт), этнографический очерк «Особа» и стихи; З. Гиппиус, стихотворения; Михаил Кузмин, стихотворения; Максимилиан Волошин, стихотворения и воспоминания современников о поэте.

Январь 2006 г. – Борис Пастернак, «Воздушные пути» и переписка с А. Эфрон; Ш. Бронте, «Джейн Эйр»; начато чтение литературных журналов.

*В списке приведены наиболее значимые или показательные книги.

Февраль 2006 г. – И. Эренбург, «Люди. Годы. Жизнь».
Апрель 2006 г. – Ч. Диккенс, «Дэвид Копперфилд».
Май 2006 г. – О. Уайльд, «Портрет Дориана Грэя»; стихотворения Осипа Мандельштама.
Июнь 2006 г. – сборник о Тамерлане.
Сентябрь 2006 г. – стихотворения Марины Цветаевой.
Декабрь 2006 г. – антология «Жизнь и творчество О. Мандельштама».

Март 2007 г. – воспоминания Н. Мандельштам (жены О. Мандельштама).
Сентябрь 2007 г. – Ван Гог, «Письма к брату Тео».
Октябрь 2007 г. – Т. Пахмусс, «Творческий путь Зинаиды Гиппиус».
Ноябрь 2007 г. – П. Виллари, «Джироламо Савонарола и его время».
Декабрь 2007 г. – стихотворения Микеланджело, в переводе.

Январь 2008 г. – Д.С. Мережковский, «Данте»; стихотворения Владимира Злобина и его воспоминания о З. Гиппиус.
Февраль 2008 г. – Я. Буркхардт, «Культура Италии в эпоху Возрождения» (с конспектом); дневники Георгия Эфрона (сын М. Цветаевой).
Апрель-июнь 2008 г. – Фома Аквинский, «Сумма теологии» (католическое богословие).
Август 2008 г. – Р. Уоллэйс, «Мир Леонардо» (биография Леонардо да Винчи); М. Грант, «История Древнего Израиля».
Сентябрь 2008 г. – Агада (иудейские сказания); воспоминания современников об О. Мандельштаме.
Октябрь 2008 г. – Иосиф Флавий, «Иудейские древности»; Д.С. Мережковский, «Микеланджело».
Ноябрь 2008 г. – Ф. Арьес, «Человек перед лицом смерти».
За 2008 год прочитано 26 книг.

Январь 2009 г. – О. Бибикина, «Арабы» (этнографический труд).
Февраль 2009 г. – Жак Ле Гофф, «Интеллектуалы в Средние века».
Март 2009 г. – В. Лисовский, «Архитектура эпохи Возрождения».
Май 2009 г. – Г.Б. Лиддел Гарт, «Полковник Лоуренс».
Июнь 2009 г. – Джон Киган, «Первая Мировая война».

Сентябрь 2009 г. – письма Т.Э. Лоуренса родителям, на английском.

Ноябрь 2009 г. – “Regola” (правила монашеского жития) св. Бенедикта, на итальянском.

За 2009 год прочитано 19 книг, из них 4 на итальянском языке, 1 на английском.

Январь 2010 г. – стихотворения Дж. Пико делла Мирандолы, на итальянском; стихотворения Дж. Савонаролы, на итальянском.

Январь-июнь 2010 г. – Т.Э. Лоуренс, “Seven Pillars of Wisdom” [«Семь столпов мудрости»].

Лето 2010 г. – трактаты Савонаролы, на итальянском языке; Псалтирь и Новый Завет на латинском.

Ноябрь 2010 г. – Т.Э. Лоуренс, “Crusaders Castles” [«Замки крестовоносцев», на английском]; Ф. Рейд, “The Garden God” [«Божество сада»].

За 2010 год прочитано 24 книги, из них 12 на английском языке, 10 на итальянском, 1 на латинском, 1 на русском.

Апрель 2011 г. – Гертруда Бэлл, “The Desert and The Sown” [«Пустыня и нива» – о путешествиях автора по Сирии, на английском].

Июль 2011 г. – Боссюэ, избранные проповеди, на французском.

Сентябрь 2011 г. – О. Поттер, “A Little Pilgrimage in Italy” [«Небольшое путешествие по Италии», книга 1911 года издания].

Октябрь-ноябрь 2011 г. – Джон Баньян, “Pilgrim’s Progress” [«Продвижение пилигрима», на английском].

За 2011 год прочитано 25 книг, из них 8 на английском языке, 6 на французском, 4 на итальянском, 1 на латинском.

Март 2012 г. – Шатобриан, “L’itinéraire de Paris à Jérusalem” [«Путешествие из Парижа в Иерусалим»]; В. Anrep-Nordin, “Studier över Joseph Martin Kraus” [«Записки о Йозефе Мартине Краусе», на шведском].

Апрель 2012 г. – Р. Goetschius, “Lesson in Music Form” [«Учебник по теории музыки», на английском].

Июль 2012 г. – J.E. Centerwall, “Romas kristna katakomber” [«Римские христианские катакомбы», на шведском].

Октябрь 2012 г. – G.A. Evans, “Handbook of Historical and Geographical Phtisiology” [«Учебник исторической и географической фтизиологии» – о туберкулезе, на английском].

За 2012 год прочитано 23 книги, из них 8 на английском языке,

4 на французском, 3 на итальянском, 3 на шведском, 2 на немецком, 1 на латинском.

Май 2013 г. – R. Brancourt, “Histoire des instruments de musique” [«История музыкальных инструментов», на французском].

За 2013 год прочитаны 18 книг, из них 7 на английском языке, 3 на французском, 2 на немецком и по одной на латинском, испанском, итальянском и шведском.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Вступление: мои предки	6
ЧАСТЬ I: 1987-1997	
Первые воспоминания	51
Смерть бабушки	55
Странное воспоминание	57
След теплоты	58
Сладчайший хлеб	60
Мое первое творчество. Алёшка	63
Отношение к подаркам	67
Боль и упорство	68
Мои мечты	68
Курьезы из детства	69
Болезнь матери	71
Моя первая учительница	71
Одиночество	79
Подружки. Мои жилища. Шахматы	80
Потеря здоровья	81
Мои одноклассники и друзья	82
Заступничество Божие	89
Бессловесные друзья	91
ЧАСТЬ II: 1997 – 2007	
Недостижимое тепло	95
Мое крещение	96
Несуществующие подруги	97
Кристина	98
Дубровская школа	102
Моя единственная подруга	106
Сорванцы	109
Мое здоровье	111
Уход от одиночества	114
Работа в селе	115
На колхозных полях	127
Колка дров	129
В волчьем лесу	130
Новый забор	132
Самовоспитание: волки, кладбище и голод	133

В поселке Фирово: жуткий дом	138
Экстернат и первая публикация	139
Мои раскопки	140
Возвращение в Тверь. Беслан	141
В юридическом колледже. Моя болезнь	142
Невеселый Новый год	144
Смерть бабушки	145
Поездка на Кавказ	147
Пожар	152
В Твери. Мои интересы	153
Переписка и рок-музыка	157
Вторая поездка на Кавказ	160
Спор с другом	161
Забота о духовности	169
Новая попытка дружбы, университет, живопись	171
Учеба и размышления	175
Итоги занятий живописью	176
Савонарола	179

ЧАСТЬ III: 2008-2015

Мое поэтическое творчество 1999 – 2008 гг.	180
Начало самосозидания	200
Отношение к своему творчеству	210

2008	год
Препятствия	211
Занятия и взрывоопасный ремонт	212
Лоуренс	213
Третья поездка на Кавказ. «Дарьял»	214
Опять в Твери	217
Цхинвал	219
Ухудшение здоровья	221
Обстоятельства моего самообразования	224
Стихи 2008 года	226
В конце 2008 года	228
Стремление делиться. Снова об одиночестве	229

2009	
Смерть брата	232
Упорство	234
Борьба с английским	237
Усиленная работа	238
Странные сны	239
В лимбе времени	240

Завещание	242
Штудии	243
Стихи 2009 года	245
Четвертая поездка на Кавказ	246
Вторая половина 2009 года: занятия и обстоятельства	253
2010	
Занятия, трудности и странные случаи	258
Стихи, отсутствие друга и своевременная буря	263
Обычный день, музыка и небывалые явления	265
Пятая поездка на Кавказ	268
Аравийское лето в российском дыму	273
Чтение, переписка, переводы	275
2011	
Моя книга о Лоуренсе, стихи и обстоятельства	278
Необъяснимое	281
Словари, музыка и перевод Ф. Рейда	283
Работа сутками, мысль о завещании, усилия	285
Стихи и разговор с портретами	287
Антикварные книги и простуда от биографии	288
Трудности	290
Лоуренс: биография и совпадения	293
Шестая поездка на Кавказ	295
Работа над биографией	301
Стихи во второй половине 2011 года	302
Погружение в небытие	303
Трудности, биография, несбывшееся братство	305
Усилие работать	308
Примечательные сны	312
Конец 2011 года	313
2012 год	
Биография и другие занятия	316
Восхитительное знакомство	318
Занятия и снова странные сны	321
Корректурa биографии, взрыв за окном и эссе о музыке	323
Творчество и невероятный поиск книги	326
Мои сны и воспоминания погибшего ребенка	328
Работа сквозь трудности	329
Поиск издательства, вторая корректурa биографии, повесть	332
Конец учебы в ТвГУ	336

Изучение туберкулеза	337
Завершение биографии, повесть и новый замысел	339
Курьез с издательством	340
Седьмая поездка на Кавказ	342
Мысли об издании	363
Вторая повесть	364
Нерешаемый вопрос и мое упорство	365
Стихи конца 2012 года и Мережковский	367
Тоска, работа, новые странные случаи	369
Повесть о румынском гении и небывалый снегопад	372
Удивительные сны и мои занятия	373
2013	
Работы и трудности	375
Поездка в Белоруссию	379
Генеалогические изыскания	393
Работы, тоска и сны о Христе	396
Снова необъяснимое	397
Верстка первой книги и зрение	398
«Издательский вопрос»	401
Вторая поездка в Белоруссию	402
Пятая повесть и ее обстоятельства	404
Препятствие издания и «Святой Иуда»	407
Сквозь трудности	408
Издание первой книги	412
Обмен благодарностями и новый странный случай	413
2014	
Шумы, корректуры и поиск библиотек	414
Перелом в стихописании	417
Создание сайта, переписка, одиночество	418
Музыка и МНЗ70	420
Занятия, пятая смерть и кладбище в Медном	421
По дну	422
Комарик	431
Художник и небесное видение	434
Безнадежность	437
Просвет	441
Беседа с Комаром	443
Необыкновенный товарищ	447
Библиотеки, Комар и польское кладбище	452
Поиски и новое знакомство	454
Третья поездка в Белоруссию	455
Удачи и не только	459

Новые работы и старые обстоятельства	461
В школах	465
Публикация, корректуры, стихи	465
О больших и малых	467
Ссора дома, новогодние подарки и чудесные сны	469
2015	
Комар принимает подарки	471
Сны и работы	473
Возврат	474
Снова поиски	476
Под железной дверью	477
«Вулкан потухший»	478
Благодарности и ничтожества	481
Ожидания	482
Поиски, работы и Комар	484
Занятия и мое очередное благодеяние	485
Непревзойденный фокус Комара	486
Комар в университете	487
Неудача в подвале	497
Оправдательный вердикт	499
Черное и белое	500
Работа, поиски, Комар	501
Вместо эпилога	503
Приложения	505

Printed in Russia by Triada, Tver

Text, illustrations, design, layout copyright © 2015 by Olga Kawecka
All rights reserved. No part of this work may be reproduced or utilised
in any form or by any means, electronic or mechanical, including
photocopying, recording or by any information storage and retrieval
system, without the prior written permission of the author.